ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека
им. И. Я. Франко»

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Материалы IX международной научно-практической конференции

Симферополь
24–25 апреля 2025 года

Симферополь
2025

УДК 81’25
ББК 81.2–7
П27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец

Редакционная коллегия
д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, Россия)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. М. Г. Меркулова (Москва, Россия)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия)
д. культурологии, доц. О. Б. Элькан (Санкт-Петербург, Россия)

П27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IX международной научно-практической конференции, Симферополь, 24–25 апреля 2025 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2025. – 292 с.
ISBN

В сборнике представлены статьи по докладам участников IX международ-ной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 24–25 апреля 2025 г. Рассматриваются теоретические вопросы перевода, современного литературоведения и перевода, прикладные аспекты перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин, культурологические и философские аспекты перевода и научно-библиографическая деятельность библиотек в современном образовательном пространстве.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК 81’25
ББК 81.2–7

ISBN…….
© Коллектив авторов, текст, 2025
© Н. К. Норец, верстка, дизайн, 2025
© ИТ «АРИАЛ», 2025

УДК 811.11

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗОВ

Н. Э. Аносова,
к.пед.н., доцент Высшей школы лингвистики и педагогики,
А. В. Рубцова,
д.педа.н., профессор, директор Высшей школы лингвистики и педагогики,
Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье приведен обзор инструментов искусственного интеллекта, которые могут быть использованы в образовательном пространстве вузов. Авторами проведен анализ результатов анкетирования студентов, целью которого было выявление отношения студентов к использованию инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе. Результаты исследования подтверждают, что искусственный интеллект активно применяется студентами для решения различных учебных задач. Авторами разработано учебно-методическое пособие по переводу, предусматривающее интеграцию инструментов искусственного интеллекта и цифровых технологий в учебный процесс.

Ключевые слова: искусственный интеллект, перевод, образовательный процесс, цифровые технологии.

Abstract. The article provides an overview of artificial intelligence tools that can be used in the educational process in universities. The authors analyze the results of a student survey, the purpose of which was to identify students' attitudes toward the use of artificial intelligence tools in the educational process. The results of the study confirm that artificial intelligence is actively used by students to solve various educational problems. The authors have developed a teaching aid on translation that provides for the integration of artificial intelligence tools and digital technologies into the educational process.

Key words: artificial intelligence, translation, educational process, digital technologies.

В процессе обучения в вузах все более активно используются цифровые технологии, без которых сегодня сложно представить курс иностранного языка для профессионального общения инженерных кадров. В рамках профессионально-ориентированных тематических разделов рассматриваются различные предметные ситуации, студенты выполняют задания, нацеленные на развитие креативного мышления и поиска нестандартных решений [1]. Несмотря на то, что инструменты и технологии искусственного интеллекта, в первую очередь, разрабатываются для промышленных предприятий и отраслей, инновационные технологические решения быстро находят свой путь в системе образования, в частности, в обучении иностранным языкам.

Актуальным становится владение корпусами тематической лексики, принципами создания переводческого глоссария на основе современных цифровых технологий. Большое значение в процессе подготовки специалистов уделяется знакомству со средствами автоматизации перевода – электронными словарями, системами Translation Memory, программами для проверки правописания и грамматики и пр., применение которых обеспечивает статус профессионала на рынке труда. Благодаря развитию

технологий машинного перевода был разработан новый подход к переводу на основе искусственного интеллекта – нейронный (Neural Machine Translation). Системы на основе нейронных сетей также можно адаптировать к переводу текстов различной направленности (юридические, технические, публицистические и др.). Системы искусственного интеллекта включают в себя алгоритмы машинного обучения, системы обработки естественного языка, автоматизированные системы оценивания.

Существуют разнообразные методы использования технологий искусственного интеллекта в образовании. Так, в основе платформы Smart Sparrow лежит адаптивное обучение. Адаптивное обучение – это образовательный метод, в рамках которого компьютеры используются в качестве интерактивных обучающих устройств, адаптирующий учебный материал в соответствии с учебными потребностями студентов [2]. Платформа Smart Sparrow позволяет стимулировать учащихся и сократить отток из образовательных учреждений, а также сократить продолжительность обучения [3]. Подобные функции могут быть реализованы на базе других платформ, таких как Easygenerator, Docebo, Synthesia. Docebo представляет собой модульную систему дистанционного обучения, которая сочетает в себе экспериментальное обучение с управлением навыками. Облачная платформа для создания и распространения онлайн-курсов внутри компании Easygenerator – это простая в использовании облачная система управления обучением для компаний любого размера. Здесь можно быстро создавать электронные учебные курсы как с нуля, так и на основе шаблонов. На платформе легко внедрять в обучение тексты, видео, оценки, онлайн-эфиры, вебинары, пособия по работе и другие материалы.

Наиболее популярным инструментом искусственного интеллекта является Chat GPT – это мощный инструмент, который может изменить способ нашего взаимодействия с технологиями, обеспечивая более естественное и интуитивно понятное общение между людьми и машинами. Он используется в различных приложениях, включая чат-боты, инструменты перевода и виртуальных помощников, изучается его использование в образовании для оптимизации обучения и мотивации студентов. Следует отметить, что технология GPT (Generative Pre-trained Transformer) активно используется для автоматизации чернового перевода, обеспечивая высокую скорость обработки текстов и предлагая базовые решения для перевода. Одним из главных ограничений GPT является его неспособность передать сложные стилистические и культурные особенности текста, особенно в художественных текстах. В СПбПУ Петра Великого было проведено исследование масштабов использования инструментов искусственного интеллекта в образовательном процессе студентов, с использованием анкетного опроса. Целевой аудиторией исследования стали студенты 1-2 курсов магистратуры ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» по

направлению “Перевод и межкультурная коммуникация”. В анкетировании участвовало 49 студентов. Данные, полученные в результате проведенного опроса, были проанализировано. Было выявлено, что большинство студентов активно используют искусственный интеллект для решения различных академических задач. Около 55% студентов признали, что инструменты искусственного интеллекта (ИИ) помогают им проверить свои знания и подготовиться к экзаменам. 68% студентов используют программы и системы с ИИ для выполнения домашних заданий. Более 62% студентов используют ИИ для помощи в написании и редактировании текстов. Как правило, это включает автоматическое исправление грамматических и стилистических ошибок, а также генерацию текстов: в некоторых случаях ИИ используется для создания черновиков или предложений по структуре и содержанию текстов. Около 55% студентов отметили использование ИИ для обработки больших объемов данных и визуализации результатов. Более 90% студентов для выполнения заданий по переводу используют машинные переводчики на основе искусственного интеллекта, такие как **DeepL, Reverso и Bing Microsoft Translator**.

Результаты анкетирования показали, что предпочтение студенты отдают сайту DeepL, который пока что явно выделяется среди всех остальных. Качество перевода у него превышает качество перевода в Google за счет использования большего количества словарей, анализа данных и умения подобрать подходящее слово или фразу по контексту. Полезным инструментом современного переводчика является онлайн-сервис Reverso, который также позволяет увидеть контекст использования конкретных фраз. Искусственный интеллект на базе ChatGPT внедрен и в поисковый сервис Bing от Microsoft.

В рамках онлайн-опроса студенты также отметили ключевые преимущества использования систем на основе искусственного интеллекта в учебном процессе: ускорение процесса усвоения нового материала благодаря автоматизации рутинных задач и предоставлению быстрого доступа к информации; персонализация учебных материалов, т.е. тот факт, что адаптивные системы на базе ИИ могут подстраиваться под индивидуальные потребности каждого студента. Улучшение качества образования было также отмечено как одно из преимуществ внедрения ИИ в образовательный процесс.

Результаты опроса позволили нам сделать вывод, что интеграция технологий ИИ в образовательную деятельность может обеспечить повышение академической успеваемости студентов, сделать их более конкурентоспособными на рынке труда, а программы – более современными и эффективными.

С учетом того, что технологии искусственного интеллекта нашли значительное применение и в процессе обучения специалистов в области перевода, в СПбПУ было разработано учебно-методическое пособие «Переводческий практикум: лингвистические технологии и цифровые

инструменты». Пособие призвано помочь студентам развить навыки работы с искусственным интеллектом, включая технологии на основе GPT, Deepl и CAT-системы. Пособие состоит из теоретического и практического блоков. Теоретический блок включает основные сведения о цифровом инструментарии переводчика, а также методологические рекомендации по использованию данных технологий в процессе обучения переводу: Цифровой инструментарий переводчика – раздел, где рассматриваются различные информационные ресурсы, а также новейшие технологии, такие как GPTчаты и CAT-системы, используемые в профессиональной переводческой деятельности. Практический блок состоит из текстов и заданий, распределенных по тематическим модулям, которые способствуют закреплению изученного материала и формированию практических навыков: Практическая часть включает модули с текстами и заданиями по следующим темам: Модуль 1 «IT-технологии» – общее знакомство с основными терминами и концепциями в сфере информационных технологий. Модуль 2 «CAT-системы» – рассмотрение технологий автоматизированного перевода и их особенностей. Модуль 3 «AI-технологии» – изучение возможностей искусственного интеллекта и функций GPT-чатов как средства помощи в переводе. Модуль 4 «Компьютерная лингвистика» – описание основ и разработок популярной сейчас области цифровой лингвистики.

Большое значение в процессе подготовки специалистов уделяется знакомству со средствами автоматизации перевода (Computer-Assisted Translation tools) – электронными словарями, системами Translation Memory, программами для проверки правописания, грамматики и пр., применение которых обеспечивает статус профессионала на рынке труда.

Несмотря на значительные достижения GPT в области автоматического перевода, тексты, переведенные с помощью данной технологии, по-прежнему требуют значительного постредактирования. Это касается, в первую очередь, так называемых ложных друзей переводчика и единиц перевода, которые требуют применения контекстуальной замены. Приведем примеры словосочетаний и предложений, которые не под силу системам машинного и автоматизированного перевода. Так, словосочетание “dramatic effect” переведено машинным переводчиком как “драматический эффект” вместо “мощный эффект”; словосочетание “the *power* of the approach” как “сила подхода” вместо “*достоинство* подхода”; словосочетание “intriguing scheme” как “интригующая схема” вместо “перспективная схема”; словосочетание “optimistic length” как “оптимистичная длина” вместо “завышенная длина” – (MT).

В заключение следует отметить, что системы на основе искусственного интеллекта имеют потенциал для революционных преобразований в образовании, предоставляя студентам персонализированный опыт обучения, улучшая их языковые и письменные навыки, а также автоматизируя трудоемкие задачи для учителей. Однако важно отметить,

что разнообразные инструменты искусственного интеллекта, в частности нейронный машинный перевод и GPT, следует использовать как инструменты для поддержки обучения, а не как замену преподавателям.

Список использованных источников

1. Баринова Д. О., Шакарикова А. А. Роль искусственного интеллекта в повышении академической успеваемости студентов [Электронный ресурс] // Концепт. – .2024. – №10. – https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-povyshenii-akademicheskoy-uspevaemosti-studentov (дата обращения: 29.01.2025).

2. Добрица В. П., Горюшкин Е. И. Применение интеллектуальной адаптивной платформы в образовании [Электронный ресурс] // Auditorium. – 2019. – №1 (21). – https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-intellektualnoy-adaptivnoy-platformy-v-obrazovanii (дата обращения: 29.01.2025).

3. Селезнева Н. Н. Трансформация адаптивных технологий обучения от педагогической технологии к обучающим системам с элементами искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2022. – №3 (61). – https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-adaptivnyh-tehnologiy-obucheniya-ot-pedagogicheskoy-tehnologii-k-obuchayuschim-sistemam-s-elementami-iskusstvennogo (дата обращения: 29.01.2025).

УДК 81`25

МОРСКАЯ ЛЕКСИКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ФИЛЬМОВ «ПИРАТЫ КАРИБСКОГО МОРЯ»)

М. В. Баканова,
к.пед.н., доцент кафедры «Перевод и переводоведение»,
В. И. Липатова,
обучающийся бакалариата, кафедра «Перевод и переводоведение»,
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза

Аннотация: Целью данной статьи является анализ особенностей морской лексики и способов ее передачи на русский язык. На материале серии фильмов приключенческого жанра «Пираты Карибского моря» проведен анализ единиц морской лексики разных тематических групп. Рассмотрены лексические приемы передачи выявленных единиц на русский язык. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что чаще всего переводчики успешно сохранили авторскую идею фильма и успешно создали сложные образы персонажей и атмосферу эпохи фильма.

Ключевые слова: морская лексика, жаргонизмы, термины, профессионализмы, лексические переводческие трансформации.

Summary: The purpose of this article is to analyze the features of the maritime vocabulary and the ways of its transferring into Russian. The analysis of the units of marine vocabulary of different thematic groups was carried out on the basis of series of adventure film "Pirates of the Caribbean". The lexical techniques of transferring the identified units into Russian are taken into consideration. It is concluded that translators have successfully preserved the author's idea of the film and successfully created complex images of characters and the atmosphere of the film era.

Key words: marine vocabulary, jargon, terms, professionalisms, lexical translation transformations.

Морская лексика относится к разряду специальной лексики и играет важную стилистическую роль в художественных произведениях и фильмах, в особенности, приключенческого жанра, добавляя «романтический налет» в повествование.

Морской английский язык представляет собой определенную разновидность профессионально ориентированного английского языка. Его отличие в частотности употребления определенных лингвистических форм и их применения, а также в специфическом отборе некоторых (лексических, грамматических или прагматических) характерных средств общеупотребительного английского языка.

Исследователи морского языка отмечают, что в нем можно найти термины, профессионализмы, единицы морского жаргона (сленга).

В данной работе за основу мы возьмем классификацию морских терминов Н. М. Орловой [1, с. 10-14] и типизацию морского сленга П. Д. Митчелл [2, с. 65-68], так как, по нашему мнению, данные классификации представляют собой наиболее детальное описание тематических групп морской лексики.

Приведем примеры тематической классификации на материале примеров из фильма «Пираты Карибского моря» [3, 4, 5, 6, 7].

Наименование различных видов судов и кораблей: the galleon «Black Pearl», the galleon «Flying Dutchman», the brig «Interceptor», the battleship «Dauntless», the battleship «Endeavour», the frigate «Queen Anne's Revenge», the battleship «Silent Mary», the junk «Flying Dragon».

Наименование частей судна и его деталей: black sails, guns, the hold, on deck, bridge, lifeboat, boat, cabin, anchor, выражения «Right rudder!», «Hoist the colors high!», «Bind to kernel!»

Наименование чинов и должностей на флоте: Captain, Commander, Merchant sailor, Cook, First mate, Quartermaster, Bosun.

Тематическая группа «погодные, географические условия плавания и их следствия», «навигация»: «Take a course» – «взять курс», «Bring compass» – «принести компас», «Ferocious pirates of Spanish Maine» – «грозные пираты испанского Мэна», «Come to the reef» – «нашел на риф», «To the depth» – «на дно», «Compass does not point north» – «компас не указывает на север», «Trim the sails» – «поднять паруса», «Slack windward brace and sheet» – «Брасопь к на-ветру быстро», «Haul the pennant line» – «Закрепить топенант», «Sail» – «отправляться в плавание», «Shipwreck cove» –«Бухта погибших Кораблей».

Таким образом, в фильме встречаются морские термины всех тематических групп.

Далее рассмотрим примеры морского сленга, который широко представлен в данном фильме.

Экспрессивные высказывания:

а) сленговые междометия: «Ahoy» - «На палубе!»

б) ругательства: «By the Powers!» – «Проклятье!», «By thunder!» –

«Разорви тебя гром!»

в) пожелания и восклицания: «Godspeed!» – «Удачи!», «Smooth seas!» – «Спокойного моря!».

Побуждения к действию: «May your sails stay full and yer powder dry!» – «Полных парусов и сухого пороха!», «Hoist the colors high» – «Поднять флаги выше».

Характеристика межличностных отношений: «dad» – «отец» – капитан, командир корабля, «treasure-snips» – «искатели сокровищ», «belly crawling wharf-rats» – «портовая крыса», «white livered squid» – «кальмарьи кишки», «scum» – «мерзавец», «scabbling dogs» – «паршивые псы».

Деятельность моряков: «to drink till all is blue» – «допиться до чертиков».

Моряк и окружающий его мир: «cockroach» – стопка джина, «Shot o' Rum» – «выстрел рома», «He took too much rum over his bow» – «Он принял слишком много рома на борт».

Из приведенных примеров видно, что в данном фильме морская лексика отображает все аспекты жизни и профессиональной деятельности моряков. Самой многочисленной являются группы экспрессивных высказываний, побуждений к действию, и группа, характеризующая межличностные отношения между пиратами. Отсюда можно сделать вывод, что морскому сленгу присущ сильно выраженный экспрессивный оценок и эмоциональная оценка лексики.

Проведенный транслатологический анализ примеров из фильма «Пираты Карибского моря» показал, что передача морской лексики на русский язык, в основном, была точной и эквивалентной.

Рассмотрим лексические переводческие трансформации, которые были использованы для передачи морской лексики на русский язык в фильме «Пираты Карибского моря» [3, 4, 5, 6, 7].

Приемы транслитерации и транскрипции использовались для передачи имен собственных и названий, при этом преобладающей тенденцией в настоящее время является использование приема транскрибирования.

Например*: «Port Royal» – «Порт-Роял»* (название города), *«Ost-Indian Company» – «ост-индская компания», «commander» – «командор».*

«What's your purpose in ***Port Royal, Mr. Smith****» – «Зачем Вы прибыли в порт Роял, мистер Смит».*

Калькирование чаще всего использовалось для перевода названий кораблей. Например: «*Spanish Main» – «испанское море», «Black Pearl» – «Чёрная жемчужина»; «Flying Dutchman» – «Летучий Голландец»* и другие.

«Making port. Where we can get rum and ***salty wenches*** *once every ten years» – «Заходы в порт, где будут ром и* ***распутные девки****. Раз в десять лет»*. Здесь можно наблюдать калькирование, объединение и членение предложений в переводе, что рассказывает о социальном положении некоторых женщин в портовых городах.

«Jack, which ***way are you going****, Jack» – «Джек... Куда* ***возьмёшь курс****,*

Джек». В данном примере используется конкретизация при переводе термина тематической группы «навигация». Конкретизация позволила выбрать более узкое значение словосочетания *«to go the way» – взять курс*, что является более привычным для русскоязычного зрителя.

Тот же самый прием конкретизации используется в предложении *«The **Brethren** will still be looking here to us, to the Black Pearl to lead.» – «**Пираты** ждут, что мы на Черной Жемчужине поведем их за собой».* Здесь конкретизируется "the brethren", который подразумевает «совет братства» и заменяется на более узкое «пираты».

Прием генерализации использован в предложении *«Mr. Turner, you are not a military man, you are not a **sailor**» – «Мистер Тёрнер. Вы не военный и не **мореплаватель**»*. Действия фильма происходят в XVIII веке, поэтому слово «моряк» заменено на более архаичное «мореплаватель», что способствует созданию атмосферы и эпохи XVIII века.

Прием модуляции является широко используемым в экспрессивных диалогах между пиратами в третьей части «Пираты Карибского моря»:

*«Mr. Gibbs, any **particular reason** why my ship is gone?» –«Мистер Гиббс, **а вы не в курсе**, куда уплыл мой корабль?»*

*«Belay that! Or we'll **be a sitting duck**». – «Отставить! Мы станем **удобной мишенью.»***

«He bought that?» – «И что, он клюнул?»

«I sold that.» – «Я хороший рыбак»

Фраза из третьей части фильма *«Slack windward brace and sheet!» – «Брасопь к на-ветру быстро!»* представляет несомненный интерес с точки зрения перевода. Перевод данной команды с помощью целостного преобразования является удачным, так как это выражение понятно для всех пиратов корабля. Дословный перевод данной команды *«Провисание наветренной обвязки и шкота»* не несет никакой смысловой ценности, поэтому целостное преобразование помогло адекватно и точно передать смысл данной реплики.

В ходе работы с репликами из фильмов было также обнаружены такие трансформации как опущение и добавление. Приведем несколько примеров:

*«I have only ever embraced that **oldest and noblest** of pirate traditions» – «Просто я следовал **благороднейшей** из пиратских традиций»* (опущение).

*«Frighten **bilge** rats aboard a **derelict ship?» – «Жалкую посудину** с перепуганными крысам»* (опущение, перестановка).

«By thunder!» – «Разорви тебя гром!» (добавление глагола «разорви»).

Все эти способы перевода помогли удачно передать смысл и специфику времени, сохранив юмор и легкость в серии фильмов, что так сильно полюбились многим поколениям и до сих пор остаются излюбленной серией многих людей.

Таким образом, анализ морской лексики в серии фильмов «Пираты Карибского моря» и способов ее перевода на русский язык показал, что специалистам студии «НЕВА-1» удалось добиться почти полной

эквивалентности при передаче данной группы лексики на русский язык и принятые переводческие решения являются успешными.

Список использованных источников

1. Орлова Н. М, Семеновская С. А. Текстообразующие возможности языковых единиц. Часть I: Учебное пособие. – Саратов. – 2015. – 60 с.
2. Митчелл П. Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – С. 64–73.
3. Pirates of the Caribbean. At World's End [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://citaty.info/movie/piraty-karibskogo-morya-na-krayu-sveta-pirates-of-the-caribbean-at-worlds-end?ysclid=lwvp0bjy95780523541 (дата обращения: 20.01.2025)
4. Pirates of the Caribbean. Dead Men Tell No Tales [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://citaty.info/movie/piraty-karibskogo-morya-mertvecy-ne-rasskazyvayut-skazki-pirates-of-the-caribbean-dead-men-tell-no-tales?ysclid=lwvp5del4p838491958 (дата обращения: 25.12.2024)
5. Pirates of the Caribbean. Dead Men's chest [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://citaty.info/movie/piraty-karibskogo-morya-sunduk-mertveca-pirates-of-the-caribbean-dead-mans-chest?ysclid=lwvowzydku713962614 (дата обращения: 20.04.2024)
6. Pirates of the Caribbean. On the strange tides [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://citaty.info/movie/piraty-karibskogo-morya-na-strannyh-beregah-pirates-of-the-caribbean-on-stranger-tides?ysclid=lwvp2364k3196461596 (дата обращения: 25.01.2025)
7. Pirates of the Caribbean. The Curse of the Black Pearl. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://citaty.info/movie/piraty-karibskogo-morya-proklyatie-chernoi-zhemchuzhiny-pirates-of-the-caribbean-the-curse-of-the-black-pearl?ysclid=lwvorqtao2335397047 (дата обращения: 21.01.2025)

УДК 811

ОСОБЕННОСТИ И ВИДЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Е. А. Бармина,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
З. А. Зебек,
обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье представлен анализ особенностей аудиовизуального перевода, определено его место в современной переводческой деятельности. Также в рамках статьи проанализированы виды аудиовизуального перевода и выделены их основные характеристики.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, аудиовизуальный текст, переводчик, кинoперевод, аудиовизуальный дискурс, дубляж, озвучивание, субтитры.

Abstract. The article presents an analysis of the features of audiovisual translation and defines its place in modern translation activities. Also within the framework of the article, types of audiovisual translation are analyzed and their main characteristics are highlighted.

Keywords: audiovisual translation, audiovisual text, translator, film translation, audiovisual discourse, dubbing, dubbing, subtitles.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современных условиях все больше возрастает потребность в аудиовизуальном переводе в различных областях: рекламной, образовательной, а также особо в

киноиндустрии и мультипликации.

В прошлом веке появилось довольно большое количество различных медиапродуктов: кинофильмов, мультфильмов и т.п. В большом количестве они производились за рубежом, а затем стали поступать и в отечественный прокат, поэтому переводческая деятельность стала более востребованной. Таким образом, аудиовизуальный перевод стал одним из приоритетных направлений исследований в связи с глобализацией мира и популярностью зарубежного кинопроизводства.

Цель статьи – провести анализ особенностей и видов аудиовизуального перевода.

«Аудиовизуальный текст представляет собой частный случай поликодового текста, состоящего из знаков нескольких семиотических систем» [1]. «Все семиотические элементы таких текстов (аудиальные и визуальные, вербальные и невербальные) в каждом случае образуют уникальную по характеру взаимодействия систему и тесно взаимосвязаны» [4]. Соответственно к аудиовизуальным текстам относятся спектакли, мультипликация, анимация, кино, телепередачи, видеоролики, компьютерные игры и т.д.

Процесс перевода аудиовизуального текста называется аудиовизуальным переводом. Сам термин «аудиовизуальный перевод» зародился в романских языках, в Россию он вошел как заимствование из английского языка. До этого в российской лингвистике использовалось словосочетание «киноперевод» [3].

Аудиовизуальный перевод представляет собой: «межъязыковую передачу содержания художественных кино- и видеофильмов, компьютерных программ, телевизионных программ и новостных выпусков, рекламных роликов и театральных пьес» [4].

Назначение данного вида перевода заключается в передаче информации, доступной для понимания в данной языковой среде, которая по содержанию и эмоциональной составляющей не сильно отличается от оригинала.

Среди важнейших функций аудиовизуального перевода можно выделить следующие:

1. Информационная функция. Адаптация оригинального материала для понимания требуемой целевой аудитории с помощью различных методов перевода. К ним можно отнести: субтитры, дублирование, озвучивание и т.п.

2. Коммуникативная функция. Ее суть в организации культурного обмена между различными странами, способствующего общению и взаимопознанию материала, созданного в иной языковой среде. Он помогает изучать строение иностранного языка, особенности построения текстов, а также понимать метафоричные и образные выражения, присутствующие в других культурах.

3. Эстетическая функция. Характеризует творческий подход к

аудиовизуальному переводу. Здесь важно сохранить не только точность и дословность при переводе, но и передать эмоциональный окрас изображения и звука, чтобы донести транслируемый смысл.

Аудиовизуальный перевод считается сложнейшим элементом аудиовизуального дискурса [5]. А.В. Козуляев указывает на динамичность полимодального дискурса, сочетание различных элементов знаковых вербальных и невербальных систем, включающий в себя такие характерные черты, как жанровость, наличие особых семантических систем, требующих от переводчика специальных знаний для осуществления переводческой деятельности [4].

Е. В. Александровой отмечается, что аудиовизуальные тексты, существующие в рамках вербальных и невербальных составляющих (аудиовизуального перевода?), также несут в себе не только информацию, закодированную в словах, но и информацию других семиотических элементов, поскольку последние реализуются и воспринимаются реципиентами с помощью двух коммуникативных каналов – аудиального и визуального [1].

Иными словами, автор говорит о том, что закодированная в словах информация считывается не только с экрана (в надписях, титрах и т.п.), но и из речи персонажей, смысловой нагрузки текстов песен. Кроме того, учитывается и экстралингвистическая информация, получаемая от спецэффектов, внешнего облика персонажей, интерьера и окружающей обстановки, фоновых звуков и мелодии видеоряда. Поэтому аудиовизуальный перевод должен учитывать и интро- и экстраинформацию.

В. Л. Карпенко, С. О. Стояновой отмечается, что для качественного аудиовизуального перевода требуется первоначальный предпроизводственный анализ. Авторы поясняют свою точку зрения тем, что «изображение на экране может сопровождать словесное сообщение или противоречить сказанному, возможно, для создания комического или иронического эффекта» [3]. Именно поэтому в процессе перевода часто требуется выбор конкретного решения того вербального посыла, который может и не совпадать с отображением его на экране.

Среди видов аудиовизуального перевода А. В. Козуляев выделяет следующие:

1) перевод под дубляж;
2) перевод под закадровое озвучивание;
3) перевод для субтитрования;
4) аудиодескрипция (тифлокомментирование) [4].

Рассмотрим эти виды более подробно. Так перевод под дубляж предполагает написание текста, который будет подходить под дублируемое аудиовизуальное произведение. Имеется ввиду, что сохраняется оригинальный видеоряд и музыка, а текстовые реплики и голоса персонажей заменяются. Именно это создает иллюзию, что зарубежный фильм снимался на переводимом языке, близком зрителю. Перевод под дубляж довольно

трудоемкий процесс, он должен синхронизироваться с жестами, мимикой, движением губ говорящих, при этом максимально точно передавать смысл.

Закадровый перевод более упрощенная версия аудиовизуального перевода. Технически – это процесс наложения одной языковой дорожки (с переводом) на другую (на языке оригинала). Исходный текст приглушается, поверх него накладывается переведенный текст с короткой задержкой [2]. Закадровый текст служит пояснением, дополнением, иллюстрирующим видеоряд. Он может быть дикторским или авторским (комментарии к видео).

Перевод для субтитрования предполагает перевод исходного аудиовизуального материала в текст. Он размещается обычно внизу экрана и появляется синхронно с речью говорящего в виде текстовой дорожки или графического ряда [3]. Сложность данного вида перевода в том, что субтитры должны быть краткими, ёмкими, легкочитаемыми и умещаться в 2 строках по 28-38 символов. Скорость чтения должна быть удобна зрителям в первую очередь. Поэтому переводчику приходится вмещать смысловой посыл в более короткие фразы, часто перестраивая предложения для удобства пользователей [4]. Данный вид аудиовизуального перевода также является довольно трудоемким, переводчику необходимо заранее просматривать видеоряд, чтобы понять смысл сцены для выбора правильной стратегии перевода субтитров и оформления текста.

В целом же, аудиовизуальный перевод – важный инструмент лингвистики. Он помогает налаживать межкультурное общение, лучше понимать и идентифицировать себя с языком. Благодаря ему, происходящее на экране, помогает полностью погрузить зрителя в медиаматериал, поддерживая глубокое понимание, социальную гармони, правдоподобность происходящего на экране, несмотря на языковые различия.

Таким образом, аудиовизуальный перевод – это особый вид перевода, направленный на аудиовизуальный текст. Он включает аудиальный (музыка, звуки) и визуальный компоненты. Осуществляется он как устно (последовательно или синхронно), письменно (субтитры), так и комбинированно. Основными наиболее распространенными формами аудиовизуального перевода являются дубляж, озвучивание и субтитры. Его основная особенность состоит в синхронизации вербальной и невербальной коммуникации.

Список использованных источников

1. Александрова Е. В. Аудиовизуальный текст как источник визуальной метафоризации / Е. В. Александрова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – 2022. – № 4(33). – С. 15-20.

2. Альварес Солер А. А. Основы аудиовизуального перевода / А. А. Альварес Солер, Е. С. Гончаренко. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. – 2021. – 116 с.

3. Карпенко В. Л. Аудиовизуальный перевод как особый вид перевода / В. Л. Карпенко, С. О. Стоянова // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX-XXI вв. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. – 2021. – С. 211-214.

4. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: дис. … канд. пед. наук / А. В. Козуляев. – 2019. – 228 с.

5. Норец М. В. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75) № 3. – С. 129-140.

УДК 882

ONE POEM TRANSLATED INTO RUSSIAN BY BRUSOV

Kristine Bejanyan,

PhD, Head of the Department of Foreign and Comparative Literature and Theory of Literature, Manook Abeghyan Institute of Literature of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, the associate professor of the Department of Foreign Literature, Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University, Yerevan

Summary. This article deals with Valery Brusov's translation of one poem into Russian. The subject for the study was the translation of the poem of a significant English poet A. Dobson. A comparative and semantic analysis of both the original and the Russian text was carried out, during which the composition, stylistics, poetical phonetics (alliterations, assonances), rhymes and rhyming system of the original and their reflection in the translation were revealed.

Key words: translator, Brusov, rhyme, alliteration, composition, original.

Аннотация. В статье представлен перевод одного стихотворения на русский язык, выполненный Валерием Брюсовым. Предметом исследования послужило произведение замечательного английского поэта О. Добсона. Проведен сравнительно-семантический анализ как оригинала, так и русского текста, в ходе которого рассматривались композиция, стилистика, поэтическая фонетика (аллитерации, ассонансы), рифмы и рифмовка подлинника и их отражение в переводе.

Ключевые слова: переводчик, Брюсов, рифма, аллитерация, композиция, оригинал.

The problem of translation is exclusively difficult for a writer who deals with the poetic text of translation. Literary translation, more than any other, serves one people to know the other. Prose, with its rich visual and artistic means, reveals a person to us, and knowledge, understanding of a person creates our idea of the nation. A work of art can just be transmitted into any other language by artistic means, by ingenuity that can in no way be automatic or mechanical. In this case, if the translator follows the path of copying, the stylistic colouring of speech in the translation will be changed, since the phonetic material of a poetic work written in one language is almost impossible to be reproduced by means of another language, even if the semantic propinquity is neglected.

The translation of a poetry can be assessed according to different criteria, for example, according to the standpoint of faithfulness to the content and connotation of the original, to the author's style, to the verse's architectonic structure, etc., and at most and best, to their complex unity. Even with the glorious solution of these separate sets, the translator often did not achieve full victory if he failed to get their unity and if the translation as a whole did not sound natural,

if it did not sound like the author himself would have written it, if it did not give the impression of being primordial. Let us read the original:

For Right not Might you fought. The foe, Checked in his wild World-overthrow, Ravaged, with his remorseless band, Your ancient fanes and peaceful land, Thinking to crush you at a blow! You are not crushed – as well we know. If you are trodden, 'tis to grow; Nor shall they fail at last who stand For Right, not Might! God speed you, Belgium! Time will show How large a debt to You we owe; To You, through all reverses grand – Men stretch to-day a grateful hand: God speed you still – in weal and woe – For Right, not Might! [2, C. 855]	За Право, не за Могущество вы сражались. Враг, Задержанный в своем диком мировом низвержении, Опустошил, своей беспощадной бандой, Ваши древние храмы и мирную землю, Думая сокрушить вас одним ударом! Вы не сокрушены – мы также знаем. Если вас топчут, то для того, чтобы расти; И не падут в конце концов те, кто стоит За Право, не за Могущество! Благослови вас Бог, Бельгия! Время покажет, Каким неоплатным долгом мы Вам обязаны; Вам, через все великие неудачи – Люди сегодня протягивают благодарную руку: Благослови вас Бог – и в счастье, и в горе – За Право, не за Могущество![1]

This condition is completely preserved by Brusov while translating Dobson's poem. He managed to convey the rhythm of the original, which is born in the real sound of speech. The lines of the Russian translation, in accordance with the original, stun with the coincidence of its musical sound.

Не Меч, но Право – твой оплот. Врагов
Лился поток в твоих полях, как лава.
Тевтон крушил своей рукой кровавой
Дворцов и храмы старых городов,
Мечтая ужаснуть своей расправой.
Пусть ряд руин – налево и направо,
Пусть много полегло твоих бойцов, –
Не может тот погибнуть, чей покров
Не Меч, но Право!
Бог в помощь, Бельгия! Твой рок – суров,
Но щедро мы заплатим долг. Ты славой
Излечишь язвы от своих оков
И встанешь вновь прекрасной, величавой!
Бог в помощь тем, кто собрался на зов:
«Не Меч, но Право!» [2, С. 856]

It should be noted that of the other rhythmic and intonational tasks correctly solved by the translator are that the latter observed the characteristic feature of the original that is «the discrepancy between the syntactic units and metric ones» [1, p. 474]. In this case, the translator can be credited with preserving the **enjambment** of the original. Compare, in the original, enjambment occurs at the end of the first line, continued till the fourth line of the first stanza, the third line of the second stanza, and the first line of the third stanza.

In the translation, we can find it in the first and third lines of the first stanza,

[1] The word-for-word translation is mine – ***K.B.***

the third line of the second stanza, the second line of the third stanza, which is continued by the next line. Let us compare the original and the translation:

The foe, / Checked / Ravaged, / Your ancient fanes and peaceful land/	Врагов /Лился поток крушил /храмы /
who stand / For Right, not Might!	чей покров/ Не Меч, но Право!
Time will show / How large a debt to You we owe/	Ты славой / Излечишь / И встанешь

Factually, Brusov repeated the author's «prolonged» device of the first stanza in the last one. A brilliant solution for translating a poetical text.

The omission of some elements in many cases can be completely explained by their stylistic unimportance. It is not likely that in such cases the most fastidious analysis can compellingly prove the superiority of one version over the other (especially if we take into account that there is no other translation of this poem into Russian). For instance, only upon careful reading one can find a similarity of the second quatrain with the original. Except for the last line, the whole stanza has nothing to do with the English variant. Here, the translator did not reflect «***as well we know; to be trodden; to grow; to fail; to stand»,*** etc. Instead, we come across with a «***row of ruins»*** which stretched «***to the left and right»***, with soldiers lying there. The refrain «***Not the Sword, but the Right»*** is also lexically incorrect (it is за право, а не за силу, не за могущество in the original). The translator did not pay attention to the repetitions of the original «***To You***» /мы ***Вам*** обязаны, ***Вам*** протягивают руку/, as well as to the inversions of the first, sixth, eighth, eleventh, twelfth and thirteenth lines. They are not reflected in the translation.

The rich translation practice testified about the inevitability to take into account the composite hierarchy of the original language, starting from the level of the language and ending with the level of the text, without abandoning any of them. Brusov has an inclination to «slightly embellish» the original by emerging new definitions, similes, metaphors. Let us compare – *(«лился поток в твоих полях, как лава – a stream flowed in your fields like lava; Тевтон крушил своей рукой кровавой – Teuton crushed with his bloody hand; Мечтая – Dreaming; язвы от оков – sores because of yokes; прекрасной, величавой – beautiful, majestic», etc*.). Nevertheless, the translator followed the correct and fruitful way: he went in the direction of preserving the connection of different elements with the wholeness of the text. The sense of Dobson's original idea is not lost. On the contrary, it is grasped by the translator and transmitted into Russian with the approximate depth and accuracy. Moreover, as it is noted above, in some details the translator deviated from the original, but he is not worthy of being reproached for such kind of liberty. As a result, the reader received a verse full of loveliness and euphony, marked with a deep full-bodied rhyme. However, we have to note that only male rhymes are used in the original, while in the translation the male rhymes (in the first, fourth, seventh, eighth, tenth, twelfth and fourteenth lines) are altered by the female ones. Besides Brusov repeated the ring rhyme of the original. Furthermore, to enhance the rhythm of the poem the author repeated the rhyme, thus the translator did the same. Compare: foe, overthrow, blow, know,

grow, show, owe, woe; band, land, stand, grand, hand; might, might / «врагов, городов, бойцов, покров, суров, оков, зов; лава, расправой, направо, Право, славой, величавой, Право».

The sound system of the poetry, its euphonic organization, is very important while translating a poetical work, so it should be reproduced by all means. That is why Brusov paid so much attention to the instrumentation, alliterations and assonances of the original. Let us compare: Dobson's first stanza contains ***m-r-t-l-f-w*** alliteration (for example, «***M***igh***t***, ***r***e***m***orseless, ***r***igh***t***, ***r***avaged, c***r***ush, ***l***and, b***l***ow, ***f***or, ***f***ough***t***, ***f***oe, ***f***anes, peace***f***u***l***, ***w***i***l***d, ***w***or***l***d, ***w***ith», etc). Brusov built the translation, accurately conveying the alliterative series of the original, though he combined **[f], [w]** by Russian [**в**] and add [**р**]. Let us revise some of the variants: («***м***еч, х***р***а***м***ы, ***м***ечтая, ***пр***а***в***о, ***п***о***т***ок, ***п***о***л***ях, рас***пр***а***в***ой, ***р***укой, к***р***о***в***а***в***ой, д***в***о***р***цы, го***р***одов, ***тв***ой, о***пл***о***т***, ***тв***оих, ***Т***е***вт***он, с***т***а***р***ых, ***л***и***л***ся, ***л***а***в***а, к***р***уши***л***» and some others).

Otherwise, the assonance to the stressed [ou] at the end of the first, second, fifth, sixth, seventh, tenth, eleventh, fourteenth lines of the original the translator presented by the stressed [ов], alternating it with the unstressed [ой] or just [о]: *врагов, кровавой, городов, расправой, направо, бойцов, покров, право, суров, славой, оков, величавой, зов, право*. Such a translation decision recreates the necessary emotional patriotic mood of the original, evoking in the mind of the Russian reader an association with the interjection «Oh!» It should be noted that in both the English and Russian versions, features of the oratorical style are noticeable such as exclamations, general pathos, and parallelism of the original verse.

Brusov's devotion to the structure of the poem, its musicality and sound system, his trustworthiness to the sense and verse measure, but his independence and liberty in translating the details, affirm the poet's profound responsiveness to the conceptual kernel of the poem he translates. Thus, we have to agree with the statement suggested in «Perevoddiskurse»–2023. «Translation as a phenomenon of the relationship and interrelation of language and culture is becoming more and more relevant in recent years, since it is the adequate transfer of the meaning of the text of one language to another helps to reveal the specificity as well as convey the culture, everyday life, the national originality of a particular people. Consequently, the role of the translator, as a linguistic, creative person, in this process is very great – the cultural and linguistic interpretation and transmission of meanings in one language by means of another language depends on him/her» [3]. Moreover, we can confirm that Brusov did his best while translating this poem. Due to him, the Russian reader got the equivalent and fully corresponding version of the original text.

Список использованных источников

1. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7-ми т. / В. Я. Брюсов. М.: «Художественная литература». – 1975. – Т. 1.: Стихотворения. Поэмы 1892–1909. – 474 с.

2. Зарубежная поэзия в переводах Брюсова. Сост. С. И. Гиндин. М.: Радуга. На разных языках с параллельным русским текстом. – 1994. – 896 с.

3. [Электронный ресурс] // «Perevoddiskurse»–2023, Simferopol. : – 2023. – Mode of access: URL: https://conference.cfuv.ru/wp-content/uploads/2023/04/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A-%D0%93%D0%9E%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%AB%D0%99.pdf (дата обращения 26.12.2024).

4. Dobson, Austin. The successful author. // Dobson A. Collected poems in two volumes. New York.: Dodd, Mead and Company Publishers. University Press: John Wilson and Son, Vol. 1. : Cambridge, U. S. A. – 1895. P. 134. – Mode of access: URL: http: // The Project Gutenberg eBook of Collected Poems, Vol. 2, by Austin Dobson. (Date of access 24 June 2023).

УДК 372.881.1

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ДИНАМИКЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. А. Болдова,
д.пед.н., профессор кафедры Л5,
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры русский язык как иностранный в профессиональном обучении, Московский педагогический государственный университет, Москва
Нгуен Лан Ань *(Вьетнам)*
аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об обучении иностранным языкам и переводу на основе сетевых текстов. В современных условиях это происходит в процессе социальной мобильности, когда студент, принимая нормы социальных сетевых групп, включается в адаптацию к языковым нормам иностранного языка, к правилам грамматики, к шаблонному языку, к новым способам высказывания в динамических условиях сети в разных ситуациях. Коммуникация с использованием искусственного интеллекта происходит на основе гипертекстов. Искусственный интеллект (ИИ) рассматривается как инструмент обучения и активного взаимодействия в контекстах синхронного компьютерно-опосредованного общения.

Ключевые слова: обучение и перевод, мультимодальность текстов, взаимодействие в сфере коммуникации; гипертексты, иностранные языки.

Summary. The article considers the issue of teaching foreign languages and translation based on network texts. In modern conditions, this occurs in the process of social mobility, when a student, accepting the norms of social network groups, is included in the adaptation to the language norms of a foreign language, to the rules of grammar, to the template language, to new ways of speaking in dynamic network conditions in different situations. Communication using artificial intelligence occurs on the basis of hypertexts. Artificial intelligence (AI) is considered as a tool for learning and active interaction in the contexts of synchronous computer-mediated communication.

Keywords: learning and translation, multimodality of texts, interaction in the field of communication; hypertexts, foreign languages.

Нарастание количества электронных текстовых форматов, которые воплощаются в интеграцию различных способов коммуникации в

мультимодальных формах текстов и рисунков происходит постоянно. Работа с такими текстами понимается как система восприятия и адекватного понимания множества текстов в культурном пространстве, где ценности, заложенные в тексты для обучения и перевода, становятся ключевым. Но ценность не является предметом сама по себе, а представляет собой отношение к учебному предмету, изучаемому событию или процессу обучения переводу. Отсюда ценности играют определенную роль в межкультурной коммуникации. При этом собственное эстетическое восприятие текстов на иностранном языке, чувства, действия, переживания студентов-переводчиков, постановка их речи в определенном контексте приобретают центральное значение. Текст с ценностным потенциалом представляет собой содержательную основу обучения языку и культуре изучаемого языка. В дальнейшем, такая работа по переводу текстов позволит студенту осознавать, дифференцировать, понимать и раскрывать в собственном переводе ценности из изучаемого языка [2, с. 18]. Образовательный потенциал таких текстов заключается не только в создании ценностной картины мира, но и в формировании у студентов ценностного отношения к стране изучаемого языка, к культуре с целью установления взаимоотношений с представителями изучаемого языка (даже в условиях сети). Такое взаимодействие требует, чтобы студент понимал своего собеседника и, чтобы его понимали самого. И, если есть корректирующая обратная связь, реализованная в устной форме, то она оказывает положительное влияние на овладение этноязыковой ситуацией уже в динамике. Например, последовательность решаемых задач в ходе коммуникации может выглядеть как возрастающая лингвистическая сложность. По образцу «текст-текст (интерактивный интерфейс) – контакты» – новый вид текстов с многопредметной информацией в трехмерном пространстве текстов, графиков, диаграмм, таблиц с заложенными в них стереотипами, клишированными фразами, речевыми штампами, а также дискурсивными формулами-клише и функционально-обусловленными оборотами, которые однозначно определяют тип данного дискурса для выражения модальности [1, с. 34–37].

В качестве содержательной основы этнокультурной и этноязыковой ситуации выступают знания о нормах поведения в странах изучаемого языка, знания о приоритетных ценностях (термины), отраженных в литературе, искусстве, архитектуре. Необходимо уже в ходе занятий, семинаров устанавливать продуктивное взаимодействие с представителями другого общества, формировать у студентов коммуникативные умения в сетевых сообществах, которые в дальнейшем обеспечат реализацию культурной направленности перевода посредством чтения как одного из ведущих видов деятельности.

Студент, владеющий приёмами анализа ситуации в динамике гипертекстовой сети, может использовать инструменты языковой и образовательной среды сети, с погружением в аутентичную

коммуникативную среду изучаемого языка, на основе гипертекстов. При этом происходит его погружение в контекст на основе текстов культурной направленности и рефлексия в ситуациях личностного и профессионального общения.

Адаптация – понятие многогранное, многоаспектное, сложное. От успешности адаптации зависит и результат обучения в целом; адаптация через творческую реализацию и визуализацию учебных материалов в гипертекстовой сети. Здесь главную роль играет трансформация воспринятого текста, изображения и перевода в речь, включающую когнитивную и эмоциональную составляющие.

Такие технологии относятся к специфической динамике и доступности таких синхронных форм общения, как взаимодействие друг с другом. Такое общение лингвистически характеризуется более короткими предложениями, с меньшей лингвистической сложностью, и с созданием определенных эталонов языкового поведения студента. При этом преподаватель экономит время для расширения тематики занятия, составления учебных упражнений, отработки в ходе выполнения заданий определенных коммуникативных умений, а в последующем избавляет студентов от многих языковых ошибок. Работа с такими текстами понимается как система восприятия и адекватного понимания множества иноязычных текстов в культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, как представленный динамический элемент диалога на различные темы по изучаемой тематике. При этом социокультурные подходы связывают различные измерения (лингвистические, социокультурные, межкультурные и т. п.). Здесь речь идет о связывании социальных и когнитивных аспектов языка.

В научных статьях поднимается вопрос об интеракционизме (от англ. interaction – «взаимодействие») [3, p. 9] как методологическом подходе при обучении в сети. Если обратиться к этому подходу, то можно видеть в начале перевода текста следующие действия: ввод, устное согласование смыслов и результат, как работу студентов-практиков в рамках переводческого онлайн - «круга».

Наиболее отличительной особенностью такой модели учебной работы является дихотомия между обучением языку и учебной программой, которая признает потенциал гипертекстовой сети как места, где студенты, работая вместе в сообществе практиков, создают свою собственную учебную программу (как формальную, так и неформальную). Это новое общение, обеспечивающее поддержку эффективного взаимодействия в обоих режимах общения в контекстах синхронного компьютерно-опосредованного общения с использованием чатов как конфигурация гипертекстов, созданная в Web4.0 и как возможность участвовать в общении на разных платформах с пользователями интернета по всему миру на иностранных языках. При этом важны определённые способы языковых действий в условиях сетевого общения, такие как культурные и языковые

нормы для практического взаимодействия, так как в сети, где говорят на разных языках, человек вынужден овладеть несколькими языками и специализированным тезаурусом. Таким образом, у студентов расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт, который позволяет эффективно организовать самостоятельную работу, повышать уровень владения иностранным языком и уровень профессиональной подготовки студентов-переводчиков.

Языковые особенности в текстовых сообщениях всегда влияют на динамику развития языковых ситуаций. Поэтому внимание всегда уделяется лексике, диалогам именно в динамике общения, которая и поддерживает усвоение этих элементов. Поэтому гипертекстовое пространство рассматривается как инструмент для социализации людей, изучающих иностранный язык. Взаимопонимание между собеседниками в разговоре достигается, когда этноязыковые ситуации ясны. Другими словами, ментальные модели собеседников выравниваются, когда они разделяют определенные концепции, например, времени, пространства. Согласование ситуационных моделей при переводе достигается главным образом за счет согласования представлений на лингвистическом уровне (семантическом, лексическом и синтаксическом), что достигается с помощью механизма структурного прайминга [3, P. 7], когда студент интерпретирует новые сведения в контексте уже полученной информации. Таким образом, обработка новой информации о предмете, явлении, событии происходит на основе уже имеющихся данных, как активация ментального представления на заданном лингвистическом уровне.

Список использованных источников

1. Болдова Т. А. Дорожная карта для изучения иностранных языков в гипертекстовой сети. Монография. – Киров. – 2018. – 446 с.
2. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. М. – 2001.
3. Michel M., Stiefenhofer L. Priming Spanish subjunctives during synchronous computer-mediated communication: German peers' classroom-based and homework interactions. In M. Sato, & S. Loewen (Eds.), Evidence-based second language pedagogy: A collection of Instructed Second Language Acquisition studies. New York: **Routledge** – P. 191–219.

УДК 811.133.1'42:811.133.1'38

ФУНКЦИИ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕКСТА, ОРИЕНТИРОВАННОГО НА ДЕТЕЙ

Е. А. Вдовиченко,
к.филол.н., доцент кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин,
В. А. Каменева,
д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин,
Институт образования, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Аннотация. Данная статья посвящена функциям политического медиатекста, ориентированного на читателей 8–12 лет, на примере франкоязычного журнала «1jour1actu». В результате исследования было выявлено, что франкоязычный медиатекст политической тематики обладает информационной, образовательно-просветительской, воспитательно-патриотической функциями. Информационная функция осуществляется при помощи лексических единиц с семой времени, топонимов, антропонимов. Образовательно-просветительская функция реализуется посредством ознакомления юных читателей с политической терминологией (*députés, président de la République, destitution, abstention, primaire* и др.), информацией из географической, исторической, политической областей. Воспитательно-патриотическая функция актуализируется при помощи лексических единиц *peuple, patrie, République, pays, natal, nationalité* и др., а также лексических единиц с отрицательной / положительной оценкой, с семами (не)одобрения.

Ключевые слова: политический медиатекст, образовательная функция, воспитательная функция, информационная функция, дети.

Summary. This article is devoted to the functions of a political media text oriented at 8–12 years old readers of the French-language magazine «1jour1actu». The study revealed that the French-language political media text has informative, educational and enlightening, educational and patriotic functions. The informative function is carried out with the help of lexical units with the theme of time, toponyms, anthroponyms. The educational and enlightening function is realised by familiarising young readers with political terminology (députés, président de la République, destitution, abstention, primaire, etc.), information from geographical, historical, political spheres. The educational and patriotic function is actualised with the help of lexical units peuple, patrie, République, pays, natal, nationalité, etc., as well as lexical units with negative/positive evaluation, semes of (non-) approval.

Key words: political media text, educational function, educational function, informational function, children.

В настоящее время существует достаточно много исследовательских работ, посвященных изучению медиатекста разной тематики (научной, политической, спортивной и т. д.). Под медиатекстом ученые понимают любой текст, адресованный массовой аудитории, переданный при помощи медийных средств и способный оказать влияние на адресата [2–5]. Из-за направленности медиатекста на массовую аудиторию в поле исследования не входили тексты, которые рассчитаны на юный возраст читателей.

Не так давно в сети Интернет стал доступен франкоязычный журнал «1jour1actu» для читателей 8–12 лет, в котором освещаются политические

события мира. Изучение данного научного объекта является актуальным и новым, так как дети вовлекаются в новую для себя сферу – мировую политику.

Цель – изучить функции франкоязычного политического медиатекста, предназначенного для детской читательской аудитории.

Материалом для исследования послужили медиатексты политической тематики из франкоязычного журнала «1jour1actu», ориентированного на читателей 8–12 лет (в соответствии с рекомендациями журнала по возрастной категории).

Методы исследования: прием сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, лексико-семантический анализ, обобщение и интерпретация полученных результатов.

В ходе исследования было выявлено, что политические медиатексты для детской читательской аудитории, кроме функции информирования о событии, произошедшем во Франции или мире, выполняют образовательно-просветительскую и воспитательно-патриотическую функции.

Информационная функция политического медиатекста заключается в ознакомлении детей с новостными событиями и актуализируется при помощи лексических единиц с семой времени, топонимами, антропонимами.

Так, в статье под названием *Qui est Élisabeth Borne, la nouvelle Première ministre?* (Кто такая Елизавета Борн, новый премьер министр?) приводится следующая информация: *Le 16 mai, après plusieurs semaines d'attente, Emmanuel Macron a désigné sa nouvelle Première ministre: Élisabeth Borne…* (16 мая, после нескольких недель ожидания, Эммануэль Макрон назначил своего нового премьер-министра: Элизабет Борн…) [7]. Сообщение о новостном событии начинается с лексических единиц с семой времени (*le 16 mai, après plusieurs semaines*), следом упоминаются антропонимы (*Emmanuel Macron, Élisabeth Borne*). Кроме этого, присутствует лексическая единица с семой нового – *nouvelle*.

Образовательно-просветительская функция заключается в том, что в новостном тексте может содержаться информация о географическом расположении страны, о которой идет речь; о политическом строе страны; о значимых исторических событиях; о политическом деятеле и т. д.

Например, в статье *Le Canada pourrait-il bientôt appartenir aux États-Unis?* (Может ли Канада вскоре войти в состав Соединенных Штатов?) сообщается о том, почему США имеет такое название и что обозначают звезды на их государственном флаге: *Les États-Unis tiennent leur nom du fait qu'ils sont composés de plusieurs États, tous unis pour former un même pays. Au cours de l'histoire, le nombre de ces États a varié. Aujourd'hui, il est de 50. Tous sont représentés par une étoile sur le drapeau américain* (Соединенные Штаты получили свое название из-за того, что они состоят из нескольких штатов, объединенных в единую страну. На протяжении истории число таких

государств менялось. Сегодня их 50. Все они представлены звездой на американском флаге) [6].

Кроме этого, образовательно-просветительская функция осуществляется путем введения в новостной текст политических терминов с определениями, упрощенными для их восприятия детьми [1]. Например, в статье *France: des élections qui étonnent* (Франция: выборы, которые удивляют) молодым читателям объясняется, чем занимаются законодательные органы: *législative… les députés, les personnes qui votent les lois* (законодательная власть… депутаты, люди, которые голосуют за законы) [8].

Воспитательно-патриотическая функция проявляется в том, что авторы новостных текстов с положительной стороны представляют политических деятелей своей страны, Франции, и иногда с отрицательной стороны – представителей других стран, что стимулирует читателей задуматься, сравнить политиков. Тем самым автор пробуждает у них чувство патриотизма и гордости за свою страну.

Так, в статье под названием *C'est qui Donald Trump?* (Кто такой Дональд Трамп?) приводятся факты о Дональде Трампе, которые выставляют его в не очень хорошем свете*: Mais d'autres le trouvent grossier et se méfient de lui, en particulier à cause de* ***ses mensonges****. En effet, Donald Trump n'hésite pas à* ***transformer la vérité*** *ou à diffuser de* ***fausses informations****, notamment sur Internet… il ne respecte pas la loi: il est poursuivi par la justice dans de nombreuses affaires* (Но другие считают его грубым и с подозрением относятся к нему, особенно из-за **его лжи**. Действительно, Дональд Трамп без колебаний **искажает правду** или распространяет **ложную информацию**, особенно в Интернете… он не соблюдает закон: на него поданы иски по многим делам) [9]. Автор при помощи синонимов несколько раз указал, что Дональд Трамп лжет (*ses mensonges, transformer la vérité, fausses informations*). Тем самым данная информация хорошо запомнится читателям. Также сообщается, что Дональд Трамп часто нарушает закон. Подобная информация побуждает франкоязычных молодых читателей задуматься над тем, не совершает ли их президент подобные поступки.

Итак, анализ франкоязычных политических медиатекстов, ориентированных на детей 8–12 лет, показал, что они выполняют не только информативную функцию (сообщают о происходящих событиях в мире и стране), но также образовательно-просветительскую и воспитательно-патриотическую. Данные медиатексты дают знания в политической сфере и расширяют кругозор в других областях, таких как география, история. Авторы новостных текстов представляют политических деятелей таким образом, что у читателей формируется патриотическое сознание, чувство гордости за Родину.

Список использованных источников

1. Вдовиченко Е. А., Медовикова Е. А. Восприятие политического дискурса детской таргет-группой // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 122–130.

2. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
3. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 27–29.
4. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. – М. – Барнаул: АлтГТУ, 2003. – 290 с.
5. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–16.
6. C'est qui Donald Trump? // 1jour1actu. – 20.01.2025. – URL: https://www.1jour1actu.com/monde/cest-qui-donald-trump (дата обращения: 10.02.2025).
7. France: des élections qui étonnent [Electronic Resource] // 1jour1actu. – 09.07.2024. – URL: https://www.1jour1actu.com/france/france-des-elections-qui-etonnent (дата обращения: 10.02.2025).
8. Le Canada pourrait-il bientôt appartenir aux États-Unis? [Electronic Resource] // 1jour1actu. – 27.01.2025. – URL: https://www.1jour1actu.com/monde/le-canada-pourrait-il-bientot-appartenir-aux-etats-unis (дата обращения: 10.02.2025).
9. Qui est Élisabeth Borne, la nouvelle Première ministre? [Electronic Resource] // 1jour1actu. – 18.05.2022. – URL: https://www.1jour1actu.com/france/elisabeth-borne-premiere-ministre (дата обращения: 10.02.2025).

УДК 821.111:82-312 .4

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. Р. Велилаева,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
М.А. Новикова,
д.филол.н., профессор,
Н. М. Чачи,
обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь

Аннотация: в статье на основе сравнительного и системного анализа раскрывается развитие современного детективного романа в англоязычной литературе, как динамичное и многогранное направление в культуре. Рассматривается динамика изменения жанра в конце XX – начале XXI века на примере литературных трансформаций, обусловленных смешиванием в произведениях элементов психологии, социальной критики и технологических новшеств. Освещается отход авторами от традиционных схем и образцов, как сложные персонажи, запутанные сюжетные линии, действия параллельных сценарных веток. Сделан вывод о необходимости изучения тенденций в развитии жанра.

Ключевые слова: детектив, роман, англоязычная литература, современные писатели.

Summary: Based on comparative and systematic analysis, the article reveals the development of the modern detective novel in English literature as a dynamic and multifaceted trend in culture. The article examines the dynamics of genre change in the late twentieth and early twenty–first centuries using the example of literary transformations caused by the mixing of elements of psychology, social criticism and technological innovations in works. The authors' departure from traditional schemes and patterns is highlighted, such as complex characters,

intricate storylines, and actions of parallel scenario branches. It is concluded that it is necessary to study trends in the development of the genre.

Key words: detective story, novel, English literature, modern writers.

Современный детективный роман в англоязычной литературе представляет собой глубокий пласт для многоуровневого и разнопланового изучения, является важным аспектом культурной среды XXI века [5, 6]. Он представляет собой не только развлечение, но и зеркало социальных, моральных и психологических вопросов. Эта статья нацелена на изучение особенностей современного детективного романа, его эволюции и влияния на читателя. Цель данной статьи заключается в анализе современных тенденций в детективной литературе, их взаимосвязи с общественными изменениями и выявлении ключевых тем, которые авторы используют для создания увлекательных и глубоких произведений.

Детектив (лат. «detectio» – раскрытие, англ. «detective» – сыщик) – «художественное произведение, в основе сюжета которого лежит конфликт между добром и злом, реализованный в раскрытии преступления» [3].

Детективный роман – это поджанр прозы, сосредоточенный на расследовании преступления, обычно убийства. В центре сюжета находится детектив (профессионал или любитель), который пытается раскрыть загадку, анализируя улики, допрашивая свидетелей и собирая информацию. Главной особенностью жанра является элемент интриги, который удерживает читателя в напряжении до самого конца.

Н. Н. Вольский отмечает особую гипердетерминированность мира детектива, подразумевая под этим, что «мир детектива значительно более упорядочен, чем окружающая нас жизнь» [2, с. 4]. В частности, автором выделяются следующие признаки гипердетерминированности:

1. Обыденность обстановки. Читатель ориентируется в условиях, где происходят события детектива, и ему понятно, что является обычным, а что выходит за привычные рамки или кажется странным.

2. Стереотипность поведения персонажей. Поведение героев достаточно предсказуемо, включая мотивы преступления.

3. Наличие априорных правил построения сюжета, которые могут не соответствовать реальной жизни. К примеру, в классическом детективе недопустимо, чтобы сыщик и рассказчик являлись преступниками [2, с. 126].

Как считают О. А. Мельничук и Т. А. Мельничук, автор детектива использует «серию тактик и приемов для программирования восприятия читателем основной идеи произведения, авторской картины мира и авторских интенций» [4, с. 159]. Н. В. Бугорская подчеркивает, что в основе любого «детективного сюжета лежит разгадывание загадки (раскрытие преступления)» и существует определенная «система героев» [1, с. 101].

Современные англоязычные детективы характеризуются сложными и многогранными персонажами, чьи мотивы и внутренние конфликты, мир часто выходят на передний план. Так в своих произведениях Карен Уайт

показывает, как важно бороться со своими переживаниями, выходить из зоны комфорта. Что в последствии помогает в расследовании главной героине. Она же использует преступление как способ раскрыть более широкие темы: семейные тайны, предательства, а также вопросы морали и единства

Многие современные авторы используют персонажей и данный жанр для отражения действительности. Таких социальных проблем как неравенство, алкоголизм, одиночество, роль женщины в жизни. Это делает произведение увлекательным и актуальным с разных точек зрения.

В серии книг «Особняк на Трэдд-стрит» Карей Уайт использует различные методы расследования, которые делают сюжет напряженным и динамичным, в следствии чего читатель погружается в историю. Мелани как центральный персонаж проводит расследование, основанное на таких подходах как:

1. Исследование исторических документов. Мелани обращается в архивы, семейными записи, фотографии старых времен, чтоб понять картину происходящих событий и создать картину решения дальнейших действий. Автор мастерски интегрирует элементы истории и культуры города в серии книг.

2. Персонаж изучает себя: Мелани занимается самоанализом, исследует свои мысли, переживания, что добавляет интерес, глубину ее образу и помогает понять, как ее прошлое связано с настоящим, как это помогает ей в расследовании. Ее страх перед прошлым только путает мысли главной героини.

3. Интуитивные моменты: Мелани часто полагается на свои ощущения и внутренние чутье, которые приводят ее к правильному, чаще всего, решению. Главная героиня обладает сверхъестественной силой. Ее сила в видении призраков помогает избежать опасные моменты, когда ей помогают понять, что не нужно следовать везде за призраками и сначала исследовать историю места.

Современный детективный роман в англоязычной литературе представляет собой яркое выражение актуальных проблем и глубоких человеческих эмоций, привлекая внимание читателя и погружая его в увлекательный мир загадок и интриг.

Карен Уайт, благодаря серии «Особняк на Трэдд-стрит», демонстрирует, как можно сочетать элементы детектива с глубоким психологическим анализом и социальными темами. Ее работы не только увлекают читателей интригующими сюжетными линиями, но и предоставляют возможность размышлять о человеческих отношениях и последствиях поступков. А также понять себя, прочувствовать ситуацию и действовать разумно.

Список использованных источников

1. Бугорская Н. В. Научный «подтекст» в литературном тексте: философия науки и жанр детектива // Филология и человек. – 2013. – № 3. – С. 98-107.

2. Вольский Н. Н. Загадочная логика: детектив как модель диалектического мышления // Вольский Н. Н. Легкое чтение: работы по теории и истории детективного жанра: монография. Новосибирск: НГПУ. – 2006. – С. 4-126.

3. Детектив [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/ (дата обращения: 27.01.2025).

4. Мельничук О. А., Мельничук Т. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 156-167.

5. Норец М.В. Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования / М.В. Норец // Культура народов Причерноморья – Филологические науки: [научный журнал.] – Симферополь - № 267. – 2014. – С. 188-193.

6. Норец М.В. Детективный и шпионский роман: «клеточная» модель жанроформирования / М.В. Норец // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск. – 2015. № 3 (49). – С. 430-441.

7. Уайт К. Особняк на Трэдд-стритт [перевод с английского А. Бушева]. Москва: Эксмо. – 2020. – 480 с.

УДК 81.13

ОБ ОНЛАЙН-КУРСЕ «РКИ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

И. В. Вихриева,

к.филол.н., ст. преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов,

М. Н. Пашкова,

к.пед.н., ст. преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются подходы, принципы, приемы, а также их взаимосвязь при обучении иностранных слушателей, осваивающих онлайн-курс «Русский язык для профессиональных целей: сельское хозяйство» на уровне от А2 к В1. На примере уроков первых двух модулей заявленного уровня, показывается обучение русскому языку через чтение, аудирование текстов по сельскому хозяйству, выполнение лексико-грамматических заданий к ним, изучение терминологии. Авторы-составители онлайн-курса ограничились выбором фундаментальных тем сельского хозяйства. Научные и научно-популярные тексты каждого тематического раздела/модуля содержат ключевые слова и сложные синтаксические конструкции, типичные для научного стиля речи, задания для освоения определенных лексико-грамматических трудностей, множественный выбор правильного ответа, смысловой поиск фраз для формирования предложения, соединение слов в предложения. В формате онлайн-образования данный онлайн-курс представляется актуальным и своевременным, выводит слушателя на более уверенное владение русским языком для профессиональных целей.

Ключевые слова: онлайн-курс, русский язык для профессиональных целей, сельское хозяйство, изучение русского языка как иностранного, онлайн-образование.

Summary. The article covers important aspects and discusses the approaches, principles, techniques, and their interconnections in teaching foreign students who are taking the online course "Russian Language for Professional Purposes: Agriculture", at level A2-B1. Using lessons from the first two modules of the specified level as examples, it demonstrates the

teaching of the Russian language through reading, listening to texts on agriculture, and completing lexical and grammatical exercises related to them. For this purpose, texts on current and fundamental agricultural topics are provided. Scientific and popular science texts in each thematic section contain key vocabulary and syntactic structures typical of the scientific style of speech, tasks for mastering specific lexical and grammatical difficulties, multiple-choice questions for correct answers, semantic searches for phrases to form sentences, and connecting words into sentences. In the context of e-learning, this online course is presented as relevant and timely, leading students to a more confident mastering of the Russian language for professional purposes: Agriculture.

Key words: online course, Russian language for professional purposes, agriculture, studying Russian as a foreign language, e-learning.

В контексте онлайн-образования, которое становится все более востребованным и доступным, онлайн-курс «РКИ для профессиональных целей: сельское хозяйство» представляется актуальным и своевременным. Диагностические лингвометодические описания способствуют унификации и совершенствованию процесса преподавания русского языка как иностранного, интеграции российской высшей школы в мировую систему образования [2, с. 6].

Современный онлайн-курс «РКИ для профессиональных целей: сельское хозяйство» ориентирован на иностранных студентов, изучающих русский язык самостоятельно для получения знаний, необходимых для работы в аграрном секторе.

Онлайн-курс состоит из трёх языковых уровней: уровень А2-В1 (начальный), уровень В1+(промежуточный) и уровень В2 (продвинутый). Начальный уровень включает 4 модуля, промежуточный и продвинутый уровни по 2 модуля. В каждом модуле представлено по 4 урока, последний из которых является контрольным. Каждый уровень владения русским языком базируется на соответствующем лексическом минимуме [3, с. 4].

Поскольку сельскохозяйственные науки – это обширная область знаний, авторы онлайн-курса ограничились подборкой материалов по отдельным актуальным и фундаментальным направлениям сельскохозяйственных наук.

Это: введение в основы сельского хозяйства, основы почвоведения, основы агрохимии, основы земледелия, основы растениеводства, основы овощеводства, основы плодоводства, основы животноводства.

По мере изучения уроков каждого модуля слушатели получают общее представление о сельском хозяйстве и его значимости в экономике страны, законах, которые лежат в основе формирования почвы, включая химические, физические и биологические преобразования. Материалы уроков отражают темы: как правильно вносить удобрения, учитывая особенности биологии растений и климатические условия почвы; понимание законов земледелия и их правильное применение в практике современного сельского хозяйства. Отдельными модулями даётся информация об овощных культурах и их основных видах, классификации и биологических особенностях плодово-ягодных культур, цитрусовых. В

заключение курса, на уровне В2, отрабатываются тексты о хозяйственном значении и биологических особенностях основных видов сельскохозяйственных животных.

После успешного изучения материалов данного онлайн-курса слушатели, специализирующиеся в сельскохозяйственных и ветеринарных науках, смогут продолжить ознакомление с особенностями научного стиля, основными синтаксическими моделями, характерными для языка науки под руководством преподавателя, расширить тематику изучения. С этой целью могут быть предложены тексты по механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, ветеринарии [1, с. 4].

Авторы-составители многочисленных онлайн-курсов по изучению русского языка как иностранного используют различные методики, чтобы сделать обучение продуктивным, эффективным и увлекательным.

В заявленном онлайн-курсе отрабатываются два вида речевой деятельности: чтение и аудирование. Аудирование помимо своей основной, собственно коммуникативной роли выполняет множество вспомогательных функций: стимулирует речевую деятельность учащихся; обеспечивает управление процессом обучения; используется для ознакомления учащихся с новым лексическим и грамматическим материалом; выступает как средство формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности, где аудирование является доминирующим видом речевой деятельности при обучении иностранных учащихся специальности [5, с. 106], в данном случае сельскому хозяйству. Также представлены задания на отработку лексико-грамматических основ русского языка как иностранного, терминологии по сельскому хозяйству.

Обратимся к описанию структуры онлайн-курса. В начале каждого урока маскот фермер Николай приветствует слушателей курса, комментирует материал, объясняет, помогает слушателю лучше усваивать материал, видеть его целостность и логичность изложения, выделять ключевые темы и их связь с предыдущими. В каждом уроке представлено 3 части. Основой части 1 и части 2 являются тексты и задания к ним. Одну из базовых категорий текста как предмета коммуникации представляет собой категория цельности. [4, с. 315].

Часть 3 представлена диалогами или полилогами по сельскохозяйственной тематике и заданиями к ним.

Приведем пример фрагмента урока 1 **Сельское хозяйство как отрасль производства** из Модуля 1 **Введение в основы сельского хозяйства.**

Текст «Сельское хозяйство».

Сельское хозяйство – важная *отрасль* экономики. Оно есть во всех странах мира. Сельское хозяйство включает в себя *растениеводство* и *животноводство*.

Сельское хозяйство *обеспечивает продовольствием* население и *предоставляет сырьё* для промышленности. Сельскохозяйственные *угодья* – это земля, которая используется для производства сельскохозяйственной

продукции.

Сельскохозяйственная продукция – это продукты питания, *корма* для животных и сырьё.

Сельское хозяйство связано с такими дисциплинами, как: *агрономия, растениеводство, почвоведение, агрохимия, защита растений, селекция, семеноводство, животноводство, мелиорация, лесоводство* и другие.

Ключевые слова текста «Сельское хозяйство» и названия сельскохозяйственных наук (выделены курсивом). Они появляются на экране перед слушателем онлайн-курса в виде фотографий-презентаций, которые отдельно представлены в таблице с подобранными фотографиями из банка данных Shutterstock. Далее слушатель выполняет контрольные задания к части 1.

Задание 1: Выберите верный вариант ответа.

Сельское хозяйство – это

А. продовольствие

(х)Б. отрасль

Сельскохозяйственные угодья – это

(х)А. земли

Б. продукты

Сельское хозяйство обеспечивает

(х)А. продовольствием и сырьём

Б. угодьями

Задание 2: Соедините картинку и название профессий.

агроном	https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/forest-evaluation-development-management-female-forestry-2346243111
почвовед	https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/technician-protective-suit-collecting-samples-soil-1951674421
животновод	https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/farmer-agronomist-soybean-field-examining-crop-2359908529

Затем часть 2.

Фермер Николай говорит: «Ну, что же, продолжим и узнаем, какие перспективы развития сельского хозяйства. Но вначале нам нужно познакомиться с новыми словами и выражениями, которые будут звучать в тексте. Слушайте слова и выражения. Переводите их на родной язык».

Ключевые слова текста «Перспективы развития сельского хозяйства»

-перспективы

- научно-техническая революция

-оказывать влияние на

- заниматься селекцией/ зашитой растений

Текст выводится на экран в субтитрах и остается на экране. Студенты

имеют возможность слушать и читать текст одновременно.

Текст «Перспективы развития сельского хозяйства».

Научно-техническая революция оказывает значительное влияние на современное сельское хозяйство.

Ученые-агрономы занимаются научной селекцией, защитой растений, разрабатывают гибридные сорта, увеличивают применение удобрений. Мелиораторы разрабатывают ирригационные системы. Инженеры активно внедряют механизацию.

Новые технологии делают сельское хозяйство более устойчивым и позволяют получать, собирать и производить разнообразную продукцию (овощи, фрукты, злаки, мясо, молоко и другие продукты питания).

Ключевые грамматические конструкции научного стиля речи текста «Перспективы развития сельского хозяйства»

что (1) оказывает влияние на что (4)	Научно-техническая революция оказывает значительное влияние на современное сельское хозяйство.
кто (1) занимается чем (5)	Ученые-агрономы занимаются научной селекцией, защитой растений.
кто (1) разрабатывает что (4)	Мелиораторы разрабатывают ирригационные системы.

Далее следует выполнение контрольных заданий к части 2.

Задание 1: Выберите верный вариант ответа.

Сельское хозяйство – это область, которая

А. пишет научные статьи

Б. изучает климат

(х)В. испытывает воздействие научно-технической революции

Мелиораторы разрабатывают

А. компьютерные программы

(х)Б. ирригационные системы

В. новые технологии

Новые технологии позволяют

(х)А. производить разнообразную продукцию

Б. идти быстро

В. говорить интересно

Задание 2: Соедините левую и правую части.

Ученые-агрономы	позволяют производить разнообразную продукцию
Мелиораторы	занимаются селекцией
Инженеры	внедряют механизацию

Часть 3 урока 1 представлена рисованным диалогом-комиксом.

Диалог – комикс, с всплывающими репликами – подсказками (bubble). Видео записано на русском языке носителем языка. Текст реплик – подсказок (bubble) выводится на экран, таким образом, студенты имеют возможность слушать и читать текст одновременно. Темп чтения суфлера замедленный, так как уровень владения языком иностранных студентов А-2. Звучит диалог.

Место действия:

Институт растениеводства им. Н. И. Вавилова. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская д. 42-44.

Действующие лица:

Аспирант (Леонардо) – бразилец

Работник научного центра и секретарь (Ольга) – русская

Ольга: Добрый день!

Леонардо: Здравствуйте!

Ольга: Чем могу помочь?

Леонардо: Мне нужно попасть к учёному- агроному.

Ольга: Вы записаны?

Леонардо: Да, на 10:00 часов.

Ольга: Как Вас зовут?

Леонардо: Леонардо Рамос.

Ольга: Леонардо Рамос? Верно?

Леонардо: Да, да.

Ольга: Да, вижу Вашу запись.

Леонардо: Хорошо!

Ольга: У Вас есть направление из аспирантуры?

Леонардо: Простите, у меня нет направления.

Ольга: Так, направления нет.

Леонардо: А что мне делать?

Ольга: Нужно написать цель визита и вопросы.

Леонардо: Какие вопросы?

Ольга: Актуальные.

Леонардо: Хорошо. Сейчас напишу.

Ольга: Отлично. Минуту, я оформлю пропуск.

Леонардо: Спасибо!

Конец сцены.

После прослушивания диалога студент выполняет последний блок контрольных заданий.

Задание 1: Выберите верный вариант ответа.

1. Где Леонардо?

А. в музее

Б. в университете

(х) В. в научном центре

2. Какой документ просит Ольга у Леонардо?

А. загранпаспорт

(х) Б. направление

В. водительское удостоверение

Подборка текстов, подходы, которые использованы для создания логической структуры урока, помогают студентам успешно ориентироваться в сложном и многообразном материале по сельскому хозяйству, установить необходимые логические связи, успешно освоить

учебные материалы.

Изучение русского языка как иностранного в формате онлайн-курса по сельскому хозяйству усиливает интерес слушателей к предмету, подразумевает овладение системой предметных фоновых знаний по сельскохозяйственным наукам и их понимание через тексты научного стиля речи.

Список использованных источников

1. Вихриева И. В. Сельское хозяйство и ветеринария. Учебное пособие по русскому как иностранному. Читаем тексты по специальности. Выпуск 19. Санкт-Петербург.: Златоуст. – 2022. – 168 с.

2. Нахабина М.М. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень – 2-е изд., исправленное и дополненное. – М., СПб.: Златоуст. – 2001. – 32 с.

3. Андрюшина Н. П., Козлова Т. В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение (электронное издание). – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2015. – 116 с.

4. Пашкова М. Н. Звучащий научный текст: проблемы обучения иностранных студентов аудированию и конспектированию лекций естественно-технической направленности в вузах Российской Федерации // Современные направления развития вузовского образования: коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра. – 2019.- С. 314–322.

5. Пашкова М. Н. Проблемы обучения иностранных студентов технических вузов России аудированию и конспектированию лекций по профилю будущей специальности // Теория и практика профессиональной подготовки устных переводчиков // Язык и культура. – 2012. – №4 (20). – С. 105-114.

УДК 821.112.2

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Г. ГРАССА «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН»

А. Э. Воротникова,

д.филол.н., профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей,

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Аннотация. Статья посвящена трудностям передачи на русский язык национально-культурной специфики романа «Жестяной барабан» Г. Грасса. На материале концептуально значимой для раскрытия авторского замысла главы «Вера, надежда, любовь» продемонстрированы основные приемы перевода немецких реалий, приобретающих дополнительные семантические характеристики в нацистской Германии. Анализируются способы воссоздания индивидуально-авторской стратегии сатирического разоблачения клишированных представлений о действительности. Особое внимание уделяется проблемам передачи романных каламбуров и паронимов средствами русского языка.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, реалия, христианство, фашизм, Рождество, образ, сатира, каламбур, парономазия.

Summary. The article is devoted to the difficulties of translating the national and cultural specifics of the novel «The Tin Drum» by G. Grass into Russian. Based on the material of the chapter «Faith, Hope, Love», which is conceptually significant for revealing the author's intention, the basic techniques of translating German realities, which acquire additional semantic characteristics in Nazi Germany, are demonstrated. The methods of recreating an individual author's strategy of satiric exposure of cliched ideas about reality are analyzed. Special attention is paid to the problems of the transmission of novel puns and paronyms by means of the Russian language.

Keywords: national and cultural specifics, reality, Christianity, fascism, Christmas, image, satire, pun, paronomasia.

Роман немецкого писателя Гюнтера Грасса «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1959) – одно из наиболее талантливых и при этом одиозных произведений литературы Германии второй половины XX века. Сатирическое видение истории и человека выражается в нем через филигранную работу писателя со словом, выявление его скрытых смыслов, разрушение языковых шаблонов, запечатлевающих клишированные представления о действительности. Все это объясняет сложность задачи переводчика Софьи Фридлянд – реконструировать романную картину мира с учетом особенностей индивидуально-авторской стратегии использования образного потенциала немецкого языка.

Глава «Вера, надежда, любовь» («Glaube Hoffnung Liebe»), в которой подводится трагический итог исторического развития предвоенной Германии, окончательно превратившейся в нацистское государство, является контрапунктом первой книги «Жестяного барабана» и всего произведения в целом. Глава представляет собой стилизованный под рождественскую сказку нарратив о Хрустальной ночи, о вечном ребенке барабанщике Оскаре Мацерате, о фашисте трубаче Мейне – живодере, убившем своих четырех котов, и о еврее Сигизмунде Маркусе – продавце игрушек и добром волшебнике, покончившем с собой во время нацистского погрома.

Базовые нравственные ценности, воплощенные в значимой для немцев традиции празднования Рождества, претерпевают тотальную девальвацию в Третьем рейхе. Снижение символов христианского вероучения и библейских максим осуществляется Грассом через саркастически-пародийное обыгрывание слов из Первого послания к Коринфянам и сатирическое переворачивание образов Рождественского Деда, Младенца Христа, Адвента и адвентного венка, миндаля и орехов.

Обращение к сказочному антуражу церковного праздника не случайно. Культуролог Г.-Д. Гелферт отмечает его детски наивное восприятие немцами [2, S. 80], которых Грасс иронически рассматривает как духовно незрелый «легковерный народ» [1, с. 249], лишенный критического мышления и не способный отличить Рождественского Деда от небесного газовщика, за темной личиной которого скрывается обобщенный образ концлагерного надсмотрщика или самого фюрера.

В основу анализируемой главы положен принцип контраста между

светлой рождественской фантазией и мрачной реальностью деградации немцев, традиционно считающихся защитниками христианских ценностей, носителями высокой духовности и нравственности, но переродившихся в поборников человеконенавистнической нацистской идеологии и в пособников преступного гитлеровского режима – устроителей Холокоста.

Посмотрим, насколько точно в переводе воплощена национально-культурная специфика романного отрывка, а через нее и авторский замысел. Прежде всего, обращает на себя внимание стремление переводчика к максимальной адаптации грассовского текста под картину мира русского реципиента, что имеет двойственные последствия. С одной стороны, содержание главы становится более понятной отечественной аудитории, более удобочитаемой, с другой стороны, возникает опасность стирания национального колорита, а иногда и утраты индивидуальных авторских смыслов, привнесенных в соответствующие образы.

Так, в переводе целесообразной представляется генерализация – использование родового понятия «готический шрифт» [1, с. 247] вместо видового «Sütterlinschrift» [3] – «шрифт Зюттерлина», который является одной из форм немецкого готического курсива. С. Фридлянд предпочитает описательный оборот «можжевеловая водка», или «можжевеловка» [1, с. 242 и др.], менее распространенному и едва ли понятному русским читателям слову «махандель» – транскрипции от немецкого названия напитка «Machandel» [3]. Вполне объяснимой и не влияющей на адекватность восприятия образа центрального рождественского персонажа может считаться замена «der Weihnachtsmann» [3] – «Рождественский Дед» на «Деда Мороза» [1, с. 249 и др.], хотя с точки зрения генезиса, эти сказочные герои существенно отличаются: прообразом первого является Святой Николай, а второй имеет языческие корни и происходит от фольклорного славянского духа Мороза (он же Трескун, Студенец). Примечательно, что милосердие и готовность прийти на помощь в беде, приписываемые в христианской традиции Николаю Чудотворцу, передаются и его сказочному двойнику Рождественскому Деду, в то время как Дед Мороз эволюционирует от жестокого Трескуна, несущего холод и смерть заблудившимся зимой путникам, в сторону более мягкого и снисходительного к людям старика-чародея.

В других случаях, отмеченных отсутствием близких по образному наполнению реалий в русской культуре, переводчик правомерно сохраняет национально специфичные обозначения, например Кнехта Рупрехта – «Knecht Ruprecht» [3]. Лексема «Knecht» – «слуга» передается как «разбойник» [1, с. 251], что оправданно лишь отчасти: русский перевод верно схватывает темную сторону образа Рупрехта, спутника и помощника Николая Чудотворца, выполняющего недостойную святого «грязную» работу – наказание непослушных детей. Однако немецкое «Кнехт» подчеркивает союз господина и слуги, которые действуют сообща, воплощая две противоположные, но взаимосвязанные стороны – добро и

зло. Подобное единство антагонистических сущностей ложится в основу метаморфозы Германии и ее народа, которая и воссоздается Грассом в метафорической форме в главе «Вера, надежда, любовь».

Для более глубокого проникновения в авторский замысел, разоблачающий фарисейскую сущность поведения немцев, требуются фоновые знания, позволяющие понять образы Адвента – ожидания прихода в мир Младенца Христа, сопровождающегося зажиганием свечи на еловом венке в каждую из четырех недель, предшествующих Рождеству. В черной предрождественской фантасмагории «Жестяного барабана» Адвент оборачивается появлением не Сына Божия, а посланника преисподней, уничтожающего евреев в газовых камерах. Образ газа – орудия убийства – также двоится: его запах инфантильные немцы ошибочно принимают за аромат рождественских лакомств – миндаля и орехов, на производимом им синем пламени можно готовить еду. В уста Младенца Иисуса – небесного газовщика – вложены шокирующие своим кощунственным звучанием слова: «Я спаситель этого мира, без меня вы не сможете стряпать» [1, с. 249].

Создавая усредненный образ «обыкновенного фашиста», Грасс обращается к непрезентабельной сфере повседневного филистерского существования, сосредоточенного преимущественно на удовлетворении примитивных физиологических потребностей, прежде всего пищевых. Глюттоническая образность в главе «Вера, надежда, любовь» не только появляется в непосредственной связи с рождественской тематикой, но и встраивается в исторический дискурс о Холокосте, что призвано произвести эффект шоковой терапии. Глюттонимы занимают важное место в одном из ключевых эпизодов рассматриваемой главы, где Оскар, увидевший уличный плакат с текстом из Первого послания к Коринфянам, «Вера – Надежда – Любовь», принимается «играть этими словами, как жонглер играет бутылками: легковерие – Мыс Доброй Надежды – любомудрие – верительные грамоты – вотум доверия» [1, с. 249] – «“Glaube – Hoffnung – Liebe” konnte Oskar lesen und mit den drei Wörtchen umgehen wie ein Jongleur mit Flaschen: Leichtgläubig, Hoffmannstropfen, Liebesperlen, Gutehoffnungshütte, Liebfrauenmilch, Gläubigerversammlung» [3]. Переводчик использует вслед за писателем лексемы, содержащие соответствующие корни, и словосочетания с ними. В целом верно передавая грассовскую стратегию, С. Фридлянд вынуждена отказаться от воссоздания многих национально-культурных смыслов, запечатленных в исходном тексте, и, более того, от авторской образности, в основе которой лежат приемы каламбура и парономазии. Из ряда однородных членов в оригинале только «leichtgläubig» находит полное лексическое соответствие в слове «легковерие».

Близкими к грассовскому «Gläubigerversammlung» – «собрание кредиторов» предстают также переводные словосочетания «верительные грамоты – вотум доверия». Исходное выражение являет собой обыгрывание однокорневых слов-паронимов «der Gläubiger» – «кредитор» и «der

Gläubige» – «верующий», имеющих общий источник происхождения от существительного «der Glaube» – «вера», «доверие». Кредитование и банкротство – наиболее яркое выражение хищнической сущности буржуазного общества, где вера в высшие ценности подменяется поклонением мамоне. В обыгрывании «верительных грамот» и «вотума доверия» переводчик, подобно романисту, запечатлел столкновение высокого значения слова «вера» и понятий из сферы дипломатии и политики, пренебрегающих морально-нравственными ценностями.

При передаче всех остальных немецких существительных в процитированном выше предложении С. Фридлянд довольно далеко уходит от их исходной семантики или даже полностью порывает с ней, предлагая свои собственные образные замены. Без перевода остается композит «Hoffmannstropfen» – «капли Гофмана» – название спиртово-эфирной смеси, обладающей опьяняющим, наркотическим воздействием, то есть наносящей вред здоровью, однако пользующейся еще совсем недавно большой популярностью. Переводчик использует внешне совершенно несходное с оригиналом топонимическое словосочетание «Мыс Доброй Надежды». Первоначально самая юго-западная точка Капского полуострова имела дурную репутацию из-за сложных навигационных условий в данной локации, в связи с чем была названа португальским капитаном Бартоломеу Диашем Мысом Бурь, а позже переименована королем Жуаном II в Мыс Доброй Надежды с целью популяризации морского пути в Индию вдоль африканского побережья. Как видно, с мысом произошло примерно то же, что и с гофмановскими каплями: положительные представления об обоих объектах как о нечто хорошем и/или полезном оказались ложными. Такой же обманчивой зачастую оборачивается и надежда. С. Фридлянд сумела подобрать концептуально верную переводческую замену, где, как и в оригинале, присутствует слово «надежда». У Грасса же лексема «*Hoff*nung» в обрезанном виде спрятана в композите «*Hoff*mannstropfen», то есть связь с ней предстает более завуалированной.

При этом «Мыс Доброй Надежды» оказывается ближе к другой реалии-композиту «Gutehoffnungshütte» – названию горнодобывающей компании в Рурской области, которое включает словосочетание «Gute Hoffnung» – «добрая надежда». Таким образом, С. Фридлянд совмещает воспроизведенное без изменений словосочетание, входящее в состав сложного существительного «Gutehoffnungshütte», и прагматическую семантику «Hoffmannstropfen».

Глюттоним-реалия «Liebesperlen» обозначает популярную в Германии сладость – разноцветное сахарное драже. Слово «Liebe» лишается своего высокого духовного и сакрального смысла благодаря переводу его из категории абстрактных понятий в группу конкретных, обозначающих референты материального мира. Любовь соотечественники Оскара могут испытывать только к гастрономии, но не к себе подобным и не к Богу. Так, через обыгрывание лексемы «Liebe» Грасс показывает духовно-

нравственное падение немцев. Дословный перевод-калька «жемчужины любви» не был бы понятен русскому читателю, поэтому вместо него используется слово «любомудрие», получающее ироническое звучание в контексте всей главы.

Марка немецкого полусладкого белого вина «Liebfrauenmilch» – «молоко Богоматери» («Liebfrau» – сокращение от «Unsere Liebe Frau» – перифрастическое обозначение Девы Марии), на типовой этикетке бутылки которого изображается Мадонна с младенцем. Это еще один пример, наглядно демонстрирующий девальвацию высшей христианской ценности – любви. В русском языке, к сожалению, не удалось передать снижение концепта любви через его погружение в глюттонический контекст, эксплуатирующий в маркетинговых целях высокие сакральные образы главных героев рождественской истории.

Итак, воссоздание глубины и многообразия романных смыслов требует от переводчика знаний запечатленной в чужом языке национально-культурной специфики, изобретательности и творчества в воспроизведении авторских художественных приемов, учета особенностей целевой читательской аудитории, в частности уровня владения ею фоновой информацией.

Список использованных источников

1. Грасс Г. Жестяной барабан / Пер с нем. С. Фридлянд. – СПб.: Азбука. – 2000. – 733 с.
2. Gelfert H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen werden, was sie sind. München: Verlag C. H. Beck, 2005. – 216 S.
3. Grass G. Die Blechtrommel [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.rulit.me/books/die-blechtrommel-download-411836.html?ysclid=m5had1u1h3955500741 (дата обращения 05.01.2025).

УДК 81'255.2

ОБРАЗ ФАУСТА В ПОЭЗИИ К.Э. ДАФФИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Л. Н. Глухенькая,
к.филол.н., ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Изучение рецепции классических тем и сюжетов западноевропейской литературы в художественных произведениях начала XXI века представляет собой благодатную почву для исследователя-филолога. Особое внимание привлекает возникновение новых смысловых элементов и тенденций развития фаустовского мифа. В статье анализируются авторские стратегии переложения мифического сюжета и стилизации образа Фауста в стихотворении поэтессы Кэрол Энн Даффи «Миссис Фауст», а также дается оценка адекватности переводческого воспроизведения поэтического текста с учетом новизны подхода к фаустовской теме.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, Гёте, Фауст, миф, Миссис Фауст, художественный

перевод, переводческая стратегия.

Summary. Reception of classical themes and plots of Western European literature in the 21st century proves to be fertile ground for studying to a philologist. Particular attention is drawn to the emergence of new semantic elements and trends in the development of the myth of Faust. The article analyzes the strategies of the author's reinterpretation of the legend itself and the image of Faust in *Mrs. Faust* written by Poet-Laureate Carol Ann Duffy. The adequacy of the poetic translation is evaluated due to the novelty of the approach to the Faustian theme.

Key words: C. A. Duffy, Goethe, Faust, myth, Mrs. Faust, literary translation, translation strategy.

Немецкая народная легенда о судьбе знатока оккультных наук, предсказателя и составителя гороскопов Фауста, заключившего сделку с Дьяволом, нашла отражение во множестве средневековых рассказов, но всемирную известность на века получила благодаря «последнему человеку эпохи Возрождения» Иоганну Вольфгангу фон Гёте, и с тех пор нарратив о стремлении пытливого человеческого существа постигнуть тайны мироздания, не гнушаясь при этом никакой этикой и/или моралью, пронизал европейскую литературу. Каждая эпоха «присваивала» Фауста себе. Немецкий философ Ф. Шеллинг в XIX в. говорил, что в трагедии его современника Гёте явлена «сущность нашего века» [5, с. 148]. Неоромантик О. Шпенглер, автор «Заката Западного мира», «фаустовской» называл уже западноевропейскую культуру XX века и душу человека модерна [6, с. 259], явившего миру как прекрасные достижения, так и чудовищные преступления. В эпоху постмодернизма, когда особо активизировался интерес к тайнам прошлого и реинтерпретации метанарративов, коими стали многие классические сюжеты, мы вновь видим обращение и к самому Фаусту, и к оформившейся в культуре метафоре Фауста. Исследователи говорят о разделении фаустианского и фаустовского [2; 4], когда речь идет не только об эволюции вечной темы искушения человеческого разума перед лицом неизведанного и потустороннего, но и самого архетипа, не только о способе оттолкнуться от сюжета, определив его как точку отсчета для новой философии творчества, но и о способе стилизации.

Зачастую к Фаусту обращаются прозаики, но и в поэзии есть иллюстрации его «перерождения». В фокусе внимания нашего исследования как раз такой пример – стихотворение «Миссис Фауст» британки Кэрол Энн Даффи из поэтического сборника 1999 года *The World's Wife* [7] (рус. «Вечная жена»). При этом, нам предстоит определить, как интерпретировать и как переводить подобную интертекстуальную сюжетику, вписанную в новое время и новые обстоятельства.

Альманах «Вечная жена» поэта-лауреата К.Э. Даффи представляет собой мозаику из женских монологов, призванных представить читателю возможную с точки зрения современного человека женскую рефлексию на события человеческой истории. Многие идеи, вложенные в уста лирических героинь, резонируют с феминистским мировидением самого автора. Подобная интерпретация сюжетов на тему традиционной патриархальной мифологии открывает пути для дальнейшей мифологизации архетипичных

образов мировой культуры и истории. Тем не менее, Даффи, известная благодаря своей проженской лирике, не склонна обращаться к идеям феминизма во благо лишь самих идей. В последний раз упоминая стихотворение «Миссис Фауст», избранное нами для анализа в данном исследовании, поэтесса озвучила предложение переименовать его на «новый» лад: в «Миссис Сунак», «Миссис Джонсон» или «Мелания» (*Мелания Трамп* – прим. Л. Г.) [8]. Да, она яростно отстаивает право женщины быть услышанной и подчеркивает фатальную роль патриархального традиционализма в попытке это право нивелировать, но ее героини не идеализированы в противовес мужчинам. Они точно так же являются носителями тех пороков, которые обрели за время исторического наблюдения человека за самим собой, и автор в изображении мужского и женского стремится к переосмыслению традиционных гендерных архетипов в рамках постмодернистской парадигмы.

Рассмотрим, изменились ли пороки, изложенные Гёте в «Фаусте» и отразившие действительность средневековую, в поэтической интерпретации мифа о Фаусте в лирике постмодернистской и как справился с переводческой задачей автор переложения – Светлана Дубовицкая, известная в том числе переводами поэзии Т. С. Элиота на русский язык.

Обратившись к анализу художественного языка и ритмотектоники текста, можем говорить не только о форме свободного стиха (преобладающей в творчестве автора), но и об аллегоричности повествования как стилеобразующей доминанте всего сборника. Несмотря на выбор формы женского монолога, за счет сдержанности повествования в «мужском» стиле (простой синтаксис, публицистическая манера изложения; перечисление, обеспечивающее воссоздание вещественного мира героев и направленное в том числе на сатирическое осмеяние; чеканный ритм поэтической строфы) Даффи изначально указывает на близость характеров супругов. Таким образом, миссис Фауст не вполне реализована как протагонист. Она – женская версия того, кого можно назвать фаустовским персонажем. В чем же тогда различие героев и их конфликт? Даффи часто исследует стереотипы о мужчинах и женщинах, и в настоящем стихотворении явлен один из них. Миссис Фауст – образец расточительства и мнимой духовности. Мистер Фауст, в свою очередь, предается прелюбодеянию, обогащению и тщеславию. Наконец, он жаждет власти. Известные с древних времен пороки изображаются в духе времени и сатирично обличаются автором. Героев окружают роскошь и богатство, их поведение безнравственно, а их увлечения – только модные занятия наших современников. Фауст реализует все свои амбиции: мужчина идет в политику, издает законы, вершит правосудие, становится духовным лидером, затем занимается предпринимательской деятельностью и достигает разительных успехов. При этом он гиперболизировано представлен или как инвестор ядерных испытаний, клонирования (в духе времени), или как первый человек на Луне и заодно – из области фантастики

– на Солнце.

Таким представляется нам Фауст в стихотворении «Миссис Фауст». Рассмотрим его перевод на русский язык. В предисловии к двуязычному сборнику «Вечная жена» (2012), куда вошло стихотворение, переводчик Светлана Дубовицкая признается, что «старалась сохранять форму оригинала, то есть схему рифмовки, ассонансы, переклички» [3, с. 5], при этом признавая, что иногда побеждало желание добавить «стройности» там, где «Западные поэты … равнодушно относятся к метру и ритму» [там же]. Кроме того, переводчику следует обращать внимание на семантику и стиль текста, а также на внешнюю обусловленность переводимого, что всегда дается сложнее в работе с текстами, пронизанными диалогическим взаимодействием в рамках не только национальной литературы, к которой они относятся.

Итак, русскоязычный текст озаглавлен «Жена Фауста». Оригинальное *Mrs* переводчик повсеместно заменяет на «жена» с целью подчеркнуть, что «до совсем недавнего времени эти самые жены занимали только вспомогательную роль, и их участие в событиях описывалось исключительно по отношению к мужским протагонистам» [3, с. 4]. В целом текст воспроизводит динамику повествования, хотя и выглядит куда «стройнее» метрически. Достичь такой «стройности» (для лучшего русскоязычного восприятия, по мнению переводчика) получается в том числе за счет приемов опущения и добавления. Подобное восполнение содержательно опирается на подбор дополнительных лексических единиц из общего семантического поля, заданного текстом исходника.

Проанализируем доминанты переводческой стратегии, избранной Дубовицкой в работе над текстом. Если говорить о лексике, которую Даффи вкладывает в уста своей героине, то она преимущественно относится к разговорному стилю, также в оригинале много сленга и фразовых глаголов. Уже в первой строфе встречаем сразу четыре таких примера: *shacked up, split up, made up, hitched up*, с которыми переводчик успешно справляется практически без потерь (сошлись, разбежались, помирились). Текст дополняется выражением «все путем», которое, тем не менее, отражает авторский замысел и гармонично вписано в общую картину повествования.

«First things first –	«Итак, по порядку.
I married Faust.	Я вышла за Фауста, все путем.
We met as students,	Мы были студентами,
shacked up, split up,	сошлись, разбежались,
made up, hitched up,	помирились потом,
got a mortgage on a house,	оформили заем, купили дом.
flourished academically,	Оба успешно прошли ступени
BA. MA. Ph.D. No kids.	бакалавра, магистрата, доктората
Two toweled bathrobes. Hers. His.» [3, с. 40]	с детьми не спешили. Завели два махровых халата.» [3, с. 41]

В тексте перевода отсутствует отсылка к надписям, традиционно вышитым на различных банных принадлежностях и указывающим на

брачные узы их обладателей, – *Hers. His.* Эта небольшая деталь представляет собой графическую оппозицию, существенно определяющую цель зачина – показать читателю среднестатистическую пару «западного образца» со всеми присущими ей атрибутами (своеобразная жизненная траектория: получение образования, покупка недвижимости, элементы быта).

Далее мы видим, что излюбленный стилистический прием Даффи на уровне синтаксиса – параллелизмы. Часто ряд параллельных конструкций в тексте оригинала построен на использовании фразовых глаголов. Пример удачного перевыражения можем найти уже ближе к концу стихотворения: «gagging for it,/ going for it,/ rolling in it» [3, с. 46] – «метил высоко,/ копал глубоко,/ жил широко» [3, с. 47]. В основном же переводчик отказывается от сохранения этой черты оригинала в пользу сохранения звукового строя и/или адаптации других стилистических средств. Так, первый анализируемый нами отрывок начинается с важного для развития сюжета «мы», которое переводчик, к сожалению, не сохраняет, стремясь тем временем восполнить нарушенный ритмический строй (про запас – на этот раз, как иначе – дача). Таким образом достигается компенсирующий прагматический эффект в рамках общей переводческой стратегии доместикации.

«We worked. We saved.	«Работали, откладывая про запас.
We moved again.	Переехали – в лучшее место на этот раз.
Fast cars. A boat with sails.	Две спортивных машины. Лодка с парусом – как
second home in Wales.	иначе?
The latest toys – computers,	В Уэльсе дача.
mobile phones. Prospered.	Игрушки новейшие два дэсктопа,
Moved again. Faust's face	мобильники. Стали благополучны оба.
was clever, greedy, slightly mad.	Опять переехали. Фауст глядел
I was as bad.» [3, с. 40]	взором умным, жадным, безумным, колючим.
	Я, впрочем, была не лучше.» [3, с. 41]

Отметим, что переводчик также часто прибегает к конкретизации, направленной на максимальную адаптацию текста к языку перевода (*Fast cars* – Две спортивных машины, *second home* – дача, *Faust's face was* – Фауст глядел взором; далее по тексту: *at dinner parties* – в гостях; *smart bomb* – высокоточная бомба, *Vice-chairman* – вице-президент; *the Devil's boy* – у Дьявола трудоустроен и др.).

Автор русского перевода также буквально жонглирует лексическими пластами. Так мы видим рядом в предложении форенизированное «два дэсктопа» (вместо нейтрального англ. *computers*) и сленговое «мобильники» (вместо нейтрального англ. *mobile phones*). А буквально в следующей строке находим «глядел взором», что нарушает явленную ранее установку на русскоязычное восприятие. Конечно, в таком случае оправданность переводческого решения может ставиться под сомнение. Неоправданным кажется и включение в перевод прилагательного «колючий» ради сохранения рифмы (*mad – bad*, колючим – не лучше), т.к. реализуется новая

коннотация «язвительный, саркастичный», не характерная для оригинала.

В следующей строфе мы опять встречаем параллельные конструкции, ощутимо характеризующие синтаксис стихотворения. На этот раз они построены на глаголе *to grow to* (рус. дорасти) и в переводе, к сожалению, не сохраняются. Варианты «пришлась по вкусу», «влюбился» представляются менее удачными заменами. Русский глагол «влюбиться» обозначает проникнуться влечением, почувствовать очарование, т.е. только начать ощущать сильное чувство. Герои, напротив, предстают уже вполне сформированными в свои пристрастиях (*to grow to love*).

Lifestyle Дубовицкая переводит как «стильная жизнь», что является по сути семантической заменой, отражающей общий замысел автора. *Kudos*, слово греческого происхождения, обычно используется в качестве ответа на исключительное достижение и обозначает славу и почести (fame & praise given for achievement). В переводе акцент смещен на те блага, которые может дать слава человеку: значимость и престиж.

«I grew to love lifestyle, not the life. He grew to love the kudos, not the wife. He went to whores. I felt, not jealousy, but the chronic irritation.» [3, с. 40]	«Мне пришлась по вкусу стильная жизнь, я забыла, что это: жить. Он влюбился в значимость и престиж, и забыл, как жену любить. Пошел по бабам, Не ревность меня томила: раздражали дела такие.» [3, с. 41]

Переводчик принципиально отказывается от употребления обсценной лексики, часто встречающейся у современных авторов и выполняющей особую функцию деконструкции. У Дубовицкой вместо *went to whores* появляется «пошел по бабам» (жарг., шутл.); далее также: «the world, / as Faust said,/ spread its legs» [3, с. 42]– «мир лег под него» [3, с. 43]; выражение *gagging for it* (to be very eager to have sex) и вовсе переведено как «метил высоко».

Не всегда представляется возможным подобрать эквиваленты сленговым выражениям (как, напр., далее: *teetotal* – трезвенница). Когда мы встречаем фразу *meet panthers* (в переводе Дубовицкой – любви прикупить), важно понимать, что она не только про нравственность в общем, но также про возраст и социальный статус героев (Urban Dictionary дает такое определение сленговому *panther* – a lady who prefers and pursues older men).

Неудачными с точки зрения семантики представляются пара *feast* (рус. пировать) – гулять, а также добавление довольно реакционного «партнеры с Востока – пройдохи», когда в оригинале речь идет о «больших деньгах» (англ. *the cost*) на нефтегазовом рынке, чрезвычайно развитом на Ближнем Востоке.

«And Faust would boast at dinner parties of the cost of doing deals out East. Then take his lust to Soho in cab,	«Бахвалился Фауст в гостях, и охал, утверждал, что партнеры с Востока – пройдохи, что дорого торговать. Потом, бывало, волок свою похоть

to say the least, to lay the ghost, get lost, meet panthers, feast.» [3, с. 40, 42]	на такси в Сохо, и то сказать: отключиться от бизнеса и суматохи, забыться, любви прикупить, гулять.» [3, с. 41, 43]

Особый интерес всегда представляет переводческая работа с реалиями. Так, Даффи ставит подле Фауста персонажа из известной на Западе франшизы «История игрушек» – фарфоровую пастушку, любовный интерес одного из главных героев серии Шерифа Вуди. Кроме того, этот образ «венчает» прием *anti-climax.* Сначала Даффи ведет речь о «достижениях» Фауста (торговля оружием, клонирование), и вдруг это перечисление сменяет резкий спад: дается отсылка к куколке из детского мультфильма, о которой жена ученого презрительно отзывается как о потенциальной недалекой пассии, с которой в наши дни легко можно познакомиться на просторах Интернета.

«Then backed a hunch – invested in smart bombs, in harms, Faust dealt in arms. Faust got in deep, got out. Bought farms, cloned sheep. Faust surfed the internet for like-minded Bo Peep.» [3, с. 42, 44]	«Потом прислушался к своей интуиции, сделал инвестиции в высокоточную бомбу, выгоду зла обнаружив, занялся торговлей оружием. Попался, вывернулся, скупал фермы, занялся клонированием овец. Принялся прочесывать интернет, чтоб с такими, как сам, говорить тет-а-тет.» [3, с. 43, 45]

Как видим, (Малышка) Бо-Пип в переводе опущена, хотя ее имя для англоязычного читателя знакомо с младых лет: девочка по имени Бо-Пип – главная героиня детской песенки о том, как юная пастушка потеряла своих овечек (англ. «Little Bo-Peep has lost her sheep»). Одноименная детская игра *bo-peep* была популярна в XVI веке (аналог англ. *Peekaboo* или рус. «Ку-ку»).

Сказочную аллюзию содержит и фраза *spun gold from hay,* что сразу наводит на мысль о народной легенде (литературно обработанной братьями Гримм) о Румпельштильцхене, который прядет солому в золото для прекрасной дочери мельника в обмен на ее будущего первенца. Эту сказочную отсылку переводчик постаралась передать лексической единице «злато» (церк.-слав., устар., поэт.). При этом, косвенное обращение к этому сюжету не может рассматриваться как аллегория жадности.

Также важно отметить, что переводчик в определенный момент начинает ощутимо сочувствовать героине, чего нет в оригинальном тексте. Так, изначально мы видим женщину, которая делает то, что хочет (*went my own sweet way*). В русском переводе «сама по себе куковала» актуализирована новая коннотация – вынужденно находиться где-либо, бездействуя. Но *sweet* не может обозначать ничего вынужденного. Таким образом, переводчик как бы становится на сторону женщины, пытаясь ее «обелить» и представить жертвой обстоятельств. Но это не так. В

оригинальном произведении жена Фауста активно и добровольно занимается улучшением внешности (по всем канонам современности), а затем так же активно путешествует по миру.

«As for me,	«Что до меня,
I went my own sweet way,	я сама себе куковала,
saw Rome in a day,	за день весь Рим оббежала,
spun gold from hay,	из соломы злата наткала.
had a facelift,	Сделала подтяжку,
had my breasts enlarged,	увеличила размер бюста,
my buttocks tightened;	облекла ягодицы в аппетитную форму,
went to China, Thailand, Africa,	побывала в Китае, Таиланде, в Африке,
returned enlightened.» [3, с. 44]	вернулась, просветившись – бесспорно.» [3, с. 45]

Идиомы как объект перевода всегда связаны с теми образами и ассоциациями, которые отражают особенности культур разных стран. Примеры таких фразеологизмов в тексте *go bananas* (to become extremely angry or excited), *go berserk* (to be very angry or out of control), *go on the run* (to hurry from one activity to another). По сравнению с идиомой *go bananas*, русское слово «сбрендить» (сходить с ума, испугаться) также функционально работает скорее на оправдание женского персонажа. А вот вариант «закусила удила» (не знать удержу, действовать без оглядки) выглядит более удачной попыткой передать идиому *go berserk*, хотя бы потому, что берсерки – древние воины из скандинавской мифологии – были известны своей неистовостью в сражениях. Выражение *went on the run, alone* в переводе звучит как «стала бегать, одна, трусцой». Это можно назвать переводческой ошибкой и примером буквализма, затрудняющей понимание и совершенно не передающей идею автора изобразить жену Фауста особой легкомысленной.

«Turned 40, celibate,	«Мне исполнилось 40, стала недотрогой,
teetotal, vegan,	трезвенницей, вегетарианкой строгой.
Buddhist, 41.	В 41 заделалась буддисткой,
Went blonde,	покрасила волосы, стала блондинкой,
redhead, brunette,	рыжей, брюнеткой,
went native, ape,	пожила туземкой, на экстремальный отдых съездила,
berserk, bananas;	закусила удила, совершенно сбрендила,
went on the run, alone;	стала бегать, одна, трусцой.
went home.» [3, с. 44]	Вернулась домой.» [3, с. 45]

Отмети, что идиомы, совпадающие в двух языках, не вызывают затруднения при переводе: «to take away/ what’s owed,/ reap what I sowed» [3, с. 46] – «должок получить с меня,/ пожать, что посеял я» [3, с. 47].

Дойдя до определенной черты в ублажении тела и духа, супруга Фауста останавливается в точке бесконечного удовольствия. Ее амбиции не столь высоки, как у мужа, и она внушает себе лишь высокодуховную ценность праздного и расточительного образа жизни. Но душу Дьяволу «номинально» продал Фауст, ему и расплачиваться. Супруга ученого только пользовалась теми «благами», возможность получить которые ей дал брак с Фаустом. И это характеризует ее как особу меркантильную, под стать

супругу. В сцене, где она слышит приближающееся шипение Змея-Искусителя (*a serpent's hiss*), предвещающее роковой час для Фауста, женщина ведет себя крайне практично, а затем буквально упивается мыслью об оставленном ей наследстве: «the yacht,/ the several houses,/ the Lear jet, the helipad/ the loot, et cet, et cet,/ the lot –/ to me» [3, с. 46]– «яхта,/ дома,/ самолет, наличность без счета,/ посадочная для вертолета, и тэ дэ и тэ пэ,/ все, в общем, что было – мне» [3, с. 47].

В финале у Гёте ангелы спасают душу грешного алхимика, у Даффи Фауст по праву оказывается в Аду. И это новый фронтир, потому как теперь герой предстает вовсе бездушным, в то время как фаустовский сюжет издревле опирался на внутренний конфликт, разворачивающийся именно в обстоятельствах сделки с Дьяволом: «the clever, cunning, callous bastard/ didn't have a soul to sell» [3, с. 46] – «у умного хитрого сукина сына/ души-то и не было, и продавать вовсе нечего было» [3, с. 47]. Миссис Фауст, не менее бездушная «копия» своего супруга, остается на Земле и избегает наказания высших сил. *C'est la vie*, пессимистично заключает поэтесса в финальных строчках. Примечательно, что переводчик пользуется транслитерацией Сэ ла ви! вместо того, чтобы обратиться к устойчивому эквиваленту – Такова жизнь!

Анализ оригинала стихотворения «Миссис Фауст» и его перевода на русский язык позволяет сделать следующие выводы. Оригинальный англоязычный текст является стилизацией метафоры о Фаусте и иллюстрирует эволюцию мифа о средневековом алхимике. Обращаясь к «вечному» образу, К. Э. Даффи сатирично обличает пороки нового времени, а новое время зачастую требует и новой оптики. Фауст у Даффи представлен через призму восприятия его «вечной» жены, его женской «реплики». Однако, в трактовке британской поэтессы Миссис Фауст – такое же следствие несовершенства мира, как и сам Фауст, знакомый мировому читателю. В переводе Светланы Дубовицкой, в свою очередь, в условиях синхронизации ритма и метра (а иногда и их совершенствования во имя привлечения русскоязычной аудитории) ряд лексико-семантических переводческих трансформаций способствует смещению содержательного вектора, хотя она сама отмечает, что «жены» Даффи «отнюдь не все ангелы во плоти» [3, с. 5]. К этому приводят сложности, связанные с передачей семантики в общем и сленгового и идиоматического многообразия в частности, в том числе требующего от переводчика альтернативных или компенсационных техник. В таком случае специалисты часто сталкиваются с ситуацией переводческой потери и буквализмами. Но самое важное, с точки зрения адекватности перевода, художественный текст должен быть перевыражен содержательно и оказывать на русскоязычного читателя тот же эффект, что и оригинал.

Список использованных источников

1. Аникст А. Гете и Фауст: От замысла к свершению. М.: Книга. – 1983. – 271 с.
2. Болтовская Л. Н. К интерпретации образа Фауста в контексте западно-

европейской и русской культуры // Христианское чтение. – 2013. – №3. – С. 150–162.

3. Даффи К. Э. Сборник стихов «Вечная жена». Двуязычный / Перевод на русский язык Дубовицкой С. Г. – М.: Издательство «Перо». – 2012. – 134 с.

4. Иванов И. И. Фаустианские мотивы в русской литературе Серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №1. – С. 26–29.

5. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Переводчик: П. С. Попов. – М., Мысль. – 1966. – 496 с.

6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль. – 1993. – 663 с.

7. Duffy C. A. The World's Wife. London: Picador, 2010. – 96 p.

8. EIBF 2023: Carol Ann Duffy by Rabbie Thorne [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://thestudentnews.co.uk/2023/08/30/eibf-2023-carol-ann-duffy/ (дата обращения: 10.01.2025).

УДК 81'255.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАНТОВ ПЕРЕВОДА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ: НЕЙРОСЕТЬ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

Л. Н. Глухенькая,

к.филол.н., ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода,

Н. А. Карбань,

обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Цель исследования заключается в сравнительном анализе перевода ИИ (на материале новеллистики Рэя Брэдбери). В статье рассматриваются два варианта перевода рассказа *A Sound of Thunder*: 1) перевод, выполненный специализированной программой ИИ (модель Claude-Sonnet 3.5); 2) перевод Льва Львовича Жданова (СССР). Актуальность исследования обусловлена возможностями передачи идиостиля Р. Брэдбери на русский язык «машиной» и переводчиком. Также в работе описываются неточности в нейронном машинном переводе и анализ перевода Льва Жданова.

Ключевые слова: Рэй Брэдбери, искусственный интеллект (ИИ), машинный перевод, художественный перевод.

Summary. The research is aimed to comparative analyze of AI translation, focusing on the novelistics by R. Bradbury. The article examines two variants of translation of the story *A Sound of Thunder*: one made by specialized AI program (the Claude-Sonnet 3.5 model) and the other – written by Lev Lvovich Zhdanov (USSR). The relevance of the research is determined by possibilities of conveying Ray Bradbury's individual style into Russian, by both machine and a man. The article also describes inaccuracies in neural machine translation and provides an analysis of the translation done by Lev Zhdanov.

Key words: Ray Bradbury, artificial intelligence (AI), machine translation, literary translation.

Одной из важнейших проблем для переводчика является сохранение авторского идиостиля. Понятие «идиостиль» включает в себя особый подход к выбору стилистики произведения, композиции, лексики, а также к составлению психологического портрета персонажей на основе своей картины видения мира.

Перевод произведений, относящихся к жанру научной фантастики, речь о которых пойдет в настоящей статье, может быть осложнена из-за следующих проблем:

- наличие научной и псевдонаучной терминологии, которая зачастую не имеет русских эквивалентов;
- наличие т.н. «квазиреальностей», которые служат для имитации реальности с фантастическими элементами;
- наличие авторских окказионализмов и авторского новояза;
- соответствие/несоответствие научных парадигм с авторским стилем;
- необычные грамматические и стилистические конструкции.

В качестве материала для данного исследования был выбран отрывок из научно-фантастического рассказа Р. Д. Брэдбери «A Sound of Thunder».

Рэй Дуглас Брэдбери – американский писатель-фантаст, проявивший себя как футуролог, гуманист, психолог, философ и новатор. Его произведения, с одной стороны, представляют собой изображение личных идей и переживаний; с другой стороны, Брэдбери обращается к социальной проблематике: критикует зависимость общества потребления от технологий, ведущую к дегуманизации, подчеркивает роль семьи в формировании подрастающего поколения и личности в целом, а также отмечает доминирующую роль природы в жизни на Земле.

Для идиостиля Р. Брэдбери характерны следующие особенности: в рамках одного произведения могут сочетаться элементы научной фантастики, триллера, детектива, исторического, психологического и/или философского романа; писатель по обыкновению выступает в роли рассказчика-посредника; наличие дидактического подтекста (формирующего притчеобразный характер произведения) и авторское иномирие – квазиреальность, внимание в которой приковано к минимуму ёмких символичных образов и метафор, что в свою очередь способствует компрессии смысла.

«A Sound of Thunder» (рус. «И грянул гром») – это «сафари» в мезозойскую эру. Идея рассказа сводится к осознанию существенной роли любого живого организма в эволюционном процессе на Земле. Уже само название может стать «экзаменом». Название «A Sound of Thunder» (дословно «Звук Грома») было переведено Л. Ждановым как «И грянул гром». Таким образом переводчик передал авторское предупреждение о надвигающейся мировой катастрофе.

Из языковых особенностей идиостиля Р. Брэдбери в данном рассказе следует отдельно отметить символизм, метафоризацию квазиреальной действительности, обилие эмотивной лексики и употребление цветообозначений в описаниях (в т.ч. когда речь идет о вторичности мира). Следовательно, переводчику предстоит не только интерпретировать средства стилистической выразительности, но при этом постараться сохранить динамику описания, придающую тексту особую ритмику.

Изучим подробнее отрывок из рассказа «A Sound of Thunder»: «It came on great oiled, resilient, striding legs. It towered thirty feet above half of the trees, a great evil god, folding its delicate watchmaker's claws close to its oily reptilian chest. Each lower leg was a piston, a thousand pounds of white bone, sunk in thick ropes of muscle, sheathed over in a gleam of pebbled skin like the mail of a terrible warrior. Each thigh was a ton of meat, ivory, and steel mesh. And from the great breathing cage of the upper body those two delicate arms dangled out front, arms with hands which might pick up and examine men like toys, while the snake neck coiled. And the head itself, a ton of sculptured stone, lifted easily upon the sky. Its mouth gaped, exposing a fence of teeth like daggers. Its eyes rolled, ostrich eggs, empty of all expression save hunger. It closed its mouth in a death grin» [7].

В данном отрывке среди стилистических приемов отметим метафоризацию, использование градации для нарастания саспиенса в описании динозавра, перечисление, сравнение, гиперболу, отсутствие союзов, а также использование параллельных конструкций (анафору).

Рассмотрим перевод Л. Л. Жданова: «Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах. Оно за тридцать футов возвышалось над лесом – великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги – могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими каналами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро – тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза – страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в зловещем оскале» [1].

В переводе Льва Львовича Жданова отметим, что автор попытался сохранить как структуру произведения, которое относится к научно-фантастическому жанру, и предполагает создание квазиреальности (в данном случае – это путешествие в прошлое), так и авторский стиль произведения, в котором читателю предлагается гротескное описание живого существа как механизма.

При этом присутствуют элементы вольного перевода для усиления эмфатической нагрузки и адаптации метафор: *a great evil god, folding its delicate watchmaker's claws close to its oily reptilian chest* – великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии; *the head itself a ton of sculptured stone* – тысячекилограммовый каменный монолит головы.

Прием калькирования можно наблюдать в следующих примерах: *on great oiled, resilient, striding legs* – на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах; *from the great breathing cage of the upper body* – из

громадной вздымающейся грудной клетки; *its eyes rolled, ostrich eggs, empty of all expression save hunger* – вращались глаза – страусовые яйца, не выражая ничего кроме голода.

Культурную адаптацию видим в примере *like the mail of a terrible warrior* – подобно кольчуге грозного воина (кроме того, здесь также можно отметить генерализацию: переводчик использует «кольчуга» вместо «доспехи»).

К синтаксическим трансформациям отнесем инверсию: *its eyes rolled* – вращались глаза; *those two delicate arms dangled out* – торчали две тонкие руки; использование тире для усиления образности: *above half of the trees* – над лесом, *a great evil god* – великий бог зла; *each lower leg was a piston* – ноги – могучие поршни.

Отметим адекватность перевода в вопросе передачи лексической стороны оригинала: *a thousand pounds of white bone, sunk in thick ropes of muscle sheathed over in a gleam of pebbled skin* – тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими канатами мышц под блестящей морщинистой кожей; в т.ч. в работе над эпитетами («лоснящихся», «пружинящих», «мягко ступающих») и сравнениями: *a fence of teeth like daggers* – частокол зубов-кинжалов.

В настоящее время происходит активное изучение и разработка информационных технологий, а также внедрение их в различные сферы деятельности, в том числе и в сферу перевода: создание и модификация языковых корпусов, электронных словарей, вычислительной лексикографии, проведение исследований контрастной лексикологии, сравнительной лексикографии и т.д. Также нельзя не отметить мировую тенденцию развития искусственного интеллекта [5, 6]. Благодаря этому сфера перевода выходит на новый уровень: от браузерных переводчиков и мобильных приложений до специализированной нейросети, способной создавать и переводить текст. Еще недавно подобного рода перевод простых текстов был низкого качества. Однако, все изменилось. Ученые провели сравнительное исследование переводов новых моделей ИИ с текстами, выполненными профессионалами, и выявили, что технология может напрямую конкурировать с человеком при переводе литературных произведений [2].

Рассмотрим перевод выбранного отрывка, выполненный ИИ: «Он шёл на огромных смазанных, упругих, шагающих ногах. Он возвышался на тридцать футов над половиной деревьев, великое злое божество, складывающее свои изящные часовщицкие когти близко к своей маслянистой рептильей груди. Каждая нижняя нога была как поршень, тысяча фунтов белой кости, погружённой в толстые канаты мышц, покрытых блестящей пятнистой кожей, как доспехи ужасного воина. Каждое бедро было тонной мяса, слоновой кости и стальной сетки. А из огромной дышащей клетки верхнего тела свисали вперед две изящные руки, руки с пальцами, которые могли поднять и рассмотреть людей, как игрушки,

в то время как змеиная шея извивалась. А сама голова, тонна высеченного камня, легко поднималась к небу. Его пасть разверзлась, обнажая частокол зубов, подобных кинжалам. Его глаза вращались, как страусиные яйца, пустые от всякого выражения, кроме голода. Он сомкнул пасть в смертельной ухмылке» [8].

В данном варианте перевода преобладают буквализмы, которые с одной стороны, не нарушают общего смысла отрывка, но с другой стороны, снижают качество перевода [3, с. 242-244]. Здесь ошибки следует разделить на следующие категории:

1) ослабление динамики описания образа: *it* – он; *on oiled, resilient, striding legs* – на огромных смазанных, упругих, шагающих ногах; *a great evil god* – великое злое божество; *the head itself, a ton of sculptured stone* – голова, тонна высеченного камня; *a fence of teeth like daggers* – частокол зубов, подобных кинжалам;

2) неестественные для русского языка словосочетания: *thirty feet above half of the trees* – на тридцать футов над половиной деревьев; *watchmaker's claws* – часовщицкие когти; *reptilian chest* – рептилья грудь; *each lower leg* – каждая нижняя нога;

3) неточная передача метафор в отрыве от контекста: *steel mesh* – стальная сетка; *terrible warrior* – ужасный воин; *its mouth gaped* – его пасть разверзлась; *empty of all expression save hunger* – пустые от всякого выражения, кроме голода; *in a death grin* – в смертельной ухмылке;

4) нарушение стилистического единства: *thousand pounds of white bone, sunk in thick ropes of muscle* – тысяча фунтов белой кости, погруженной в толстые канаты мышц; *from the great breathing cage of the upper body* – из огромной дышащей клетки верхнего тела.

Подводя итог, можно отметить, что несмотря на активную работу над совершенствованием искусственного интеллекта, перевод, выполненный нейросетью, пока значительно уступает по качеству переводу, выполненному профессиональным переводчиком. Это происходит вследствие нарушений критериев качества, к которым отнесем прозрачность перевода; точность перевода фразеологизмов; отсутствие ошибок, искажающих стилистику оригинала; отсутствие орфографических и грамматических ошибок; соответствие синтаксиса ПЯ и соответствие оригиналу; сохранение семантики текста, а также сохранение в переводе прагматического аспекта оригинала [4, с. 293].

Вместе с этим возникает вопрос: сможет ли ИИ в будущем заменить человеческий ресурс в сфере перевода? Ответ: в ближайшее время не сможет, и вот по каким причинам. Во-первых, проведенный анализ показал, что ИИ переводит художественный текст без учета всех особенностей контекста. Во-вторых, происходят нарушения при передаче грамматических и синтаксических конструкций на целевой язык: длинные и сложные предложения переводятся целиком и дословно, что усложняет процесс восприятия текста; средства художественной выразительности и слова-

реалии интерпретируются неправильно, что приводит к искажению авторского стиля. Вследствие чего также происходит неверная передача психологического портрета персонажей, их действий и искажается атмосфера текста. Итог – можно констатировать, что на данном этапе технологического развития ИИ пока не способен корректно распознавать и исправлять ошибки при работе с художественным переводом и при последующем его редактировании.

Список использованных источников

1. Брэдбери Р. И грянул гром [Электронный ресурс] // Книги – URL: https://4italka.site/fantastika/nauchnaya_fantastika/570028/fulltext.htm (дата обращения: 31.12.2024).

2. ИИ переводит литературные произведения. И почти не уступает человеку-переводчику. (электронный ресурс) // Techinsider – URL: https://www.techinsider.ru/technologies/news-1565203-ii-perevodit-literaturnye-proizvedeniya-i-pochti-ne-ustupaet-cheloveku-perevodchiku/ (дата обращения: 18.12.2024).

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз – М. Высш. шк., 1990 – 253 с.

4. Мошкович В. В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – 2013. – №10. – 326 с.

5. Норец М. В. Художественный перевод и искусственный интеллект: традиция и новаторство / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №12 (150). – URL: https://research-journal.org/archive/12-150-2024-december/10.60797/IRJ.2024.150.111 (дата обращения: 17.12.2024). – DOI: 10.60797/IRJ.2024.150.111.

6. Норец М. В. Использование искусственного интеллекта при переводе художественного текста (на примере романа Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь») / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Том 10 (76) № 3. – С. 149-158.

7. Bradbury R. A Sound of Thunder [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://metallicman.com/laoban4site/a-sound-of-thunder-full-text-a-story-by-ray-bradberry/ (дата обращения: 27.12.2024).

8. Claude sonnet-3.5 [Электронный ресурс] // GPTunneL - ChatGPT, Claude и MidJourney - официально в России на русском языке –https://gptunnel.ru/s/H1ahad (дата обращения: 28.12.2024)

УДК 0-25.5:81`374

ВИРТУАЛЬНАЯ ВЫПОЛНЕННАЯ СПРАВКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БИБЛИОТЕК ФРАНЦИИ

В. В. Гончарова,
к.пед.н., доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Аннотация. Цель работы – анализ работы служб виртуальной справки библиотек Франции с лексикографической информационной точки зрения на примере архивов выполненных справок открытого доступа для пользователей. Репрезентативно приведены справки лексикографической направленности.

Ключевые слова: виртуальная выполненная справка, лексикография, справочно-библиографическое обслуживание.

Abstract. The aim of this paper is to analyse the work of the virtual reference services of French libraries from the lexicographic information point of view, using the example of the archives of open-access reference services for users. References of lexicographical subjects are given representatively.

Key words: digital reference, lexicography, reference bibliographic services.

Термин «виртуальная выполненная справка» или сокращенно ВВС давно уже вышел из сферы информационно-библиотечных наук и стал знаком многим зарубежным и российским пользователям.

Истории, анализу развития, современного состояния данного справочно-библиографического процесса в России, результатом которого непосредственно и является виртуальная выполненная справка, посвящено немало научных работ отечественных учёных, например, монографии В. В. Гончаровой [1, 2, 3], Е. Д. Жабко [4], М. Ю. Нещерет [5] и др. Зарубежный опыт отражен в немногочисленных статьях российских специалистов М. Ю. Нещерет [6, 7], Е. А. Новиковой [8], Н. С. Редькиной [9] и др.

Интерес к данной теме французским научным сообществом был непродолжителен. О чём свидетельствует следующий факт. Периодическое издание «Le **Bulletin des bibliothèques de France»** (ВВС – *Бюллетень библиотек Франции*; *перевод в статье сделан В. В. Гончаровой*), созданный в 1956 году во Франции Министерством национального образования, стало профессиональным журналом в области информационно-библиотечных наук и получило мировое признание. На его страницах с 1956 по 2024 год было опубликовано всего лишь 7 статей, датированных 2003-2009 годами, посвященных теме виртуального справочно-библиографического обслуживания. Публикации носят в основном общий, декларирующий и анонсирующий характер.

Скорее всего французское общество было готово к переходу от традиционного обслуживания библиотек к виртуальному. Этот трансфер был продиктован глобальными информационными изменениями. Так, например, по этому поводу писал J.-Ph. Accart: «Nul doute, la direction prise

par les services de référence traditionnels vers la référence virtuelle est une évolution souhaitable et quasiment irréversible» [10, с. 102]. (*Без сомнения, направление, взятое традиционными справочными службами к виртуальной справке, – ожидаемая и практически необратимая эволюция*).

Библиотеки Франции благодаря такому переходу не только не потеряли своих читателей, но и увеличивают их количество с каждым годом, о чём свидетельствуют следующие данные. Национальную библиотеку Франции (La **Bibliothèque nationale de France,** BnF) в 2024 году виртуально посетили 1,7 миллионов пользователей, что на 200 000 больше, чем в предыдущем году. Следует также отметить, что годовой бюджет данной библиотеки составляет более 270 миллионов евро [11].

Служб виртуальной справки (СВС) относительно немного, например, «Euêkoi» (бывшая «BiblioSésam»), «Le Guichet de savoir», «Ubib», «Rue des Facs», «SINDBAD», «Questions? Reponse!» и др. Информацию о них можно получить непосредственно на сайте библиотеки или в информационных источниках [13, 14, 16]. Открытый доступ к архиву выполненных справок предоставляют для пользователей не все библиотеки. Рассмотрим только некоторый из них из-за ограничения объёма материала, предъявляемого к данному научному жанру текста – статье.

Тематическая направленность у служб виртуальной справки разнообразна, например:

- СВС «Questions? Reponses!» Ecole nationale supérieure des sciences de l'information et des bibliothèques (Enssib) *(«Вопрос? Ответ! Высшая школа информационно-библиотечных наук*). Данная служба предоставляет тематическую информацию только по информатике и библиотековедению. Поиск в архиве возможен по ключевым словам.

- СВС «Le Guichet de savoir» («*Окно знаний*») библиотеки города Лиона имеет расширенный поиск в архиве справок: по ключевому слову, по теме (13 наименований), по тэгам (144 наименования) и т.д.

- «SINDBAD» (Service d'Information des Bibliothécaires à Distance – *Информационная служба библиотекарей онлайн*) Национальной библиотеки Франции. Поиск проводится по ключевому слову или теме (19 наименований).

Для предпринятого анализа виртуальных выполненных справок лексикографической направленности архивов библиотек Франции открытого доступа за рабочее определение было взято следующее: «Виртуальная справка лексикографической направленности – лексикографический и информационный ресурс, медиатор между библиотекой и пользователем» [2, с. 164].

Корпус выполненных справок лексикографической направленности составлялся из архивов с помощью поиска по ключевому слову «dictionnaire». Приведём несколько примеров справок данного вида в сокращенном виде с переводом.

Пример № 1. СВС «Le Guichet de savoir».

«Question d'origine:

S'il est relativement facile, avec un Dictionnaire,de trouver la définition précise d'un mot, inconnu(entendu ou lu); comment faire pour -opération inverse-, connaissant une description ou définition personnelle, forcément plus ou moins détaillée, chercher un mot, idée, concept aussi précis que possible?

Réponse du service Guichet du Savoir:

Un dictionnaire inverse est un dictionnaire, qui permet de rechercher un mot à partir de sa définition. Les dictionnaires sous forme informatique peuvent éventuellement fonctionner suivant ce mode. Par exemple le Trésor de la langue française informatisé permet de faire ce type de recherche.

Un dictionnaire inverse est aussi un dictionnaire avec lequel nous pouvons rechercher un mot par sa terminaison (Ils utilisent évidemment l'ordre alphabétique). source : wikipedia. En voici quelques exemples: littera.org, TLFI.

Un dictionnaire inversé, comme terminaison.exionnaire.com, trie les mots par leur terminaison. C'est un outil pour comparer les finales des mots et détecter les suffixes» [12].

(**Вопрос:** *Если с помощью словаря сравнительно легко найти точное определение незнакомого слова (услышанного или прочитанного), то как найти -обратная операция- слово, идею или концепцию, которые были бы максимально точными, используя личное описание или определение, которое обязательно должно быть более или менее подробным?*

Ответ от службы Guichet du Savoir:

Обратный словарь – это словарь, который позволяет искать слово по его определению. Подобным образом могут работать компьютерные словари. Например, Trésor de la langue française informatisé позволяет осуществлять такой поиск.

Обратный словарь – это также словарь, в котором можно искать слово по его окончанию (в них, очевидно, используется алфавитный порядок). источник: wikipedia. Вот несколько примеров: littera.org, TLFI.

Обратный словарь, например, terminaison.exionnaire.com, сортирует слова по их окончанию. Это инструмент для сравнения окончаний слов и выявления суффиксов).

Пример № 2. CBC «Questions? Reponses!».

«Question: Quelle est la différence entre un mot clé et un descripteus

Réponse:

"Mot clé" et "descripteur" sont deux termes qui servent à caractériser le contenu d'un document.

Un mot clé est issu du langage naturel, et peut donc être utilisé très facilement par tout un chacun.

Un descripteur est issu d'un vocabulaire contrôlé (thesaurus ou liste d'autorité, comme Rameau): il est donc utilisé uniquement par les professionnels de la documentation.

Voici les définitions que donne le Vocabulaire de la documentation de l'ADBS http://www.adbs.fr/vocabulaire-de-la-documentation-41820.htm

- Mot clé: "Mot ou expression choisi généralement dans le titre ou le texte d'un document pour en caractériser le contenu et en permettre la recherche. Il constitue un point d'accès. Il est à distinguer d'un descripteur, qui est un terme normalisé dans un thésaurus."

- Descripteur: "Terme retenu dans un thésaurus pour représenter sans ambiguïté une notion contenue dans un document ou dans une demande de recherche documentaire. Ce peut être un nom commun ou un nom propre (nom géographique, de société, de personne, terme taxonomique, etc.), une locution, un mot composé ou un groupe de mots" [15].

(**Вопрос:** *В чем разница между ключевым словом и дескриптором?*

Ответ:

«Ключевое слово» и „дескриптор“ – это два термина, используемые для характеристики содержания документа.

Ключевое слово происходит из естественного языка и поэтому может быть очень легко использовано любым человеком.

Дескриптор берется из контролируемого словаря (тезауруса или авторитетного списка, например, Рамо): поэтому он используется только профессионалами в области документоведения.

Вот определения, приведенные в Словаре документоведения ADBS http://www.adbs.fr/vocabulaire-de-la-documentation-41820.htm.

- Ключевое слово: «Слово или выражение, обычно выбираемое в названии или тексте документа, чтобы охарактеризовать его содержание и обеспечить возможность поиска. Оно представляет собой точку доступа. Его следует отличать от дескриптора, который является стандартным термином в тезаурусе».

- Дескриптор: «Термин, используемый в тезаурусе для однозначного представления понятия, содержащегося в документе или в запросе на поиск документа. Это может быть общее или собственное существительное (географическое название, название компании, личное имя, таксономический термин и т. д.), местоимение, сложное слово или группа слов»).

Справка лексикографической направленности является, с одной стороны, результатом лексикографического информационного дискурса и, с другой стороны, отправной точкой нового его развития. Как показало предпринятое исследование, данный вид справки следует назвать неисчерпаемым источником для креативного лексикографического и информационного развития работников библиотек и пользователей.

Список использованных источников

1. Гончарова В. В. Лексикографические информационные ресурсы в справочно-библиографическом обслуживании: монография. СПб.: Изд-во СПбГЭУ.– 2024. –161 с.
2. Гончарова В. В. Лексикографические ресурсы в виртуальной среде: монография СПб.: Изд-во СПбГЭУ. – 2018. – 203 с.
3. Гончарова В. В. Лексикографические ресурсы в научно-информационной деятельности: монография СПб.: Изд-во СПбГЭУ.– 2017. – 199 с.
4. Жабко Е. Д. Справочно-библиографическое обслуживание: монография. СПб.:

Изд-во РНБ.– 2006. – 387 с.

5. Нещерет М. Ю. Библиографический поиск. Эволюция и современность: монография. СПб.: Профессия. – 2010. – 252 с.

6. Нещерет М. Ю. Справочно-библиографические службы отечественных и зарубежных библиотек: сходства и различия // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2018.– № 13-2. С. 5-12.

7. Нещерет М. Ю. Справочное обслуживание в библиотеках США: от классической модели к многоуровневой [Электронный ресурс]. – URL: http://theoryofculture.ru/issues/128/1580/ (дата обращения: 10.01.2025).

8. Новикова Е. А. «Галлика – французская электронная библиотека // Медиаскоп. – 2013. – № 1. – С. 13-18.

9. Редькина Н. С. Европеана: цифровое культурное наследие Европы // Ученые записки (АГАКИ). – 2020. – № 1. – С. 89-96.

10. Accart J.-Ph. Les services de référence, du présentiel au virtuel // Bulletin des bibliothèques de France (BBF). 2009. n° 3. – P. 101-102.

11. Bouhadjera H. La Bibliothèque nationale de France affiche un record de fréquentation [Электронный ресурс]. – URL: https://actualitte.com/article/121263/bibliotheque/la-bibliotheque-nationale-de-france-affiche-un-record-de-frequentation (дата обращения: 10.01.2025).

12. Le Guichet de savoir [Электронный ресурс]. – URL: https://www.guichetdusavoir.org (дата обращения: 10.01.2025).

13. Mettre en place un service de refrence virtuel: fiche pratique [Электронный ресурс]. – URL: https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/documents/1692-mettre-en-place-un-service-de-reference-virtuel.pdf

14. Services de référence virtuel [Электронный ресурс]. – URL: https://bibliopedia.geobib.fr/wiki/Service_de_référence_virtuel (дата обращения: 10.01.2025).

15. Services de référence virtuels en France [Электронный ресурс]. – URL: https://www.enssib.fr/services-et-ressources/questions-reponses/services-de-reference-virtuels-en-france (дата обращения: 10.01.2025).

16. SINDBAD: Bibliothèque Nationale de France [Электронный ре ресурс]. – URL: https://sindbadbnf.libanswers.com/search/?q=dictionnaire&t=0 (дата обращения: 10.01.2025).

УДК 130.2:314.743

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ: О ТОЧКАХ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

О. Р. Демидова

д.фил.н., профессор, профессор кафедры философии,
ЛГУ имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье предложен сопоставительный анализ деятельности переводчика и комментатора с точки зрения целей, задач, инструментария и стратегий, на которых основаны та и другая. В результате проведенного сопоставления автор приходит к выводу, что функциональная роль переводчика и комментатора в культуре в равной степени амбивалентны, поскольку комментарий всегда представляет собой культурный перевод авторского текста, а перевод является своего рода интерпретационным комментарием оригинала, основанным на выборе, осуществляемом переводчиком с опорой на его культурный багаж, профессиональный опыт, эстетические преференции и тип личности.

Ключевые слова: перевод, комментарий, переводчик, комментатор, автор, текст, оригинал, культура, традиция, язык, личность, выбор.

Summary. The article presents a comparative analysis of a translator's and a commentator's activities in the perspective of their aims, tasks, instruments, and strategies. On the basis of the undertaken comparison the author argues that the functional cultural roles of the both are equally ambivalent, as a commentary is always a cultural translation of the author's texts while a translation can be regarded as a sort of a translator's interpretational commentary of the original based on his cultural background, professional experience, aesthetic preferences, and personality.

Key words: translation, commentary, translator, commentator, author, text, original, culture, tradition, language, personality, choice.

На первый взгляд, перевод и комментарий представляют собой разные виды деятельности, в результате которых создаются тексты разных жанров, занимающие в жанровой иерархии разное место. Результатом перевода становятся ранее созданные, но выраженные на другом языке тексты, относящиеся к основному корпусу жанров: романы, повести, рассказы, стихотворения, поэмы, драматические произведения, научная и научно-популярная проза. Результатом комментирования являются новые тексты на родном языке, которые принято относить к вспомогательным жанрам, зримым признаком чего является прежде всего отводимое им место в книге за основным текстом: в сносках, постраничных и затекстовых ссылках, в разделе научного и справочного аппарата. Кроме того, читатель, особенно если речь идет о художественных произведениях, нередко пренебрегает комментарием, сосредоточиваясь на перипетиях сюжета.

Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении между переводом и комментарием достаточно легко обнаружить очевидное сходство как на уровне объекта деятельности и ее цели, так и на уровнях аксиологическом, эстетическом, стилистическом и индивидуально-антропологическом, задаваемым типом личности и уровнем мастерства переводчика и комментатора.

Прежде всего, и тот, и другой имеют дело с *чужим* текстом, созданным другой личностью, в иных экзистенциальных условиях и культурной традиции (а во многих случаях – и в другую эпоху); человеком с иным психоэмоциональным складом, жизненным опытом, культурным багажом и аксиологическими установками. При этом перевод и комментарий объединяет одна и та же цель: сделать переводимый и / или комментируемый текст доступным для максимально полного и адекватного восприятия читателем, обладающим, в свою очередь, собственными опытом, багажом, установками, а равно и уровнем знаний, далеко не всегда достаточным для должного понимания того или иного текста. Задача переводчика и комментатора состоит в том, чтобы, с одной стороны, текст «заговорил» с читателем, с другой – чтобы читатель его «услышал» и оценил по достоинству.

У переводчика и комментатора в значительной мере одни и те же «орудия труда»: словари самого широкого спектра, справочные и

энциклопедические издания разного рода, мемуарные, дневниковые и эпистолярные тексты эпохи, в которую был создан переводимый или комментируемый текст, нередко – материалы периодической печати.

И переводчику, и комментатору необходимо умение читать текст вглубь, постигая ход и логику мысли автора, проникая во все детали узкого и широкого контекста[2], подмечая тончайшие стилистические нюансы, узнавая и улавливая неочевидное: намеки на события, описания «от противного», построенные на языковых и культурных тропах портреты и детали исторических событий, аллюзии и скрытые цитаты разного рода, перифразы, игру слов и мн. др. В первом случае – чтобы найти оптимальное соответствие в языке и культуре перевода, во втором – чтобы наметить позиции для комментария, выстроить его стратегию и понять возможные поля и границы комментаторского поиска. Не случайно самыми сложными как для перевода, так и для комментирования являются тексты т. наз. автофикциональных жанров: мемуары, дневники, эпистолярий и автобиография, максимально погруженные в эпоху и (суб)культуру, в рамках которых они были созданы, и изобилующие деталями, понятными лишь современникам и людям одного с автором круга. К таковым относятся общекультурные и бытовые реалии, окказионализмы, профессионализмы, жаргонизмы, словечки из домашнего, литературно- и культурно бытового обихода, псевдонимы, криптонимы и интимные прозвища, отсылки к понятиям, происшествиям и артефактам, понятным лишь узкому кругу лиц – непосредственных участников событий и / или их знакомых и родственников. Все эти элементы возникают в процессе повседневной жизни, циркулируют в определенном кругу, передаются из уст в уста от поколения к поколению, входят в пространство культурной истории и мифологии и фиксируются, как правило, в автофикциональных, но зачастую и в художественных текстах. Разумеется, в ходе указанных процессов они претерпевают разного рода трансформации, переходя из одного контекстуального поля в другие и обрастая новыми смыслами, замещающими или поглощающими исходные, что существенно усложняет задачу переводчика, добавляя к ней и комментаторскую составляющую и тем самым объединяя функции переводчика и комментатора в одном лице.

Вариативная парадигма задач и форм комментирования, с которыми приходится иметь дело переводчику, достаточно широка. Самый простой вариант – формальная неразвернутая постраничная или затекстовая сноска,

---

[2] Ср., напр., мнение французского писателя, литературного критика и переводчика В. Ларбо, в статье «Весы переводчика» (1935) определяющего переводчика как «взвешивателя слов»: «На одну чашку весов мы кладем, одно за другим, слова автора, а на вторую прикидываем по очереди энное количество слов того языка, на который мы этого автора переводим, и ждем момента, когда чашки окажутся в равновесии. <…> Работа была бы легкой, если бы мы взвешивали не слова автора, а слова из словаря; но в том-то и суть, что это слова автора, отмеченные и проникнутые его личностью, почти незаметно, однако же очень существенно изменившие свой “голый” смысл в силу замысла автора и поворота его мысли, доступных нам лишь при глубоком понимании всего контекста»; цит. по: [3, с. 214].

объясняющая ту или иную культурную реалию: меры объема, веса и длины; культурные артефакты, например, предметы религиозного и секулярного бытового обихода, одежды, стилевые особенности, значимые даты; различия календарной специфики; «говорящие» имена, прозвища и клички; религиозные и светские праздники; специфические примеры флоры и фауны и пр. т.п.

Вариант самого высокого порядка – полноценный многоуровневый научный комментарий тех или иных элементов текста, без которого невозможно его адекватное восприятие. При этом оба варианта требуют от переводчика не только достаточно внушительного объема знаний, но и исследовательского «чутья», умения вести поиск, хорошо ориентироваться в многообразии источников информации и аналитически сопоставлять предлагаемые различными источниками сведения.

Вышесказанное приложимо к текстам всех жанров – поэтому совершенно на случайно появление в отечественной традиции серий комментированных переводных изданий художественных, научно-популярных и научных текстов и издательств, специализирующихся на выпуске подобных серий. Из наиболее известных следует упомянуть «Литературные памятники» и «Всемирную литературу» советского периода (издательства «Наука» и «Художественная литература» соответственно), постсоветские издания зарубежной научной классики и работ современных авторов издательствами «Академический проект», «Новое литературное обозрение» и др. Однако первым издательством, поставившим перед собой цель подготовить лучшие образцы зарубежной классической литературы в хороших переводах, снабдив их добротным комментарием, явилась основанная в 1918 г. по инициативе М. Горького петроградская «Всемирная литература», см. предуведомление к списку запланированных к изданию книг: «Этой серии книг будет придан характер издания научно-популярного, и она предназначается для читателей, которые пожелали бы изучить историю литературного творчества в промежутке между двумя революциями (Великой французской революцией 1789 г. и Октябрьской революцией 1917 г – *О. Д.*); книги будут сопровождаться предисловиями, биографиями авторов, очерками эпохи, создавшей ту или иную школу, группу, книгу, примечаниями историко-литературного характера, библиографическими заметками. Таких книг предполагается издать более тысячи пятисот, размером в двадцать печатных листов, то есть в триста двадцать нумерованных страниц»[3] [цит. по: 3, с. 85].

[3] См. также о планах издательства: «а) перевод на русский язык избранных произведений иностранной художественной литературы второй половины XVIII в., всего XIX и начала XX в., б) снабжение этих произведений вступительными статьями, примечаниями и рисунками и в) издание вышеуказанных произведений, а также избранных произведений русских писателей XVIII, XIX и XX вв.» [цит. по: 1, с. 71]. В силу ряда объективных обстоятельств планы были реализованы далеко не полностью: в 1918 – 1922 гг. были подготовлены к изданию 900 книг, а изданы лишь 59, см. «Список рукописей, находящихся в портфеле “Всемирной литературы” на 1 января 1923 г.» [4]. Подробнее с обширной литературой вопроса

Показательно, что перевод и комментарий рассматривались как самостоятельные этапы подготовки книг к изданию: переводы выполнялись известными литераторами и переводчиками (или использовались изданные до 1917 г.), а для работы над комментарием и другими составляющими научного аппарата привлекались ведущие дореволюционные исследователи – историки, филологи, искусствоведы, востоковеды. Для руководства научной и переводческой деятельностью была создана Коллегия экспертов в составе К. Чуковского и Е. Замятина (отвечали за подготовку и издание произведений англо-американской литературы), Н. Гумилева и А. Левинсона (французской), А. Блока, Ф. Батюшкова и Ф. Брауна (немецкой), А. Волынского (итальянской), Г. Лозинского (испанской). В 1919 г. был создан Восточный отдел Коллегии в составе акад. И. Крачковского (подготовка изданий в переводах с арабского), акад. С. Ольденбурга (с индийского), акад. Б. Владимирцова (с монгольского), акад. В. Алексеева (с китайского).

Вместе с тем, следует отметить, что не только переводчик, но и комментатор по сути дела выступает в двуединой роли, поскольку комментарий – это всегда перевод, причем, двойной: а) с языка реалий и артефактов культуры и эпохи оригинального текста на язык эпохи и культуры его предполагаемого восприятия и б) с языка свободной авторской фантазии, нередко граничащей с мифотворчеством, на строгий язык факта. Из этого следует основное телеологическое и практическое различие переводческого и комментаторского перевода. Первостепенная цель и основная задача переводчика состоят в сохранении «чужого голоса» в переводимом тексте, т.е., в максимально возможной передаче эстетики, стилистики и культурной специфики последнего, в силу чего внимание сосредоточивается на поэтике оригинала и поиске адекватных лингво-культурных средств из арсенала воспринимающей культуры. Комментатор стремится, во-первых, понять причины, логику и функциональный механизм вольных или невольных допущенных автором неточностей и искажений, во-вторых, соотнести авторский текст с реальной действительностью, вписав его в соответствующий культурно-контекстуальный дискурс эпохи.

Очевидно, что и переводчик, и комментатор выполняют амбивалентную культурную функцию. Комментарий всегда представляет собой вариант культурного перевода, тогда как перевод всегда возможно рассматривать как своего рода интерпретационный комментарий, поскольку он являет читателю тот вариант оригинального текста, который увидел и сумел передать переводчик, в своем прочтении текста и выборе средств для его передачи на другом языке неизменно сообразуясь со своими знаниями, эстетическими и профессиональными установками и типом

см.: [2]; кроме того, в настоящее время Я.Д. Чечнёвым (ИМЛИ РАН) готовится посвященная истории издательства монография.

личности.

Список использованных источников

1. Горький А. М. – организатор издательства «Всемирная литература» (1918–1921 гг.) / Подгот. докум. к печати и коммент. М. В. Дзванкауской и М. И. Рыбинского. Пред. А. С. Мясникова // Исторический архив. – 1958. – № 2. – С. 67-95.
2. Демидова О. Р. Издательство «Всемирная литература» в воспоминаниях писателей-эмигрантов // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. – СПб.: Наука. – 2010. – С. 139-157.
3. Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. – М.: Прогресс. – 1987. – 640 с.
4. ЦГАЛИ СПб. – Ф. 46. № 58. – Л. 376-391.

УДК 81`255.4

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА «ДНЕВНИК ПАМЯТИ» НИКОЛАСА СПАРКСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА

Э. К. Джапарова,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
Э. С. Зейтуллаев,
обучающийся бакалавриата, кафедра английской филологии,
ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена анализу лексических и стилистических особенностей перевода романа Николаса Спаркса «Дневник памяти» на русский язык. Работа направлена на углубление понимания переводческой практики и ее значимости для сохранения литературного наследия в условиях культурной трансформации. Результаты исследования могут быть полезны как для теоретиков перевода, так и для практиков, работающих в области литературного перевода.

Ключевые слова: перевод, влияние, читатель, восприятие, современность, трансформация, образ.

Summary. This article is dedicated to the analysis lexical and stylistic peculiarities of the translation of novel «The notebook» by Nicholas Sparks into Russian language. The work is aimed to the deep comprehension of translation practice and its importance for keeping literature heritage in condition of cultural transformation. The results of research could be beneficial for both translation theorists and practitioners, working in the sphere of literary translation.

Key words: translation, impact, reader, comprehension, contemporaneity, transformation, image.

Литература США на сегодняшний день поражает огромный круг читателей своей огромной коллекцией произведений, разнообразием стилей и направлений. Постмодернизм вошел в историю американской литературы совсем недавно, однако успел завоевать внимание многих читателей произведениями, способные не только создать картину образов в сознании читателя, а также удерживать внимание на всём протяжении сюжетной

линии.

Одним из представителей «пуританского, очищающего – purifying» подхода стал Николас Спаркс, принеся в американскую литературу 22 бестселлера, выраженный в своём стремлении создать забытого многими нравственного идеала. В произведениях Николаса Спаркса герои в основном выступают в качестве обычных людей, находящихся в необычных условиях. Для того чтобы передать все детали чувств, переживаний героев, переводчикам нужно перевести не только точно текст, но и передать через свой перевод такую же или приближённую смысловую нагрузку. Роман Николаса Спаркса «Дневник памяти» стал одним из известных произведений в жанре романтики и драмы. Его перевод на русский язык является интересным объектом исследования. Поскольку содержит множество лексических и стилистических особенностей, требующих тщательного анализа. В этой статье мы рассмотрим ключевые переводческие решения, их влияние на восприятие текста и особенности адаптации оригинала для русскоязычной аудитории.

Одной из основных задач переводчика является передача эмоциональной нагрузки оригинала. Например, в оригинальном тексте используется фраза «I am nothing without you», в русскоязычной версии «я ничто без тебя».

Оригинал: «I’ll never forget you» [1, p. 180]
Перевод: «Я никогда тебя не забуду» [2, с. 210]
Оригинал: «You’re my everything» [1, p. 102]
Перевод: «Ты — всё для меня» [2, с. 78]
Оригинал: «Her laughter was music to his ears» [1, p. 110]
Перевод: «Её смех был музыкой для его ушей» [2, с. 140]
Оригинал: «He felt a rush of emotions» [1, p. 101]
Перевод: «Он ощутил прилив эмоций» [2, с. 80]
Оригинал: «She had a sparkle in her eyes» [1, p. 107]
Перевод: «У неё сверкали глаза» [1, с. 109]
Оригинал: «Time stood still» [1, p. 200]
Перевод: «Время остановилось» [2, с. 186]
Оригинал: «It was a dream come true» [1, p. 160]
Перевод: «Это было сбывшейся мечтой» [2, с. 142]
Оригинал: «He was lost in thought» [1, p. 159]
Перевод: «Он был погружён в раздумья» [2, с. 133]
Оригинал: «Their love was a flame that never died» [1, p. 312]
Перевод: «Их любовь была пламенем, которое никогда не угасало» [2, с. 270]
Оригинал: «She felt a sense of peace» [1, p. 163]
Перевод: «Она ощутила спокойствие» [2, с. 135]

В данных переводах переводчик успешно передал смысл и эмоциональную окраску фраз. Однако в некоторых случаях выбор слов может быть менее удачным. Например, в оригинале часто встречаются

метафоры, которые могут терять свою силу в переводе:

Оригинал: «Her smile was like sunshine». [1, p. 134]

Перевод: «Её улыбка была как солнце». [2, с. 120]

Хотя перевод сохраняет общий смысл, использование более яркого образа могло бы усилить эмоциональное воздействие на читателя.

При переводе важно учитывать коннотации слов и их культурные значения. В оригинале встречается выражение: «He had a heart of gold» [1, p. 175], в переводе «У него было золотое сердце» [2, с. 140].

В русском языке фраза «золотое сердце» также имеет положительную коннотацию, однако, можно было бы использовать более привычное для русскоязычного читателя выражение «доброе сердце», что могло бы сделать текст более естественным.

При переводе стоит так же учитывать и авторский стиль написания. Стиль Николаса Спаркса характеризуется простотой и эмоциональностью. Переводчик должен сохранить этот стиль, чтобы не исказить авторский замысел. Например, в оригинале часто используются короткие, лаконичные предложения: «It was a beautiful day. The sun was shining» [1, p. 33]. В переводе на русский «Это был прекрасный день. Солнце светило» [2, с. 12].

Такой подход позволяет создать атмосферу лёгкости и непосредственности. Переводчик сохраняет структуру предложений, что способствует сохранению авторского стиля.

Персонажи романа имеют свои уникальные голоса и манеру речи. Важно передать эти особенности в переводе. Например, один из персонажей может использовать разговорные выражения:

Оригинал «You gotta kidding me!» [1, p. 67]

Перевод: «Ты что, издеваешься?» [2, с. 40]

Здесь переводчик успешно передаёт разговорный стиль персонажа, что помогает создать более живую и реалистичную картину.

Выбор лексических и стилистических решений напрямую влияет на то, как читатели воспринимают текст. Переводчики должны учитывать не только язык, но и культурный контекст. Например, использование фразеологизмов и идиом может быть трудным для перевода, но их замена на эквиваленты может сделать текст более понятным для русскоязычной аудитории.

Кроме того, опросы среди читателей показывают, что одни переводы вызывают больше эмоциональных откликов, другие же наоборот. Это подчёркивает важность качественного перевода для сохранения литературного наследия.

Анализ лексических и стилистических особенностей перевода романа «Дневник памяти» Николаса Спаркса показывает, что перевод — это сложный процесс, требующий внимательного подхода к выбору слов и сохранению авторского стиля. Успешный перевод способен передать не только содержание, но и эмоции оригинала, что делает его важным инструментом в сохранении литературного наследия.

Список использованных источников

1. Спаркс Н. Дневник памяти / Н. Спаркс. – М.: Эксмо. – 2006. – 368 с.
2. Спаркс Н. Дневник памяти: перевод на русский язык / Н. Спаркс. – М.: Эксмо. – 2006. – 254 с.
3. Бакланова Н. Теория и практика художественного перевода / Н. Бакланова. – М.: Наука. – 2010. – 250 с.
4. Рейнова А. В.К вопросу о классификации языковых единиц с оценочной семантикой / А. В. Рейнова, М. В. Норец // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. Том 2. – С. 118-123.
5. Коваленко А. Лексические особенности перевода художественной литературы / А. Коваленко. – М.: Высшая школа. – 2015. – 200 с.
6. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ. – 1992. – 300 с.
7. Михайлова Т. Эмоциональная лексика в художественном переводе: проблемы и решения / Т. Михайлова. – М.: Флинта. – 2018. – 220 с.
8. Норец М.В. Лексико-семантические поля реалий фэнтези в произведениях Дж. Толкиена и Р. Сальваторе // М.В. Норец, Ю.Л. Лавренюк // Культура народов Причерноморья – Филологические науки: [научный журнал.] – Симферополь - № 277. – 2014. – С. 162-165.

УДК 82.0/.1:81.2

ДИСТОПИЯ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИРА «ГОЛОДНЫХ ИГР» С. КОЛЛИНЗ

Э. К. Джапарова,
к.филол.н., доцент
С. Р. Сеитмамбетова,
обучающийся магистратуры,
ГБОУВО РК «Крымский инженерно–педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических и стилистических особенностей перевода трилогии С. Коллинз «Голодные игры» на русский язык. Рассматриваются ключевые термины, неологизмы и эмоционально заряженные элементы текста, которые создают уникальную атмосферу дистопического мира. На основе перевода Алексея Шипулина анализируются стратегии передачи культурного контекста и стиля оригинала. Также обсуждаются теоретические аспекты перевода, опирающиеся на труды Венути, Бейкер, Найды и Хатем с Мейсоном. Сделан вывод о необходимости баланса между точностью перевода и адаптацией к целевой аудитории.

Ключевые слова: дистопия, перевод, «Голодные игры», лексика, стилистика, Алексей Шипулин, теории перевода, культурный контекст, эмоциональное напряжение, Лоренс Венути.

Summary. This article explores the lexical and stylistic features of translating Suzanne Collins’s trilogy The Hunger Games into Russian. The study examines key terms, neologisms, and emotionally charged elements that shape the unique dystopian world. Using Alexey Shipulin’s translation, the article analyzes strategies for conveying cultural context and the

author’s style. The discussion incorporates translation theories by Venuti, Baker, Nida and Hatim & Mason to address the challenges of rendering dystopian literature. The study concludes that balancing fidelity to the original text and adaptation for the target audience is essential for preserving the novel’s depth and atmosphere.

Keywords: dystopia, translation, The Hunger Games, lexis, stylistics, Alexey Shipulin, translation theories, cultural context, emotional tension, Lawrence Venuti.

Постановка проблемы. Жанр молодежной антиутопии, в котором работает Сьюзен Коллинз, предъявляет особые требования к языковым средствам: созданию уникальной терминологии, отражению социальной стратификации через речь персонажей, а также формированию мрачной атмосферы и напряженности. В трилогии «Голодные игры» язык выполняет важнейшую функцию: он не только описывает реалии дистопического мира, но и воздействует на эмоциональное восприятие читателя, включая подростковую аудиторию. Перевод таких текстов становится сложной задачей, так как переводчик должен сохранить как смысловую точность, так и стилистическую уникальность оригинала.

Проблема заключается в том, что передача дистопической лексики, культурно–специфических реалий и эмоциональной насыщенности текста может вызывать потери или искажения. Неологизмы, такие как «Трибуты» или «Перерождения», могут утрачивать символику, а социально–политическая риторика теряет свой эффект при недостаточно точной адаптации. Это особенно важно для молодежной аудитории, чье восприятие дистопии напрямую зависит от выразительности текста и его способности вызывать эмпатию.

Цель работы. Целью работы является анализ лексических и стилистических особенностей дистопического мира трилогии Сюзанны Коллинз «Голодные игры» и изучение стратегий их передачи в переводе. Исследование направлено на выявление подходов, которые способствуют сохранению атмосферы дистопии и на анализ трудностей, связанных с переводом неологизмов, речевых особенностей персонажей и культурно–специфических элементов.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

Исследовать ключевые лексические и стилистические особенности языка оригинального текста.

Проанализировать примеры переводов (на русский язык) с точки зрения передачи стилистики и смысловой точности.

Оценить, как перевод влияет на восприятие дистопического мира целевой аудиторией.

Обзор литературы. Многие исследователи отмечают, что перевод молодежной литературы требует сочетания точности и адаптации, чтобы сохранить эмоциональную насыщенность и доступность текста. Так, в работах Венути (L. Venuti) «The Translator's Invisibility: A History of Translation» подробно обсуждаются стратегии передачи культурно–специфических элементов и влияние локализации на восприятие текста.

Особое внимание уделяется неологизмам, которые часто встречаются в произведениях жанра научной фантастики и антиутопии. Исследования Хатима и Мэйсона (B. Hatim, I. Mason) «Discourse and the Translator» показывают, что неологизмы играют ключевую роль в формировании уникальности текста и требуют креативного подхода в переводе.

Кроме того, ряд работ посвящён анализу перевода речевых характеристик персонажей, которые помогают раскрыть их социальный статус, культурную принадлежность и эмоциональное состояние. Например, исследования Бейкера (M. Baker) «In Other Words: A Coursebook on Translation» подчеркивают важность передачи тональности и стилистических особенностей диалога.

Однако темы перевода дистопических произведений, особенно в жанре молодежной литературы, освещены недостаточно подробно, что делает данное исследование особенно актуальным.

Изложение основного материала.

Жанр молодежной антиутопии (Young Adult dystopian fiction) в последние десятилетия приобрел широкую популярность, привлекая внимание как читателей–подростков, так и исследователей. Одним из самых ярких примеров этого жанра является трилогия Сьюзен Коллинз «Голодные игры», которая сочетает элементы дистопического мира, социальной критики и глубоких эмоциональных переживаний персонажей. Уникальный язык произведения играет ключевую роль в создании атмосферы угнетения, контроля и борьбы за свободу, что делает его особенно сложным для перевода.

Перевод дистопических текстов, таких как «Голодные игры», требует от переводчика не только мастерства в передаче смысла, но и способности сохранить культурные, эмоциональные и стилистические особенности оригинала [2, с. 263]. В контексте молодежной литературы это становится еще более важным, так как перевод должен быть адаптирован к восприятию подростковой аудитории, сохраняя при этом ключевые элементы авторского замысла.

Лексические особенности мира дистопии

В мире «Голодных игр» важную роль играют неологизмы и специфичная лексика. Например, понятие «Трибуты» (в оригинале – *Tributes*) обозначает детей–участников игр, которых каждый дистрикт должен приносить как дань Капитолию. В русском переводе Алексея Шипулина это слово передано без изменений [1, с. 18], что позволяет сохранить культурный и эмоциональный контекст оригинала. Такой подход подчеркивает отчуждение и мрачность мира Панема.

Другим важным термином является «Перепевница» (*Mockingjay*). В оригинале это слово представляет собой гибрид двух птиц: пересмешника (*Mockingbird*) и сойки (*Jay*). Шипулин оставил это название транслитерированным, создавая новый неологизм для русскоязычной аудитории. Такой выбор удачно передает символизм этой птицы как знака

сопротивления и надежды. В то же время, другой вариант – дословный перевод как «пересмешница» – мог бы потерять важную смысловую связь с оригинальным текстом.

Стилистические особенности

Стиль произведения Коллинз насыщен краткими, эмоционально заряженными фразами, передающими напряжение и страх главной героини. Например, в сцене перед началом Игр Китнисс думает: «The waiting is unbearable» [3, p. 143]. В переводе Шипулина это передано как «Ожидание невыносимо» [1, с. 56], что точно передает суть оригинала, сохраняя его лаконичность.

Однако в некоторых случаях переводчик вынужден прибегать к адаптации. Например, фраза «They're betting on how long I'll survive» [3, p. 162] становится «Они ставят, сколько я продержусь» [1, с. 72]. Хотя смысл сохраняется, оттенок циничности в русском варианте слегка ослабевает, что связано с разницей восприятия языковых культур.

Передача эмоционального напряжения

Эмоциональное напряжение и мрачная атмосфера произведения усиливаются за счет использования особых описаний и диалогов. Так, сцена, в которой Китнисс прощается с Прим, в оригинале звучит: «Don't let them starve. You know how to hunt» [3, p. 102]. В русском переводе: «Не дай им умереть с голоду. Ты умеешь охотиться.» [1, с. 34]. Переводчик сохраняет прямоту и эмоциональную насыщенность оригинала, что позволяет читателю почувствовать ту же тревогу и ответственность.

Ещё одним примером является описание Капитолия: «Everything beautiful and bright, a lie» [3, p. 184]. В русском варианте: «Все красивое и яркое – ложь» [1, с. 101]. Здесь сохранена структура предложения и его ритм, что помогает передать чувство горечи и отчуждения, которое испытывает героиня.

Взгляд на теорию перевода

В последние годы в области теории перевода и исследования дистопической литературы наблюдается значительный прогресс. Современные подходы к теории перевода способствуют решению актуальных вопросов лингвистической науки XXI века.

Для анализа перевода произведений дистопического жанра, таких как «Голодные игры», важно учитывать основные подходы в переводоведении. Например, Лоренс Венути в своей работе «The Translator's Invisibility: A History of Translation» подчеркивает, что переводчик должен стремиться к сохранению «невидимости», избегая чрезмерной адаптации текста:

«A translator's invisibility is partly determined by the dominance of fluency in target-language texts, which allows the translated work to be perceived as the original» [7, p. 20].

Это особенно важно в переводе ключевых терминов, таких как «Трибуты» и «Перепевница», которые остаются ближе к оригиналу в русском переводе Алексея Шипулина [1, с. 18, 40]. Такой подход позволяет

сохранить культурный контекст и эмоциональный оттенок.

Юджин Найда, автор работы «The Theory and Practice of Translation» [6, p. 145-150], акцентировал внимание на теории «динамической эквивалентности», согласно которой перевод должен быть понятен целевой аудитории. Например, в сцене, где Китнисс переживает ожидание Игр, фраза «The waiting is unbearable» [3, p. 143] в переводе становится «Ожидание невыносимо» [1, с. 56]. Это сохраняет баланс между оригинальным смыслом и восприятием русскоязычного читателя.

Мона Бейкер в книге «In Other Words: A Coursebook on Translation» [3, p. 89-92] подчеркивает важность точного перевода устойчивых выражений и идиом. Так, фраза «They’re betting on how long I’ll survive» [3, p. 162] в русском переводе передана как «Они ставят, сколько я продержусь» [1, с. 72]. Хотя перевод слегка смягчает циничный оттенок, он остается понятным и эмоционально насыщенным для читателя.

Кроме того, Хатем и Мейсон в работе «Discourse and the Translator» [5, p. 110-114] обращают внимание на необходимость учета социокультурных аспектов текста. Например, социальная стратификация Панема и упоминания дистриктов в переводе отражены с сохранением деталей, что помогает читателю понять реалии дистопического мира. Так, описание Капитолия как места «где всё красивое и яркое – ложь» [1, с. 101] сохраняет оригинальный смысл и ритм, что способствует созданию нужной атмосферы.

Таким образом, современные исследования в области теории перевода и дистопической литературы предлагают новые перспективы и подходы, которые могут быть полезны для дальнейшего анализа и практики перевода в этом жанре.

Выводы. Перевод дистопической литературы, особенно такой сложной и многослойной, как «Голодные игры» С. Коллинз, требует от переводчика не только лингвистической точности, но и глубокого понимания культурного контекста. Алексей Шипулин демонстрирует умение балансировать между сохранением оригинальной лексики и адаптацией текста для русскоязычного читателя. Анализ перевода ключевых терминов и стилистических особенностей показывает, что выбор переводческих стратегий играет решающую роль в передаче смыслов и атмосферы произведения.

Обращение к теориям Венути, Найды, Бейкер, а также Хатем и Мейсона позволяет глубже понять сложности перевода дистопий и оценить профессионализм переводчика. «Голодные игры» остаются примером того, как язык может стать мощным инструментом для создания сложного, многогранного мира.

Список использованных источников

1. Коллинз С. «Голодные игры». Перевод Алексея Шипулина. – Москва: АСТ. – 2008.
2. Норец М.В. К вопросу о способах перевода реалий фэнтези (на примере

произведений "Содружество кольца" Дж. Толкиена и "Одинокий эльф" Р. Сальваторе) / М.В. Норец // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 43. – С. 262-265.

3. Baker M., & Saldanha, G. In Other Words: A Coursebook on Translation (3rd ed.). London: Routledge. – 2019. – p. 89-92.
4. Collins S. The Hunger Games. New York: Scholastic Press. – 2008.
5. Hatim B., & Mason I. Discourse and the Translator (Revised ed.). London: Longman. – 2017. – p. 110-114.
6. Nida E. A., & Taber C. R. The Theory and Practice of Translation (Reprint). Leiden: E. J. Brill. – 2015. – p. 145-150.
7. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation (2nd ed.). London: Routledge. – 2017. – p. 20-25.

УДК 1:159.947

КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ ВОЛИ А. БЕРГСОНА КАК ВАРИАНТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ВОЛИ К ЖИЗНИ А. ШОПЕНГАУЭРА

С. Л. Дунаева,
ассистент кафедры философии,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург

Аннотация: в статье автор предпринимает попытку проанализировать концепцию свободы воли А. Бергсона с точки зрения ее преемственности идей немецкой философии жизни. Сравнительный анализ двух концепций воли – А. Шопенгауэра и А. Бергсона – позволил рассмотреть концепцию свободы воли Бергсона как переосмысление, своеобразный «перевод» концепции воли Шопенгауэра на язык французской философии начала XX века. Автор пришел к выводу о значимости перевода для более глубокого понимания идей немецкого мыслителя в новейшей философии разных стран.

Ключевые слова: воля, мир как воля и представление, свобода воли, Шопенгауэр, Бергсон, философия жизни, перевод.

Summary: In the article, the author attempts to analyze A. Bergson's concept of free will from the point of view of its continuity with the ideas of the German philosophy of life. A comparative analysis of two concepts of will – A. Schopenhauer and A. Bergson – allowed us to consider Bergson's concept of free will as a reinterpretation, a kind of "translation" of Schopenhauer's concept of will into the language of French philosophy of the early twentieth century. The author came to the conclusion that the translation is important for a more

Keywords: will, the world as will and representation, freedom of will, Schopenhauer, Bergson, philosophy of life, translation.

Анри Бергсон (1859–1941) – один из наиболее выдающихся мыслителей начала XX века, по мнению ряда исследователей, являющийся «самым крупным и оригинальным представителем новой "философии жизни"» [5]. Область его исследований включала изучение проблемы времени, длительности как переживания времени человеком, интуиции и интеллекта, свободы, творчества, жизненного порыва, философии религии и др.

Научный интерес вызывают не только сами концепции и взгляды

мыслителя, но и вопрос о преемственности идей его предшественников. В научном дискурсе существуют разные точки зрения по этому вопросу. Одна группа исследователей считает философию Бергсона абсолютно оригинальной и новаторской для своего времени: «Философия Бергсона <…> с самого начала хотела быть оригинальной. Ни Кант, который тогда был главным авторитетом в академическом мире, ни вся немецкая философия Бергсону словно ничего не говорили. Беркли, Спенсер, Джеймс и прагматизм? Да, может быть, отчасти. Это была попытка совершенно новой философии» [4, с. 277]. Вторая группа исследователей рассматривает Бергсона как преемника идей представителей романтизма – Б. Паскаля, Ж.-Ж. Русо, Д. Беркли. Кроме того, его считали преемником идей А. Августина, С. Кьеркегора, Ф. Ницше и В. Дильтея [7, с. 78].

Как отмечает И. М. Бохенский, Бергсон сам называл среди своих предшественников Г. Спенсера [5, с. 96]; Г. Риккерт – представитель направления философии жизни – среди предшественников французского философа называл представителей классической немецкой философии, и вместе с ними Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра, ср.: «Жизненная философия Бергсона обнаруживает поразительно мало понимания, и об этом модном течении, с его развивающейся волей к жизни, можно говорить только как о следах и остатках классической немецкой философии» [8, с. 291-292, 429].

Поскольку в научном сообществе отсутствует устоявшаяся точка зрения об оригинальности, преемственности и источниках заимствования идей Бергсона, актуальной задачей становится обращение к дополнительным методам изучения философии Бергсона, одним из которых является сравнительный анализ его текстов и текстов предшественников. Формулируя концепцию длительности, мыслитель неоднократно ссылался на идеи А. Шопенгауэра, в частности, на концепцию мира как воли и представления.

Мыслитель предложил концепцию мироустройства, согласно которой весь мир разделяется на мир воли и мир представления. Воля понимается как основа существования мира и жизни: «воля – это нечто первое и основное, познание же просто привходит к явлению воли и служит его орудием» [9, с. 446].

Воля не может быть познана рационалистическими методами, поскольку «проявляется в индивидууме, составляя его первосущное, стихийное и основное стремление» [10, с 108]. Иными словами, воля представляет собой иррациональное начало в человеке и не связана с сознательной деятельностью. Из этого следует, что воля не имеет закона основания и причинности, поскольку он «во всех его видах является только формой познания» [9, с. 194].

Воля свободна и всемогуща, поскольку является всем миром, вне ее нет ничего, и «мир и деятельность – это она сама» [9, с. 417]. Воля или воля к жизни, что для Шопенгауэра представляет одно и то же понятие, лежит вне времени и пространства, для нее нет прошлого или будущего. Воля

проявляется только в момент настоящего времени и подобна импульсу или порыву, которым человек не может дать логическое объяснение, как это возможно с мотивацией [9, с. 193].

В противопоставление воле ставится мир представления, для которого характерна причинность, поскольку вся реальность существует в рассудке человека: «Всякая причинность, следовательно, всякая материя, и с нею и вся действительность существует только для рассудка, через рассудок, в рассудке» [9, с. 61]. И к самому проявлению рассудка Шопенгауэр относил созерцание действительного мира, представление которого складывается из познания причин действий.

Следовательно, время и пространство также существуют в представлении человека и в его рассудке, и вместе с причинностью составляют формы познания [10, с. 167].

Концепция воли по своему содержанию не может быть отнесена к классическому идеализму или же к философии жизни. С одной стороны, Шопенгауэр при изучении воли обратился к понятию не разума, а жизни, что отличает его от идеализма. С другой, - воля представляла собой только абстрактное начало и основание мира, в которой не было самого человека и его переживаний.

Вместе с тем исследователи отмечают влияние его идей на всю новейшую философию как в немецкой культуре, так и за ее пределами, в том числе, на французскую философскую мысль на рубеже XIX–XX веков [6].

А. Бергсон был знаком со взглядами А. Шопенгауэра, однако в своих трудах критически оценивал идею о всеобщности и абстрактности воли к жизни. В сочинении «Сознание и жизнь» Бергсон отмечал несостоятельность рассмотрения воли как основы мира и жизни, поскольку ее причисление ко всему значит также и ее отрицание во всей жизни: «Помещать волю повсюду равносильно тому, чтобы не оставить ее нигде…». В этом же фрагменте мыслитель отмечал отсутствие противоположного начала, посредством которого воля вообще может действовать: «Воля является волей лишь при условии, что она действует на то, что не волит?» [2, с. 116].

В «Сознании и жизни» Бергсон отрицал необходимость рассмотрения мира как воли: «Что выигрываете вы тогда, говоря, что мир есть воля, вместо того чтобы просто констатировать, что он существует?» [2, с. 117].

Формулируя концепцию жизненного порыва, Бергсон снова ссылался на понятие воли к жизни Шопенгауэра, называя его «пустым» и неподходящим для рассмотрения жизни. Бергсон относил понятие воли к жизни к «бесплодной метафизике» [1, с. 123]. Мыслитель рассматривал мир через призму переживаний человека, поэтому воля как основание жизни может существовать только в самом человеке.

На отрицании идей Шопенгауэра Бергсон сформулировал концепцию свободы воли, в основе которой лежат переживания и волевые действия

человека. Свобода воли «не имеет того абсолютного характера, который ей часто приписывают…» [3, с. 122]. Важный акцент сделан на антропоцентричности волевых действий: воля больше не является всем миром, а проявляется только в свободных действиях человека.

Понятие воли в концепциях двух мыслителей имеют абсолютно разные определения, однако объяснение свободы воли Бергсона лежит в противопоставлении длительности переживаемых явлений и протяженности анализируемых событий, что соответствует противопоставлению мира воли и мира представления в концепции Шопенгауэра.

Согласно концепции Бергсона, для человека существует длительность, в которой он переживает происходящие события. Длительность – иррациональное начало в человеке, для которой не существует времени – прошлого и будущего, есть только переживаемый момент: «Нельзя ли при этих условиях поддержать гипотезу сознательной силы или свободной воли, которая, будучи подчинена действию времени, накопляя в себе длительность, ускользает тем самым от власти закона сохранения энергии?» [3, с. 117]. То есть воля в длительности не поддается математическим вычислениям, ее можно только прочувствовать интуитивно [3, с. 134].

Длительности, как и миру воли Шопенгауэра, не свойственна причинность, поскольку любые попытки объяснить свершившиеся факты переводят человека из состояния длительности в состояние протяженности: «мы пытаемся приписать длительности свойства протяженности, толкуем последовательность как одновременность и выражаем свободу на языке, на который она, очевидно, непереводима» [3, с. 146].

Протяженность – сфера сознания и рационального подхода к жизни. Внешний мир, поступки, действия объяснить логически возможно только в протяженности. Окружающие человека вещи никак не длятся, и их существование во времени можно представить в форме последовательности изменений или установления факта наличия в пространстве [3, с. 141].

Для мира протяженности так же, как и для мира представления Шопенгауэра, характерно наличие времени и пространства: «Время и пространство находятся столь же вне нас, сколько внутри, но само различие «внутри» и «вне» порождено работой времени и пространства» [3, с. 152].

Воля у Бергсона может существовать только в длительности переживаемых событий. Вместе с тем она, как и воля Шопенгауэра, иррациональна и не поддается объяснению, и человек скорее подчиняется воле, чем контролирует ее.

Длительность в концепции Бергсона по своей характеристике соответствует воле Шопенгауэра, и протяженность соответственно имеет такие же характерные черты, как и мир представления. Отличительная черта состоит в том, что Шопенгауэр видел в воле безличное начало жизни и всего мира, тогда как Бергсон рассматривал это понятие как основу свободной и творческой жизни каждого человека. Отчасти отрицание

антропоцентрического подхода к рассмотрению воли Шопенгауэром следует объяснять эпохой, в которую жил и трудился Бергсон.

В начале XX века во французской философии развивалось направление позитивизма, который оказывал существенное влияние на культуру еще со второй воловины XIX века. Реакцией на него стало формирование антипозитивистских концепций, для которых характерны были интуитивизм и психологизм [11, с. 8]. Подобные концепции предполагали значимость переживаний человека. Поэтому для мыслителей, стремившихся отойти от позитивизма, было важно сосредоточиться на внутреннем опыте человека, значимой частью которого была воля. Под влиянием антипозитивистских концепций развивались идеи Бергсона.

Поэтому философ в рассмотрении воли взял за основу концепцию воли и представления Шопенгауэра и поместил в ее центр внутренний опыт человека с его личными переживаниями окружающего мира.

Известно, что идеи немецкого мыслителя не имели широкого распространения и стали оказывать влияние только со второй половины XIX века, через 30–40 лет после публикации произведения «Мир как воля и представление». Важную роль в популяризации концепции воли Шопенгауэра сыграли его последователи в разных странах. Бергсон переосмыслил, то есть сделал своеобразный «перевод» концепции воли на понятный для него и его современников язык – язык другой эпохи и культуры, что позволило лучше разобраться в идеях Шопенгауэра и применять их в дальнейших гуманитарных исследованиях. Как отмечал Г. Риккерт, «через Бергсона влияние немецкой мысли в блестящем французском облачении распространяется не только по всей Европе, но его действенность обнаруживается также и в Америке» [8, с. 293].

Перевод концепции воли Шопенгауэра в данном случае представляет собой не столько заимствование и переписывание идей, сколько творческий ответ на необходимость переосмысления и интерпретации его взглядов в новых социокультурных условиях. Подобный опыт является необходимой частью развития любой культуры, поскольку ее обогащение происходит за счет познания традиций, идей и смыслов других эпох и культур вместе с переосмыслением и формированием новых смыслов уже в своей современной культуре.

Список использованных источников

1. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесловие, примечания А. Б. Гофмана. – 2-е изд., испр. – М.: КДУ. – 2010. – 288 с.
2. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / пер. с фр. И. И. Блауберга. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. – 2016. – 400 с.
3. Бергсон А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания / пер. с фр. – М.: Московский клуб. – 1992. – 336 с.
4. Бибихин В. В. История современной философии. – М.: Владимир Даль. – 2014. – 398 с.
5. Бохенский И. М. Современная европейская философия / пер. с англ. В. В. Мшвениеразде и М. К. Мамардашвили. – М.: Издательство иностранной

литературы. – 1959. – 288 с.

6. Купреева И. В. Шопенгауэр и литературное творчество в Европе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. – 1991. - № 5. – С. 176-182.

7. Пивоев В. М. Анри Бергсон и философия жизни // Ученые записки ПетрГУ. – 2008. – № 1. Серия «Гуманитарные науки». – С. 77-85.

8. Риккерт Г. Философия жизни = Die philosophie des lebens: Введение в трансцендент. философию. Предмет познания. Философия истории. Философия жизни. О понятии философии / пер. с нем.; предисл. А. Юдина. – Киев: Ника-Центр: Вист-С. – 1998. – 506 с.

9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / пер. с нем. Ю. Айхенвальда; вступит. ст. А. Маркова. – М.: РИПОЛ классик. – 2018. – 616 с.

10. Шопенгауэр А. Сборник произведений / Пер. с нем.; вступительная статья и прим. И. С. Нарского; Худ. Обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри». – 1999. – 464 с.

11. Штенберген А. Интуитивная философия Анри Бергсона / пер. с нем. Б. С. Бычковского. – 2-изд. – М.: Книжный дом «Либроком». – 2010. – 224 с.

УДК 81’25

ОБРАТИМОСТЬ ТЕРМИНА КАК КРИТЕРИЙ НАДЕЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

М.Г. Зеленцова,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
А.Т. Козлова,
к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об установлении степени обратимости термина (т.е. эквивалентности) как критерия надежности переводного текста. Проведено сопоставление информации, зафиксированной в переводных словарях и глоссариях учебников по специальности предметной области, в качестве которой выступает сфера экономической безопасности (economic security). При этом фиксируются и анализируются случаи «вариативного» использования англоязычных понятий, которые могут иметь один план выражения на ЯИ, но другой в ЯП. Предлагаются рекомендации для дальнейшей лексикографической практики, учитывающие традиции науки, внутренние и внешние причины языковых изменений.

Ключевые слова: обратимость, термин, перевод, экономическая безопасность, точность перевода

Summary. The article considers the issue of establishing the degree of reversibility of the term (i.e. equivalence) as a criterion for the reliability of a translated text. The information presented in translation dictionaries and glossaries of textbooks on the subject area, the sphere of economic security in particularly, is compared. At the same time, ‘variable’ use of English-language concepts is recorded and analyzed, which may have one form of expression in English, but another in language of translation. Further recommendations for lexicographic practice are offered, taking into account the traditions of science, internal and external causes of linguistic changes.

Key words: reversibility, term, translation, economic security, translation accuracy

На практике любой переводчик постоянно сталкивается с проблемой

выбора соответствующего терминологического значения того или иного термина в конкретной сфере деятельности. И ка известно, данный процесс усугубляется еще и такими факторами как появление огромного количества глоссариев, которые отражают представления переводчиков и специалистов в той или иной сфере профессиональной деятельности, при этом зачастую не соотносятся друг с другом из-за несимметричности наименований как ‘старых’, так и ‘новых’ понятий, технологий, процессов в ЯИ; созданием на их основе вариативных терминологических наименований в ЯП; неупорядоченностью их использования в разных оригинальных источниках, что отражается на их разночтением при переводе на ЯП.

«Практически все лингвисты согласны с тем, что абсолютная тождественность языковых единиц противоречит природе языка. Возможность абсолютно полной и точной передачи содержания оригинала при переводе ограничена прежде всего различиями в системах языков; кроме того, ей препятствуют разные традиции наименования понятий, сложившиеся в каждом из языков, а также различия явлений самой действительности» [6, с.17].

В свою очередь учитывая принципы прикладного терминоведения и переводоведения, разработанные ими практические принципы и рекомендации по устранению недостатков терминов и терминологий их описанию, редактированию, упорядочению, созданию, переводу и использованию, обеспечения лексикографической и непосредственной переводческой практикой, а также соотношение термина с мышлением в аспекте когнитивистики – вопрос обратимости термина, обуславливающая точность его перевода, продолжает остается одним из важных дискуссионных вопросов в научных кругах.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью развития центральных проблем мирового переводоведения – проблем переводимости\непереводимости и эквивалентности. Данную мысль четко сформулировал один из ведущих европейских теоретиков: «В тысячелетней полемике по переводческим проблемам нет вопроса, который бы обсуждался интенсивнее и ставился противоречивее, чем теоретическая и практическая возможность или невозможность перевода» [12].

Как справедливо отмечает Л.Н. Беляева «различие терминосистем разных языков, в частности, исходного языка и языка перевода определяет необходимость установления и изучения именно пар терминов вида исходный термин – переводной эквивалент, что позволяет выявить расхождения в терминополе и терминосистемах соответствующей предметной области. Установление таких расхождений и определяет дальнейшее упорядочивание, стандартизацию и унификацию терминологий разных языков, гармонизацию терминосистем этих языков, что и обеспечивает решение проблем перевода терминов и эффективность межъязыковой коммуникации» [3].

«Языковая практика отбирает наиболее популярные варианты

перевода, а лексикографы закрепляют это в двуязычных словарях в виде пар переводческого соответствия, которые В. В. Кабакчи называет «бинарами» («бинарные лексические межъязыковые пары», bilingual cultural substitutes), т. е. межъязыковые пары лексических единиц, которые регулярно в ходе межкультурных контактов в процессе перевода механически ассоциируются друг с другом (впервые: Кабакчи 2009; Кабакчи, Белоглазова 2012)» [5]. При этом ни в коем случае нельзя принимать такие бинары за языковые эквиваленты. «Случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки» [2, 75].

Анализ отечественной законодательной и научной литературы показывает, что в вопросах определения понятия ‘экономическая безопасность’ до сих пор не сформировалось единого мнения. Итак, само понятие *economic security* (экономическая безопасность), прежде чем получила широкое распространение в экономической сфере, появилось изначально в политической сфере, когда американский президент Теодор Рузвельт для обоснования необходимости присоединения к территории США зоны Панамского канала (1904) впервые ввел в политический оборот выражение *national security* (национальная безопасность). «Впоследствии другой президент США Ф. Д. Рузвельт в послании к нации, получившем название «Новый курс» (New Deal), использовал термин *national economic security* (национальная экономическая безопасность)» [1].

В международных документах термин *economic security* официально был закреплен в 17 декабря 1985 г. в резолюции «Международная экономическая безопасность» (документ ООН A/RES/40/173), принятой на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. А вот первоначально понятие *security* появилось в начале XV века в значении: «state or condition of being safe from danger or harm»; в середине XV в. «freedom from care or anxiety» (a sense now archaic), с древне французского *securite* and и с латинского *securitas* ‘freedom from care’, from *securus* ‘free from care’».

Любое понятие обладает содержанием и объемом, но не все понятия могут быть терминологически обозначены. Терминологически выраженные понятия, как отмечает С. Е. Никитина, составляют лишь часть всей понятийной системы [7, с. 44]. Сдвиги в содержании и объеме понятий, постоянное развитие понятийного континуума Г. Г. Шпет объясняет противоречием как потенциальной энергией понятия, имплицитно заложенным в любом их них [11, с. 108]. Изменение значения термина, его информационной емкости во многих случаях происходит вслед за изменениями внелингвистического характера. Внешние преобразования влекут за собой последовательное преобразование понятийной базы, которое затем, благодаря гибкой семантической структуре терминов, отражается и в терминологических системах.

Многие ученые трактуют определение *экономической безопасности* (*economic security*) по-разному. Первое определение близко по содержанию

к традиционной политике *national security* и в русскоязычных источниках используется понятие *оборонно-промышленная безопасность, финансовая безопасность, энергетическая* и *продовольственная безопасность.*

Так, в американских печатных изданиях и СМИ можно встретить употребление разных форм выражения собирательного понятия как *national security* (‘национальная безопасность’), а именно *homeland security* (безопасность родины) или же ее называют еще и *national defense,* а также *state security, domestic security, internal security, home security, national safety, national defense, internal safety.* С точки зрения терминологии – это слова дублеты (Не синонимы!). Однако следует обратить внимание на наличие в этом ряду словосочетания *national defense* (национальная оборона / оборона страны), которое является неотъемлемой частью понятия национальная безопасность. Согласно словарю The Free Dictionary: «*national security* – A collective term encompassing both national defense and foreign relations of the United States». При этом обратимость всех этих англоязычных дублетных форм на русский язык при обратном переводе очень слабая, т.к. эквивалентный перевод будет один, ‘*национальная безопасность’*.

Следует отметить, что, говоря о ‘причинении ущерба’ с экономической точки зрения, и обратимости данного концепта в ЯП, то до сих пор отсутствует чёткое соотношение понятий *challenge, danger, threat, risk* (‘вызов’, ‘опасность’, ‘угроза’ и ‘риск’) и зачастую они отождествляются. Как утверждает Сушкова И. А.: «Это приводит к несколько искажённой оценке реальности и в конечном итоге уводит от существа проблемы в процессе формирования документов стратегического планирования» [10, с.11]. Дело в том, что этимология слова *опасность* (*danger)* происходит от слова security, которое означает ‘отсутствие безопасности’ (lack of security). Однако в результате *security* и *danger* можно рассматривать как противоположные по значению понятия, которые отвечают интересам госбезопасности страны. Понятие *challenge* (вызов) согласно нормативно-правовым актам РФ означает ‘совокупность факторов; способен привести к угрозе’. Данное понятие единственное, к которого есть четкий относительно унифицированный общепринятый подход как «совокупности факторов (фактов, обстоятельств не обязательно негативного аспекта), требующих реагирования с целью пресечения негативных тенденций» [9, с.90].

Угроза (threat) – «совокупность факторов, создающих возможность нанесения ущерба интересам»; «явления и процессы, отрицательно влияющие на объект безопасности»; «результат реализации опасности» [9, с. 90].

«*Риск* (risk) как количественная категория состоит из двух основных характеристик: вероятности и последствий…. *Вызов, опасность* и *угроза* – состояния, формируемые различными совокупностями фактов и обстоятельств определенного их терминологическим значением характера: 1) вызов: факторы нейтрального характера; 2) опасность: факторы, формирующие возможность или готовность нанесения ущерба; 3) угроза:

факторы, формирующие и возможность, и готовность нанесения ущерба» [9, с.94].

В итоге можно сделать вывод о том, что для оценки обратимости термина необходимо учитывать наличие экстралингвистической информации, известная зачастую лишь специалисту в конкретной области, качественный анализ данных в лексикографических источниках, грамотное и адекватное осмысление понятий и их форму выражения как на языке оригинала, так и на языке перевода. Все может способствовать возникновения непонимании переведенного текста, использованию дублетов или неоправданных вариантов, что, в свою очередь, говорит об несоблюдении критерия обратимости термина в ЯП. При этом полная обратимость практически невозможна, она достижима только в очень редких случаях, на уровне отдельных фрагментов текста. При этом возможна обратимость на уровне содержания, а не на уровне внешней формы текста, его языка, особенно когда речь идёт о специальном тексте.

Список использованных источников

1. Александрова Е. М. English for Economic Security Professionals: учебник. – Москва: РГ-Пресс, 2023.-176 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975
3. Беляева Л. Н., Данилова О. А., Джепа Т. Л., Камшилова О. Н., Карнуп Е. В., Нымм В.Р., Чумилкин С. В. Лексикографический потенциал современных лингвистических технологий: монография. – СПб: ООО «Книжный дом», 2014. – 168 с.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с
5. Кабакчи В. В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. 2-е изд., испр, и доп. Москва: Юрайт, 2020. 250 с.
6. Карелова Д. Г. Специфика перевода терминов в профессионально-ориентированных текстах строительной тематики: учебное пособие / Д.Г. Карелова. – М.: МАДИ, 2019. – 68 с
7. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики / отв. ред. Н. А. Слюсарева. Изд. 2-е, испр, и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 146 с
8. Нестерова Н. М. Перевод как вторичная текстовая деятельность, или «Сказать почти то же самое» // Языковое бытие человека и этноса. 2008. №14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vtorichnaya-tekstovaya-deyatelnost-ili-skazat-pochti-to-zhe-samoe (дата обращения: 28.01.2025).
9. Портунова А. М. Моделирование системы категорий «вызов», «опасность», «угроза», «ущерб», «риск» на основе сопоставления и анализа их экономического содержания / А.М. Портунова, Н.В. Шехова. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №7. - С.86-97. -
10. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий "вызов", "опасность", "угроза", "риск" // ИБР. 2018. №4 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-i-vzaimosvyaz-ponyatiy-vyzov-opasnost-ugroza-risk (дата обращения: 20.02.2025).
11. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 216 с
12. Koller W. Einfürung in die Übersetzungswissenshaft. Wiebelsheim: Quell and Meyer, 2004

УДК 81’25

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ РОК-МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ ЭЛЕКТРОГИТАРИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

М. Г. Зеленцова,
к. филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода,
Д. В. Лапин,
обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье проводится сопоставительный анализ переводческих решений, обусловливающих адекватную передачу англоязычных рок-музыкальных терминов и профессионализмов современных электрогитаристов на немецкий и русский языки. Методом сплошной выборки были отобраны 60 лексических единиц, встречающихся в записях за 2021–2024 гг. на англо-, немецко- и русскоязычных Интернет-форумах для музыкантов. Установлено, что в немецко- и русскоязычной рок-музыкальной терминосистемах преобладают трансплантированные, транскрибированные и калькированные лексические единицы.

Ключевые слова: термин, профессионализм, специальная лексика, рок-музыка, электрогитара, сопоставительный анализ, Интернет-форум

Summary. The work provides the comparative analysis of the translation solutions determining the adequate rendering of English rock music terms and professionalisms used by modern electric guitarists into German and Russian. 60 lexical units found in postings from 2021–2024 on English, German and Russian Internet forums for musicians are selected by the continuous sampling method. Transplanted, transcribed and traced lexical units have been proved to be dominant in the German and Russian rock music terminologies.

Key words: term, professionalism, specific vocabulary, rock music, electric guitar, comparative analysis, Internet forum

Профессиональная компетентность предполагает не только овладение определенным набором знаний и навыков, но и умение осуществлять деловую коммуникацию. Этим фактом частично объясняется интерес филологов к изучению терминов как инструмента для освоения той или иной области знания. В силу развития технологий информационный поток непрестанно возрастает, в связи с чем специальная лексика претерпевает изменения. Так, понятийно-терминологический аппарат некоторых музыкальных направлений по-прежнему остается недостаточно проработанным в силу их новизны. Подобная ситуация складывается и в случае с рок-музыкой – ее лексика фиксируется в словарях редко и несистематично. Отсюда вытекает ряд проблем, связанных с подбором для термина из исходного языка того или иного эквивалента из языка-реципиента.

Определение понятия «термин» является одним из основополагающих вопросов терминоведения, который не теряет актуальности по сей день. Ознакомившись с трудами отечественных и зарубежных специалистов (С. В. Гринев-Гриневича [3], С. Д. Шелова [9], А. Рея [12]), можно прийти к

общему выводу, что термин – это слово или словосочетание, выполняющее номинативную функцию, соотносимое с конкретным понятием профессиональной или научной деятельности и характеризующееся принадлежностью к определенной терминосистеме, соответствием терминируемого понятия современному научному знанию, точностью, наличием дефиниции, а также стилистической нейтральностью.

В сфере специальной коммуникации выделяется также ряд лексических единиц, отношение которых к терминам по-прежнему остается предметом дискуссий. Тем не менее, некоторыми характерными признаками термина они все же обладают. Так, в рамках данной статьи представляется целесообразным отметить т. н. профессионализмы – в рок-дискурсе они встречаются достаточно часто. Согласно Н. К. Гарбовскому [1], Е. И. Головановой [2], А. А. Сараевой [7], профессионализмы – это стилистически более окрашенные единицы, чем термины, обладающие при этом профессиональной маркированностью. Они не всегда фиксируются в словарях и функционируют преимущественно в неофициальной речи – например, речи рок-музыкантов.

Понятие «рок» происходит от английского слова «рок-н-ролл» – названия музыкального жанра, сформировавшегося в США к середине 1950-х гг. и основывающегося на элементах афроамериканских и «белых» жанров, таких как ритм-н-блюз и кантри. Впоследствии название «рок-н-ролл» в своем сокращенном виде дало имя другому музыкальному явлению второй половины XX в. – року.

С. А. Достай определяет понятие «рок» как «“живой” жанр, ориентированный на максимально острое перевыражение наиболее актуальных для представителей своей аудитории реалий с их критической оценкой на основе системы ценностей данной аудитории» [4, с. 72]. Как отмечает Е. А. Капичина, «в рок-действии слиты воедино текст, музыка, свет, танец, костюм. Этот синтетизм рока направлен в первую очередь на вызов неведомых ощущений и реакций. Синтетизм рока воздействует на подсознание, в результате чего эмоции моделируются на основе единства двух факторов: чувств и физических ощущений» [5, с. 223]. Следовательно, рок – это не только музыкальное направление, но и социокультурное явление, обусловленное сдвигами в сфере общественных отношений, которые затрагивают, в частности, этические нормы и представления. Суть рока как контркультуры не могла не отразиться в том числе и на специфике используемой рок-музыкантами лексики.

Рок-музыка характеризуется широким диапазоном направлений – как более легких (инди-рок, поп-рок, серф-рок и т.д.), так и достаточно тяжелых по звучанию (хард-рок, метал, грайндкор и т.д.). Как правило (но необязательно), она исполняется с использованием одной или двух электрогитар, бас-гитары и ударной установки. Тем не менее, основным инструментом в рок-музыке считается электрогитара, которая играет важную роль в формировании индивидуального звучания группы.

В данной статье в качестве объекта исследования методом сплошной выборки были отобраны 60 англо-, немецко- и русскоязычных рок-музыкальных терминов и профессионализмов, употребляемых электрогитаристами на Интернет-форумах. Англоязычная терминология была выбрана как основная, поскольку рок-музыка, как отмечалось ранее – это явление прежде всего американской культуры. Предметом изучения, в свою очередь, выступили рассматриваемые в сопоставительном аспекте переводческие решения, обусловливающие адекватную передачу анализируемых лексических единиц на немецкий и русский языки. Суть сопоставительного анализа заключается в изучении сходств и различий в лексической, грамматической и семантической структурах терминов исходного языка и языка-реципиента. Практическим материалом послужили записи за 2021–2024 гг. на Интернет-форумах для англо- (Ultimate-Guitar.com [13]), немецко- (Musiker-Board.de [9]) и русскоязычных (GuitarPlayer.ru [8]) музыкантов.

Сопоставительный анализ выявил, что при передаче английских терминов и профессионализмов на немецкий язык наиболее часто применяется такой переводческий прием, как трансплантация, т.е. заимствование слова с сохранением его графического облика. Разница заключается лишь в немецкой языковой традиции писать все существительные с заглавной буквы и сопровождать их артиклями. При переводе же на русский язык наиболее продуктивной трансформацией оказывается транскрипция и несколько реже – транслитерация (таблица 1). Объяснить данное наблюдение можно тем, что англоязычные лексические единицы удобны для употребления в речи в силу своей лаконичности и нередко образности. Кроме того, далеко не всегда обнаруживается эквивалент на немецком или русском языках, который имел бы такой же коммуникативный эффект, что и термин на английском.

Таблица 1

Английский язык	**Немецкий язык**	**Русский язык**	**Краткое определение**
Dive bomb	die Dive-Bomb	Дайв-бомба	Техника, при которой создается звук, имитирующий свист пикирующей бомбы
Riff	das (der) Riff	Рифф	Короткая музыкальная фраза, неоднократно повторяющаяся на протяжении песни
Shred (shredding)	der Shred (das Shredding)	Шред (шреддинг)	Виртуозный стиль игры, заключающийся в исполнении быстрых соло
Slide	der Slide	Слайд	Плавный переход от одной ноты к другой путем скольжения рукой вдоль грифа по зажатой звучащей струне
Tapping	das Tapping	Тэппинг	Извлечение звуков путем легких ударов обеими руками по струнам между ладами на грифе

Трансплантация встречается и среди терминов на русском языке, хотя несистематические попытки транскрибировать подобные иноязычные вкрапления все же предпринимаются (таблица 2):

Таблица 2

Английский язык	**Немецкий язык**	**Русский язык**	**Краткое определение**
Palm muting (palm mute)	das Palm Muting (das (der) Palm Mute)	Palm muting (palm mute)	Глушение струн путем касания их ребром ладони вблизи струнодержателя
Pick slide / pick scrape	der Pick Slide / das Pick Scrape	Пик-слайд, pick slide / пик-скрэйп, pick scrape	Извлечение звука путем скольжения медиатором вдоль струн
Rake	der /das Rake	Рейк (рэйк), rake	Прием звукоизвлечения, при котором требуется проскрести медиатором по нескольким струнам подряд

Трансплантацией и транслитерацией, а также подбором эквивалента передается ряд терминов, которые уже давно устоялись в музыкальной терминологии – это прежде всего термины итальянского и французского происхождения (таблица 3):

Таблица 3

Английский язык	**Немецкий язык**	**Русский язык**	**Краткое определение**
Solo	das Solo	Соло	Отдельная самостоятельная часть песни, развивающая ее основной мотив
Tremolo	das Tremolo	Тремоло	Многократное быстрое повторение одного звука
Vibrato	das Vibrato	Вибрато	Периодические изменения высоты звука

Как в немецко-, так и в русскоязычной рок-музыкальной терминологии выделяются кальки (таблица 4). В немецком языке часть из них образовывается посредством контаминации, т. е. объединения нескольких слов, из которых состоит термин на английском, в одно. В русском же языке кальки чаще всего представляют собой лексические единицы, которые структурно идентичны своим «конфронтам» в английском. Иногда калькирование сочетается с другими переводческими трансформациями: например, с подбором эквивалента из музыкальной терминологии или сокращениями.

Таблица 4

Английский язык	**Немецкий язык**	**Русский язык**	**Краткое определение**
Alternate picking	der Wechselschlag, das Alternate-Picking	Переменный штрих	Метод игры с использованием переменных нисходящих и восходящих ударов медиатором
Economy picking	das Economy-Picking	Экономный штрих	Техника, минимизирующая количество движений звукоизвлекающей руки
Electric guitar	die E-Gitarre	Электрогитара	Струнный щипковый электронный музыкальный инструмент

Наконец, в немецкоязычной рок-музыкальной терминологии были выявлены случаи экспликации (описательного перевода), осуществление которой упрощается за счет вышеупомянутой контаминации (таблица 5). В рамках же русскоязычной терминосистемы данный переводческий прием не так эффективен.

Таблица 5

Английский язык	**Немецкий язык**	**Русский язык**	**Краткое определение**
Hammer-on	die Aufschlagsbindung, der (das) Hammer-on	Hammer-on, хаммер-он	Извлечение звука ударом пальца руки, расположенной на грифе, по струне между ладами
Pull-off	die Abzugsbindung, der (das) Pull-off	Pull-off, пулл-офф	Извлечение звука резким снятием пальца руки, расположенной на грифе, со струны

Таким образом, преобладание среди немецко- и русскоязычных рок-музыкальных терминов и профессионализмов трансплантированных, транскрибированных и калькированных лексических единиц, а также вариативность их функционирования характеризуют анализируемую терминосистему как относительно молодую и находящуюся на стадии своего становления. Поэтому дальнейшее исследование поставленной проблемы представляется нужным и перспективным.

Список использованных источников

1. Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. М.: URSS. – 2022. – 142 с.
2. Голованова Е. И. Является ли профессионализм дублетом термина? // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – С. 120–124.
3. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – №3. – С. 710–729.
4. Достай С. А. Рок-текст как средство перевыражения национального менталитета // Понимание как усмотрение и построение смыслов. – 1996. – С. 71–77.
5. Капичина Е. А. Философия музыки: от языка – к восприятию: монография. Луганск: ГОУ ЛНР им. М. Матусовского. – 2018. – 360 с.

6. Норец М. В. Литература в музыке: опера «Моцарт и Сальери» / М. В. Норец, О. Б. Элькан // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Том 8 (74) № 4. – С. 49-54.

7. Сараева А. А. Профессионализмы в неформальном общении (на материале диалогов англоязычных музыкантов): дис. … канд. филол. наук. Москва, 2013. 179 с.

8. Форум гитаристов [Электронный ресурс] // Форум гитаристов. 2024. – https://guitarplayer.ru/index.php (дата обращения: 5.12.2024).

9. Шелов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро. – 2018. – 472 с.

10. Элькан О.Б. Литературно-музыкальный синтез в современной зарубежной литературе: творчество И. С. Баха как Urtext / О.Б. Элькан, М.В. Норец // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 18. – С. 191-210. DOI 10.17223/24099554/18/10

11. Musiker-Board Forenliste [Elektronische Ressource] // Musiker-Board. 2024. – Zugriffsmodus: https://www.musiker-board.de/forum/ (дата обращения: 29.11.2024).

12. Rey A. Essays on Terminology / translated and edited by J. C. Sager. Amsterdam: John Benjamins Publishing. – 1995. – 223 p.

13. UG Community [Electronic Resource] // Ultimate-Guitar. 2024. – Mode of access: URL: https://www.ultimate-guitar.com/forum/ (дата обращения: 4.12.2024).

УДК 801.82

SPEECH STRUCTURE OF A LITERARY TEXT

Е. Х. Искендарова,

Азербайджанский государственный университет, центр иностранных языков, учитель английского языка, Баку, Азербайджан

Аннотация. Язык (речь) – средство общения и передачи информации между людьми. Основное назначение речи – передача и получение информации путем создания информационного обмена. Однако речь также служит целям записи и хранения информации. Для реализации речи используются различные средства языка. Речь характеризуется рядом параметров. Ясность речи – это ее понимание адресатом без каких-либо затруднений и без необходимости дополнительных средств объяснения и толкования. Речь может быть конкретной во времени, активной, неструктурированной и спонтанной.

Ключевые слова: речь, обмен, язык, артикуляция, литературный, текст, структура

Abstract. Language (speech) is a means of communication and information transmission between people. The main purpose of speech is to transmit and receive information by creating an exchange of information. However, speech also serves the purpose of recording and storing information. Various means of language are used to implement speech. Speech is characterized by a number of parameters. The clarity of speech is its understanding by the addressee without any difficulty and without the need for additional means of explanation and interpretation. Speech can be specific in time, active, unstructured and spontaneous.

Key words: speech,exchange, language, articulation, literary, text, structure

Tempo, continuity, timbre, loudness, articulation (the work done by the members of the conversation to produce a certain sound), accuracy, and emphasis are the characteristics that characterize speech and do not depend on the language. For example, standard English or modern Azerbaijani literary language (far from dialects, slang, slang words, etc.) have become the common speech of everyone. Now the question of "*what and how to say what*?" has become very relevant.

Today, it is very important for us to learn how to accurately express our thoughts (actively using the vocabulary of the language) while maintaining the purity of the language and to follow it practically. According to F. de Saussure, *"speech is a collection of random facts. Speech is characterized by an unsystematic differentiation, it constantly changes, and there is no system in this change".* Saussure contrasts the sociological and natural characteristics of language and shows that *"a) language is a social phenomenon; b) the manifestation of speech is a natural phenomenon"* [3, p. 87]. Language and speech are associated with the name of F. de Saussure. He considers it necessary to take into account the differences between language and speech. The importance of distinguishing language and speech is that without taking this difference into account, it is impossible to solve a number of problems of modern applied linguistics and to prepare normative grammars. However, excessive obsession with the difference between language and speech is also wrong. Completely individualizing speech from language is one of the unfounded aspects of Saussure's teaching. It is true that there is individuality in speech. However, speech, as a form of reality of language, is nourished by language, and language forms the basis for the formation of speech. Through speech, innovation occurs, this innovation becomes synchronized under the influence of speech, becomes normed, and becomes understandable. In short, speech makes the means of language obsolete, creates new forms, and regulates their norming. For example, some exceptions to the law of harmony, which has become an iron law in Azerbaijani, as well as in Turkish (light, thunder, mirage, etc.) occurred in the speech process. Never before has individual speech influenced the language to such an extent and taken it out of the norm, ensuring that this contradiction becomes the norm again. Speech can only be individualized in the process of instant manifestation. Speech as a whole is a product of the collective and serves it. If speech were completely individual in nature, it could not influence the language, change its system and structure, and create a norm. It is precisely the existence of the norm in the form of a system that is the result of speech activity. B.N. Golovin, distinguishing between language and speech, says that *"speech cannot be completely individual and in its activity it is nourished by linguistic traditions that are the product of the collective. The linguistic norm, as a historical category, arises, changes and develops in the linguistic collective"* [2, p.122]. The reasons for historical changes in language can be different. Speech is connected with historical, material, etc. factors, manifests language, and at the same time directly influences its formation. F. de Saussure wrote: *"historically, the fact of speech comes before the fact of language, and everything that is in language is first in speech. Speech is a process of communication, it can take various forms, under various conditions and for various purposes"* [3, p. 87]. People first used sound for communication, then conventional written signs. As a result, two forms of speech emerged according to the form of expression. 1. Oral (acoustic) speech, which is historically considered the oldest. 2. Written (optical) speech, which emerged after the emergence of writing, especially the alphabet. Oral speech is connected with the

history of the formation of mankind. Oral speech, in terms of its activity and role in society, dates back to periods much earlier than written speech. The speech of the most ancient people consisted of monosyllabic, unchanging and unconnected words. They spoke mostly in interrupted cries, like other living beings. Joint activity gradually created the opportunity to understand the essence of the sound heard. The necessary meanings were mastered with such specific sounds. Unlike other living beings, humans were able to pronounce colorful sounds and their combinations gradually formed in the form of words. Man, as a result of necessity, had to name things that were constantly in contact with him, and those things entered his everyday life. Language developed gradually, slowly. In the early periods, oral speech was simple, and then it went through a long path of enrichment, *"continuing its existence together with the existence of language"* [4, p. 17]. Although each of the oral and written forms of speech has its own advantages, their content is basically the same. Thus, the same idea can be expressed both orally and in writing. A number of types of speech belong to both oral and written speech (for example, lecture, report, dialogue). However, the objects and directions to which oral and written speech are directed are different. The dictionary *"Explanatory Linguistic Terms"* explains oral speech as follows: *"Oral speech cannot be equated with colloquial speech (speech). Dialogical speech given in works of art is considered an example of colloquial speech and should be considered oral speech. Because this speech has already been recorded and is written speech"* [1, p. 346]. In linguistics, the distinction between colloquial and oral speech is controversial. Linguists who show that the following expressions used in the definition of colloquial speech: 1) *"occurring without preparation"* do not justify themselves; 2) "*occurring at a formal or informal level"* do not play a clear and criterion role; 3. *"direct participation in the conversation"* criterion is not correctly chosen [4, p. 17] state that colloquial and oral speech are characterized by the same features. However, despite this, there is a difference between dialogues used in books and oral speech or colloquial language. Because the fragments of speech given in fiction are thought out and recorded by an author. In this case, the author is forced to take into account the language norm to one degree or another.

List of References

1. Adilov M. İ. İzahlı dilçilik terminləri / M. İ. Adilov, F. M. Ağayeva, Z. L. Verdiyeva – Bakı: Maarif. – 1989. – 364 s.
2. Головин Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – М. – 1974. – 122 с.
3. Соссюр Ф. Курс обшей лингвистике / Ф. Соссюр. – М. – 1933. – 87 с.
4. Hüseynzadə C. Dil norması və kriminalistika / C. Hüseynzadə. – Bakı: Nurlan. – 2005. – 96 s.

УДК 811.111

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «TECHNICAL CONCEPT – CLOTHES»: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

***В. А. Катышева*[4],**

аспирант, кафедра перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Статья посвящена многоаспектному изучению метафорической терминологии, связанной с тематическим полем CLOTHES. Изучены способы перевода терминов-метафор с английского на русский язык, определены переводческие стратегии и произведен количественный анализ соответствий с сохранением или отказом от метафоричности, а также асимметрией метафорических значений. Проиллюстрированы слоты в составе метафорической модели «TECHNICAL CONCEPT – CLOTHES».

Ключевые слова: термин-метафора, научно-технический дискурс, способы перевода терминологии, теория метафоры, метафорическая модель.

Summary. The article covers the multidimensional study of metaphorical terminology associated with the CLOTHES concept domain. The translation methods of metaphorical terms from English into Russian were studied, translation strategies were defined, and quantitative analyses of equivalents that preserve or loose metaphoric character, as well as asymmetry of metaphoric meanings were analyzed. The slots composing the metaphorical model «TECHNICAL CONCEPTS – CLOTHES» are presented.

Key words: terms-metaphors, scientific and technical discourse, terms translation methods, theory of metaphor, metaphorical model.

На современном этапе развития терминоведения активно проводятся когнитивные исследования, и «подлинные трансформации в науке о термине осуществило именно когнитивное терминоведение, целью которого явилось изучение результатов оязыковления профессионального и научного познания» [1, с. 123].

Создание терминов на базе обиходной лексики есть не что иное как вторичная номинация, которая «в своем гносеологическом исходе зиждется на свойстве понятий переходить друг в друга и формироваться на основе прежде познанного, отображая все новые признаки осваиваемой человеком действительности» [10, с. 168]. Вторичная номинация представляет собой переосмысление понятий из наивной картины мира. Механизмом этого переосмысления может выступать метафоризация. Метафорический термин обязан своим существованием метафоре как способу познания одной сущности сквозь призму другой, что раскрывает новые грани смыслов. Как справедливо отмечает философ Х. Ортега-и-Гассет, «в науке роль метафоры вспомогательна» [8, с. 72], то есть за счет метафорического переноса возможно переосмысление на основании сходства или энантиологии (от греч. *противоречие*) между разными понятийными системами. Благодаря метафоре можно «представить данную систему с помощью системы, принадлежащей иной сфере опыта, где данный элемент представлен более очевидно» [3, с. 13].

[4] Научный руководитель: д.филол.н., доцент Е.Ю. Куницына

Технические понятия, сформировавшиеся за счет переосмысления сквозь призму такого обиходного понятия, как «CLOTHES», находятся в фокусе данной статьи. В работе анализируются англоязычные технические термины, семантически связанные с одеждой в широком смысле, с позиций когнитивной лингвистики и переводоведения, чтобы проследить механизмы метафоризации и способы перевода терминов-метафор на русский язык. **Новизна** настоящего исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка провести переводческую «инвентаризацию» метафорических терминов (МТ) научно-технического дискурса, в основе метафорического переноса которых заложены понятия сферы «CLOTHES».

Цель работы – изучить когнитивные принципы метафоризации и линейные отклонения при переводе метафорических терминов понятийной области «CLOTHES» в научно-техническом дискурсе.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**: сформировать корпус МТ в рамках указанной тематики, составить классификацию способов перевода МТ, провести статистический анализ линейных отклонений при переводе, описать слоты, составляющие метафорическую модель «TECHNICAL CONCEPT – CLOTHES».

Источником для эмпирического материала послужил англо-русский словарь по строительству [7]. Методы исследования включают метод сплошной выборки, анализа словарной дефиниции, сопоставительного анализа, концептуального анализа и статистический метод.

Способы перевода терминов-метафор

Под ключевым термином нашего исследования, термином-метафорой, вслед за Д. З. Гайнутдиновой мы понимаем «общеупотребительное слово (или словосочетание), принимаемое в специальном значении и выступающее как наименование профессионального понятия, входящее в системные отношения с терминами данной отрасли знания, использующееся в профессиональной коммуникации» [4, с. 93].

В настоящем исследовании мы опираемся на принципы перевода метафоры, сформулированные В. Н. Комиссаровым [6, с. 115-116]: 1) перевод, в основе которого лежит тот же метафорический образ (***ribbon window*** *ленточное окно*); 2) перевод, в котором отражается отличный от оригинала метафорический образ (***air pocket*** *воздушная раковина (в бетоне)*); 3) дословный перевод метафоры (***air pocket*** *воздушный карман*); 4) описательный перевод без образности (***heel bead*** *нижний слой замазки (укладываемый в фальц оконного переплёта для опирания стекла)*).

В результате проведенного анализа были выделены следующие **способы перевода метафорических терминов**:

1. Описательный перевод или деметафоризация, утрата метафоричности (90 примеров): ***dressed*** *boards строганые доски; cocktail* ***belt*** *зелёные пригороды с зажиточным населением (обладающим комфортабельными коттеджами и т. п.);* ***skirting*** *board плинтус; борт(ик);*

2. Замена другой метафорой или реметафоризация (47 примеров): ***belt*** *highway* ***кольцевая*** *[объездная] дорога;* ***jacket*** *pipe трубопроводный* ***футляр****; capory* ***hood*** *вытяжной* ***зонт****;*

3. Перевод метафорическим термином с сохранением образа в основе метафоризации (37 примеров): ***sleeve*** *filter* ***рукавный*** *фильтр; break* ***shoe*** *тормозной* ***башмак****; sand* ***pocket*** *песчаный* ***карман*** *(в бетоне);*

4. Калькирование представлено лишь одним примером: *green* ***belt*** *зеленый* ***пояс*** (имеются в виду насаждения деревьев и растений вокруг города);

5. Переводческая метка – «разновидность калькирования, отличающаяся от него лишь наличием кавычек в тексте на ПЯ» [9, с. 155]. В данной категории был выявлен так же всего один случай: ***collar*** *(металлический)* ***«воротник»*** *(надеваемый на колонну),* хотя в этом примере также представлены элементы описательного перевода.

6. Сочетание деметафоризации (1) и реметафоризации (2) (8 примеров): *arch* ***band*** *видимая часть ребра свода или арки, chain* ***belt*** *гусеничная цепь / цепная передача,* ***cap*** *бетонная стяжка; бетонная* ***подушка****;*

7. Сочетание деметафоризации (1) и метафорического перевода с сохранением метафоры (3) представлено двумя примерами*:* ***button****-head anchorage анкеровка стержневой арматуры с высаженными головками* (в данном примере наблюдается наличие разных метафорических моделей – артефактной, связанной с одеждой, и антропоморфной, связанной с частями тела); *dead* ***band*** *зона нечувствительности, мёртвая зона (регулятора)* (также пример с сочетанием разных метафорических моделей – «эсхатологической» (эсхатология – это «учение, представление о конце мира, о конечных судьбах человечества, о т.н. загробной жизни и т.п.» [11]), в основе которой понятийная область, связанная со смертью, и артефактной (одежда)).

Теоретики перевода сформулировали «закон сохранения метафоры», согласно которому переводчику следует стараться по возможности сохранить образ, заложенный в основе метафоры, иначе «смысл фразы меняется, а ее эстетический и прагматический эффект снижается» [5, с. 81]. В случае перевода научно-технических терминов-метафор этот закон также работает, но, безусловно, наблюдаются линейные несоответствия. Ниже представлена Таблица 1 с результатами статистического анализа сохранения метафоры в переводе эмпирического материала настоящего исследования:

Таблица 1: Линейные отклонения при переводе метафорических терминов

<table>
<tr><td colspan="3">Всего МТ 181 = 100 %</td></tr>
<tr><td>Утрата метафоры при переводе</td><td colspan="2">Сохранение метафоричности</td></tr>
<tr><td rowspan="3">89 = 49,2%</td><td colspan="2">92 = 50,8%</td></tr>
<tr><td>Замена другой метафорой</td><td>Сохранение метафорического образа</td></tr>
<tr><td>58 = 63%</td><td>34 = 37%</td></tr>
</table>

Анализ показал, что при переводе терминов-метафор с английского языка на русский практически в равной степени метафоричность либо утрачивается, либо сохраняется. Дополнительно стоит отметить, что в случае сохранения метафоризации при переводе более частотно изменение метафорического образа, нежели его сохранение.

В терминах теории концептуальной метафоры [12], сферой-источником (source domain) в настоящем исследовании служит понятийная область «CLOTHES», в то время как в качестве сферы-мишени (target domain) выступают технические понятия «TECHNICAL CONCEPT». Иными словами, смыслы и образы переносятся из обобщенного тематического поля одежды на оборудование, процедуры, материалы и предметы, связанные с научно-техническим дискурсом в широком смысле. Технические понятия осмысляются сквозь призму предметов гардероба, «понятие как бы вбирает в себя суждение и содержит его в свернутом виде, что принципиально важно для термина, назначение которого – по возможности кратко и точно выражать специальные понятия» [2, с. 31].

Термины-метафоры, составляющие корпус настоящего исследования, наполняют метафорическую модель «TECHNICAL CONCEPT – CLOTHES». Ниже приводятся слоты рассматриваемой метафорической модели в порядке убывания (по количеству примеров в составе слота):

Плечевые изделия (53 примера): *finish* ***coat*** *application нанесение накрывочного слоя (штукатурки); negative* ***mantle*** *friction отрицательное поверхностное трение (сваи); track* ***dressing*** *отделка пути; quilted* ***jacket*** *теплоизоляционная рубашка (сосуда, аппарата) из прошивного войлочного мата;*

Детали одежды (37 примеров): ***hood*** *inlet opening рабочий проём вентиляционного укрытия;* ***vest-pocket*** *park небольшой городской парк, сквер;* ***sleeving*** *of bars стыкование арматурных стержней посредством муфт;* ***collar*** *roof крыша с висячими стропилами с повышенной затяжкой;*

Аксессуары (36 примеров): ***belt*** *rail средний брус обвязки [каркаса] дверного полотна;* ***wreath*** *венец (декоративное архитектурное украшение);* ***ribbon*** *building ленточная застройка (вдоль дороги или улицы);*

Кройка, шитье и фурнитура (26 примера): ***seam*** *фальц, фальцевое соединение;* ***needle*** *балка для временного опирания стены (при усилении фундамента);* ***zipper*** *line наложение участков геодезической съемки; urban* ***fabric*** *планировочная структура города;* ***button*** *punch lock standing* ***seam*** *стоячий фальц с просечными защёлками;*

Поясные изделия (13 примеров): *falling* ***apron*** *гибкая одежда откоса;* ***skirt*** *roof промежуточные свесы крыши между этажами здание;* ***hose*** *reel пожарный шланг, свёрнутый в бухту и присоединённый к пожарному водопроводу высокого давления;*

Обувь (10 примеров): ***shoe*** *опорная плита; опорная подушка;* ***boot*** *momentum дополнительная оплата (труда рабочих) за работу в необычных условиях;* ***heel*** *bead нижний слой замазки (укладываемый в фальц оконного*

переплёта для опирания стекла);

Головные уборы (6 примеров): ***cap*** *cables короткие (напрягаемые) арматурные пряди;* ***hardhat*** *рабочий-строитель, монтажник.*

Как видно из описания слотов, обиходная лексика, связанная с одеждой, уверенно закрепилась в результате переосмысления значений в специальной терминологии. Полученные в результате исследования данные вносят вклад в развитие теории перевода, когнитивного терминоведения и метафорологии, и могут быть использованы при изучении особенностей перевода отдельных терминосистем.

Список использованных источников

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Когнитивная трансформация терминоведения // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 1 (52). – С. 122–128.
2. Володина. Н. О стихийном и системном характере терминологической номинации // Stephanos. – 2019. – № 6 (26). – С. 24–36.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука. – 1988. – С. 11–26.
4. Гайнутдинова Д. З. Сопоставительный анализ структурных особенностей терминов-метафор архитектурно-строительного подъязыка (на материале русского и английского языков) // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 4. – С. 92–100.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
6. Комиссаров В. Н., Коралова А. Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: Учеб. пособие для ин-тов и фактов иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
7. Корчемкин С. Н., Кашкин С. К., Курбатов С. В. Англо-русский строительный словарь. Ок. 55000 терминов. – М.: Рус. яз., 1995. – 672 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры. пер. с исп. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
9. Петрова Г. Г. Лексико-стилистические трансформации в англо-русском научно-техническом переводе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – 227 с.
10. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука. – 1977. – С. 129–222.
11. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru (дата обращения: 18.01.2025).
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980. – 242 p.

УДК 81'255

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В. В. Кирпикова,
ассистент кафедры иностранных языков, Филологический факультет,
Амурский государственный университет, Благовещенск

Аннотация. В настоящей статье анализируются способы передачи имён собственных при переводе с китайского языка на русский. Проведённое исследование показало, что наилучшим способом для передачи говорящих и аллюзивных имён с китайского языка на русский является метод транслитерации совместно с применением переводческого комментария.

Ключевые слова: перевод, исходный язык, переводящий язык, имена собственные, говорящие имена, аллюзивные имена, транслитерация, переводческий комментарий.

Summary. This article analyzes the methods of rendering proper names when translating from Chinese into Russian. The study showed that the best method for rendering speaking and allusive names from Chinese into Russian is the transliteration method combined with the use of a translation commentary.

Key words: translation, source language, translating language, proper nouns, allusive names, romanization, translation commentary.

Китайский язык отличается особыми именами собственными, говорящими и аллюзивными. Наличие подобных имён собственных является отличительной особенностью не только китайской художественной литературы, но и всего китайского языка в целом. Даже личные имена жителей Китая можно назвать говорящими, так как они имеют конкретные значения и редко повторяются. Например, имя 星旭 / Синь-сюй имеет значение *яркая звезда*, 彦俊 / Янь-цзюнь – *образованный и талантливый*, 婧仪 / Цзин-и – *стройная и благородная* и т.д.

Имя собственное – это слово, основное назначение которого – «называть определённые объекты внутри известных классов вещей». Все имена собственные обладают значением предметности, т.е. обобщают информацию о существовании какого-либо объекта или сущности. Большинство имён собственных обозначают какой-то класс предметов, в котором один выделяется особо. Имя собственное несёт в себе информацию о каком-либо конкретном предмете и его свойствах. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о предмете являются частью семантического значения имени собственного. Существует мнение, что имена собственные передаются с ИЯ на ПЯ путем транскрибирования, без особой необходимости в дополнительных разъяснениях или контексте. Результатом подобного подхода являются различные ошибки и разночтения, а повышенная «точность» перевода наоборот ведёт к возникновению неблагозвучных либо обессмысленных названий [3, с. 244]. Имена собственные представляют довольно многочисленный и

разнообразный пласт лексики, в связи с чем существует множество классификаций имён собственных.

М. Б. Раренко утверждает, что наиболее употребительными являются предметно-номинативная и функционально-семантическая классификации. Предметно-номинативная классификация основана на разделении имён собственных на разряды, группы и подгруппы в зависимости от того, какой объект они обозначают: антропонимы, теонимы, топонимы, зоонимы, космонимы, хрононимы, хрематонимы и т.д. [5, с. 63]. Функционально-семантическая классификация имён собственных, как видно из названия, основана на их семантических особенностях. Согласно данной классификации, имена собственные делятся на полиреферентные, монореферентные, и прецедентные [6, с. 115]. Для классификации имён собственных используются и другие критерии: в зависимости от реальности объекта выделяют реалионимы и мифонимы, на основании одушевлённости объекта выделяют бионимы и абионимы.

В данном исследовании нами использовалась классификация, предложенная С. Влаховым и С. Флориным. Согласно их классификации, имена собственные делятся на: 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект; 2) имена, обладающие определённым семантическим содержанием; 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп [2, с. 211]. Именно к третьему виду относится рассматриваемая нами группа лексики – говорящие имена, единственный вид имён собственных, которые вызывали трудности при переводе исходного текста с китайского языка на русский.

В. С. Виноградов определяет говорящее имя как «вид тропа, в некоторой степени, равнозначный метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа» [1, с. 160–161]. Перевод говорящих имён всегда вызывает у переводчика определённые трудности. Эти проблемы связаны в основном с анализом сущности и функции подобной лексики в исходном тексте и способом их передачи при переводе. Иногда переводчику бывает трудно выделить само говорящее имя, и имя собственное, не являющееся смысловым, может переводиться как говорящее.

При передаче говорящих имён необходимо учитывать их экспрессивно-оценочную стилистическую функцию. Переводчик должен стремиться передать не только номинальную информацию, но и эмоциональную и смысловую нагрузку, заключённую в говорящих именах, иными словами, их прагматическое значение. В целом, передача говорящих имён собственных в переводе требует от переводчика высокого уровня языковых навыков, а также понимания культурного и социального контекста, в котором эти имена используются. При переводе подобной лексики главной целью переводчика является добиться того, чтобы иностранные читатели воспринимали говорящее имя так же, как его

воспринимают носители языка-оригинала. Для этого нужно передать также подтекст и культуру [4, с. 37–38].

В ходе настоящего исследования трудности при переводе вызывали не только говорящие, но и аллюзивные имена, изобилие которых можно назвать одной из основных особенностей китайского языка. Согласно В. С. Виноградову, аллюзивные имена – это имена собственные, которые «у носителей языка ассоциируются с определённым словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников». В китайском языке таких имен великое множество, и все они напрямую связаны с китайской мифологией, религией, фольклором и т.д. [1, с. 179].

Исходя из специфики грамматического строя ИЯ и ПЯ при передачи аллюзивных и говорящих имена нами был использован такой переводческий приём как транскрипция совместно с переводческим комментарием.

2. Материал и методика исследования

Материалом исследования послужил оригинальный текст повести Янь Гэ-лин «金陵十三钗» («Тринадцать женщин Цзиньлина» / «Цветы войны»), впервые опубликованная в 2007 году, на русском языке повесть издана не была.

Оригинальный текст переводился на русский язык с применением программы OmegaT, системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов. Возможности программы включают в себя сегментацию исходного текста, использование точных и неточных соответствий с уже переведёнными фрагментами, использование словарей, а также поиск контекстов в базах данных переводов.

3. Способы перевода имён собственных

Как было сказано выше для передачи говорящих и аллюзивных имён нами использовался приём транскрипции совместно с переводческим комментарием. Рассмотрим следующий пример:

(1) **豆蔻**进一步厚起脸皮，拿起长柄铜勺。

Доу-коу поморщилась и взяла медную ложку с длинной ручкой.

В данном случае прозвище девушки 豆蔻 / *Доу-коу* является аллюзивным, его также можно считать определённого вида метафорой, которых в китайском языке огромное множество. Лексическая единица 豆蔻 буквально переводится как *амомум ребристый* либо *кардамон* и в понимании носителей китайского языка ассоциируется с *красивой девочкой-подростком, многообещающей красавицей.* Исходя из контекста, становится понятно, что большинство героинь повести, женщин определённой профессии, жили и работали под псевдонимами, которые в большинстве своём отображали их внешнюю или внутреннюю суть, либо бросающуюся в глаза особенность. Из контекста видно, что девушка с прозвищем 豆蔻 является молодой красавицей пятнадцати-шестнадцати лет, откуда и пошло это прозвище. По сути, данную лексическую единицу

можно было бы перевести буквально, а затем использовать переводческий комментарий. Так как китайские личные имена обычно передаются с помощью транскрипции и не имеют прямых эквивалентов в русском языке, использование таких прозвищ может привести к чрезмерной вычурности в переводе. Поэтому для передачи данной лексической единицы мы использовали метод транскрипции совместно с переводческим комментарием. Ещё одной причиной такого решения стала незначительность буквального перевода имени для русскоязычного читателя, так как в его сознании он не связан ни с каким словом из фольклорных, литературных либо фразеологических источников.

Показательным является и следующий пример:

(2) 为首的那个叫**红菱**，滚圆但不肥胖，举动起来泼辣，神色变得飞快，拔成两根线的眉毛告诉人们别惹她。

Их предводительницу называли **Хун-лин**. У неё были пышные формы, однако толстой она не была. Её движения были стремительны, и выражение лица так же стремительно менялось, а аккуратно выщипанные брови будто предупреждали, что связываться с ней не стоит.

Лексическая единица 红菱, которую мы передали с помощью метода транслитерации *Хун-лин*, буквально переводится как *водяной каштан*. В сознании носителей китайского языка эта метафора ассоциируется с женщиной красивой снаружи, но холодной и жестокой внутри. Водяной каштан очень нежный на вид, но на самом деле у него острые грани, об которые легко пораниться. Поэтому в Китае так называют женщин, которые красивы внешне, но при этом холодные, эгоистичные и расчётливые. Здесь, как и в предыдущем примере, мы используем метод транслитерации, так как буквальный перевод данной языковой единицы русскоязычному читателю ничего не скажет, а семантическое значение этого имени возможно описать с помощью переводческого комментария.

Отдельно следует отметить и перевод говорящих имён. Например:

(3) “**呢喃**！你让我打一圈吧？”豆蔻说**呢喃**用涂蔻丹的手指扒拉一下右眼的下眼皮

"**Ни-нань**! Дай и мне разок сыграть". - сказала Доу-коу. **Ни-нань** в ответ лишь оттянула наманикюренным пальчиком правое нижнее веко.

В данном примере лексическая единица呢喃 является говорящим именем, прозвищем девушки, которое буквально переводится как *щебетать, шептать, бормотать*. Скорее всего это прозвище отображает отличительную особенность девушки – привычку быстро и много говорить, манеру речи похожую на птичий щебет. Согласно контексту, эта девушка была весёлой, шумной и любила пошутить. Возможно, эти её качества также повлияли на появление прозвища. Для передачи данной лексической единицы также необходимо использовать метод транскрипции, а для объяснения семантического значения – переводческий комментарий.

4. Выводы

1. Исходя из результатов исследования, можно сказать, что наилучшим способом для передачи говорящих и аллюзивных имён с китайского языка на русский является метод транскрипции совместно с применением переводческого комментария.

2. Перед переводчиком стоит сложная задача, во-первых, суметь корректно передать имя с одного языка на другой, а во-вторых, объяснить читателю, что подразумевал автор, используя его. В ситуации с выбранным нами произведением, сложность увеличивается ещё и потому, что книга является отражением традиционной китайской культуры, а говорящие и аллюзивные имена являются её неотъемлемой частью.

3. Для того чтобы сохранить всю стилистическую окраску и смысл, которые автор вложил в прозвища героев, переводчику необходимо предварительно изучить информацию как об авторе, так и обо всех отсылках, которые он оставляет.

4. Грамотный перевод имён собственных – трудоёмкий процесс, но от его качества зависит правильность восприятия сюжета, потому что в большинстве случаев, имена являются сюжетообразующими.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО. – 2001 – 224 с.

2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения – 1980 – 340 с.

3. Джураева М. К. Сущность и особенности перевода имен собственных // Экономика и социум. – 2019 – №11(66) – С. 243–245.

4. Дзараева Н. А., Малкова А. А. Сравнительно-сопоставительный анализ перевода говорящих имен собственных // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2018 – №14 – С. 36–40.

5. Раренко М. Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание – 2022 – №4 – С. 62–72.

6. Сапожникова Л. М. Функционально-семантическая классификация собственных имен // Вестник ТвГУ. Серия «Филология» – 2015 – №2 – С. 115–122.

7. 严歌苓，金陵十三钗。西安：陕西师范大学出版总社有限公司，2011. 221页. Янь Гэлин, Цзиньлин шисань чай (Тринадцать женщин Цзиньлина). Сиань: Шаньси шифань дасюэ чубань цзуншэ юсянь гунсы – 2011 – 221 с.

УДК 811.11

СТАТУС ПЕРЕВОДЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ю. Н. Коган,
к. пед. н., доцент, доцент кафедры иностранных языков №4,
О. А. Гриняк,
к. филол. наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт филологии, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям профессиональной подготовки будущих переводчиков как процесса формирования профессионала, обладающего системой специфических знаний, умений и навыков, необходимых для успешного осуществления достаточно сложных и требующих больших интеллектуальных ресурсов видов деятельности. Авторами описывается важность принципов системности, целостности, комплексности в подготовке будущих переводчиков. В работе анализируется статус переводческих аспектов при изучении иностранного языка. Внимание фокусируется на междисциплинарном характере перевода, его интеграции с филологическими аспектами. Рассматриваются факторы, влияющие на эффективность переводческой деятельности. Подчеркивается необходимость формирования у студентов-будущих переводчиков компетенции и компетентности, гуманистического мировоззрения, уважения к общечеловеческим ценностям как неотъемлемых компонентов в подготовке конкурентоспособных специалистов.

Ключевые слова: переводчик, перевод, профессиональная подготовка, переводческая деятельность, компетенция, компетентность.

Summary. This article is devoted to the peculiarities of professional training of future translators as a process of a professional formation with a system of specific knowledge, skills and abilities necessary for the successful implementation of quite complex and demanding large intellectual resources activities. The authors describe the importance of the principles of consistency, integrity, and complexity in the training of future translators. The paper analyzes the status of translation aspects in learning a foreign language. Attention is focused on the interdisciplinary nature of translation, its integration with philological aspects. The factors influencing the effectiveness of translation activities are considered. The necessity of developing competency and competence among students-future translators, a humanistic worldview, respect for universal human values as integral components in the training of competitive specialists is emphasized.

Key words: translator, translation, professional training, translation activities, competency, competence.

Переводчик не может не быть филологом, однако переводчик – это не только филолог [3]. Переводчик владеет как языком оригинала, так и языком перевода. Лингвистическая компетенция переводчика тесно связана с его социальной компетенцией.

Статус переводчика обширен, поскольку процесс перевода представляет собой многофункциональную коммуникативную деятельность – общение между отправителем информации и переводчиком, с одной стороны, переводчиком и адресатом, с другой. Переводчик – это интерпретатор текста, ситуации, Гермес, который эксплицирует, проясняет, уточняет, дигестирует кванты информации, передает их адресатам, делает

возможной коммуникацию между представителями разных этнических групп.

Подготовка переводчиков – задача непростая, так как требует решения множества проблем [2; 6]. Подготовка переводчиков должна быть системной, целостной, комплексной и отвечать современным требованиям. Профессиональные устремления переводчика определяются навыками адаптации к различным условиям деятельности. Навыки адаптации – это набор знаний и умений, которые приобретаются путем кропотливой работы и обучения. Мотивация к обучению определяется поставленной целью – стать высококвалифицированным переводчиком. Базовая подготовка переводчика включает в себя изучение филологических, переводческих и смежных курсов, которые составляют инфраструктуру перевода. Переводческие лакуны – это не только лингвистические курьёзы, это – непонимание специфики других культур, это – неспособность овладеть этическими нормами переводчика. Лингвистические основы перевода заложены в практических и теоретических курсах языка оригинала и языка перевода. Известно, что без знания грамматики невозможно овладеть переводом. Эффективность перевода, нормативная скорость и мастерство изложения зависит от подготовки переводчика, его фоновых знаний [4]. Переводчику помогает понимание цели, осмысление материала языка оригинала, а также стремление репрезентовать информацию в соответствии с нормами языка перевода. Современный переводчик разбирается в прагматико-коммуникативном принципе преподавания языка, его действенности в переводческой практике [1]. Понятными для переводчика являются оппозиции: язык-речь, статика-динамика, тема-рема, слово-контекст, стиль-жанр, норма-узус, стилистика-грамматика, и т.д. Филолог-переводчик передает содержание, предотвращает буквализм, соблюдает эквивалентную подачу информации. Основы красноречия усматриваются в непринужденном преподнесении информации, в соблюдении стилевого регистра, в убедительности, в адекватности мыслей, аксиологическом отношении, зафиксированного языком оригинала.

Понимание текста предшествует его репрезентации в языке перевода. В учебном процессе будущие переводчики учатся идентифицировать три уровня понимания текста, а именно: формальный, смысловой и прагматический. Переводческий процесс начинается со стартовых возможностей осмысления текстов языка оригинала, без чего обозначенный процесс является невозможным. Неверным считается положение о том, что перевод – это авторитарный процесс, недетерминированный условиями коммуникации. Все уровни осмысления текстов языка оригинала являются правомерными. Лингвистический и социальный опыт полезен в процессе осмысления формального, информативного (смыслового) и прагматического уровней текстов языка оригинала [5]. Глобальная структура текстов языка оригинала – поверхностная и глубинная – раскрывается путем анализа текстов (их композиционных частей,

тематических и рематических блоков, заголовков, интродукций, выводов) путем осмысления основной информации, авторских намерений, языковой картины мира, действенности антропоцентрического фактора в различных по стилю и жанру текстах.

Переводчик несет ответственность за достоверность фактуальной информации, за правдивость подачи событий, за концептуальную репрезентацию текстов языка оригинала, их эмоциональную и рациональную данность. Адаптивное использование языковых единиц и функционально-системного подхода имеет место в переводах-пояснениях различных текстов, в воспроизводстве протокольной, упаковочной лексике в деловых бумагах, в логических аргументациях научных текстов, в психологических трактатах художественных текстов и т.д.

Путь переводчика нелегок и тернист, поскольку объектом перевода является не только автономное слово или предложение. Объектом процесса перевода может быть вербальная/невербальная/пикторальная ситуация. На наш взгляд, правомерно использовать слово *филолог-переводчик* для обозначения субъекта переводческого процесса, поскольку переводчик – это не только филолог, но и, в то же время, филолог.

Переводчику как специалисту следует быть осведомленным в теориях и принципах современного переводоведения, разбираться в методике анализа фоновой информации (В. Виноградов, В. Комиссаров), лингвокультурных аспектах слова (Е. Верещагин, В. Костомаров, В. Шор, Г. Томахин), этноязычном компоненте (Б. Ажнюк), индивидуальном стиле переводчика, воспроизведении образа в поэтическом переводе (О. Чередниченко, В. Коптилов, П.Б ех), концептуальной информации в тексте перевода (В. Кухаренко), прагматических трансформациях в процессе перевода (В. Карабан), типах и функциях перевода (В. Радчук, А. Швейцер), функционировании символа в структуре текста-источника и целевого текста (М. Новикова), концептуальной и стилистической десемантизации слов (И. Колегаева), межконтекстуальных категориях (А. Попович), и т.д.

Теоретические и практические знания будущие переводчики получают на аудиторных и внеаудиторных занятиях. Традиционной является интеграция теоретических и практических заданий, филологизация учебного процесса, поэтапный контроль знаний. Новыми формами работы являются создание мастерской для будущего переводчика: издание газет и альманахов по аспектам перевода, выставка творческих работ, выступления «на радио и телевидении», корректировка (вычитка) текстов-переводов, работа в качестве синхрониста-переводчика, подготовка учебно-методических материалов, и т.д.

Как известно, перевод используется как универсальный способ семантизации и проверки знаний: изучение иностранного языка начинается с перевода, а перевод – это надежное усвоение знаний, навыков и умений.

Для переводчика важно владение этикой перевода, умение вести

диалог, полилог и монолог. Четкая вербализация мысли, установление ее логических параметров, представление основных блоков информации и стилистической направленности текстов, знание законов Грайса и Лича – все это требует от переводчика значительных усилий, определенной лингвистической и социальной компетенции, понимание действенности антропоцентрического принципа.

Цель перевода как учебной дисциплины заключается в формировании у студентов компетенции и компетентности, гуманистического мировоззрения и уважения к общечеловеческим ценностям.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – М.: Издательский центр «Академия». 2008. – 368 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа. – 1990. – 253 с.
3. Кундзич А. Переводческая мысль и переводческое недомыслие// Вопросы художественного перевода. – М.: Советский писатель. – 1955. – С.213-258.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? – М.: Стелла – 1994. – 142 с.
5. Пугачева Н. Б. Профессионально-культурная компетентность выпускников - показатель качества воспитания в профессиональной школе// Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2008. - № 11. – С. 183-188.
6. Чернов В. Г. Основы синхронного перевода. – М.: Высшая школа. – 1987. – 256 с.

УДК 130.2:314.743

ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТОВ ЖЕНСТВЕННОСТИ И МУЖЕСТВЕННОСТИ В ФИЛЬМЕ «ГУСАРСКАЯ БАЛЛАДА» КАК ПРИМЕР МНОГОУРОВНЕВОГО КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕВОДА

***С. А. Козлова*[5],**
аспирант, кафедра философии, факультет философии, культурологии и искусства,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются уровни культурного перевода на примере представлений о женственности и мужественности, эксплицированных в фильме «Гусарская баллада» (1962, реж. Э.А. Рязанов). Заключается, что большему переосмыслению в рамках культурного перевода подвергся образ женственности, образ мужественности же показан в соответствии с традиционными представлениями. Перевод с языка литературы на язык кинематографа дополнил женственность и мужественность визуальными элементами. Перевод с языка реальности на язык художественного произведения был осуществлен без изменений существующих в культуре образов исторических личностей и событий.

Ключевые слова: женственность, мужественность, культура, культурный перевод, образ женственности, образ мужественности.

Summary. The article discusses the levels of cultural translation using the example of ideas about femininity and masculinity, expressed in the film "The Hussar Ballad" (1962,

[5] Научный руководитель: д.фил.н., профессор О.Р. Демидова

directed by E.A. Ryazanov). It's concluded that the image of femininity has undergone greater reinterpretation within the framework of cultural translation, while the image of masculinity is shown in accordance with traditional concepts. The translation from the language of literature into the language of cinema complemented femininity and masculinity with visual elements. The translation from the language of reality into the language of fiction was carried out without changing the images of historical figures and events existing in culture.

Key words: femininity, masculinity, culture, cultural translation, the image of femininity, the image of masculinity.

В настоящей статье культурный перевод будет пониматься как «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/на языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс <…> перенос определённой культурно-языковой информации из одного ментального и мировоззренческого пространства в другое» [1, с. 74–75]. Культурный перевод – это перевод смыслов, благодаря которому происходит взаимодействие между разными культурами.

Женственность и мужественность – одни из вечных концептов культуры, к которым человек во все эпохи обращается, по-своему понимает и интерпретирует их. Общество, с одной стороны, формирует представления о мужском и женском, с другой стороны – формируется под их влиянием. Также каждая эпоха имеет свое представление о мужском и женском, свой идеал женственности и мужественности, их «должного» и «недолжного». И эти представления могут находить свое отражение в культурных артефактах.

«Гусарская баллада» – советский комедийный фильм (1962, реж. Э.А. Рязанов), экранизация пьесы А.К. Гладкова «Давным-давно» (1941). Действие фильма и пьесы разворачивается в 1812 г., во времена Отечественной войны. В рамках экранизации можно проследить несколько уровней культурного перевода: с языка литературы на язык кинематографа; с языка начала девятнадцатого века (императорской России) на язык двадцатого (эпохи СССР); с языка реальности на язык художественного произведения. Указанные уровни перевода будут рассмотрены на примере представлений о женственности и мужественности, эксплицированных в фильме.

Традиционная женственность девятнадцатого века в восприятии двадцатого века характеризуется нежностью, отсутствием инициативности, заботливостью, романтичностью. Женские интересы – это мода, вышивание, театр и светская жизнь в столицах. Любые другие занятия, в том числе активная деятельность вне домашнего круга: самостоятельные конные поездки, охота и т.д. воспринимаются как отступление от нормы. Более того, увлечение традиционно мужскими занятиями, например, верховой ездой, позволительно для девочки, но не желательно для женщины. Таким образом, отход от продиктованных культурой гендерных моделей возможен только в рамках детской игры.

Главная героиня Шура Азарова отходит от заданной нормы должного женского: она решительна и активна, увлекается мужскими видами деятельности, не стремится к браку и даже избегает его. Также она имеет отчетливое представление о гражданском долге, понятие о котором ассоциировалось с мужской идентичностью и сферой деятельности. При этом, выступая в женской ипостаси, т.е., играя женскую роль внутри присвоенной ею мужской, перед главным героем, она воссоздаёт характерный для мужского сознания стереотип женского поведения: жеманничает, говорит о чувствах и моде, увлекается чтением романов.

Но мужское в главной героине не исключает женского: совершая мужественные поступки и полностью отдаваясь своему делу, она остаётся той, кто способен проявлять эмоции и не боится сказать о своих страхах. Главная героиня показывает, что, будучи женщиной, можно быть равной мужчинам. Образ главной героини в восприятии двадцатого века скорее можно отнести к норме, чем «классическую» женственность девятнадцатого века, т.к. в советское время женщина наравне с мужчиной занималась трудовой деятельностью и участвовала в защите Отечества. Эта норма транслируется в фильме разными способами. Прежде всего, повествование выстраивается таким образом, что поведение и действия героини не являются предметом шутки, несмотря на то, что фильм – комедия; смех вызывает реакция персонажей на необычные для них действия и реакции. Кроме того, зритель на протяжении всего фильма остается на стороне героини и сопереживает ей.

Следует также отметить, что первое признание Шура Азарова получает от главнокомандующего российской армией М.И. Кутузова, который обладает неоспоримым авторитетом как для персонажей фильма, так и для всего русского народа в рамках более широкого исторического контекста. Важно, что признание заслужено в результате беспримерной отваги и совершенного подвига. Опытный полководец признает в Шуре защитника Отечества, исходя из ее поведения, которое полностью соответствует ожиданиям, возлагаемым на воина.

Важная черта фильма – отсутствие образа матери как неотъемлемого элемента традиционной женственности. В кинокартине не присутствуют персонажи, исполняющие материнскую роль; вся же любовь, выказываемая старшими к младшим – отеческая.

Мужественность в фильме представлена несколькими социально-ролевыми типами: отец, герой, романтик, простой мужик. «Отец» (Кутузов и дядя главной героини штаб-майор Азаров) – уставший мужчина в возрасте, служивший на благо Родины всю жизнь, заботящийся и переживающий за младших. «Герой» (например, поручик Д.И. Ржевский) – смелый, удалой молодой человек, отдающийся своему делу, но и не забывающий веселиться. «Романтик» (например, Пьер Пелымов) – спокойный молодой человек, любящий литературу, чувствительный, но не лишенный отваги и боевого таланта. «Простой мужик» (например, слуга

Азаровых Иван) – мужчина, честно отдающийся своему делу, труженик, готовый защищать то, что для него ценно.

Мужественность девятнадцатого века немногим отличается от мужественности двадцатого. Все типы, несмотря на их отличия, объединяет желание защитить близких и Отечество, позаботиться о тех, кто слабее, а также проявленная ими храбрость и самоотдача. То есть, всё то, чего ожидают от мужчины в соответствии с ценностными системами обоих веков.

Перевод с языка литературы на язык кинематографа добавляет к восприятию мужественности и женственности, в первую очередь, визуальные образы. Женственность в визуальном проявлении имеет обязательный атрибут – длинные волосы. Это показано на примере главной героини, которая при появлении перед главным героем в женском образе использует накладные локоны. Также визуальная женственность показана на примере актрисы Луизы Жермон. Она носит изысканные наряды, несмотря на обстоятельства, ее прическа соответствует моде, движения плавные, изящные и привлекающие мужское внимание. Мужественность в фильме выражается в первую очередь через военную форму: почти все персонажи носят мундиры. Также для мужских персонажей характерна военная выправка, осанка и усы как главный атрибут гусара.

Еще один уровень культурного перевода – с языка реальности на язык художественного произведения. Многие персонажи фильма и пьесы имеют реальные прототипы. Несмотря на то, что фильм является комедией, реальные исторические личности показаны в нем с должным уважением и в рамках традиционного культурного канона. Так, М.И. Кутузов изображен умудренным опытом, уставшим, но великим военачальником, которому не чужда забота о подчиненных. Образы исторических личностей практически не подвергаются переосмыслению по сравнению со сложившимся в отечественной традиции представлением о них.

В заключение можно утверждать, что значительно большему переосмыслению в рамках культурного перевода подвергся образ женственности. Фильм, как и пьеса, создавались с учетом нормы женственности, существовавшей на момент создания обоих произведений, т.е., второй половины двадцатого столетия. Мужественность же представлена разными мужскими типажами, но все они находятся в рамках традиционных представлений. Перевод с языка литературы на язык кинематографа не переосмыслил, но дополнил женственность и мужественность визуальными элементами. Перевод с языка реальности на язык художественного произведения был осуществлен без изменений существующих в культуре образов исторических личностей и событий.

Очевидно, что культурный перевод происходит на разных уровнях культурного текста, помогает взаимодействовать культурам двух разных эпох и способствует переосмыслению советской культурой второй половины двадцатого века культуры Российской империи первой четверти

века девятнадцатого.

Список использованных источников

1. Демидова О.Р. Культурный перевод как пространство деконструкции // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал». – 2020. – С. 74–80

2. Демидова О.Р., Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре или о философии мужского и женского. – СПб.: Алетейя, 2023. – 178 с.

3. Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2005. – №1 (8). – С. 62–76

4. Шелухин Ф.В. Интерпретация художественного текста в кино: пьеса А.К. Гладкова «Давным-давно» и фильм Э.А. Рязанова «Гусарская баллада» / Ф.В. Шелухин, О.М. Култышева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2024. – № 2(103). – С. 151–155

5. Гладков А.К. Давным-давно [Электронный ресурс] // Lib.ru. URL: https://lib.ru/PXESY/GLADKOW_A/dawnym_dawno.txt (дата обращения: 13.01.2025)

УДК 811.111:070:314.74(410)

ОТРАЖЕНИЕ МАСШТАБНОСТИ МИГРАЦИИ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ

А. В. Коханова,

к. фил. н., доцент, доцент кафедры международных коммуникаций СПбГУПТД, г.Санкт-Петербург

Аннотация. Тема миграции широко освещается в СМИ разных стран, поскольку миграция приобрела глобальный характер. При этом массовость миграции и связанные с ней проблемы являются неотъемлемой частью медиатекстов. В статье рассматриваются различные языковые средства, с помощью которых британские СМИ создают образ массовой миграции. На материале электронных текстов статей, посвященных проблемам миграции.

Ключевые слова: миграция, британская пресса, масштабность миграции, метафоры, неконтролируемый характер миграционного кризиса.

Summary. Migration is widely covered in the media of different countries, as it has become a global issue. Due to it mass migration and related problems are an integral part of media texts. The article examines the various linguistic means by which the British media represent mass migration. The article focuses on the electronic texts of articles on migration issues.

Key words: migration, British press, scale of migration, metaphores, uncontrolled migration crisis.

Одной из самых обсуждаемых тем сегодня стала миграция, превратившаяся в глобальное явление. Согласно «Докладу о мировой миграции за 2024 год», опубликованному Международной организацией по миграции (МОМ) при ООН, в мире насчитывается 281 миллион международных мигрантов, а число перемещенных лиц достигло 117 миллионов [9]. Неудивительно, что это явление активно освещается СМИ, которые влияют на то, каким образом миграция будет восприниматься

обществом. Только на сайте британской газеты Guardian находится почти 9000 статей так или иначе связанных с миграцией, и практически ежедневно их количество пополняется.

Несмотря на то, что властные структуры большинства стран говорят о вкладе мигрантов в экономическое развитие страны, большинство резидентов противопоставляют себя «чужакам». Публикации в британских СМИ также, в основном, посвящены нелегальным мигрантам, прибывающим в страну всевозможными способами. За последние несколько лет миграция стала настолько массовой (... с июня 2022 года до июня 2023 – это сальдо составило 906 тысяч человек) [1], что предыдущий британский премьер-министр Риши Сунак (25.10.2022-5.07.2024) одним из пунктов своей политической программы сделал ужесточение миграционной политики («stop the boats»). Неудивительно, что в течение всего периода его пребывания на посту газеты пристально следили за выполнением обещаний и активно комментировали происходящее, что привело к увеличению публикаций на эту тему.

Нужно отметить, что в британской прессе понятие мигрант вербализуется несколькими существительными - *migrant, immigrant, refugee, asylum seeker* и т.д. При этом интересно, что со словами migrant и immigrant чаще используется лексика с негативной коннотацией - *illegal* (самое часто используемое слово! [10]), *threat, criminal, smuggling gang*, в то время как *refugee* и *asylum seeker* чаще определяются таким образом, чтобы вызвать сочувствие - *feeling abandoned, vulnerable, desperation, reach safety, grant protection*... В последнее время наметилась тенденция к появлению на страницах газет «реальных» историй мигрантов (или детей мигрантов) вместо мнений политиков, экспертов и колумнистов, представляющих информацию о мигрантах в определенном свете. Однако эти истории все равно остаются противопоставлением «легального - нелегального». (Например, в своих выступлениях Риши Сунак неоднократно подчеркивал, что его родители прибыли в Великобританию законно и интегрировались в местные сообщества [15]).

Одной из самых эксплуатируемых тем в британских медиа является масштабность миграции. Конечно, в первую очередь она выражается обилием цифр - и это не только гиперболы о «десятках тысяч» и «миллионах» мигрантов, это процентные сопоставления разных лет, указания на различные траты, которые «тяжким бременем» ложатся на плечи налогоплательщиков. (Согласно исследованиям R. Wodak самыми распространенными топосами в дискурсе миграции являются незаконность и криминализация, а также сочетание топосов угрозы и бремени, финансовых затрат) [18, с.13, 22]. *The number of people who have arrived in Britain <…> up 20% on this time last year* ...[6] − Количество людей, прибывших в Великобританию ... на 20% больше, чем в это же время в прошлом году; ...*the annual net migration reached an eye-watering new record of **745,000*** − ...ежегодная чистая миграция достигла нового ошеломляющего

рекорда в 745 000 человек [16]. *In fact, since the crossings began in 2018, the annual asylum bill has more than* ***tripled to £2.1billion*** [17]. − Фактически, с тех пор как в 2018 году начались пересечения границы, ежегодные расходы на предоставление убежища выросли более чем втрое и составили 2,1 миллиарда фунтов стерлингов.

Среди метафор, описывающих миграцию, первое место по праву принадлежит «водным» метафорам. Исследователи William L. Allen и Scott Blinder отмечают, что «наводнение», «приток» и «волна», используются в качестве синонимов как для мигрантов, так и для иммигрантов [4]. В анализируемых медиатекстах при описании миграции часто встречаются лексемы ***stream, flood, influx, flow, inflows, waves, swamp, tsunami.*** *Then the* ***steady stream of refugees*** *crossing the border became a* ***river****, and then a* ***flood*** [12]. − Потом непрерывный поток беженцев, пересекающих границу, превратился в реку, а затем и в наводнение*; European leaders are bracing themselves for a* ***flood of migrants*** ... [13]. − Европейские лидеры готовятся к наплыву мигрантов.

Также активно используются «военные» метафоры, которые поддерживают негативное отношение к мигрантам, которые подсознательно воспринимаются как угроза. Среди часто используемых лексем - ***invasion, war, clash, battle*** и т.д.

<...> ideal sailing weather for ***the non-stop armada*** *of small boats ferrying illegal migrants across the English Channel* [8]. − <...> идеальная погода для неостановимой армады небольших судов, переправляющих нелегальных мигрантов через Ла-Манш; ... *Home Secretary James Cleverly is likely to steer clear of a* ***full-blown crackdown*** *on the visa following the report from the Migration Advisory Committee* [14]. − Министр внутренних дел Джеймс Клеверли, скорее всего, воздержится от полномасштабного ужесточения визового режима после доклада Консультативного комитета по миграции; *The Channel port of Calais saw a* ***pitched battle*** *between illegal migrants and French police yesterday* [5]. − Вчера в порту Кале произошла ожесточенная схватка между нелегальными мигрантами и французской полицией.

Массовость миграции также подчеркивается использованием различных определений – от нейтрального «необычно высокий» до эмфатических конструкций с прилагательными «масштабный», «рекордный», «беспрецедентный», «неконтролируемый»: ***dismal record*** *on legal immigration* - печальный рекорд в области легальной иммиграции*; economic migrants stepping ashore in* ***ever-greater numbers*** **-** экономические мигранты сходят на берег во все большем количестве*; today's* ***extraordinary figures*** **-** сегодняшние невероятные цифры*;* ***'sky high' migration figures*** **-** "заоблачные" показатели миграции*;* ***a huge increase*** *in net migration* - огромный рост чистой миграции*;* ***excessive, uncontrolled migration*** **-** чрезмерная, неконтролируемая миграция.

... the ***number*** *of people who are willing and able to reach the UK is*

astronomical [7]. − ... число людей, которые хотят и могут добраться до Великобритании, просто астрономическое.

Глаголы также играют важную роль, а формировании отношения к миграции и ее восприятия читателями. Несмотря на то, что в медиатекстах превалирует топос угрозы *(threaten to destroy, fuel the problem)* и контроля *(stop the boats, strengthen security, diminish the migratory pressures)*, масштабность миграции также находит свое выражение. Как правило, это глаголы ***increase, grow, extend, skyrocket, outnumber*** и т.д. и синтаксемы double ***the number, cross the 100,000 threshold, reach a record level, increase more than twentyfold, the numbers <...> overwhelm*** ...

We obviously could not ***sustain these numbers*** *of people coming in* [11]. − Очевидно, что мы не можем выдержать такого количества людей, которые к нам прибывают.

*The c****urrent numbers of people arriving here illegally*** *surpass any reasonable number the state could be expected to provide for or integrate successfully into our national community* [7]. − Количество людей, прибывающих сюда нелегально, сейчас превышает любое разумное число, которое государство могло бы обеспечить или успешно интегрировать в наше национальное сообщество.

Нужно отметить, что масштабность проблемы освещается всеми изданиями, хотя риторика бульварной прессы отличается от высказываний британских общественно-политических изданий. Все медиа указывают на стихийный и неконтролируемый характер миграционного кризиса. Да и само слово «кризис» подразумевает глобальность этого явления.

Список использованных источников

1. Вендик Юри Почти миллион человек в год: иммиграция в Британию после брексита взлетела до рекордных высот / Юри Вендик BBC: сайт / bbcrussian.com. 2024 - 28 ноября. URL: https://www.bbc.com/russian/articles/cvg4262mz1no (дата обращения: 19.01.2025)

2. Комарова Е. В. Понятие «мигрант» в медиатекстах России и Великобритании: этнокультурная специфика вербальной репрезентации / Е.В.Комарова, автореферат. - М., 2021. - URL: https://www.dissercat.com/content/ponyatie-migrant-v-mediatekstakh-rossii-i-velikobritanii-etnokulturnaya-spetsifika-verbalnoi/read (дата обращения: 26.01.2025).

3. Чопсиева Г.М., Ленец А.В. Лингвистические средства формирования образа мигранта в СМИ Великобритании / Г.М. Чопсиева, А.В. Ленец. - https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.3.349-365 // Казанский лингвистический журнал. Науки об образовании, СМИ (медиа) и массовые коммуникации, История и археология, Языкознание и литературоведение. - 2021. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-formirovaniya-obraza-migranta-v-smi-velikobritanii (дата обращения: 23.01.2025)

4. Allen ,William L., Blinder, Scott Migration in the News: Portrayals of Immigrants, Migrants, Asylum Seekers and Refugees in National British Newspapers, 2010-2012 / William L. Allen, Scott Blinder / сайт : ResearchGate GmbH, 2008. - URL: https://www.researchgate.net/publication/275886251_Migration_in_the_News_Portrayals_of_Immigrants_Migrants_Asylum_Seekers_and_Refugees_in_National_British_Newspapers_2010-2012 (дата обращения: 20.01.2025).

5. Clark, Natasha, Reilly, Jonathan It's war! Calais Mayor says British have ‘declared

maritime war’ over Channel’s migrant crisis / Natasha Clark, Jonathan Reilly // The Sun. 2020 - 12 Aug - URL: https://www.thesun.co.uk/news/politics/12382154/war-calais-mayor-migrant-channel/ (дата обращения: 19.01.2025)

6. Elgot, Jessica Small boat crossings would be ‘thousands higher’ under the Tories, Yvette Cooper says / Jessica Elgot // the Guardian. 2024. - 15 Dec - URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2024/dec/15/small-boat-crossings-thousands-higher-under-the-tories-yvette-cooper-says (дата обращения: 21.01.2025).

7. Jenrick, Robert Put simply, excessive, uncontrolled migration threatens to cannibalise the compassion of the British public / Robert Jenrick conservativehome: сайт / Conservative Home Ltd. Hull, 2005. - Обновляется в течение суток. URL: https://conservativehome.com/2023/04/26/robert-jenrick-put-simply-excessive-uncontrolled-migration-threatens-to-cannibalise-the-compassion-of-the-british-public/ (дата обращения: 20.01.2025).

8. Kavanagh, Trevor Will anyone ever end this illegal migrant invasion on British shores? / Trevor Kavanagh // The Sun. 2022 - 27 Mar - URL: https://www.thesun.co.uk/news/18084102/illegal-invasion-migrants-english-channel/ (дата обращения: 19.01.2025)

9. Kim, Florence World Migration Report 2024 Reveals Latest Global Trends and Challenges in Human Mobility / Florence Kim IOM: сайт / International Organization for Migration Geneva, 1951. - URL: https://www.iom.int/news/world-migration-report-2024-reveals-latest-global-trends-and-challenges-human-mobility (дата обращения: 20.01.2025)

10. Migration Observatory: Most common word used to describe immigrants in British press is 'illegal' / Migration Observatory: сайт Electronic Immigration Network Manchester, 1996. - URL: https://www.ein.org.uk/news/migration-observatory-most-common-word-used-describe-immigrants-british-press-illegal (дата обращения: 19.01.2025)

11. Millions of migrants will come to Britain // MailOnline. 2023 - 4 Mar URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-11818947/Millions-migrants-come-Britain-uncapped-safe-legal-routes-introduced.html (дата обращения: 20.01.2025).

12. Rice, Xan Hunger pains: famine in the Horn of Africa / Xan Rice // the Guardian. 2011. - 8 Aug - URL: https://www.theguardian.com/global-development/2011/aug/08/hunger-pains-famine-horn-africa (дата обращения: 21.01.2025).

13. Robinson, Belinda Europe braced for TENS OF THOUSANDS of migrants to arrive in 'record levels' this year / Belinda Robinson // Express. 2017 - 16 Jan - URL: https://www.express.co.uk/news/world/754993/Europe-braced-for-TENS-OF-THOUSANDS-of-migrants-to-arrive (дата обращения: 20.01.2025)

14. Singh, Arj Foreign student visas crackdown calls set to be rejected by Rishi Sunak / Arj Singh : сайт / the i Paper. 2024 - 22 May - URL: https://inews.co.uk/news/politics/sunak-resist-tory-pressure-full-crackdown-foreign-student-visas-306769 (дата обращения: 20.01.2025)

15. Sunak, Rishi PM's remarks on illegal migration: 7 December 2023 (Transcript of the speech) / Rishi Sunak: сайт GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pms-remarks-on-illegal-migration-7-december-2023 (дата обращения: 20.01.2025).

16. Tapsfield, James Rishi Sunak will launch crackdown on record legal migration / James Tapsfield Mailonline : сайт / Daily Mail and General Trust. Kensington, London. - Обновляется в течение суток. URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-12822939/Rishi-Sunak-legal-migration-minimum-salary-election-Tory-immigration.html (дата обращения: 20.01.2025).

17. Williams, Karl MIGRANT MANIFESTO Migrant crisis could pay for 62k extra nurses / Karl Williams // The Sun. 2022 - 5 Dec - URL: https://www.the-sun.com/news/6848103/migrant-crisis-pay-for-62k-extra-nurses/ (28.01.2025)

18. Wodak, Ruth. The Discourse-Historical Approach / Ruth Wodak & Michael Meyer.

Methods of Critical Discourse Analysis. - London: SAGE Publications Ltd, 2001 p. 63-94 cited by https://is.muni.cz/el/fss/podzim2019/MVPd0001/93744315/methods-of-critical-discourse-analysis_n4_jepyjcog.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

УДК 811.111

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРАКТ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРИМАРНО–КОГНИТИВНОГО ТЕКСТА: ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

С. А. Кузьменко,
к. филол. н., доцент департамента лингвистики факультета международных отношений,
М. С. Соловьева,
обучающийся магистратуры, департамент лингвистики факультета международных отношений,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь

Аннотация. Статья рассматривает международные контракты как особую разновидность примарно-когнитивного текста и исследует переводческую рефлексию в контексте их перевода. Авторы анализируют особенности международных контрактов с точки зрения лингвистических и когнитивных аспектов, выявляя важность переводческой рефлексии при работе с такими текстами.

Ключевые слова. Международный контракт, примарно-когнитивный текст, переводческая рефлексия, перевод, лингвистика, когнитивная лингвистика.

Annotation. This article considers international contracts as a special type of primary-cognitive text and explores translation reflection in the context of their translation. The authors analyze the characteristics of international contracts from linguistic and cognitive perspectives, highlighting the importance of translation reflection when working with such texts.

Key words. International contract, primary-cognitive text, translation reflection, translation, linguistics, cognitive linguistics.

Мир сегодняшнего дня, характеризующийся ускоряющейся экономической интеграцией и технологическими инновациями, размывает ранее четкие границы между государствами. Неоспоримым следствием этих процессов является возросшая необходимость в содействии на международном уровне. Правовые нормы, заложенные в международных контрактах, играют весомую роль в регулировании отношений между акторами на этом поле. Эта роль делает изучение и трансляцию таких контрактов предметом повышенного внимания, ведь они не только глубоко погружают в международное право, но и значительно содействуют повышению качества взаимного понимания бизнес–партнеров. В таком контексте, грамотность и точность в переводе международной документации становится жизненно важной для укрепления и расширения партнерских связей между субъектами экономической деятельности.

В эпоху глобализации ключевую позицию занимают международные контракты, определяющие успех межгосударственной коммерции и взаимодействия. Следовательно, глубокое осознание процедур и тонкостей

трансформации таких соглашений в другие языковые системы выступает краеугольным камнем юридической непререкаемости и эффективного международного предпринимательства. Исследование данных общественных отношений, несомненно, полезно как для экспертов переводческого дела, так и для субъектов, заинтересованных в глобальной экономике и политических связях. Тем не менее, пристальное внимание уделяется рефлексивной деятельности лиц, выполняющих перевод международных документов, что влечет за собой потребность в высококлассной экспертизе и определенном наборе умений для таких специалистов.

Материалом для написания статьи стала публикация в журнале *«Hermes, Journal of Linguistics»,* детализирующая подходы к достижению согласия в международных сделках и регулировании дискуссий. Сложность и разнообразие аналитического процесса достигнуты за счет эффективного внедрения инструментов как анализа компонентов и контекста, так и трансформационного подхода с элементами описательной и интерпретативной аналитики, включающей классификацию, генерализацию и экспликацию. В центре внимания исследования находятся модели сравнительно–сопоставительного изучения, целенаправленно обогащающие научные размышления феноменом межкультурного воздействия на обсуждение договорных отношений.

Теоретические предпосылки изучения текстов международных контрактов в современной лингво–переводческой парадигме связаны с необходимостью понимания специфики таких текстов и их особенностей. Во–первых, международные контракты часто содержат терминологию, которая уникальна для определенной области права и требует специальных знаний и навыков для ее корректного перевода. Во–вторых, тексты международных контрактов часто содержат сложные юридические конструкции и формулировки, которые требуют однозначного и точного перевода, чтобы избежать недоразумений и возможных правовых последствий.

В сфере юриспруденции при оформлении договорных отношений на международном уровне, превалирует необходимость внедрения стилистической утонченности с целью пресечения любых амбивалентностей. Содержание такового документа обязано включать точно обозначенные элементы: это точная идентификация контрагентов, предпосылки и предмет соглашения, период действия договоренностей, детальные условия выполнения, а равно механизмы вызова к ответственности и методики разрешения конфликтов. Выразительные структуры, применяемые в тексте данной категории, обязаны носить абсолютное понимание и безусловную ясность, что исключает ширину трактовок, чрезмерно нежелательную в крупных, многоаспектных экономических операциях. Валидность лексической избирательности и синтаксической определенности — ключевая черта обязательственного

значение, так как они являются гарантом неизменности условий, исключающим любое произвольное искажение оговоренных условий.

Определяющими аспектами международных договорных соглашений являются формализм и стандартизация языковых конструкций. Такие тексты требуют беспристрастной и конкретизированной дикции, основанной на правовой терминологии, отличительной от повседневной лексики. Наполненные специфическими стилистическими фигурами, в том числе созвучиями, контрастами и повторами, эти документы выделяют ключевые положения, обостряя их значимость.

Жесткость и осознанная дефинитивность, обеспечивающие однозначное понимание условий, являются неотъемлемой частью структуры данных соглашений. С целью исключения многозначности в тексте активно применяются ясно сформулированные определения и положения. В целом, такая отдельность языкового облика международного контракта позволяет избежать неясности и способствует эффективному толкованию и последующему претворению в жизнь договорных деталей, благодаря предварительно урегулированным стандартам и правилам функционирования.

В связи с этим, текст любого международного контракта обладает большим количеством терминов, имеющих устоявшиеся варианты перевода, вследствие чего как раз тексты контрактов успешно переводятся автоматизированными переводческими системами. Это особенно релевантно для подразделов и пунктов контракта. Эти термины получили в международном праве название инкотерминов и по-другому не переводятся:

Delivery terms.	*Условия поставки.*
Price.	*Цена.*
Payment.	*Платеж.*
Liability of Parties.	*Ответственность сторон.*
Term and termination of the agreement.	*Срок действия и расторжения договора.*
Miscellaneous.	*Прочие положения.*
Force Majeure Event.	*Форс-мажор.*
Official.	*Должностное лицо.*
Anticorruption obligations.	*Антикоррупционные обязательства.*
Details of the Parties.	*Реквизиты Сторон.*

Другие же термины порой требуют более сложных решений. Например, *«affiliate»* как одни из распространенных терминов, используемых в международных контрактах, может переводиться как полным переводом при помощи транслитерации с элементами доместификации, так и при помощи добавления, как наглядно демонстрирует следующий пример:

*«**Affiliate**» (either singular or plural) shall mean and include any entity directly or indirectly Controlled by, Controlling or under common Control with either Party to this Agreement. – «**Аффилированное лицо**» (в единственном или множественном числе) означает любое лицо, которое прямо или*

опосредовано контролируется, или находится под общим Контролем.

«Applicable Laws» *shall mean all laws, orders, statutes codes, regulations, ordinances, decrees, rules or other requirements with similar effect of any governmental authority and applicable to the Parties when implementing this Agreement. –* ***«Применимое законодательство»*** *будет означать все законы, приказы, уставы, кодексы, положения, правила, декреты, или прочие требования, имеющие сходную юридическую силу, изданные любым правительственным органом и применимые к Сторонам при выполнении настоящего Договора.*

Международные договорные документы отражают отсутствие излишней эмоциональности и применяют выразительные средства языка с минимальной экспрессией, предпочитая прецизионность в подаче информации. В их составлении акцент делается на конкретность и логическую последовательность, что способствует ясности и структурированности текстов. Отличительной чертой английских юридических текстов является пассивная форма и комплексность подчиненных отношений между предложениями. В отличие от них, российские коммерческие соглашения могут включать перформативные выражения и синтаксические конструкции без использования союзов. Эти грамматические нюансы варьируются и зависят от конкретного языкового и юридического контекста. В достижении консенсуса и предотвращении конфликтов имеет весомое значение детализированное определение обязанностей и привилегий, оговоренных в документах юридического характера. Основываясь на прозрачности выражений и степени детализации в договорных отношениях, можно установить основу для гармоничной совместной работы и взаимного доверия контрагентов. Следствием четкости и однозначности договоренностей является бесперебойная имплементация пунктов договора, что неминуемо отражается на качестве и эффективности совместной работы участников договоренностей.

При трансформации текста между языковыми системами, аспектом высокой важности выступает грамматическая корректность, особенно в сфере юридически значимой документации, включая международные соглашения. Дифференциальные тонкости грамматических систем английского и русского языков вносят значимый риск возможных несоответствий или даже искажений в интерпретации условий, закладывающих основание для договорных отношений.

Одной из основных проблем является передача долженствования, которое может быть выражено различными способами в зависимости от контекста. Например, в русском тексте может использоваться глагол *«должен»,* который может быть передан на английский язык с помощью модальных глаголов *«shall»* или *«should»,* а также фраз *«to be obliged to»* или *«to undertake».* Важно учитывать современные стандарты и избегать устаревших форм, чтобы обеспечить точность и ясность перевода. Другой проблемой является передача условий в контракте. В русском тексте условия

могут быть выражены различными способами, такими как использование модального глагола *«should»,* фраз *«in case of», «provided that»* и других. Переводчики должны быть внимательны к выбору соответствующего выражения, чтобы передать условия контракта точно и четко.

Грамматические трудности перевода текста международных контрактов требуют внимательного подхода и знания особенностей обоих языков. Разработка точного и корректного перевода контракта играет важную роль в обеспечении правовой защиты сторон и предотвращении недоразумений или споров в будущем.

Чтобы обеспечить понимание международных контрактов, разъяснять их структуру и детали принципиально необходимо на базе их лингвостилистических параметров. Следует признать, что результативный перевод зависит не только от буквальной эквивалентности текста, но и от интенсивного погружения в специфику языковых конструкций, влияющих на правильность восприятия каждой статьи и пункта документа.

В ходе исследования было выявлено, что в дискурсе лингвистической переводческой практики ключевым аспектом является выборочный анализ лексем, фразеологии и синтаксических структур. Изучение этих компонентов языка нацелено на эффективное преодоление барьеров, связанных с многообразием трактовок, которые специфичны для разнообразных культурных и правовых рамок. В этом контексте неоспорима сложность адаптации юридических понятий, нормативных актов и условий договорных отношений, допускающих строжайшую точность, обусловленная степенью ответственности переводчика и необходимостью глубокого понимания предметной области.

В целом, научная статья подчеркивает, что осуществление переводческой работы, относящейся к международным соглашениям, требует глубоко вникнуть в юридическую терминологию и соображения касательно различий в законодательствах участвующих стран. В подобных ситуациях, переводчикам, занимающимся интерпретацией подобных документов, отводится роль специалистов, которые не просто в совершенстве владеют необходимыми языками, но и обладают глубоким осознанием особенностей международного права.

Список используемых источников

1. Аветян Н. А. Особенности перевода юридических документов на материале международных договоров / Н. А. Аветян // Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей X Международной научно–практической конференции, Пенза, 30 мая 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 160–162.
2. Борисова Л. А. О точности юридического перевода / Л. А. Борисова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 3. – С. 137–142.
3. Бондаренко И.В. Лингвистический консерватизм юридического языка / И.В. Бондаренко // Вестник Российского Гос. ун–та им. И. Канта. Сер. Филол. науки. – 2006. – Вып. 2. – С. 75–80.

4. Левицкая Т. Р. Проблемы перевода: на материале современного английского языка / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман; Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Москва: РГБ, 2008. – 1 с.

5. Раренко М. Б. 2000.01.014. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. – М.ЧеРо, 1999. – 136С / М. Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2000. – № 1. – С. 67–71.

6. Ingrid Neumann (1995): Realisation of requests in intercultural negotiations. On pragmatic method. Hermes, Journal of Linguistics. – 1995 – No. 15. Электронный доступ: https://tidsskrift.dk/her/article/view/25367 (дата посещения: 16.04.2024).

УДК 81’373.7:81’42

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

И.В. Лиховидова,[6]

магистрант,

Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В представленной научной работе рассматриваются специфические аспекты перевода фразеологических единиц, функционирующих в политической коммуникации. Практическое исследование, основанное на материалах политических интервью, выявляет комплекс переводческих неточностей при работе с русскоязычными фразеологизмами и их англоязычными эквивалентами. Результаты анализа демонстрируют существенное влияние допущенных ошибок на качество межъязыковой коммуникации, а также предлагают методологические рекомендации для совершенствования переводческой практики в данной области.

Ключевые слова: фразеологизмы, политический дискурс, фразеологический эквивалент, идиома, фразеологический аналог, метод калькирования, дословный перевод, описательный перевод.

Summary. The presented scientific work examines the specific aspects of the translation of phraseological units functioning in political communication. A practical study based on the materials of political interviews reveals a set of translation inaccuracies when working with Russian-language phraseological units and their English-language equivalents. The results of the analysis demonstrate the significant impact of the mistakes made on the quality of interlanguage communication, and also offer methodological recommendations for improving translation practice in this area.

Keywords: phraseological units, political discourse, errors in translation, phraseological equivalent, idiom, phraseological analogue, calculus method, literal translation, descriptive translation.

В эпоху глобализации, при увеличивающемся интересе к политическим процессам, исследование политического дискурса приобретает особую важность. Анализируется его типология, жанровые особенности, а также фразеосемантика и синтаксические строения политических текстов. При его анализе особое значение приобретают фразеологические единицы, так как именно они способствуют достижению желаемых речевых эффектов в

[6] Научный руководитель: д.филол.н., доцент М.В. Норец

политической коммуникации.

Цель статьи. Статья направлена на изучение характеристик использования фразеологизмов в политических материалах, которые публикуются СМИ.

Политический дискурс является особым типом практической деятельности в сфере языка. Значимость его не ограничивается лишь обслуживанием различных политических процессов. Часть «информационной жизни» человека зависит от его влияния.

Маслова В.А., признанный специалист в сфере политической коммуникации, утверждает, что «политический дискурс – это форма вербального общения, которая происходит в рамках определенного социально-психологического контекста» [4, с. 43]. В этом процессе участники, принимающие активное участие в политической жизни, выполняют определенные социальные роли. Эти роли формируют основу для их взаимодействия в контексте обмена политической информацией.

Фразеологические единицы, представляющие собой выражения с фиксированной структурой и образно выраженным значением, играют ключевую роль в обеспечении эффективности политической коммуникации. «Эти элементы языка помогают в передаче желаемых настроений и идей, стабильно воспроизводясь в устной и письменной речи» [2, с. 45].

В последние годы для иностранцев становится все более сложно понимать актуальные политические вопросы, освещаемые в российских СМИ. Идиоматичность фразеологизмов и особенности их семантики делают их значимыми, но сложно доступными языковыми единицами.

Как отмечают авторитетные ученые– фразеологи, такие как Н.М. Шанский, В.Н. Телия и В.И. Зимин, с течением времени многие фразеологические выражения теряют свою первоначальную мотивированность. «Из-за этой потери образы, лежащие в их основе, становятся неочевидными и могут показаться странными как для самих носителей языка, так и для иностранцев» [4, с. 43]. Эта изменчивость понимания может вызывать затруднения в интерпретации таких выражений как «*кот наплакал*», обозначающий малое количество, или «*пруд пруди*», указывающий на обилие. Кроме того, интерес вызывают и такие наименования как «*Третий Рим*» для Москвы и «*Северная Пальмира*» для Санкт-Петербурга, которые также могут сбивать с толку как иностранцев, так и русскоязычных.

«Перевод фразеологизмов представляет собой сложную задачу, поскольку часто эти стойкие выражения уникальны для конкретного языка и сопряжены с культурными и историческими аспектами нации. Важное значение приобретает знание переводчиком разнообразных методов передачи фразеологического смысла» [1, с. 312].

Приводя примеры проблем перевода фразеологизмов в политическом дискурсе отметим, что во время публичных выступлений и интервью

президента России В. В. Путина часто можно услышать использование различных фразеологизмов, пословиц и поговорок. В его речах присутствуют ссылки на литературу, которые могут быть не поняты без определенных знаний контекста англоязычными слушателями. При переводе на английский язык, передать исходное значение таких оборотов бывает сложно. Поэтому переводчики, стараясь сохранить точность, нередко прибегают к дословному переводу, в результате чего искажается или частично теряется первоначальный смысл высказываний.

Так, 11 июля 2021 года состоялась в встреча президента России В.В. Путина с журналистом американского телеканала NBC – Кирой Симмонсом. Во время данной встречи телекомпания NBC применила дословный перевод для большинства используемых главой государства фразеологизмов и цитат во время беседы.

Во время обсуждения внутренней политики США переводчики американского телеканала NBC перевели один из фрагментов интервью с российским лидером несколько иначе, нежели это было сказано в оригинале. Дискуссия велась о том, что НАТО нарушили своё обещание не расширяться на восток, при этом российский лидер уточнил: «*Вы молодец! Правильно говорите, обманули дурачка на четыре кулачка – у нас так в народе говорят. Надо было всё закреплять на бумаге*». Но в переведённой версии это прозвучало как: иначе: «*Right, right, right. Right, right. Well done. Well done. Correct. You've got a point. Nyah nyah nyah, got you good. Well, congratulations*», что означает следующее: «*Верно, верно, верно. Молодец. Вы правы. Ня,ня, ня, я вас понял. Что ж, поздравляю*». В английском выражение «nyah nyah nyah» часто обозначает недовольство, из-за чего первоначальный смысл замечания был искажён.

К сожалению, при озвучивании интервью с российским лидером, переводчики телекомпании предпочли использовать дословный перевод, что привело к частичной потере или полному искажению смысла, поскольку они не стали или не смогли адаптировать фразеологизмы.

Для решения данной проблемы В. Н. Комиссаров определяет различные типы фразеологических соответствий, которые помогают решить проблему перевода фразеологизмов, среди которых:

– метод фразеологического эквивалента, который уместно использовать, когда в целевом языке присутствует идиома, полностью совпадающая по своим характеристикам с идиоматическим выражением исходного текста.

– использование фразеологических аналогов. Переводчик, не найдя точного эквивалента фразеологизма, старается подобрать альтернативное выражение с схожим переносным значением в целевом языке, основываясь на другой образности.

– метод калькирования, позволяющий сохранить национально-специфическую окраску исходного фразеологизма. Такой подход позволяет

максимально точно передать уникальные образы, содержащиеся в оригинальном тексте.

– дословный перевод – применяется если в фразеологизме содержится образ, который полностью отвечает необходимому эмоциональному или стилистическому эффекту, допустимо использовать дословный перевод. Такой метод особенно актуален в ситуациях, когда предложенные альтернативы не улучшают результат или в случае использования сложных метафорических конструкций, игр слов или каламбуров.

– описательный перевод необходимым, когда в языке, на который выполняется перевод, отсутствуют эквиваленты или аналоги исходных фразеологизмов. «Различия в культурных реалиях часто требуют от переводчика введения кратких пояснений, что способствует лучшему пониманию текста представителями других культур. Благодаря этим разъяснениям текст становится доступнее для восприятия» [3, с. 115].

Согласно итогам проведенного анализа, перевод фразеологических единиц сопряжен с рядом сложностей. Высокое качество перевода предполагает необходимость обладания переводчиком соответствующими знаниями о типах фразеологических соответствий и умениями их применять.

Важным выводом данной статьи стало то, что сегодня перевод становиться орудием в информационной войне. Ошибки в переводах, сделанные намеренно, часто служат не столько лингвистическим, сколько идеологическим целям, направленным на манипулирование общественным мнением.

Список использованных источников

1. Валитова Г. И. Функции фразеологизмов в политическом дискурсе (на основе видеоматериалов и британской прессы) / Г. И. Валитова, Р.Х. Каримова // Актуальные вопросы современной иноязычной филологии. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2023. – С. 312-317.

2. Донскова Л. А. Особенности перевода фразеологизмов общественно-политического дискурса / Л.А. Донскова, А.В. Савченко // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – № 1(19). – С. 43-47.

3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение /В.Н. Комиссаров. – М.: Издательство «ЭТС», 2004. - 424 с.

4. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова / Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43-48.

5. Норец М. В. Особенности речей англоязычного политического дискурса на материале выступлений Дональда Трампа и Майка Помпео / М.В. Норец, А.А. Михайлова // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 4.

УДК 811.111

ТОЧНОСТЬ И КРЕАТИВНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ МУЛЬТФИЛЬМОВ (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТФИЛЬМА «ДУША»)

М. Ю. Лукинова,
к. филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
М. И. Зайналова,
обучающаяся магистратуры,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена анализу точности и креативности в переводе мультфильма «Душа», выпущенного в 2020 году, в контексте адаптации культурных и языковых особенностей. Рассматриваются методы перевода, которые обеспечивают сохранение оригинального смысла, одновременно учитывая эмоциональную и культурную составляющую, важную для целевой аудитории. Исследуются перевод названия, примеры локализации диалогов, а также передача образов персонажей. Особое внимание уделяется балансу между эквивалентностью и креативностью в переводе. Статья предоставляет важные выводы для переводчиков и специалистов в области мультимедийного контента.

Ключевые слова: душа, музыка, персонажи, мультфильм, перевод, транскрибирование, опущение, генерализация.

Summary. The article is devoted to the analysis of accuracy and creativity in the translation of the cartoon «Soul», released in 2020, in the context of adapting cultural and linguistic features. The article considers translation methods that ensure the preservation of the original meaning, while taking into account the emotional and cultural component that is important for the target audience. The translation of the title, examples of localization of dialogues, as well as the transfer of images of characters are investigated. Special attention is paid to the balance between equivalence and creativity in translation. The article provides important insights for translators and experts in the field of multimedia content.

Keywords: soul, music, characters, cartoon, translation, transcription, omission, generalization.

С развитием научно-технического прогресса изменяется образ жизни общества, что создает новые вызовы для переводчиков. Двадцать первый век ознаменовался рядом нововведений, таких как видеохостинги, стриминговые платформы и платные веб-сайты, ориентированные на показ фильмов и сериалов. Существует множество форматов, типов и жанров в сфере кино и телевидения, однако следует уделить особое внимание анимации. Этот жанр заслуживает внимания благодаря своему широкому распространению и значительному влиянию как на детей, так и на взрослых, обусловленному многообразием жанров анимации. Перевод мультфильмов и мультсериалов относится к области аудиовизуального и мультимедийного перевода, который сформировался в прошлом столетии с появлением кино. Это относительно новый вид перевода, который с момента своего возникновения активно применяется и исследуется. Однако переводчики сталкиваются с нарастающими трудностями, вызванными новизной материала и растущим спросом на него.

Целью данной статьи является анализ точности и креативности в переводе мультфильма «Душа» студии Пискар, выпущенного в 2020 году и

переведенного на русский язык студией дубляжа «Невафильм» [3] [4].

«Мультфильмы и мультсериалы в наше время занимают большую часть индустрии развлечений. Многие из них создаются на английском языке, и, как следствие, требуют перевода для показа в других странах. Поскольку целевая аудитория мультфильмов и мультсериалов – дети в возрасте до 12 лет, перевод должен быть полным, чтобы у детей не возникло проблем при просмотре, и, как правило, используется дублирование для мультфильмов и липсинк для мультсериалов. Однако тот факт, что перевод выполняется “для детей”, подразумевает две противоположных точки зрения, два подхода. С одной стороны, перевод должен быть качественным и полноценным, иначе детям будет сложно воспринимать информацию или они даже могут что-то воспринимать не так, а затем совершать ошибки в речи. С другой же, детям важнее не то, что персонажи говорят, а то, что происходит на экране и как это происходит, а значит, они не будут уделять много внимания самому переводу и им можно пренебречь» [1, с. 65].

Следует начать с анализа перевода названия мультфильма. Название «Soul» [5] переведено на русский язык как «Душа» с помощью приёма калькирования. Перевод кажется адекватным не только с точки зрения семантики, но и с точки зрения символического значения, которым обладает слово «душа» как в английском, так и в русском языках. В английском языке слово «soul» ассоциируется с внутренней сущностью человека, его индивидуальностью и духовной составляющей. В контексте мультфильма, центральной темой которого является самопознание, смысл жизни и связь между музыкой и внутренним «я» человека, слово «soul» в значительной степени передает первостепенную суть мультфильма и его идею.

Со стороны аудиовизуального аспекта, название «Душа» в русском языке является легким для восприятия, что может способствовать привлечению аудитории, причем как взрослой, так и детской. «Названия кинофильмов направлены в первую очередь на привлечение внимания широкой аудитории стран проката той или иной кинокартины, – следовательно, от качества перевода зависят его международный успех и итоговые кассовые сборы» [2, с. 94]. Тем не менее, важно отметить, что не все культурные и социальные аспекты, которые вложены в оригинальное название, могут быть полностью переданы через перевод. К примеру, в английском языке «soul» также может ассоциироваться с музыкальным жанром «соул», что добавляет оригинальному названию многослойность, так как именно музыка играет в мультфильме ключевую роль.

Таким образом, перевод названия «Soul» как «Душа» является в значительной степени адекватным и эквивалентным с точки зрения передачи основного концептуального содержания. Однако, как и в любом случае с переводом, остается пространство для дискуссий и мнений относительно точности передачи всех нюансов оригинала. Можно утверждать, что перевод не полностью охватывает всю палитру значений и эмоций, заложенных в оригинальном названии, но стремится к этому.

Перевод имен персонажей осуществлен различными приемами [5] [3]. Большинство из них переведены с помощью транскрибирования: Joe Gardner – Джо Гарднер, главный герой; Libba Gardner – Либба Гарднер; Jerry – Джерри; Dorothea Williams – Доротея Уильямс; Terry – Терри. Имя персонажа 22 калькировано – в русской озвучке так и звучит «двадцать два». Для перевода клички Curly использован дословный перевод – Кудряш. Интересная ситуация возникла с переводом имени Moonwind: дословно это можно перевести как «лунный ветер», однако с помощью уподобления данной фразы персонажа прозвали Лунветр, что для русского языка звучит более естественно и, что важно, кратко.

Творчески подошли к переводу названия музыкального бара «Half Note» [5, с. 6]. Дословно это можно было бы перевести как «половинная нота», но в русском дубляже применяется оригинальная лексическая трансформация и объединение – клуб называется «Полутон». В музыке, которая, как уже было упомянуто, занимает ведущую роль в мультфильме, полутон – это единица измерения музыкальных интервалов.

Для передачи образов персонажей использованы различные приёмы. К примеру, в тексте оригинального сценария реплики Джо Гарднера перед классом прописаны довольно сжато и звучат уверенно. Однако, с появлением визуала зритель замечает, что герой выглядит неуверенным перед своими учениками и неудовлетворенным собственной работой, что в русском переводе хорошо передано с помощью добавления слов-паразитов, которые также подчеркивают его мягкость и смирение перед безуспешной игрой детей на инструментах: «Alright! – Ну, хорошо» [5, с. 1]; «Let’s try something else – Ещё разок, да?» [5, с. 1]; «I’ll be right back – Так, все замерли, я быстро» [5, с. 3]; также применяется прием генерализации: «Well... you know, for a coffee shop. – Да… мы с ним сыграли всего-то пару песен» [5, с. 7].

Для передачи образа матери Джо, которая не воспринимает всерьез увлечение сына музыкой и подработкой в барах, подобраны фразы и слова, которые не имеют аналогов в других языках и будут верно истолкованы людьми, выросшими в русской культуре. Для перевода её реплик применяются контекстуальные замены: «After all these years, my prayers have been answered! A full-time job! – Свершилось, мои молитвы услышаны! В кои-то веки у тебя человеческая работа!» [5, с. 4]. Фраза «человеческая работа» благодаря приему локализации обрела тот смысл, который подразумевается героиней и который не так ярко заложен во фразе «full-time job». Еще один пример: «With this job, you’ll be able to put that dead-end gigging behind you – Ты наконец сможешь оставить эти халтурки в клубах» [5, с. 4]. Слово «халтура» укоренилось в русской культуре и не имеет полных аналогов в других языках.

Говоря об аналогах, стоит упомянуть, что непереводимое на русский язык обращение «Teach» к Джо вместо «teacher» опущено: «Get on up here, Teach – Садись за инструмент» [5, с. 8]; «Get a suit, Teach. A good suit. –

Найди костюм. Хороший костюм» [5, с. 9]. Вероятнее всего, будь данное обращение адресовано к женщине-учителю и в более неформальной обстановке, то грубое выражение «училка» являлось бы адекватным переводом и не возникло бы необходимости применять опущение. Кроме этого, будь Джо Гарднер преподавателем, а не школьным учителем, подходящим словом было бы «препод».

Чтобы наиболее ярко передать погружение Джо в астрал, когда он играет на пианино перед классом, применяется объединение предложений и одновременно с этим опущение отдельных фраз: «But then I see this guy. And he's playing these chords with fourths on it and then, with the minor. That guy was lost in the music. He was in it, and he took the rest of us with him. – Но когда пианист взял несколько аккордов, а потом в миноре…погрузился в музыку, ушел с головой…и увлек нас за собой…» [5, с. 2]. Джо произносит свою речь медленно, с неким придыханием, делает интонационные паузы и оставляет свою речь незавершенной, что лишь усиливает плавность его погружения в астрал и показывает зрителю, какое невообразимое и неописуемое удовольствие герой получает от музыки.

Также, для передачи образа Кудряша, который намного младше Джо, просторечив, и, очевидно, недостаточно образован, при переводе используются сленговые выражения: «My boy Bishop said he sat in on with you on a set last year in Brooklyn – Мой друган Бишоп сказал, что в том году играл с вами в Бруклине» [5, с. 7]; «This is the cat I was telling you about – Вот чел, о котором я рассказывал» [5, с. 7].

В заключение вышесказанного можно сказать, что в процессе перевода мультфильма «Душа» были учтены все нюансы оригинального сценария, восприятие мультфильма разной возрастной аудиторией и культурные различия. Всё это способствовало успешному, оригинальному и творческому переводу как самого названия произведения, так и имён персонажей, локаций и, что особо важно, успешной передаче образов героев. В целом, перевод вышеупомянутого мультфильма в равной степени адекватный и эквивалентный, что делает его еще более привлекательным для зрителей и способствует его дальнейшему распространению.

Список использованных источников

1. Душа. 2020. Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/film/775273/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 25.01.2025).
2. Завгородняя А. А., Залесова Н. М. Способы перевода названий мультипликационных фильмов с английского на русский язык (2016–2022 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-perevoda-nazvaniy-multiplikatsionnyh-filmov-s-angliyskogo-na-russkiy-yazyk-2016-2022-gg (дата обращения: 28.01.2025).
3. Матюхин И. Б. Перевод мультсериалов: проблема перевода имен собственных // Вестник науки и образования. 2019. №19–1 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-multserialov-problema-perevoda-imen-sobstvennyh (дата обращения: 29.01.2025).

4. Норец М. В. Историко-литературная рецепция романа Нила Геймана "Коралина" / М. В. Норец, А. В. Криличенко // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 11 (47). Ноябрь. – С. 1-4

5. Сценарий мультфильма «Душа». Режим доступа: https://www.scriptslug.com/script/soul-2020 (дата обращения: 25.01.2025).

6. Soul. 2020. Режим доступа: https://www.imdb.com/title/tt2948372/ (дата обращения: 28.01.2025).

УДК 81.25

ПЕРЕВОД И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ НОВЕЛЛ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ ИГР «ACE ATTORNEY» НА АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ)

М. Ю. Лукинова,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
А. С. Мамбетова,
обучающаяся магистратуры,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей перевода и локализации визуальных новелл на материале серии игр «Ace Attorney» на английском, русском и японском языках. Применяются такие методы исследования как: дескриптивный метод, метод композиционного анализа, метод контекстуального анализа и метод сопоставительного анализа переводов и оригинала. В результате исследования было выявлено, что процесс локализации усложняется не только техническими трудностями, но и культурными и мировоззренческими различиями целевых аудиторий. Это может сказаться на точности передачи оригинального текста визуальной новеллы и негативно повлиять на восприятие игрового процесса и персонажей. Однако при качественной локализации может получиться понятный перевод как для англоязычной, так и для русскоязычной аудитории.

Ключевые слова: визуальная новелла, перевод, локализация.

Summary. The aim of the study is to identify the features of translation and localisation of visual novels based on the material of the game series «Ace Attorney» in English, Russian and Japanese languages. Descriptive method, method of compositional analysis, method of contextual analysis and method of comparative analysis between translated and source material are applied. It was revealed that localisation is challenging not only due to technical difficulties, but different target audience’s cultures and worldviews, causing misinterpretation of characters and the plot. However, localisation can result in translations adequately perceived by English- and Russian-speaking consumers.

Key words: visual novel, translation, localisation.

При переводе и локализации визуальных новелл переводчик должен не только точно перевести текст, но и правильно понять, сохранить или адаптировать культурные особенности видеоигры. Для этого нужно знать различные термины и сленг, понимать культурные шутки, идиомы и даже игровые механики, чтобы сохранить оригинальное впечатление от визуальной новеллы и сделать её доступной для новой аудитории. Это особенно важно для игр как «Ace Attorney», где сюжет и диалоги играют

ключевую роль, и любое недопонимание может существенно повлиять на восприятие и удовольствие от игры.

Актуальность исследования обусловлена первой попыткой анализа особенностей перевода и локализации визуальных новелл на основе проведённого сравнения оригинального и переведенного текстов.

Термин «локализация» относительно недавно стал использоваться в лингвистике. Согласно определению Якуниной В. Г. и Шевченко Е. В., локализацией следует считать «культурную и лингвистическую адаптацию продукта для той целевой аудитории (страны, региона, языкового ареала), которая будет использовать данный продукт». [3, с. 16–20].

В своей книге «Game Localization Handbook» [4] Чэндлер Х. разделяет понятия интернационализации (создание товара, который может быть адаптирован для других стран без изменения его дизайна) и локализации (собственно процесс перевода текстовых материалов игры на другие языки).

При интернационализации игры следует обратить внимание на следующее: убедиться, что код игры поддерживает как минимум латинские и азиатские символы и разработать пользовательский интерфейс с достаточным пространством для размещения переведенного текста.

Выделяют несколько уровней глубины локализации игр:

Бумажная локализация.

Поверхностная локализация.

Экономичная локализация.

Углубленная локализация. На данном уровне локализации происходит переозвучка игры.

Избыточная локализация.

Глубокая локализация. Глубокая локализация подразумевает изменение сценария [1].

При переводе и локализации визуальных новелл и компьютерных игр в целом применяют различные переводческие стратегии. Под ними стоит понимать «общее представление переводчика о тех задачах, которые ему предстоит решить в процессе перевода, и характере способов достижения цели, с которой осуществляется перевод, представление о специфике планируемых переводческих действий и их назначении» [7, с. 115]. Выбор стратегии перевода зависит в первую очередь от определенной коммуникативной ситуации. В. В. Сдобников выделяет три стратегии перевода:

1) стратегия коммуникативно-равноценного перевода;

2) стратегия терциарного перевода;

3) стратегия переадресации.

Основной стратегией перевода визуальных новелл можно считать переадресацию, которая «представляет собой общую программу осуществления переводческой деятельности, направленной на создание текста на ПЯ, предназначенного для получателя, который отличается от реципиента ИТ не только своей национально-культурной

принадлежностью, но и социальными характеристиками» [4, с. 121]. Визуальные новеллы как произведение на стыке видеоигр и литературы часто придерживаются художественного стиля речи, при котором целесообразно приходить к стратегии переадресации.

Стоит также упомянуть классификацию переводческих тактик А. Ф. Косталеса, поскольку она применима к теме видеоигр:

1. доместикация и форенизация;
2. нулевой перевод;
3. транскреация;
4. буквальный перевод;
5. принцип лояльности;
6. утрата значения и стратегии компенсации;
7. цензура [5].

Американская локализация первой игры из серии «Ace Attorney» была поручена компании Bowne Global. Ею занимались переводчик А. О. Смит и редактор С. Андерсон. Название визуальной новеллы было адаптировано для американской публики – вместо более размытого названия「逆転裁判 蘇る逆転」 (букв. Переворотный суд: Воскрешённый поворот), название транскреировали как «Phoenix Wright: Ace Attorney». Последующие игры из серии имели нумерацию (「逆転裁判 2」, 「逆転裁判 3」 и т.д.), когда в американском издании вместо нумерации к названию франшизы добавлялись новые подзаголовки («Phoenix Wright: Ace Attorney – Justice for All», «Phoenix Wright: Ace Attorney – Trials and Tribulations» и т. д.).

В локализированной версии также сменили место действий игр – вместо Японии действия происходят в США, а точнее в городе Лос-Анджелес, штат Калифорния. Это связано с тем, что в первом судебном деле игры одной из улик является разница часовых поясов. Доместикация в данном случае была не самым успешным решением локализаторов, так как в дальнейших играх влияние японской культуры было намного заметнее, чем в первой. Уже во второй игре из серии главный герой Феникс Райт отправляется в родной город его помощницы Майи Фэй, который полон отсылок к синтоизму и японским традициям. За локализацию последующих игр отвечала Джанет Хсу, решившая частично прийти к форенизации в визуальной новелле. Она сохранила реалии синтоизма (магатамы, существование и ченнелинг духов и т.д.), объяснив, что действия игры происходили в альтернативной вселенной, в которой не были приняты антияпонские законы, а, следовательно, антияпонские настроения отсутствовали и японская культура в США смогла развиться без каких-либо препятствий. Из-за этого фанаты шуточно называли место действий игры «Japalifornia» – Яполифорния.

Все же, не все элементы японской культуры были сохранены, как например японские блюда, малоизвестные для западной публики. В локализации Майя полюбила бургеры, вместо рамэна – лапшы. Игроки

высмеяли данное изменение, так как блюдо было достаточно известно на Западе, особенно среди фанатов визуальных новелл, аниме и манги. Позже, в сиквеле «Spirit of Justice» Майя упоминает, что она любит как рамэн, так и бургеры.

В локализации также сохранили японскую систему правосудия, так как ее изменение повлекло бы к надобности переработки всей структуры игрового процесса.

Отдельно стоит подчеркнуть локализацию имен персонажей. В оригинальной японской визуальной новелле практически все персонажи имели «говорящие имена», основанные на игре слов, а также содержали в себе культурные отсылки. В локализации для англоязычного рынка каламбуры в именах часто были основаны на характере персонажа (Will Powers от англ. willpower – актер сериала «Стальной Самурай»; Lotta Hart от англ. a lot of heart и heartland – добрая девушка из «глубинки» с сильным южноамериканским акцентом). Реже они основывались на биографии персонажей (Mia Fey от англ. MIA – missing in action – убитая начальница Феникса Райта) или являлись шуткой над внешним видом персонажа (например, Wendy Oldbag – старушка из второй игры серии). Некоторые английские имена были основаны на их японских аналогах, но для некоторых персонажей имена пришлось сильно изменить по сравнению с японскими версиями.

В русских неофициальных локализациях преимущественно использовалась форенизация: сохранилось место действий, культурные и религиозные отсылки. Имена персонажей транскрибировали и транслитерировали (как с японского, так и с английского языков – например, Мая Асато и Манфред фон Карма, Эма Скай). Всё же, некоторые имена и фамилии пытались подвергнуть доместикации, как, например, фамилия главного героя –「堂龍」 [Наруходо] (букв. понятно, действительно) была транскреирована в нечто похожее на японскую фамилию – «Хорасё».

Таким образом, серия игр «Ace Attorney» позволяет локализаторам самостоятельно выбрать наилучшие стратегии и тактики, применимых для работы с визуальными новеллами. Перевод визуальных новелл – особо сложная сфера, требующая комплексного подхода для создания успешного продукта. Процесс их локализации усложняется не только техническими трудностями, но и культурными и мировоззренческими различиями целевых аудиторий. Из-за этого не всегда возможно точно передать оригинальный текст визуальной новеллы, что может негативно повлиять на восприятие игрового процесса и персонажей. Однако при качественной локализации может получиться понятный перевод как для англоязычной, так и для русскоязычной аудитории.

Список использованных источников

1. Норец М. В. Особенности локализации игры «Метро 2023» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII

международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 253-257.

2. Норец М. В. Формирование переводческих тактик при локализации имен собственных игровых персонажей в игре «Honkai impact 3rd» / М. В. Норец, Л. А. Османова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 263-268.

3. Пашутина А. Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://mikevg.com/lokalizaciya-igr/lokalizatsiya-kompyuternyh-igr-sut-problemy-i-resheniya/ (дата обращения 26.11.2024).

4. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода [Электронный ресурс] // Вестник НГЛУ. – 2011. – № 14. – https://clck.ru/33Q2FQ (дата обращения 26.11.2024).

5. Якунина В. Г. Лингвоиндустрия, локализация и перевод. [Электронный ресурс] // Наука без границ. – 2017. – № 6 (11). – https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoindustriya-lokalizatsiya-i-perevod (дата обращения 20.11.2024).

6. Chandler H., Deming S. O. The Game Localization Handbook. USA: Jones & Bartlett Learning, 2012. – P. 376.

7. Costales A. F. Exploring translation strategies in video game localizations [Electronic Resource] // MonTi – Monografías de Traducción e Interpretación. 2012. – Mode of access: URL: https://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/26956/1/MonTI_04_17.pdf (дата обращения: 13.12.2024).

УДК 81

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА КОМИЧЕСКОГО С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТРЫВКОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТЕНДАП-КОМИКОВ)

М. Ю. Лукинова,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
А. Ф. Мамедлаева,
обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье авторы исследуют сложности перевода отрывков стендап-выступлений с английского на русский язык. Особое внимание уделяется стендап-комедии, ее особенностям, переводческим стратегиям, используемым при передаче оригинального текста. Статья рассматривает различные особенности перевода коротких видео под субтитры, а также различные переводческие проблемы. Грамотный перевод комического – заслуга переводчика, который благодаря своей работе разрушает языковой барьер в художественных сферах, позволяя людям понимать юмор той или иной культуры.

Ключевые слова: языковая игра, перевод, комическое, стендап, переводческие приемы, YouTube-шортсы, субтитрирование.

Summary. The authors explore the complexities of translating stand-up shows from English into Russian. Particular attention to the nature of stand-up comedy, its specific features, and the translation strategies employed in conveying the original message is paid. The article examines the distinct characteristics of subtitling short-form comedy videos and the challenges

of translation. A successful translation of comedy hinges on the translator's ability to bridge linguistic and cultural barriers, enabling audiences to appreciate the humor of different cultures.
Key words: word play, translation, humour, stand-up comedy, translation techniques, YouTube-shorts, subtitling.

Издавна ученых интересует природа юмора: его корни, причина смеха, почему кому-то смешно, а кому-то нет, что лежит в основе феномена, объект смеха, каковы разновидности смеха, как людям с разным культурным кодом понимать друг друга. Рассматривая «юмор» в диахроническом аспекте, нельзя не отметить, что данное понятие меняется с течением времени. То, что смешило людей в прошлом, может казаться неуместным или даже оскорбительным сегодня. Изменения в обществе, ценностях, морали и политическом климате оставляют отпечаток на том, что мы считаем смешным.

Особые трудности возникают при переводе комедийных шоу, сериалов, ситкомов ввиду того, что они будто словно сотканы из языковой игры: остроумные шутки и каламбуры составляют основу диалогов, а в одном эпизоде их может быть более десятка.

Прием опущения в переводе предполагает полное исключение игры слов из текста перевода, с передачей смысла за счет традиционного перевода, реализуя лишь одно из значений, присутствующих в оригинале. Важно отметить, что использование данного приема без компенсации в других частях текста считается недопустимым, поскольку это нарушает принцип достижения эквивалентности на уровне всего перевода, являющийся ключевым показателем его качества. Более того, опущение может негативно повлиять на характеристики персонажей, формируя у читателя или слушателя впечатление, отличное от авторского замысла.

Стендап (англ. stand-up comedy) представляет собой комедийное искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией, обычно говоря напрямую со зрителями.

Главная задача стендап-комика – рассмешить толпу, выступления строятся на основе подготовленного комиком юмористического материала (шуток, историй, пародий), а также импровизаций при взаимодействии с залом. Главным инструментом усиления комического эффекта при этом является утрирование фактов, т.е. чрезмерное преувеличение и заострение тех или иных черт объекта, неожиданные сопоставления и уподобления. Поэтому зачастую в стендапе находят отражение злободневные социальные, общественно-политические или бытовые явления, а объектами шуток становятся реальные люди или характерные типажи людей. Кроме того, так как стендап является формой самовыражения комика, его эмоциональной интерпретацией каких-либо событий, это, естественно, находит отражение в тексте шуток [2].

Стендап-выступления можно классифицировать на три категории:

1) короткие видео длинною до 3 минут (шортсы);

2) выступления длинною до 20 минут;

3) специальные выпуски или спэшлы (более 1 часа).

Первый формат отличается по ряду параметров: такие видео часто выкладываются на платформы с ограниченным функционалом (YouTube-shorts или VK-клипы), где невозможно поставить видео на паузу или перемотать его. Поэтому перевод коротких видео должен быть максимально сжатым и информативным, так как у зрителя не всегда есть возможность и желание пересмотреть видео для понимания пропущенных субтитров. Кроме того, такие субтитры редко включают сноски для переводческого комментария, что требует от переводчика применения других стратегий при передаче культурных реалий и игры слов.

Чаще всего короткие видео переводят под субтитры. Это объясняется экономией времени, прежде всего. Субтитрирование также сохраняет оригинальную аудиодорожку, позволяя зрителю оценить интонации и звуковые эффекты выступления, что делает восприятие более аутентичным. Этот метод также даёт возможность добавлять сноски для пояснения реалий, игры слов и других особенностей. Однако многим зрителям сложно одновременно следить за текстом и изображением, что может увеличивать когнитивную нагрузку.

Шутка обычно состоит из двух частей: сетап и панчлайн. Сетап – начало истории, которое подготавливает зрителя к смеху. Панчлайн представляет собой основную часть, которая смешит зрителя. Сетап подводит нас к логичному завершению рассказа, заставляет, исходя из личного опыта, предположить, что человек скажет, сделает. Панчлайн предполагает такое развитие событий, которое мы не предполагаем. Именно во второй части заключается юмор. Приведем пример из выступления Рэя Лау (Ray Lau): *I'm faking my way through every conversation with these parents. Okay, I have no idea what I'm saying sometimes. Okay, one guy come up to me, he go, "Dude, my son, he just turned seven." And literally, out of my mouth, I go, "Seven!? Ugh, that's the age!*"

Наш перевод: *В разговоре со всеми этими родителями я имитирую, что что-то понимаю. Иногда я вообще не понимаю, что несу. Однажды один чел мне говорит: «Чувак, моему сыну вот только 7 исполнилось». И вообще неизвестно почему, я такой: «7? Да, это тот еще возраст!»*

«That's the age» и будет вышеупомянутым панчем.

За 2 месяца сотрудничества с проектом «AllStandUp» были переведено более 30 стендап выступлений в формате клипов (короткие видео длительностью 1-5 минут) таких комиков, как: Тина Фримл, Дженни Зигрино, Дэйв Хелем, Рэй Лау, Моханад Эльшеки и других [3]. Полученный опыт помог выявить жанровые и языковые особенности стендап выступлений на английском языке. При переводе использовались рекомендации действующего переводчика AllStandUp и преподавателя Школы аудиовизуального перевода Э. Р. Маркарян [2]. Рассмотрим несколько примеров выступлений и использованные нами переводческие трансформации.

Отрывок выступления Грига Барнса, «Документальные фильмы о природе». Оригинал: *I smoke sometimes– A lot. Every day, actually. I smoke and I watch nature shows. One of my childhood friends was at my place recently and we smokin', and he looks at me and he's like, "Hey yo, how come every time I come to your crib, we be watchin' nature shows?" I'm like, "Yo, my man, these nature shows, they informative." We start watchin' this piece on National Geographic. Narrator goes on to say that if all the bees on the planet died, that the birds would be next, then us. And my boy is like, "We gotta save the bees! That sh*t is real. That's real! Now that I think about it, I ain't see a bee all summer!"*

Наш перевод: *Я курю иног–. Часто. Каждый день, если честно. Я курю и смотрю «В мире природы». Один из моих друзей детства зашел ко мне как-то и мы курим сидим. Он смотрит на меня и такой: «Эй-йоу, как получается так, что как я не приду в твою хибару, мы смотрим канал о животных?» Я говорю: «Йоу, братан, эти шоу такие познавательные». Мы начали смотреть отрывок из National Geographic. Диктор рассказывает, что если все пчелы на планете вымрут, птицы будут следующими, а затем и люди. Реакция моего друга: «Нам надо спасти пчел! Эта хрень – правда. Чистая правда! Я сейчас подумал и понял, что не видел пчел все лето!»*

В первых строках в оригинале автором использована парцеляция, которая создает эффект нерешительности, характерный для устной речи. В переводе он сохранен. Выражение *your crib* переведено как «твою хибару». Сленговое слово *crib* заменено на русский аналог с немного шутливым оттенком, соответствующим контексту. Используемый в оригинале уличный сленг (*crib, my man*) сложно передать на русском без потери культурного колорита. Следует отметить, что *nature shows* адаптировано как «канал о животных» и в первом случае «В мире природы», что соответствует русскоязычному восприятию и делает контекст более понятным. Шоу «В мире природы» было популярно в России, следовательно, более узнаваемо. Упоминание автором *National Geographic* достаточно универсально и не требует значительной адаптации, однако общий контекст проблем пчел в России менее узнаваем, чем в англоязычных странах. Шутка про пчел и их важность для экосистемы в русском переводе сохраняет общий смысл, но не передает степень удивления и внезапного озарения друга, как это звучит в оригинале.

Отрывок выступления Биньяма Бизуне «Уверенность американцев». Оригинальный текст: *I want the confidence that America has. America will do sh*t no one else will do. America will make movies that are set in other countries that star people from that country about their history, and just make everyone speak English. No one else does that. Remember that show Chernobyl? Set in Ukraine, Ukrainian history, everyone in it's like, "Blimey, there's been an explosion!" You're from Ukraine, you're like, "What is this?" It'd be like if Mexico made a Martin Luther King biopic. Just had MLK there like, "Yo tengooooooooooooooo un sueño que uno dia pequeños blancos chicos y chicas*

toman las manos pequeños negros chicos y chicas. ¡Libre por fin! ¡Libre por fin! ¡Gracias a dios libre por fin!" Black people would be pissed.

Наш перевод: *Хочу обладать уверенностью американцев. Они делают хрень, которую никто не делает. Америка делает фильмы, действия которых происходят в других странах, и в которых снимаются актеры из этой страны, об истории, и все в фильме говорят на английском. Никто так не делает. Помните сериал «Чернобыль»? Снят в Украине, об истории Украины, а актеры такие: «Blimey, there's been an explosion!» Люди из Украины такие: «Это что вообще такое?» Представьте, если бы мексиканцы сняли фильм-биографию о Мартине Лютере Кинге. Вот представьте Кинга говорящего: «Yo tengooooooooooooooo un sueño que uno dia pequeños blancos chicos y chicas toman las manos pequeños negros chicos y chicas. ¡Libre por fin! ¡Libre por fin! ¡Gracias a dios libre por fin!» Черные будут в бешенстве от такого*.

В оригинале используется выражение «America will do sh*t no one else will do», которое в переводе передано как «Они делают хрень, которую никто не делает». Замена грубоватого сленга на русский эквивалент сохраняет эмоциональную окраску и разговорный тон. «*Black people would be pissed*» передано более эмоционально как «Черные будут в бешенстве от такого», что усиливает эмоциональный эффект. Фраза «and just make everyone speak English» передана кратко как «и все в фильме говорят на английском». Это упрощает структуру предложения, сохраняя его смысл. Шутка о сериале «Чернобыль» может быть сложной для аудитории, не знакомой с ситуацией, где британские актеры играют украинцев. Перевод сохраняет комизм за счет прямого цитирования реплики с английским акцентом, но для широкой аудитории это может быть менее очевидно. Перевод также оставляет в оригинальной графике реплику «Blimey, there's been an explosion!» на английском (т. н. «трансплантация»), чтобы подчеркнуть комичность использования английского акцента в историческом контексте Украины. Реплика Мартина Лютера Кинга на испанском языке, включающая удлинение слова «tengooooooooooooooo», сохранена, чтобы передать юмористический характер оригинала. Русский перевод поддерживает комичный тон за счет точной передачи этой детали. Понимание шутки требует базовых знаний испанского языка, что может быть барьером для некоторых русскоязычных читателей.

Анализируемые версии переводов дают возможность сделать следующие выводы. Необходимо максимально сохранять оригинальную синтаксическую структуру предложения во избежание того, чтобы не выдать панчлайн раньше времени. Комики часто делают отсылки на известные на явления массовой культуры или политические отсылки, т. н. «интертекстуальность», поэтому важно быть в курсе событий. Наиболее эффективными стратегиями перевода являются генерализация, конкретизация, добавление и модуляция. Несмотря на трудности, существуют стратегии, которые могут помочь переводчикам успешно

передать игру слов с одного языка на другой.

Список использованных источников

1. Маркарян Э. Р. Языковые особенности жанра стендап-комедии // Язык и межкультурная коммуникация. – 2023. – С. 84–89.
2. Норец М. В. Особенности перевода комического в сериале «This is us» / М. В. Норец, Е. Д. Гайдай // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной научно-практической конференции, Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С. 257-263.
3. Решетарова И. В. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии // Вестник донецкого национального университета. Серия д: филология и психология. – Донецк, 2020. – С. 108–111.
4. AllStandUp [Электронный ресурс]. – https://t.me/[allstandup_video] (дата обращения: 24.12.2024).
5. Don’t tell comedy [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.youtube.com/@DontTellComedy/shorts (дата обращения: 24.12.2024).

УДК 811.11-112

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «ДЕВУШКА-ГИК»)

М. Ю. Лукинова,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
М. А. Потапова,
обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности перевода английского сленга на русский язык на примере сериала «Девушка-гик». Сленг является одним из самых противоречивых и дискуссионных вопросов языкознания и переводоведения. Сленг стал одним из ярких лингвистических явлений, активно развивающихся в настоящее время. Статья содержит описание основных приемов перевода английских сленгизмов на русский язык, предложенных авторами. В ней делается вывод о том, что выбор конкретного способа перевода зависит от ряда факторов: контекста, наличия эквивалентной лексики в языке перевода, а также целевой аудитории перевода.

Ключевые слова: сленг, сниженная лексика, разговорная лексика, перевод, переводческая трансформация, «Девушка-гик»

Summary. This article focuses on the challenges of translating English slang into Russian based on the TV series «Geek Girl». Slang is one of the most controversial and debated topics in linguistics and translation studies. A brief overview of research on English and Russian slang reveals that there is no universally accepted definition of the term «slang» in linguistic literature. Nowadays, slang has become one of the vivid linguistic phenomena, which is actively developing. The article provides the main methods of translation of English slang into Russian suggested by the authors. It concludes that the choice of a particular translation method is determined by a number of factors: the context, the equivalent vocabulary in the target language and the target audience of the translated text.

Key words: slang, jargon words, colloquial vocabulary, translation, translation transformation, «Geek Girl».

«Сленг» – спорный термин, появившийся в 1756 году для обозначения

неформальной лексики. И. В. Арнольд определяет сленг как «*сугубо разговорные слова и выражения с грубоватой или шуточной эмоциональной окраской, непринятые в литературной речи» [1, с. 284]***.** В. А. Хомяков дает общее определение сленга: «Общий сленг – это относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами» [6, с. 39]. Гальперин считает термин «сленг» спорным. Он пишет, что наблюдается смешение понятия «сленг» с такими терминами как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь» и «просторечие» [3, с. 91]. Многие исследователи отмечают, что сленг часто выражает ироническое или даже презрительное отношение к тому, о чем говорится.

Сленг отличается от официального языка и понятен только узкому кругу людей, обычно принадлежащих к определенной социальной или профессиональной группе, которая создала и использует этот сленг. Главной причиной использования сленга является желание выразить чувство общности и принадлежности к определенной социальной группе или субкультуре, разделяющей общие ценности и нормы. Несмотря на распространенность сленга, его терминология остается неточной из-за неоднозначности и противоречивости понятия. Поэтому переводчикам приходится решать сложную задачу при переводе сленговых единиц, не искажая смысла и замысла автора.

Л. С. Бархударов считает, что при переводе сленга используются те же методы, что и для литературной лексики. Однако буквальный перевод должен применяться редко, только если значение слова понятно читателям без комментариев. Чаще используются непрямые способы перевода или трансформации [2, с. 210]. Нередко переводчики применяют эвфемистический или дисфемистический перевод. Эвфемистический перевод смягчает грубые или оскорбительные выражения исходного текста, заменяя их в переводе на более нейтральные и приемлемые лексические единицы. Дисфемистический перевод – способ перевода, противоположный эвфемистическому переводу, который «заключается в замене слов исходного языка, имеющих нейтральную окраску, на слова с более выраженной, грубой экспрессией в языке перевода» [4, с. 115].

В данной работе мы рассматриваем сленг на материале сериала «Девушка-гик» (2024 г.). Сериал рассказывает о застенчивой школьнице-отличнице. Она блестяще разбирается в физике и математике и знает множество интересных фактов из биологии и истории, но совершенно не разбирается в моде и не понимает тонкостей социального общения. Девушка часто бывает резкой и неловкой в разговоре. Но именно ее замечает агент

известного модельного агентства и предлагает ей стать моделью.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
Go dressed out lost property again, **Spanners**?	Некрасивый человек	Снова одевалась в сэконде, **страшила?**	Контекстуальная замена

Слово «spanners» происходит от британского сленгового выражения «like a bag of spanners», что означает «очень некрасивый человек». В исходном предложении термин «spanners» использован в ироничном и уничижительном смысле, намекая на непривлекательность персонажа. Для более точной передачи смысла исходного текста предлагается использовать контекстуальную замену и перевести «spanners» как **«страшила»**. Этот термин является наиболее подходящей заменой, сохраняющей негативную коннотацию.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
Slay	выражение искреннего восхищения	**Шикарно**	Контекстуальная замена

Исходное слово «slay» используется для выражения восхищения. В данном конкретном случае лексическая замена оправдана, поскольку оба слова имеют одинаковую стилистическую окраску и смысл.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
You deleted our **gorge** couple snaps for photos of actual rubbish.	сокращенно от «gorgeous» изумительный, роскошный	Так ты удалил наши **классные** совместные фотки, чтобы выложить какой-то мусор.	Контекстуальная замена

Слово «gorge» — это сокращение от слова «gorgeous». Данный сленгизм не имеет прямого эквивалента в русском языке. Его значение определяется контекстом: прилагательное используется для описания фотографий пары, подразумевая их привлекательностью. Перевод «gorge» как «классные», на наш взгляд, является примером удачной контекстуальной замены, ориентированной на передачу смысла и эмоциональной окраски исходного текста.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
You have to put these girls under pressure without giving them full **Nervy B's.**	стресс, нервный срыв	Воздействуем на девочек, чтобы они не **нервничали**.	Эвфемистический перевод

Использование эвфемистический перевода в данном контексте оправдано, поскольку оно помогает сгладить грубый тон исходного текста. Перевод по-прежнему точно передает общий смысл, но он делает его более приемлемым для более широкой аудитории.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
If they turn you down, you mustn't be too **bummed out.**	печаль, разочарование, злость и раздражение	Если откажут, то ты не так расстроишься.	Эвфемистический перевод

В данном случае исходное выражение «bummed out» имеет негативный оттенок, означающий «разочарование» или «раздражение». Мы заменили его на более нейтральное. В этом случае эвфемизация уместна, так как она делает перевод более естественным для русского языка.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
Say something **hip.**	модный, трендовый, крутой	Скажи что-нибудь **крутое.**	Контекстуальная замена

Слово «hip» имеет несколько значений, включая «модный», «современный» и «крутой». Оно часто используется для описания чего-то, что находится на пике популярности или в тренде. В данном контексте один из персонажей хотел произвести хорошее впечатление на другого, используя модное слово или выражение.

Оригинал	**Значение**	**Авторский**	**Переводческая трансформация**
I have never in my life said **«sup»** before!	Что случилось? Привет!	Я никогда раньше не говорила «**здоров»!**	Контекстуальная замена

«Sup?» – это сокращение от «what's up?», что означает «что случилось?» или «привет». Сленгизм «sup» является неформальным приветствием, которое часто используется в разговорной речи. Перевод «здоров» также является сокращением от слова «здорово» и сохраняет ту же эмоциональную окраску в данном контексте.

Подводя итог, можно сделать вывод, что существуют различные переводческие приемы, которые используются для передачи сленга и грубой лексики на целевой язык. Наиболее распространенными методами являются: контекстуальная замена и эвфемистический перевод. Контекстуальная замена заключается в замене сленгового слова или выражения на то, которое подходит для контекста и целевой аудитории. Эвфемистический перевод используется для перевода грубой лексики путем замены слов на более нейтральные или смягченные слова, или выражения. В целом, применение контекстуальной замены и эвфемистического перевода позволяет переводчикам эффективно переводить сленг и грубую лексику, учитывая культурные и социальные нормы аудитории.

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения. 1975. – 237 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. – 459 с.

4. Ковалева Л. В., Лапынина Н. Н. Особенности перевода сленговой лексики // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и 68 межкультурная коммуникация». Вып. 9. – Воронеж: Воронежский ГАСУ, 2013. – 153 с.

5. Кареева М. С. Прагматические особенности употребления интернет-неологозимов и сленгизмов в Twitter / М. С. Кареева, М. В. Норец // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью. – 2022. – № 3. – С. 26-31.

6. Хомяков В. А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971. – 104 с.

УДК 811.111

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

А. В. Лучникова,

ст. преподаватель кафедры Английского языка профессиональной коммуникации фСИЯЛ ПГНИУ, Пермь

Аннотация. В статье рассматривается работа преподавателя английского языка в неязыковом вузе, выявляется специфика работы и общения со студентами, обусловленная наличием определенных психологических барьеров. Автор описывает компетенции преподавателя, которые имеют особое значение для повышения эффективности преподавания и педагогического взаимодействия. Предлагается рассмотреть работу со студентами на онлайн платформе как один из способов нивелировать влияние психологических блоков на учебу студента.

Ключевые слова: английский язык, психологические барьеры, преподавание, профессиональная компетенция, онлайн платформа.

Summary. The article examines the work of an English teacher in a non-linguistic university, identifies the specifics of working and communicating with students due to the presence of certain psychological barriers. The author describes the teacher's competencies, which are of particular importance for improving the effectiveness of teaching and pedagogical interaction. It is proposed to consider working with students on an online platform as one of the ways to offset the impact of psychological blocks on the student's studies.

Key words: English, psychological barriers, teaching, professional competence, online platform.

Психика здорового человека – это природный механизм, саморегулирующаяся система. Она работает так, что при возникшей стрессовой ситуации у человека включается защитная реакция, которая позволяет ему пережить этот момент с минимальными потерями для нервной системы. Ослабить вред, нанесенный этим стрессом, поддержка внутреннего психологического баланса – есть основная функция данных механизмов защиты. Человек может таким образом сам справиться с потрясением, при этом не осознавая, что защищается, т.к. этот процесс неосознанный. Впервые в зарубежной психологии термин «психологический барьер» ввел З. Фрейд. В соответствии с психоаналитической теорией личности З. Фрейда, все поведение человека,

а также психические процессы происходят во взаимодействии инстинктивных влечений и внутренних и внешних барьеров. По мнению ученого такие барьеры являются формой психологической защиты от неприятных эмоций и переживаний. В травматической ситуации внутреннего конфликта «Я» вырабатывает психологические защиты, особые формы бессознательной психической активности, которые позволили бы хотя бы временно облегчить конфликт, снять напряжение, а в конкретных жизненных ситуациях так исказить смысл событий и переживаний, чтобы не нанести ущерб представлениям о самом себе как соответствующем некоторому идеалу» [1. с. 36].

Психологическая защита – это система регуляторных механизмов, которые направлены на устранение или сведение до минимума негативных травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [7, с. 122].

Не все ученые напрямую поддерживали теории, выдвинутые З. Фрейдом, но многие его тезисы легли в основу терапевтических лечений. И это был прорыв в науке, так как то, что представлялось явлением из области философии, перешло в область практической психологии. Развивая далее свои теории, Зигмунд Фрейд говорил о бессознательном сопротивлении, которое человек (пациент) оказывает не только врачу, но и самому себе: вытесняет тревожные воспоминания, блокирует неприятные и т.д. «Больной всячески пытается избежать его предписаний. То он утверждает, что ему ничего не приходит в голову, то, что напрашивается так много, что он ничего не может понять. Прибавьте к этому, что больной пользуется всеми встречающимися во время лечения случайностями, чтобы помешать ему, любым отвлекающим от него событием…» [9, с. 227–230]. Так возникло понятие защитный механизм. Реакция защиты, по Фрейду, имеет две формы: блокирование и искажение нежелательных импульсов.

А. Фрейд продолжает учение своего отца и приводит пример отказа от деятельности как форму защиты от неприятных переживаний и впервые описывает явление постоянной защиты [8, с. 12].

Психологические защиты могут, действительно, помочь, но жить с ними постоянно невозможно. И здоровая личность не использует одни и те же механизмы защиты в разных ситуациях [9].

Как отмечает А. Фрейд, механизмы защиты развиваются как способы компромиссного сотрудничества с внешней реальностью. Если нормальный процесс социализации на ранних этапах развития индивида по каким-то причинам нарушается, это ведет к формированию неадекватных ситуации механизмов защиты [3].

В наши дни понятие психологической защиты активно изучается учеными, представляющими разные школы и направления в науке. Но все приходят к выводу, что психологическая защита – это некий способ создания личностью баланса и стабильности, снятия чувства тревоги, возникающего в реальном мире. Я бы назвала ее заботой о себе. Ведь таким

образом человек защищает себя от, по его мнению, разрушительного воздействия извне.

В педагогике психологическим барьером можно обозначить все, что препятствует, сдерживает и, в конечном итоге, снижает эффективность обучения, воспитания и тормозит развитие личности.

Ученые, изучая психологические барьеры в познании иностранного языка, выделяют следующие: психологическое неприятие английскому языка, неуверенность в себе, стеснение произнести иностранные слова и , тем более, текста; боязнь нового синтаксиса и новой лексики, спонтанная речь, эмоциональное состояние студента, кратковременная память. Особенно надо упомянуть страх неудачи.

Приняв все это во внимание, можно утверждать, что психологический барьер, возникающий при изучении иностранного языка, это явление психолого-педагогического характера, определяющееся внутри личностными затруднениями, которые, в свою очередь, возникают в некоторых учебных ситуациях и сказываются на деятельности обучающегося. При этом обучающемуся не представляется возможность оценивать происходящее объективно или искать пути решения проблемы. Неудачи, связанные с овладением иностранным языком, вызывают у студентов отторжение, чувство собственной бездарности, неуверенности в своих силах, понижают самооценку, а преподаватели задают вопрос, как и при помощи каких методик можно достичь целей обучения. Известно, что большинство дисциплинарных воздействий преподавателей на студентов не работают. Бесполезны оказываются советы «нужно сделать сейчас, чтобы не торопиться потом», «работай на зачетку», «ты теперь студент» и т.п. [4]

Если, в виду вышеизложенного, мы делаем вывод, что в процессе обучения иностранному языку чаще всего имеют место психологические барьеры, вызванные состояниями тревожности и застенчивости обучающихся, ленью, усталостью, рассеянностью, самокритичностью, боязнью сделать ошибку и др., то для достижения успешности в обучении иностранному языку, внимание преподавателя, в первую очередь, следует направить на предупреждение и преодоление индивидуально-психологических, эмоциональных, информационных, мотивационных барьеров общения; физиологических, дисциплинарных барьеров учебной деятельности, психологических барьеров конфликтных ситуаций.

Начнем с преподавателя. Ему необходимы следующие умения:

- он должен уметь реально оценивать психические состояния, настроение, поведение обучаемых;
- строить общение на основе доброжелательности, доверия, взаимоуважения;
- контролировать собственные эмоции (плохое настроение, раздражение, нетерпение);
- владеть активными методами обучения и педагогическими приемами;

- пользоваться невербальными средствами общения при коммуникации и использовать юмор;
- управлять конфликтной ситуацией;
- предупреждать возникновение психологических барьеров в конкретных учебных ситуациях.

Теперь о самих барьерах. Преподаватели Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, являясь специалистами в сфере подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, проводят курсы повышения квалификации педагогов. И одной из важных проблем, на которую они, как и мы, обращают внимание, это проблема борьбы с этими психологическими барьерами на занятиях в вузе. Барьеры, которые они выделяют среди основных, это:

Социально-педагогический барьер

Источники – неблагоприятный климат в семье студента, стиль преподавания преподавателя авторитарный, не подходящий данному студенту, а требования к обучающемуся завышены.

Личностный барьер

Это личностные характеристики студента, его неверие в себя, лень, равнодушие к предмету.

Физиологический барьер

Как правило, связан со здоровьем.

Барьер конфликтных ситуаций

Не такой уж частый, так как связан с противоположностью целей и интересов, а также позиций и мнений.

Мотивационный барьер

Может возникнуть, если студент не видит будущего применения этих знаний в своей дальнейшей жизни и работе.

Познавательный барьер

Распространенное явление. Связано с проблемами понимания материала, зависит от особенностей восприятия человека, его памяти, мышления, других ресурсов организма.

Дисциплинарный барьер

Не такой уж часто встречающийся, но имеющийся в вузе. В каждой группе найдется студент, пренебрегающий посещением.

Организационный барьер

Довольно часто встречающееся явление, особенно в период смешанного обучения (дистант и обязательное посещение занятий в университете), неудобное расписание.

Информационный барьер общения

Происходит, когда неправильно подобран материал занятий, без учета уровня подготовки слушателя.

Знание видов психологических барьеров в процессе преподавания позволяет:

- выявить трудности у студентов в процессе учебной деятельности и эффективно организовать взаимодействие с обучающимися;
- предупредить возникновение новых психологических барьеров в других педагогических ситуациях [4].

В нашем университете (Пермский государственный научно-исследовательский университет) на кафедре Английского языка профессиональной коммуникации разработаны программы по изучению английского на интернет-платформах (MOODLE). Мы солидарны с педагогами БФУ им. И. Канта в той принципиально важной идее, что только вместе со слушателями мы можем достичь результатов нашей деятельности. И проблема психологических блоков у пришедших к нам на обучение студентов нас тревожит. В целях сделать обучение более эффективным мы каждый год разрабатываем новые программы для студентов разных факультетов согласно уровню их знаний по нашему предмету и целей обучения.

Материалы, размещаемые на нашей платформе, согласуются с мыслью не только о высоком качестве обучения, но и поэтапной ликвидации имеющихся психологических барьеров при овладении иностранным языком. В своей статье [2, с. 178] я указывала, что «В наше время преподавание строится с учетом личных качеств обучающихся: их целей, их мотивации, веры в себя и собственные силы, индивидуальных особенностей мышления». Наши онлайн учебники в основе имеют дидактические положения: объективность, научность; связь теории с практикой; последовательность, систематичность; доступность; наглядность и разнообразие методов; сознательность и активность обучаемых; прочность усвоения знаний, умений и навыков.

Студент не холит в себе свои психологические блоки, а вместе с преподавателем решает, как их устранить. Тексты подобраны согласно уровню студентов, задания в интерактивной форме изобилуют картинками, упражнениями разных форм, которые можно выполнять столько раз, сколько это потребуется самому студенту. Ограничений по времени нет. Финальные тесты запланированы к выполнению один раз (1 попытка) в группах A2 и два раза (2 попытки) в группах Elementary. Предполагаем, что студенты с более низким уровнем нуждаются в дополнительном поощрении в виде двух попыток теста. Уверены, что барьер, связанный с ощущением ожидаемого провала, не найдет себе подкрепления при таком виде контрольной точки. Также в учебник включены видео знакомых фильмов, музыкальные нарезки, которые дают студенту осознать себя в своей тарелке, среди знакомых явлений окружающего мира. Интерактивные игры способствуют закреплению знаний наравне с возможностью делать это расслабленно, без напряжения, свойственного студентам при изучении грамматики. Возможность переделать упражнение, выполненное с ошибками, дает человеку осознание собственных сил и возможностей

(задания оцениваются программой, но оценивать ли их реальной отметкой – решать преподавателю). Кроме того, мы постоянно совершенствуем материал и обновляем его. Unit 4 – в учебнике для 2 курса бакалавриата включает тему Ecological Issues. Помимо обычных подтем, касающихся проблем с окружающей средой, мы включили и тему природные катастрофы. Катаклизмы, происходящие сейчас и гипотетически возможные в будущем, активно обсуждаются всеми студентами. На финальной контрольной точке на обсуждение в устную часть предложены небольшие сообщения о разных видах природных катастроф. У студентов есть вариант выбрать любую тему (катастрофу) самостоятельно, выбрать вопрос, предложенный преподавателем, или вовсе не делать устное сообщение, ограничившись письменной частью теста. Удивительно, но большинство выбирает рассказ. То есть, можно предположить, что сработал принцип гибкости и создания положительного эмоционального фона, где в основу лег индивидуальный подход с учетом способностей и темпа обучения, выделенный Полат Е. С. [5, с. 323].

Хочется отметить, что преподаватели должны осознавать и сами стремиться помочь юным слушателям бороться с психологическими блоками доступными ими средствами. Мы должны осознавать природу этих психологических механизмов, понимая, что это, своего рода, защита организма от воздействий. Значит, преподаватели высшей школы должны строить свои занятия и отбирать материал особым образом, нацелено на доступность изложения, что обеспечит восприятие, на интерес, который этот материал вызовет в группе, на потенциальную необходимость изучения этих тем студентом и на его, студента, реактивность и желание сотрудничать с преподавателем на занятии. Психологические барьеры существуют, но преподавать, особенно иностранный язык в неязыковом вузе, с минимизацией разрушительного воздействия этих барьеров на процесс обучения, возможно при условии грамотного подхода к преподаванию и знаний психологических источников возникновения этих барьеров и способов их преодоления.

Список использованных источников

1. Гриншпун И. Б. Введение в психологию. М.: Международная педагогическая академия. – 1994. – С. 36.

2. Лучникова А. В. Учет психологических особенностей студентов на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе в условиях дистанта // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VI международной научно-практической конференции. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2022. – С. 178–182.

3. Механизмы психологической защиты [Электронный ресурс]. – https://www.b17.ru/article/mehanizmu_psihicheskoy_zachitu/?ysclid=m59oxi9ktb742450709 (дата обращения 29.12.2024).

4. Платформа онлайн-обучения БФУ им. И. Канта [Электронный ресурс]. – https://lms.kantiana.ru/mod/page/view.php?id=241689 (дата обращения 29.12.2024).

5. Полат Е. С. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия». – 2004. – 416 с.

6. Психологические защиты личности [Электронный ресурс]. – https://help-

point.net/articles/psikhologicheskie-zashchity-lichnosti/?ysclid=m53v9wlj1a671331047 (дата обращения 29.12.2024).

7. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского [Электронный ресурс] // М.: Политиздат. 1990. – https://djvu.online/file/l5Ke7T3aaSYbW?ysclid=m59n3prkm4490172579 (дата обращения 29.12.2024).
8. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика, 1993. – 144 с.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991. – 456 с.

УДК 81’255.4

КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Г. И. Лушникова,
д.филол.н., профессор кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта
Т. Ю. Осадчая,
к.пед.н., доцент кафедры теории и практики перевода и зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении и типологизации культурно маркированной лексики английского языка и изучении стратегий и приемов ее перевода на русский язык. Материалом для исследования послужил роман современной британской писательницы К. Ли «Стеклянная женщина» / C. Lea «The Glass Woman». Рассматриваются единицы, характерные для культуры, истории и пейзажа Исландии, которая описывается автором в романе, к ним относятся: безэквивалентная лексика, онимы, библеизмы, номинации атрибутов и ритуалов язычества, пословицы, обозначения элементов и явлений природы. Сопоставительный анализ лингвокультурем оригинала и их перевода показал, что переводчик использует стратегии форенизации и доместикации, основными приемами в рамках этих стратегий являются транслитерация, транскрипция, замена, опущение и расширение.

Ключевые слова: художественный перевод, художественная картина мира, культурно маркированная лексика, переводческие стратегии, переводческие приемы, Кэролайн Ли, «Стеклянная женщина».

Summary. The aim of the article is to identify and classify English culture-specific vocabulary, to study strategies and techniques of its translation into Russian. The material for the study is the novel «The Glass Woman» by a contemporary British writer C. Lea. Lexical units which characterize the culture, history and landscape of Iceland, that is depicted by the author in the novel, are considered. They include: non-equivalent vocabulary, proper names, biblicisms, nominations of attributes and rituals of paganism, proverbs, nominations of elements and phenomena of nature. The comparative analysis of linguoculturemes of the original and their equivalents in the translation has shown that the translator uses the strategies of foreignization and domestication, the main techniques within these strategies are transliteration, transcription, replacement, omission and amplification.

Key words: literary translation, artistic outlook, culture-specific vocabulary, translation strategies, translation techniques, Caroline Lea, «The Glass Woman».

Практически любой художественный текст является формой

воплощения культуры определенного народа. Для создания картины мира произведения авторы используют языковые средства всех уровней, однако б**о**льшая часть национально-культурной информации обычно представлена через лексические единицы, которые в отечественных работах называют культурно маркированной лексикой, лингвокультуремами, в зарубежных исследованиях – культурно маркированными элементами (culture-specific items (CSIs)), культурными словами (cultural words), культуремами (culturemes) и другими терминами.

Культурно маркированная лексика чрезвычайно важна для создания национального колорита и потому в художественных произведениях, посвященных описанию какой-либо культурной общности, является неотъемлемой составляющей ее «национального портрета».

Материалом для настоящего исследования послужил роман современной британской писательницы Кэролайн Ли «Стеклянная женщина» / Caroline Lea «The Glass Woman», написанный в 2020 году [5] и переведенный на русский язык А. Гайденко в 2021 году [2]. Увлекательный сюжет, исторические экскурсы, сложные и разнообразные характеры действующих лиц – все эти моменты представляют значительный интерес для разноплановых изысканий. Поскольку автор романа выбирает ареной описываемых событий далекий XVII век и достаточно экзотическую страну Исландию, для создания достоверной картины быта, обычаев, природы вполне обоснованно используются служащие для этого специальные, культурно маркированные единицы. Актуальность работы определяется неослабевающим интересом литературоведов и лингвистов к выявлению маркеров культурных картин мира и поиску средств их трансляции в иные культуры. Новизна заключается в обращении к произведению, которое еще не рассматривалось филологами, а также к культуре Исландии, национально-историческое наследие которой обычно находится на периферии внимания ученых. Ведущие методы исследования – лингвостилистический и сопоставительный анализ культурно маркированных лексических средств художественного текста в оригинале и переводе. Целью статьи является их выявление, типологизация и изучение стратегий и приемов их передачи на русский язык.

Важным аспектом изучения культурно маркированной лексики является ее классификация. Известный британский ученый П. Ньюмарк предлагает следующие группы, в которых лексические единицы распределяются по тематическому критерию: экология, общественная жизнь, социальное взаимодействие, личная жизнь, обычаи и занятия, личные увлечения [6]. Отечественные ученые выделяют такие разделы: «… безэквивалентная лексика и лакуны; взаимодействие религии и языка; мифологизированные языковые единицы; наивно-языковая картина мира; область речевого этикета; образы; паремии; речевое поведение; стилистический строй языка; эталоны, стереотипы, символы, ритуалы и т.д.» [1, с. 64].

Что касается стратегий перевода подобной лексики, то их можно условно разделить на две категории – стратегии форенизации и доместикации: «at one end of the spectrum, exoticism (foreignization) occurs when cultural elements are introduced into the target culture with minimal adaptation, whiles at the other end, cultural transplantation (domestication / naturalizing) occurs when CSIs from the source language (SL) is substituted for CSIs from the target language» [4, p. 3]. Каждая из указанных стратегий имеет определенные преимущества: «… характеристиками доместицированного текста являются простота восприятия и прозрачность содержания текста. Читатель может увидеть индивидуальность и цели автора, у реципиента создается впечатление, что он читает оригинал, а не перевод <…> Стратегия форенизации имеет противоположную цель – сохранение оригинальности, дифференциации, как в лингвистической презентации, так и в культурной коннотации исходной культуры» [3, с. 543; 546]. Только творческое использование обеих стратегий позволяет переводчику определить наиболее оптимальные в каждом случае переводческие трансформации.

В романе К. Ли наличествуют несколько типов культурно маркированной лексики: 1) безэквивалентная лексика, 2) онимы, 3) библеизмы, номинации атрибутов и ритуалов языческих верований, 4) пословицы, 5) единицы, обозначающие элементы и явления природы, специфичные для Исландии.

На наш взгляд, автор перевода романа «Стеклянная женщина» на русский язык бережно и внимательно относится к культурно маркированным единицам, прибегает к разным способам их передачи, используя те или иные переводческие приемы.

Что касается безэквивалентной лексики, переводчик вполне оправданно прибегает к приему, которые относятся к стратегии форенизациии. В русском варианте данная лексика, как и в оригинале романа, включается в текст на исландском языке без перевода, что подтверждает одно из ее названий – непереводимая лексика. Однако при этом автор романа К. Ли включает в роман глоссарий исландских слов и выражений, где помещены их толкования, что, безусловно, облегчает понимание их значений. Переводчик на русский язык в глоссарии дает транслитерации этих слов и выражений (чего нет в оригинале) и приводит дословный перевод их толкований. Например, *brennevín – a clear schnapps, made from fermented grain or potato mash / бреннивин – прозрачный алкогольный напиток, приготовляемый из перебродившего зерна или картофельного сусла; moldbylur – snow so heavy that it is impossible to see an inch in front of you / мольдбилюр – очень густой снег, из-за которого ничего не видно.* Еще одно формальное различие между текстами оригинала и перевода заключается в том, что в первом этот словарь приводится в конце книги, а во втором – в начале.

Онимы на русский язык передаются при помощи транскрипции и транслитерации (приемы, также относящиеся к стратегии форенизации).

Приведем ряд примеров: топонимы: *Hekla / Гекла, Helgafell / Хельгафедль;* ойконимы: *Stykkishólmur / Стиккисхоульмюр, Skálholt / Скаульхольт;* антропонимы: *Sigridúr / Сигридюр, Rósa / Роуса, Jón / Йоун;* мифонимы: *seidr / сейдр; vegvísir / вегвизир*. Вызывает некоторые сомнения обоснованность передачи имени главной героини на русский язык, это имя значащее, но его значение *роза* для русскоязычного читателя в форме *Роуса* теряется, хотя сопоставление героини с этим цветком имеет место в романе.

Библеизмы в романе представлены словами, обозначающими такие ключевые для библейского текста понятия, как «Бог», «вера», «почтение», «грех», ссылками на Библию, цитатами и изречениями из Библии. В переводе практически во всех случаях все они сохранены. Проиллюстрируем сказанное примерами: *The Bible tells us lust is a sin / Библия учит нас, что похоть – это грех*; *The Bible tells us that wives are subject to their husbands / Библия учит нас, что жены должны повиноваться своим мужьям*. Замена слова *subject* на словосочетание *должны повиноваться* вполне оправдано, так как одно из словарных значений глагола *to subject – повиноваться*. Что касается цитат, в русскоязычном тексте использованы их канонические переводы с соответствующими ссылками.

В отличие от библеизмов, номинации атрибутов и ритуалов язычества переданы при помощи транслитерации (в рамках стратегии форенизации): *ginfaxi / гинвахси; vegvísir / вегвизир.* Примечательно, что в некоторых случаях переводчик вводит специфические языческие наименования: английское словосочетание *ward song* (дословно *оберегающая песня*) в переводе передано как *вардлок* с толкованием в построчном примечании: *песня-заклинание, необходимая для ворожбы*. Данное расхождение не ведет к искажению смысла, оно способствует сохранению особого исландского колорита. Такой же эффект достигается при использовании для перевода слова *troll* редкого слова *трётль* вместо известного русскоязычному читателю *троль*. Его значение также пояснено в построчном примечании: *персонаж исландского фольклора, горный дух*.

Особый интерес заслуживает рассмотрение перевода традиционных исландских пословиц, приводимых в тексте романа. В большинстве случаев они переведены на русский язык дословно, с некоторыми изменениями, продиктованными особенностями языка перевода (в рамках стратегии доместикации), в целом их значение передано вполне адекватно: *The curious child gets burned fingers / Любопытному дитяти пальчики обожгло*. Иногда в переводе наблюдаются незначительные изменения, не влияющие на смысл пословицы: *Bare is the back of a brotherless man / У кого нет брата, тот не защищен с тыла*. Здесь *back* передано как *тыл*, что очень близко по значению, также, как и перевод слова *bare* словом *голый*, которое в русском языке метафорически соотносится с понятием *незащищенный*. В следующем примере переводчик прибегает к приему расширения: *Long shall a man be tried / Долго надо испытывать человека, прежде чем судить о нем*.

Добавление фразы *прежде чем судить о нем* способствует лучшему пониманию смысла этой пословицы русскоязычным читателем.

Единицы, обозначающие элементы и явления природы Исландии, занимают значительное место в романе, способствуя созданию специфической картины, характеризующейся холодом, сверкающим льдом, бескрайними снегами, загадочным лесом, красивым и коварным морем, неприступными горами. Большинство стилистических средств, использованных для описания природы, имеют антропологический характер, который мастерски передан на русский язык: *the rumpled face of the sea – wind-darkened and sullen today* / *рябое лицо моря – сегодня оно нахмурилось и потемнело от ветра*; *Helgafell and the other mountains clamp around the land and the sky, swallowing the huddled crofts* / *Хельгафедль и другие горы соединили небо с землей и поглотили съежившиеся дома*.

Пейзажная лексика, используемая для описания внешности и чувств персонажей, также часто встречается на страницах романа. Ее перевод редко возможен без каких-либо изменений или опущений (используемых в рамках стратегии доместикации). Приведем пример, в котором применен прием замены: *the wrinkled hillocks of solid seawater / морщинистые наросты застывшей воды*. В данном примере осуществлена замена на более привычное на русском языке выражение: *solid seawater – застывшая вода*. В следующем примере: *Rósa's blood ices* / *Кровь стынет у Роусы в жилах* фраза *blood ices / кровь заледенела* заменена более привычным в русском языке словосочетанием *кровь стынет.*

Сопоставительный анализ этих и других примеров романа К. Ли «Стеклянная женщина» демонстрирует должное внимание переводчика к культурно маркированной лексике, что позволяет русскоязычному читателю ощутить специфику истории, культуры и природы Исландии, картина мира которой представлена в данной книге. Для перевода безэквивалентной лексики, онимов, номинаций атрибутов и ритуалов языческих верований использованы приемы, относящиеся к стратегии форенизации; для перевода пословиц, пейзажной лексики, используемой для описания внешности и чувств персонажей – приёмы, характерные для стратегии доместикации.

Список использованных источников

1. Горбатовский А. С. Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте (на материале романа Д. Кельмана «Tyll»): дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2022. 197 с.
2. Ли К. Стеклянная женщина. М.: Фантом Пресс. – 2021. – 448 с.
3. Сафина З. М. Стратегии перевода культурно-маркированной лексики // Доклады Башкирского университета. – 2019. – Том 4. – № 5. – С. 542–547.
4. Amenador K. B., Wang Z. The Translation of Culture-Specific Items (CSIs) in Chinese-English Food Menu Corpus: A Study of Strategies and Factors // Sage Open. – 2022. – № 12 (2). – P. 1–17.
5. Lea C. The glass woman. New York: Perennial, 2020. – 400 p.
6. Newmark P. Translation and Culture // Meaning in translation. – Frankfurt am Main:

Peter Lang, 2010. – P. 171–182.

УДК 88.12

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ И ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ТРАВЕЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА П. МЕЙЛА «ГОД В ПРОВАНСЕ»)

Е. Б. Мартынюк,
ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода,
М. Ю. Лукинова,
к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода,
Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение жанра травелога и особенностей его перевода, как одного из самых специфических, своеобразных жанров современной литературы. В статье предпринимается попытка провести сопоставительный анализ текста оригинала и его перевода с точки зрения стратегий, использованных переводчиком при переводе реалий и иноязычных вкраплений, которые придают отдельным элементам текста особый общий тон повествования, яркий местный колорит.

Ключевые слова: травелог, перевод, жанровая специфика, реалии, иноязычные вкрапления, заимствования, переводческие стратегии.

Summary. The purpose of this article is to examine the genre of travelogue and the peculiarities of its translation as one of the most specific and peculiar genres of modern literature. The attempt is made to conduct a comparative analysis of the original text and its translation from the point of view of the strategies used by the translator in translating realities and foreign language inclusions, which give certain elements of the text a special general tone of the narrative and a bright local flavor.

Key words: travelogue, translation, genre specificity, realia, foreign inclusions, borrowings, translation strategies.

Литература путешествий – это особая форма литературы, которая позволяет получить информацию о самых разнообразных сферах жизни, культуре и межкультурной коммуникации и многом другом. Травелог рассматривается как один из старейших жанров литературы, демонстрирующий большое разнообразие видов, полижанровость и вариативность [1,4,5,6]. Это литературный жанр, в рамках которого автор – путешественник описывает свое путешествие, исходя из личностных подходов к объектам изображения, реалиям и персоналиям, основывается на восприятии, впечатлениях и индивидуальных знаниях. При этом, исследователи указывают на сложность жанра и его определения и полагают, что продуктивнее опираться на характеристики / характерные черты травелога, чем пытаться дать его исчерпывающее определение (Л. Б. Василенкова., А. А. Майга, О. Ф. Русакова, В. М. Русаков, В. А. Шачкова и др.) [1,4,5,6]. Также отмечается, что исходя из особенностей травелога, в процессе перевода особое внимание должно уделяться переводу реалий, заимствований и иноязычных вкраплений. Они

характерны для травелогов и формируют довольно многочисленную группу, являясь «носителями национального и/или исторического колорита», как правило, «не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [2, с. 45]. В целом, перевод реалий – это «часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия» [2, с. 5].

Рассмотрим стратегии перевода реалий и иноязычных вкраплений на примере сравнительного анализа фрагментов оригинала и перевода книги Питера Мейла «Год в Провансе» (Peter Mayle «A year in Provence» [8]). Перевод выполнен И. П. Пандер, книга под названием «Год в Провансе» вышла в издательстве «Амфора» в 2014 г. [5].

Перед переводчиком стояла довольно сложная задача, поскольку особенностью авторского стиля Питера Мейла является использование большого количества французских реалий и иноязычных вкраплений в тексте романа. Причем, многие из них (большинство, пожалуй), автор не сопровождает какими-либо сносками, переводом или толкованием. Но это не является новым явлением, особенно для произведений жанра травелога или литературы путешествий. Подобное явление описывают С. Влахов и С. Флорин в книге «Непереводимое в переводе», отмечая, в частности, что «некоторым писателям, в особенности классикам прошлого, было присуще употребление более широкого круга иноязычных вкраплений. В старых произведениях западной литературы было принято пересыпать изложение мудрыми фразами, афоризмами и/или просто единичными словами на латинском и древнегреческом языках...Кроме таких вкраплений писатели и теперь употребляют повседневные слова и выражения на чужом для самого произведения языке. Они используют их... в интересах колорита или как деталь речевой характеристики, дают их в иноязычном написании или же транскрибируют» [2, с. 252–253].

Первой группой проанализированных реалий были реалии, передающие географические имена и названия. Самым распространенным способом перевода таких реалий являются транскрипция и/или транслитерация. Также существуют устоявшиеся, общепринятые варианты перевода некоторых, самых известных названий (как, например, Люберон, Лакост, Апт и т.п.). Некоторые из названий автор выделяет курсивом, как бы подчеркивая их иностранное происхождение, а некоторые приводятся просто в тексте, обычным шрифтом. В переводе данный графический прием выделения географических реалий не сохраняется.

the village of Lacoste [8, p. 3]	в соседнем городке Лакост [5, с. 5]
the Troisgros in Roanne [8, p. 15]	«Труагро» в Роане [5, с. 25]
medieval hill villages of *Menerbes* and *Bonnieux* [8, p. 4]	два средневековых горных городка: Менерб и Бонье [5, с. 9]
old market town of Apt [8, p. 5]	Старинный и прелестный городок Апт [5, с.10]
the Luberone mountains [8, p. 5]	горы Люберон [5, с. 10]

the view is of the Basses-Alpes on one side and the Mediterranean on the other [8, p. 5]	вид на Нижние альпы с одной стороны и Средиземное море – с другой [5, с. 10]
Cote d'Azur plumbing [8, p. 9]	отличный водопровод для Лазурного берега [5, с. 15]
Vaucluse [8, p. 15]	Воклюз [5, с. 25]
Nimes [8, p. 15]	Ним [5, с. 25]

Еще одна группа реалий, представленная в романе - реалии, передающие собственные имена и названия. Представляется важным отметить, что зачастую некоторые реалии стоят как бы на границе между собственно реалиями и именами собственными, и, как отмечают исследователи, «многие из имен собственных могут быть и реалиями... близкие черты многих реалий и имен собственных в ряде случаев делают почти невозможным их размежевание» [2, с. 12].

В романе «Год в Провансе» переводчик использует разные приемы при переводе реалий, передающих собственные имена. Например, название газеты *Le Provencal* переводчик вообще не переводит, и оставляет французский вариант, используя выделение курсивом; названия ресторанов переводятся с помощью транскрипции/или транслитерации, переводчик также использует кавычки, видимо, чтобы подчеркнуть, что это именно собственное имя - название заведения. В некоторых случаях, параллельно с переводом названия с помощью транскрипции (например, название ресторанчика *Bocuse* переводится как «Бокюз»), переводчик даёт комментарий, в котором объясняет, что данное заведение в Лионе считается одним из самых успешных в мире. Таким образом, используется комбинированная техника перевода.

newspaper Le Provencal [8, p. 24]	газета *Le Provencal* [5, с. 39]
the proprieter of Le Simiane [8, p. 3]	владелец ресторана «Ле-Симьян» [5, с. 5]
the ruins of the Marquis de Sade's chateau perched above [8, p. 8]	развалины замка маркиза де Сада, прилепившиеся к склону [5, с. 15]
Beaumaniere at Les Baux [8, p. 15]	«Боманьер» в Ле - Бо [5, с. 25]
Gault-Millau Guide [8, p. 15]	ресторанный гид Го-Мийо [5, с. 25]
Bocuse [8, p. 15]	«Бокюз» [5, с. 28]

Во многих случаях, использованные автором в тексте реалии соседствуют и пересекаются с иноязычными вкраплениями.

«Иноязычными вкраплениями являются все слова и выражения, которые автор дает на другом, не своем языке и в их исконном написании или в транслитерации, т.е. без каких-либо морфологических изменений. Таким образом, в состав подобных вкраплений могут попасть и чужие для языка автора реалии, которые переводчик, с свою очередь, переносит тоже в иноязычном написании или транслитерации» [2, с. 15]. Можно отметить, что реалиями являются только отдельные иноязычные вкрапления. В данном случае «имеет место употребление реалий в их привычной функции – передаче колорита, а отчасти и в целях речевой характеристики героев». Таких промежуточных категорий, конечно, немало, но «слишком четкая

классификация их не имеет обычно практического значения для перевода. Исключением являются те случаи, когда приходится переводить на язык, из которого взято это слово» [2, с. 15].

В романе «Год в Провансе» Питер Мейл, в основном, использует подход в отношении иноязычных вкраплений и реалий, при котором они вводятся без пояснения. Видимо, автор рассчитывает на знакомство аудитории с французским языком, или предполагает их «контекстуальное осмысление», поскольку они являются элементами колорита, атмосферы, «для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т.е. важна форма, а не вложенная в нее информация» [2, с. 255]. В некоторых случаях, однако, автор все же пытается довести до читателя их значение с помощью комментариев. Примечательно, что сноски вообще не используются в романе, видимо, из опасения сделать текст слишком громоздким и сложным для восприятия.

Отдельная очень большая группа реалий и иноязычных вкраплений, встречающаяся в романе – названия блюд французской кухни и продуктов, характерных для данной кухни. Здесь переводчик прибегает фактически к полному сохранению упоминаемых в тексте названий французских блюд, не переводя их, а переписывая их в русский текст, сохраняя даже графическое выделение курсивом. А затем к каждому такому названию даются сноски с переводом. Конечно, это несколько утяжеляет восприятие текста в целом. Ведь такие названия как *запеченная говядина, сладкий пирог, колбаски, утиная грудка* и т.п. являются общеизвестными, вполне поддаются переводу и могли бы несколько разгрузить текст.

foie gras, beef *en croute*, *digestifs* [8, p. 4]	фуа гра, beef *en croute (сноска – запеченная говядина (фр.)), digestifs (сноска – дижестивы – напитки (как правило, коньяк, кальвадос, ликеры), подаваемые в завершение приема пищи и способствующие пищеварению) (фр.)* [5, с. 11]
the fumes of *marc* [8, p. 11]	пары *marc* (сноска – водка из виноградных выжимок (фр.)) [5, с. 13]
confits [8, p. 10]	*Confits (сноска – мясные консервы в собственном жире (фр.))* [5, с.19]
the aioli and bouillabaisse [8, p. 13]	*the aioli and bouillabaisse (сноска – чесночный соус и буйабес – рыбная похлебка с чесноком (фр.))* [5, с. 21]
pastis [8, p. 13]	*pastis (сноска – провансальский крепкий алкогольный напиток (фр.))* [5, с. 22]
saucissons [8, p. 14]	*saucissons (сноска – колбаски (фр.))* [5, с. 23]
the slivers of *magret* [8, p. 14]	Три тончайшие ломтика грудки [5, с. 23]
a rabbit civet of the reechest, deepest brown [8, p. 14]	с густым *civet (сноска – рагу (фр.)) из кролика великолепного, шоколадного цвета* [5, с. 24]
the plump round *crottins* of goat's cheese [8, p. 14]	круглые, пухлые *crottins (сноска небольшой круглый сыр (фр.))* козьего сыра [5, с. 24]
almond and cream gateau [8, p. 14]	*Gateau (сноска – сладкий пирог (фр.))* [5, с. 24]

The Provencal stew called *pebronata* [8, p.15]	особое провансальское рагу под названием *pebronata* [5, с. 25]
a suitable *Cotes du Rhone* [8, p. 15]	какой сорт Кот-дю-Рон следует подавать к рагу [5, с. 25]
Exceptional sea bass *en croute* [8, p. 15]	исключительный морской окунь *en croute* [5, с. 25]
pommes frites [8, p. 20]	*pommes frites (сноска – жареный картофель (фр.))* [5, с. 32]

В такой ситуации для переводчика всегда возникает проблема так называемой «знакомости» – что «переводить или пояснять, а что будет понятно без объяснений?» [2, с. 255]. Также весьма интересным представляется мнение, высказываемое С. Влаховым и С. Флориным, И. Левым, что «большое количество иноязычных вкраплений в тексте – и объясненных, и необъясненных – затрудняет чтение и оригинала, и перевода, и чужой язык, принятый в среде, где создавался оригинал, возможен – в идеальном смысле слова – только в двуязычных странах, как русский в союзных республиках, французский и немецкий – в Швейцарии, и т.п. Но все эти случаи скорее исключения, чем правило» [2, с. 255].

Следующая группа реалий и иноязычных вкраплений, представленных в исследуемом отрывке, характеризуют людей, их род деятельности, а также устойчивые выражения, разговорные фразы, и т.п. Переводчик использует в основном те же стратегии – передачу слов в написании оригинала (на французском языке), сноски и графические средства выделения (курсив). Но сохранение некоторых слов в таком виде представляется избыточным, как, например:

Entire families with the *embonpoint* [8, p. 3]	Многие гости, прибывшие целыми семьями, радовали глаз приятной *embonpoint (сноска – полнота, дородность (фр.))* [5, с. 6]
causing *la grippe, migraine* [8, p. 9]	приносит с собой *la grippe, migraine* [5, с. 15]
collected *pensees* [8, p. 10]	избранных *pensees (сноска – идеи, соображения (фр.))* [5, с. 15]
a definitive book [8, p. 15]	*a definitive* книгу *(сноска – исчерпывающий (фр.))* [5, с. 25]

Вполне возможно было сделать их перевод на русский язык.

В некоторых случаях, помимо уже упоминавшихся стратегий в переводе, используется синтаксическое расширение и трансформации (в том числе грамматические):

Half-familiar sounds could be dimly recognized as words through the swirls and eddies of Provencal: *demain* became *demang, vin* became *vang, maison* became *mesong* [8, p. 6]	Из образовавшихся водоворотов и завихрений наш слух с трудом выхватывал некоторые не вполне знакомые слова*: «demain» (сноска – завтра (фр.))* звучало скорее как *«demang»*, «*vin» (сноска – вино (фр.)) как* «*vang»*, а «*maison» (сноска – дом(фр.))* становился «*mesong»* [5, с. 12]
"Oh la la", he turned to his young apprentice whom he invariably adressed as *jeune homme* or *jeune* [8,	*"Oh la la*", Видишь, что делается? – Он покачал головой, адресуясь к своему юному помощнику, которого неизменно называл *jeune*

p. 9]	*homme (сноска – молодой человек (фр.))* или просто *jeune* [5, с. 15]
The backlit *silhouette* of a figure [8, p. 18]	Силуэт человека [5, с. 29]
It was well known that many of the properties in the Luberon were bought as *Residences secondaires,* used for holidays and amusement [8, p. 5]	Все чаще дома в Любероне покупали горожане, намеревавшиеся проводить в них только выходные или часть отпуска [5, с. 13]
Every problem in Provence that couldn't be blamed on the politicians was the fault of the *sacre vent* [8, p. 9]	Словом, во всех тех неприятностях, которые нельзя было свалить на политиков, провансальцы спешили обвинить свой знаменитый *sacre vent (сноска – священный ветер (фр.))* [5, с. 15]
To make *a detour* around the house [8, p. 15]	предпочитали, делая круг, обходить опасный двор [5, с. 29]

Устойчивые выражения и разговорные фразы передаются также без изменений и, в некоторых случаях, без перевода и сносок:

Bon appetit [8, p. 4]	*«Bon appetit»* [5, с. 9]
Pas normal [8, p. 8]	*Pas normale (сноска – ненормально, неправильно (фр.))* [5, с. 15]
Mais oui [8, p. 10]	*Mais oui (сноска – ну да! (фр.))* [5, с. 18]
To be altogether *tres serieux* [8, p.15]	*tres serieux (сноска – очень серьезный (фр.)* [5, с. 25]
"Bonjour" [8, p. 18]	*Bon jour* [5, с. 29]
Une vraie catastrophe [8, p. 18]	*Une vraie catastrophe (сноска – просто беда (фр.))* [5, с. 30]
C'est normal [8, p. 20]	*C'est normale (сноска – не за что (фр.))* [5, с. 33]
malheureusement, non [8, p. 23]	*malheureusement, non (сноска – к сожалению нет (фр.))* [5, с. 35]
the old blagueur [8, p. 21]	Старый *blagueur (сноска - враль, болтун (фр.))* [5, с. 33]
carte grise [8, p. 22]	*carte grise (сноска – технический паспорт автомобиля (фр.))* [5, с. 35]

В некоторых случаях переводчик использует приемы функциональной замены, конкретизации – «it was a *mas*, or farmhouse» [8, p. 4] – «это был настоящий *mas,* жилище фермера» [5, с. 9], «We weren't going to commit *a betise»* [8, p.15] – «Дабы убедиться, что мы все правильно поняли» [5, с. 25].

Во фразах «the long days of the *vendange»* [8, p. 12] – «изнурительный сезон *vendange (сноска - период сбора винограда (фр.))*» [5, с. 20], «a large *armoire*» [8, p. 15] – «старинный буфет» [5, с. 25], «*the small Citroen van* that every farmer drives home at lunchtime» [8, p. 8] – «ситроены» фермеров, в полдень спешащих домой на ланч» [5, с. 19], «the wind of *Mistral*» [8, p. 5] – «знаменитый местный мистраль» [5, с. 8] переводчик использует приемы эмфатизации и нейтрализации.

«*Fat Boyardes cigarettes*» [8, p. 18] – «Очередная толстая сигарета» [5, с. 29] – генерализация (в русском переводе использовано общее понятие, вместо имени конкретного человека в оригинале в названии сигарет.

Переводчик справедливо полагает, что русскоязычной аудитории это название будет не столь актуально и интересно).

В целом, одним из «рецептов» решения проблем перевода реалий и иноязычных вкраплений в так называемых «рамках свободы» переводчика, представляется возможным воспользоваться, в том числе, советом И. Левого: «Наиболее приемлемым решением будет перевести на свой язык важнейшие в смысловом отношении фразы и намекнуть на атмосферу чужеязычности сохранением в переводе приветствия и кратких реплик, содержание которых ясно из контекста (особенно если основная мысль повторена в соседней фразе). Далее намеки на чужеязычность речи можно в случае необходимости комбинировать с пояснениями (напр. «обронил он по-турецки»)» [3, с. 255].

Итак, перевод художественных травелогов является сложной задачей для переводчика, требует языковой и межкультурной компетенции, значительного переводческого опыта и владения переводческими стратегиями. Ведь переводчик должен передать стиль автора, его замысел, отобразить смысл и сохранить гармоничность художественного текста. В исследуемом тексте перевода романа П. Мейла «Год в Провансе» использование разнообразных приемов в переводе позволяет сделать описания и образы ярче и ироничнее, и это может быть иллюстрацией прагматической направленности перевода и удачного использования переводческих стратегий в переводе реалий и иноязычных вкраплений.

Список использованных источников

1. Василенкова Л. Б. Заимствования в тексте травелога как средство создания образа итальянского мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2020. – Том 13. – Выпуск 5. – С. 125–133.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Изд. «Международные отношения». – 1980. – 341 с.
3. Левый И. Искусство перевода. М.: Издательство Прогресс. – 1954. – 395 с.
4. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – № 3 (35). – С. 254–259.
5. Мейл Питер. Год в Провансе [пер. с англ. И. Пандер]. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора». – 2014. – 295 с.
6. Норец М.В. К вопросу о способах перевода реалий фэнтези (на примере произведений "Содружество кольца" Дж. Толкиена и "Одинокий эльф" Р. Сальваторе) / М.В. Норец // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 43. – С. 262-265.
7. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». – 2021. – 255 с.
8. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 3. – С. 255–281.
9. Mayle Peter. A year in Provence. Penguin Books Ltd, London, 1989. – 205 p.

УДК 37.013; 81’25

НЕЙРОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

М. О. Матвеев,
к.филол.н., старший преподаватель Департамента иностранных языков, Московский физико-технический институт, Москва
Е. А. Шипова,
аспирант, преподаватель кафедры английского языка как второго, Московский государственный лингвистический университет, Москва

Аннотация. В статье исследуются нейропедагогические подходы к обучению переводу, основанные на достижениях когнитивной науки. Рассматривается, как принципы нейропедагогики – адаптация когнитивной нагрузки, развитие когнитивной гибкости, мультимодальность – могут применяться для улучшения процесса обучения и повышения качества подготовки переводчиков. Приведены практические рекомендации для интеграции нейропедагогических методов в учебный процесс.

Ключевые слова: нейропедагогика, дидактика перевода, когнитивные процессы, перевод, когнитивная нагрузка, мультимодальность.

Summary. The article explores neuro-pedagogical approaches to teaching translation based on advancements in cognitive science. It examines how principles such as cognitive load adaptation, cognitive flexibility development, and multimodality can enhance the educational process and improve translator training. Practical recommendations for integrating neuro-pedagogical methods into teaching practices are provided, focusing on their relevance to reducing cognitive strain and increasing learning efficiency.

Key words: neuropedagogy, cognitive processes, translation, cognitive load, multimodality, neurofeedback.

В рамках современного переводческого образования необходимо задействовать методы, включающие не только лингвистические и культурные аспекты, но и когнитивные процессы, сопровождающие переводческую деятельность. Нейропедагогика – дисциплина, объединяющая достижения нейронауки и педагогики. В рамках данной научной дисциплины можно выявить полезные инструменты для решения этих задач. Нейропедагогические подходы помогают оптимизировать когнитивную нагрузку и улучшать способности студентов через практики, направленные на рабочую память, внимание и когнитивную гибкость [7].

Перевод требует удержания информации в рабочей памяти, переключения внимания между языками и понимания смысловых единиц. Ericsson и Kintsch утверждают, что для сохранения лексических и синтаксических данных переводчики используют долговременную рабочую память [5]. Baddeley также подчёркивает важность рабочей памяти, поскольку она позволяет выполнять задачи, требующие временного хранения информации при обработке текста [1].

Кроме того, внимание играет ключевую роль в ходе перевода. Например, Treisman утверждает, что распределение ресурсов внимания между текстами на ИЯ и ПЯ – критичный параметр достижения адекватности [10].

В данном случае необходимо обратиться к нескольким ключевым

педагогическим концепциям, например концепция зоны ближайшего развития (ЗБР), разработанная Выготским. В рамках нее описывается диапазон задач, которые студент может выполнять только с помощью наставника, а не самостоятельно. Именно в рамках данной зоны педагог может организовать поддерживающее обучение, направленное на расширение познавательных возможностей ученика и постепенное приведение его к самостоятельному выполнению более сложных задач при постепенном уменьшении поддержки по мере роста компетенций [11]. Как отмечает Выготский, «обучение должно идти впереди развития» [11, с. 86]. Это значит, что именно в ходе обучения активизируются определенные когнитивные процессы, помогающие обучающимся достигать следующего уровня развития.

Данная концепция тесно переплетена с принципами нейропедагогики, особенно в аспекте адаптации когнитивной нагрузки. Sweller утверждает, что когнитивная нагрузка должна адаптироваться для предотвращения перегрузки, иначе у обучающихся возникает когнитивное истощение, а качество усвоения материала падает [9]. По его словам, из-за перегрузки рабочей памяти тормозится процесс запоминания [Там же], поэтому материал лучше усваивается при разбиении обучения на этапы и постепенном усложнении заданий. Также процесс обучения оптимизируется за счет применения мультимодальных учебных материалов. Mayer и Moreno доказали, что мультимодальные ресурсы стимулируют использование нескольких каналов восприятия, таких как зрительный и слуховой, что улучшает интеграцию и запоминание информации [8].

В рамках нейропедагогики предлагаются множество практических методов, помогающих студентам развивать когнитивные навыки:

Методы развития когнитивной гибкости: упражнения, основанные на переключении между языковыми конструкциями и стилями.

Обучение стратегии «chunking»: стратегия, разбивающая информацию на контролируемые единицы.

Развитие саморегуляции и внимания: упражнения на самоконтроль и обратная связь для мониторинга когнитивных процессов.

При задействовании таких нейрофизиологических методов, как электроэнцефалография (ЭЭГ) и функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), у исследователей появляется возможность наблюдать за когнитивной активностью студентов в процессе обучения переводу. Например, Berka et al. показали, что с помощью ЭЭГ можно отслеживать уровни когнитивной нагрузки и внимания, поэтому составители учебных программ могут принимать эти данные к сведению и адаптировать программу [2].

Другой пример: в ходе исследования с использованием фМРТ было выявлено, что при выполнении сложных переводческих задач возрастает активность префронтальной коры мозга, что свидетельствует о высоком

уровне когнитивной нагрузки [6].

Таким образом, можно прийти к выводу, что нейропедагогические подходы к обучению переводу, такие как адаптация когнитивной нагрузки, использование мультимодальных материалов и развитие когнитивной гибкости, помогают оптимизировать учебный процесс, повышая качество подготовки студентов. Применение нейрофизиологических методов для мониторинга активности мозга позволяет адаптировать задачи, делая обучение менее напряжённым и более продуктивным.

Список использованных источников

1. Baddeley A. D. Working memory and language: An overview // Journal of Communication Disorders. 36(3). 2003. – P. 189–208.
2. Berka C., et al. EEG correlates of task engagement and mental workload in vigilance, learning, and memory tasks // Aviation, Space, and Environmental Medicine. 78(5). 2007. – B231–B244.
3. Bialystok E. Bilingualism: The good, the bad, and the indifferent // Bilingualism: Language and Cognition. 12(1). 2009. – P. 3–11.
4. Dörnyei Z. The Psychology of Second Language Acquisition. Oxford University Press, 2009.
5. Ericsson K. A., Kintsch W. Long-term working memory // Psychological Review. 102(2). 1995. – P. 211–245.
6. Friederici A. D. Pathways to language: Fiber tracts in the human brain // Trends in Cognitive Sciences. 13(4). 2009. – P. 175–181.
7. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. John Benjamins Publishing, 2009.
8. Mayer R. E., Moreno R. A cognitive theory of multimedia learning: Implications for design principles // Educational Psychology Review. 14(1). 2002. – P. 87–99.
9. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. 12(2). 1988. – P. 257–285.
10. Treisman A. M. Verbal Cues, Language, and Meaning in Selective Attention // The American Journal of Psychology. 77(2). 1964. – P. 206–219.
11. Vygotsky L. S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press, 1978.

УДК 811,11

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ НА РАЗЛИЧНЫХ НОСИТЕЛЯХ И ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ

М. С. Медведева,
к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования англицизмов в текстах рекламы на различных носителях и примерам использования иноязычных вкраплений. В связи с расширяющимися экономическими и культурными связями между государствами, возникает проблема взаимодействия языков. Количество лингвистических работ, посвященных проблеме перевода текстов рекламы, постоянно

возрастает. Однако, еще не в полной мере исследованы их лингвистические особенности – в нашем случае заимствования и иноязычные вкрапления – что и послужило причиной выбора темы данной научной статьи.

Ключевые слова: англицизм, реклама, текст, иноязычные вкрапления, язык.

Summary. This article is devoted to the analysis of the functioning of anglicisms in advertising texts on various media and examples of the use of foreign language inclusions. Due to the expanding economic and cultural ties between states, the problem of language interaction arises. The number of linguistic works devoted to the problem of translating advertising texts is constantly increasing. However, their linguistic features have not yet been fully investigated – in our case, borrowings and foreign language inclusions – which was the reason for choosing the topic of this scientific article.

Key words: anglicism, advertising, text, foreign language inclusions, language.

Реклама стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Она может быть полезной, навязчивой, высокохудожественной, вульгарной – любой, но она сопровождает людей повсюду. Рекламные тексты создаются специалистами, которые учитывают современные экономические тенденции развития общества. Рекламные тексты обычно содержатся в рекламных сообщениях и создаются с учётом норм любого языка.

Лексический состав рекламного сообщения многообразен: часто рекламный текст содержит практически такое же количество средств художественной выразительности, что и текст произведения художественной литературы.

Одной из тенденций современного состояния русского и немецкого языков является заметное увеличение притока лексических заимствований из английского языка. Это объясняется рядом причин, в том числе глобальным распространением этого языка и престижностью использования. Интерес к этому процессу не ослабевает, что свидетельствует о его актуальности.

Англицизмы встречаются в текстах разных жанров, и рекламные сообщения не являются исключением. Язык рекламы напрямую связан с языковыми изменениями и отражает его главные тенденции развития. Язык русской и немецкой рекламы содержит большое количество англицизмов, которые можно отнести к двум группам: заимствования и иноязычные вкрапления [3, с. 128].

Рекламный текст сам является товаром, поэтому к нему предъявляются повышенные требования. Текст должен отличаться разнообразием, гибкостью, оригинальностью, и поэтому возрастает потребность в новых средствах выразительности, одним из которых является использование англицизмов.

Язык является средством общения и передачи информации. Для осуществления общения необходимо, чтобы все члены коммуникативной ситуации владели одним языком. В случае невыполнения этого условия, коммуникативный акт невозможен. В этой ситуации необходим перевод. Под переводом мы понимаем передачу средствами одного языка мыслей,

выраженных на другом языке.

По определению К. Бове «Реклама – это не персонифицированная передача информации, обычно оплачиваемая и обычно имеющая характер убеждения, о продукции, услугах или идеях известными рекламодателями посредством различных носителей» [1, с. 12]. Так как целью перевода рекламы является не только передача смысла, но и привлечение потенциальных покупателей, переводчику необходимо не только знание иностранного языка, но и умение творчески мыслить.

Правильный выбор рекламного носителя является залогом успеха рекламной кампании. Рекламодателю необходимо правильно определить так называемый канал распространения рекламы, с помощью которого рекламное сообщение дойдет до потребителя. В рамках определенного типа канала распространения информации существуют различные носители рекламы.

Носитель рекламы – это конкретный вариант размещения рекламного обращения на канале [2, с. 86]. При выборе носителя рекламы, необходимо принимать во внимание следующие параметры: доступ к целевой аудитории; масштаб распространения; график выхода; стоимость рекламного пространства. Выбирая тип рекламного носителя, необходимо учитывать и предмет рекламы. Иногда носитель рекламы по тому принципу, что его не использовал конкурент. Кто-то может использовать интернет, а его соперник – плакаты. Выбор рекламных носителей для кампании предполагает при минимуме средств информации получить максимум воздействия и откликов на рекламу [4, с. 154].

Самый распространенный вид рекламы – это реклама в печатных изданиях. Печатные издания можно разделить на газеты и журналы. Основные элементы печатной рекламы делятся на текст и оформление. Так как основной функцией газеты является информативная функция, то большая часть рекламы в газетах является прямой и напоминает новости.

Функция журналов носит более развлекательный характер. Именно из-за этого реклама в журналах является более информативной и состоит из более длинного текста сообщения, чем газетная реклама. В журнальной рекламе часто используют красочные фотографии и графику, которая обладает сильным воздействием на потенциального потребителя.

Все развитые страны мира движутся в направлении создания информационного общества. Появление и быстрое развитие глобальной сети Интернет явилось прорывом в развитии информационных технологий, маркетинговых, и, в частности, рекламных коммуникаций. Можно выделить основные преимущества и особенности рекламы в Интернете:

Увеличение и расширение аудитории людей, регулярно использующих Интернет. В основном это активные платежеспособные пользователи – именно та целевая аудитория, с которой так важен контакт для производителей.

Оперативность донесения информации.

Обратная связь и возможность собирать маркетинговую информацию. Это осуществляется путем проведения опросов на сайтах и форумах.

Отчеты о показах рекламы, числу посетителей, увидевших информацию.

Измеримость эффекта от рекламы [5, с. 95].

Иноязычные вкрапления в рекламных текстах выполняют различные функции. Эти лексические единицы присутствуют и в русских и в немецких рекламных текстах, но в русских текстах они выражены ярче вследствие различия шрифтов. Проиллюстрируем это примерами, взятыми с различных сайтов:

1. Легендарная технология по уходу за областью вокруг глаз. Система Advanced Night Repair GAS. Keep it.

2. Die besten Erlebnisse. Make it real – COCA-COLA – Наилучшие переживания. Make it real – COCA-COLA.

3. British Airways. The world's favourite airline. Erfullen Sie sich einen Traum. Die Reise in den Weltraum. - British Airways. The world's favourite airline. Исполните свою мечту. Путешествие в космос.

4. Max Factor. Таким взглядом можно убить. Но разве пользоваться новой тушью More Lashes - преступление?

Если рассматривать одиночные иноязычные вкрапления эквивалентами предложения, то можно сказать, что основная их функция в русскоязычных изданиях – стимулирование читательского интереса:

Alien. Верите ли вы в волшебство?

Electrolux. Разве вы против личного повара?

Olay. Нет ничего эффективнее? Убедись сама!

Употребление в тесте рекламы подобных вкраплений – признак высокой компетенции адресата, его принадлежности к определенному социуму. Эти вкрапления они выполняют одновременно информативную, игровую, аттрактивную и декоративную функции:

1. Das einzig wahre WARSTEINER. Mischen possible. – Единственно верный WARSTEINER. Смешивание possible.

2. Куда.ru. Летите куда хотите!

3. Кто исполнит твой каприз. Caprice.

4. Maggiческий вкус.

Иногда российские создатели рекламы используют англоязычные вкрапления, переданные при помощи транскрипции или транслитерации. Особенно часто это явление встречается в названиях фирм и магазинов, которые обозначаются русскими буквами, ***например, «Техносити».***

Однако в рекламных текстах английские вкрапления, обозначающие марки автомобилей, передаются только средствами английского алфавита:

«Новая Micra. Маленьктй шедевр…у ваших ног. Nissan»

Инновации. Достоинство. Стиль. Hyundai

Игра на опережение Audi A3 Sportback. Новейший двигатель мощностью до 250 л.с., полный привод quattro, революционная трансмиссия

DSG, динамическая подвеска – добро пожаловать в большой спорт. Audi A3 Sportback.

Таким образом, распространение английского как действительно всемирного языка привело к тому, что он начал играть беспрецедентную роль во всём мире. Из-за того, что подобная ситуация наблюдается впервые, то ее последствия практически невозможно предсказать. Никто не может предвидеть, что в будущем может произойти с языком, на котором говорят миллионы людей. А в случае с английским языком – это четверть населения земного шара. Унифицируется ли он, или, напротив, возникнут новые варианты языка? Никто не может предугадать, какой путь развития выберет язык, если всё большее количество людей используют его в качестве иностранного, а не родного. Можно предположить, что существование всемирного языка приведёт к образованию моноязычной элитной группы людей с предвзятым отношением к другим языкам.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о высокой степени влияния английского языка на язык русской и немецкой рекламы, учитывая большое содержание английских заимствований в текстах русской и немецкой рекламы.

Список использованных источников

1. Аристова В.М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований. Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. Калининград. – 1997. – С. 12-19.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М., 2008. – 263 с.
3. Дудникова Л.В., Медведева М.С. Англицизмы в рекламном тексте (на материале русского и французского языков) / В сборнике: Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Сборник научных статей IV Международный конгресс. Ростов-на-Дону – Таганрог. – 2023. – С. 127-131.
4. Куренова Д.Г. Семантическая адаптация англицизмов в сфере рекламоведения / Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – №53. – С. 154-158.
5. Мельникова А.И. Изучение англицизмов в курсе «Современный русский язык». Русский язык в школе. –1991. – №2. – С. 95-101.

УДК 81`25

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Г. И. Мезенцева,
к.филол.н., доцент департамента лингвистики факультета международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
Н. М. Толекова,
обучающаяся магистратуры, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Аннотация: В статье рассматривается специфика перевода образных средств в романе Фёдора Михайловича Достоевского «Идиот», анализируются наиболее частотные образные средства и их переводческие решения, посредством корректного выбора переводческих трансформаций по В.Н. Комиссарову. Анализ в статье осуществляется на примере двух разновременных переводов романа на английский язык: перевод Констанс Гарнетт 1913 года; перевод Ричарда Певира и Ларисы Волохонской 2002 года, выявляются проблемные моменты и возможные подходы к их решению.

Ключевые слова: Достоевский, перевод, «Идиот», образные средства, русская литература, идиостиль, художественный перевод

Abstract: The article examines the specifics of the translation of figurative means in Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's novel "The Idiot", analyzes the most frequent figurative means and their translation solutions, through the correct choice of translation transformations according to V.N. Komissarov. The analysis in the article is carried out using the example of two simultaneous translations of the novel into English: the translation by Constance Garnett in 1913; the translation by Richard Pevir and Larisa Volokhonskaya in 2002, identifies problematic points and possible approaches to their solution.

Keywords: Dostoevsky, translation, "Idiot", figurative means, Russian literature, idiostyle, literary translation

Внутренний мир произведения проявляет художественную целостность, так как различные компоненты его внешних проявлений объединяются в управляемой системе, которую можно назвать художественным единством [8, с. 74]. Неотделимое единство идей осуществляется посредством использования авторских языковых средств, формирующих уникальный стиль творца.

Индивидуальный авторский стиль является объектом множества научных исследований, проводимых с целью осуществления более глубокого проникновения в замысел и идею автора художественного произведения, в систему созданных им образов, структуру, отображающую его специфические языковые характеристики [2]. Индивидуальный стиль как авторское виденье мира освещалось очень многими отечественными литературоведами и лингвистами – М.М. Бахтиным (1929), В.П. Григорьевым (1983), Ю.Н. Карауловым (2021), А.В. Федоровым (2002) и многими другими. На современном этапе развития переводоведения большая часть исследований в области передачи идиостиля Ф. М. Достоевского при переводе посвящена анализу психологических аспектов (сны Родиона Раскольникова) и различных концептов («смерть», «деньги»,

«судьба» и проч.). Ф. М. Достоевский является одним из новаторов в истории русской прозаической литературы, его творческий мир ярко отображается в языке и стиле его произведений. М. М. Бахтин так писал о мастерстве Достоевского: «Своеобразие Достоевского не в том, что он монологически провозглашал ценность личности (это делали до него и другие), а в том, что он умел ее объективно-художественно увидеть и показать как другую, чужую личность, не делая ее лирической, не сливая с ней своего голоса и в то же время не низводя ее до опредмеченной психической действительности» [1, с. 7].

Средства образной выразительности имеют большой удельный вес в художественной системе Достоевского. В своих произведениях автор использует различные образные средства, чтобы передать мысли и эмоции персонажей, а также чтобы создать яркие образы и сцены. Е.И. Калмыкова определяет образность «как художественное качество стилистических средств, их способность создать реальную картину описания, достичь максимальной конкретности, рельефности и наглядности изображения» [4, с. 13].

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» является одним из наиболее известных произведений русской литературы XIX века. Писатель на протяжении всей своей писательской деятельности ставит в центр своих произведений человека, отдавая ему ключевую роль. Тема человека и его судьбы является главной также и в романе «Идиот», где в центре внимания оказываются жизни разных, не похожих друг на друга персонажей [3].

Роман насыщен такими средствами выразительности как: метафоры, эпитеты, ирония, сравнения и др., что лишний раз подчеркивает художественную изобретательность писателя [5].

Перевод образных средств являет собой одну из труднейших переводческих проблем, поскольку авторские метафорические переосмысления, принадлежащие к идиостилю такого сложного писателя, как Ф.М. Достоевский, могут быть очень сложными для восприятия и передачи на другой язык [6]. Переводчик должен не только понять смысл метафоры или гиперболы, но и найти соответствующее выражение или образ в целевом языке, который бы передал тот же смысл и эмоциональный оттенок. Это требует не только глубокого знания обоих языков, но и креативности и чувства языка. Важно подходить к этому процессу ответственно и творчески, чтобы сохранить всю глубину и красоту оригинального текста.

Для выявления закономерностей перевода был проведён анализ способов перевода образных средств романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и двух его разновременных перевода на английский язык. Одной из главных задач художественного перевода является обеспечение коммуникативной эквивалентности текстов, и для достижения данной цели необходимо применение и использование различных переводческих трансформаций.

Материалом данного исследования послужил роман

Ф. М. Достоевского «Идиот» и его два англоязычных перевода, выполненных Констанс Гарнетт в 1913 году и Ричардом Певир и Ларисой Волохонской в 2002 году [10, 11]. Для сопоставления переводов произведения нами были отобраны наиболее частотные стилистические приемы: метафоры, эпитеты, иронии, гиперболы, аллегории и сравнения.

При дальнейшем анализе способов перевода образных средств мы будем опираться и использовать концепцию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, который выделяет 3 вида переводческих трансформаций: лексические; грамматические; лексико-грамматические (комплексные) [7, с. 164]. Данная концепция является для нас наиболее полной, поскольку мы можем обратиться к различным трансформациям, совершенным в тексте перевода.

Основные способы перевода, или, как они называются иначе, лексические трансформации, которые используются во время перевода, содержат такие переводческие приемы как: формальные (переводческое транскрибирование и транслитерация, калькирование) и содержательные (лексико-семантические/контекстуальные замены, такие как: конкретизация, генерализация, модуляция). К наиболее часто используемым способам грамматических трансформаций обычно относят следующие: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (замена форм слов, частей речи или членов предложения). К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся: антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация [7, с. 172].

При переводе образных средств в художественных произведениях необходимо учитывать культурную специфику и уметь адаптировать языковые средства под целевую аудиторию, сохраняя авторское звучание текста. Что касается перевода метафор и эпитетов, то они чаще относятся к сфере узкоспециальных переводческих вопросов. Не существует единого универсального способа воспроизведения данных тропов при переводе, однако возможно нахождение общих закономерностей с помощью использования переводческих трансформаций [9].

Исходя из вышесказанного, рассмотрим несколько примеров, перевода **метафор и эпитетов** на английский язык из романа «Идиот».

Я не имею никаких прав на ваше участие, не смею иметь никаких надежд; но когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю ***черную ночь моей жизни*** *и стало для меня* ***маяком.***

I have no claim on your sympathy; I dare not have any hope. But once you uttered a word – one word, and that word lighted ***the dark night of my life*** *and has been my* ***beacon*** *ever since* (C. Garnett).

I have no right to your sympathy, I dare not have any hopes; but you once uttered a word, just one word, and that word lit up ***the whole dark night of my life*** *and became a* ***beacon*** *for me* (R. Pevear and L. Volokhonsky).

В данном примере метафоры *черная ночь моей жизни, маяк*

обозначают выход из тьмы и направление к свету. В своих переводах К. Гарнетт и Р. Певир и Л. Волохонская использовали прием калькирования: *beacon, the whole dark night of my life*, однако во втором варианте перевода происходит усиление экспрессивности посредством интенсификатора *whole***.**

При переводе **эпитетов** переводчик должен учитывать степень индивидуализированности эпитета и его позицию по отношению к определяемому слову, например:

Припомнил и полового; это был ***не глупый парень****, солидный и осторожный, а "впрочем, ведь бог его знает какой.*

He was an ***intelligent fellow****, staid and careful; thouqh "God only knows what he is like really* (C. Garnett).

He was by ***no means a stupid fellow****, grave and cautious, but "anyhow, God knows what he is* (R. Pevear and L. Volokhonsky).

Эпитет *не глупый парень* К. Гарнетт в данном случае передает в как *intelligent fellow,* прибегая к антонимическому переводу. Р. Певир, Л. Волохонская переводят единицу оригинала, используя элементы грамматической замены, получив перевод *no means a stupid fellow*.

Особенностью перевода авторских **сравнений** является важность его приближенности к оригинальному тексту. Рассмотрим в приведенном ниже предложении, с помощью каких трансформаций переводчики достигают эквивалентности:

Я и ростом мал, и ***одет как холуй****, и стою, молчу, на нее глаза палю, потому стыдно, а он по всей моде, в помаде, и завитой, румяный, галстух клетчатый, так и рассыпается, так и расшаркивается, и уж наверно она его тут вместо меня приняла!*

I am short and ***badly dressed****, and I stood, without a word, staring at her because I was ashamed, and he's in the height of fashion, curled and pomaded, rosy and in a check tie — he was all bows and graces, and I am sure she must have taken him for me!* (C. Garnett).

I'm short and ***dressed like a boor****, and I stand silently staring at her because I'm embarrassed, and he's all so fashionable, pomaded and curled, red-cheeked, in a checkered tie — fawning on her, bowing to her, and it's sure she took him for me!* (R. Pevear and L. Volokhonsky).

В данном предложении К. Гарнетт, Р. Певир, Л. Волохонская использовали приём синтаксического уподобления. При передаче лакуны *холуй* переводчики прибегают к использованию: в первом случае – грамматической замены, во втором случае – подбору единицы, семантически равнозначной оригиналу, что в большей мере сохраняет заложенную образность.

При переводе **иронии** нельзя говорить о существовании точных определенных правил перевода, но можно выделить основные правила передачи иронии это: полный перевод с незначительными лексическими и грамматическими преобразованиями, расширение исходного иронического

оборота, антонимический перевод, добавление смысловых компонентов и культурно-ситуативная замена. В данном примере ироничное *идиот* К. Гарнетт и Р. Певир, Л. Волохонская переводят эквивалентом *idiot,* и это наиболее полный и точный перевод.

А точно того и не знает, что этот ***идиот*** *завтра же к ним опять потащится свою дружбу и капиталы им предлагать!*

As though he didn't know that this ***idiot*** *will trail off tomorrow to them to offer his friendship and his money to them again* (C. Garnett).

As if he doesn't know that tomorrow this ***idiot*** *will again drag himself to them offering his friendship and capital!* (R. Pevear and L. Volokhonsky).

Таким образом, в ходе комплексного анализа исходного текста и текста перевода мы убедились в том, что для осуществления эквивалентного перевода языковых средств в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», чаще всего использовались такие трансформации как синтаксическое уподобление, калькирование, дословный перевод и антонимический перевод. Применение данных переводческих трансформаций способствует достижению коммуникативной эквивалентности и сохранения эмотивно-оценочного характера лексических единиц.

В заключение отметим, что идиостиль (индивидуальный стиль) – совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя или поэта; специфика речи художественных произведений; предмет изучения стилистики. Особенностью идиостиля Ф. М. Достоевского являются многочисленные православные религиозные реалии, широкое использование слов с семантикой кажимости, неопределенности, частое употребление слов-интенсификаторов, которые имеют значения высокой степени (очень, сильно), чрезмерной степени (слишком) и предельной степени (совершенно, совсем, неизмеримо) признака или действия. Средства образной выразительности имеют большой удельный вес в художественной системе идиостиля Ф. М. Достоевского. Так, в своем романе «Идиот» писатель наиболее часто использует метафоры, эпитеты, иронии, гиперболы, аллегории и сравнения.

Таким образом, при переводе художественного текста необходимо учитывать прагматическую задачу перевода, заключающуюся в достижении желаемого коммуникативного эффекта на читателя. Читая художественное произведение в переводе, адресат должен почувствовать силу литературного таланта автора оригинала. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала.

Список использованных источников:

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. – 244 с.
2. Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Москва: Наука, 1983. – 225 с.
3. Достоевский Ф.М. Идиот. Л.: Лениздат, 1987. – 638 с.
4. Калмыкова Е.И. Образность как лингвистическая категория в современной

немецкой научной прозе: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1969. – 23 с.

5. Караулов Ю.Н. Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Слово Достоевского 2021. Идиостиль и картина мира. – М.: Лексрус, 2021. – С. 107–114.

6. Караулов Ю.Н. От словаря языка писателя к познанию его мира // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: Лексрус, 2014. – С. 115–131.

7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

8. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.

9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ; М.: Филология три, 2002. – 416 с.

10. Dostoyevsky F. The Idiot; tr. from rus. Garnett C. U.S.A: Bantam Classics, 1983 – 720 p.

11. Dostoyevsky F. The Idiot; tr. from rus. Pevear R. and Volokhonsky L. London: Vintage Classics, 2003 – 756 p.

УДК: 378.016

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Му Цзянмин*[7]*,

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

Аннотация. Китайская грамматика трудна для понимания, а структура китайских иероглифов относительно сложна. Поэтому поиск интересного метода обучения стал важной задачей для преподавателей китайского языка как иностранного. Игровой метод как геймификация обучения не только помогает обогатить содержание обучения и улучшить память и понимание посредством принципов (конкуренция, вознаграждение, вызов, взаимодействие), но также стимулирует различные познавательные навыки учащихся. Игровое обучение предоставляет учащимся большое количество возможностей практиковать язык в непринужденной и интерактивной среде, помогая учащимся активно приобретать знания, а не пассивно учиться.

Ключевые слова: геймификация, гуманитарный вуз, игра, китайский язык, метод, обучение

Summary. Chinese grammar is difficult to understand, and the structure of Chinese characters is relatively complex. Therefore, finding an interesting teaching method has become an important task for teachers of Chinese as a foreign language. The game method as gamification of teaching not only helps to enrich the learning content and improve memory and comprehension through the principles (competition, reward, challenge, interaction), but also stimulates students' various cognitive skills. Game learning provides students with plenty of opportunities to practice the language in a relaxed and interactive environment, helping students actively acquire knowledge rather than passively learn.

Keywords: gamification, humanities university, game, Chinese language, method, training

Функция игр заключается в том, что они могут расслабить нервы

[7] Научный руководитель: к.пед.н., доцент М.Г. Петрова

человека, создать ощущение расслабления и помочь уменьшить или устранить стресс. «Когда люди участвуют в играх, поскольку их мозг и нервы находятся в расслабленном состоянии, их память становится лучше, слова, которые они видят, производят на них большее впечатление, и они быстрее реагируют. Введение игр в преподавание иностранного языка может снизить учебную нагрузку на учащихся и привлечь внимание учащихся, особенно в процессе разговорной речи на иностранном языке и преподавания лексики. Прибегая к таким элементам, как баллы, уровни, значки, таблицы лидеров, преподаватели создают ощущение достижения и прогресса, которое стимулирует учащихся становиться активными участниками» [8].

Функция языка – это общение, поэтому преподаватели иностранных языков должны поощрять учащихся к активному взаимодействию, проявлять инициативу в общении с преподавателями и с другими людьми. В этом процессе ролевые игры, карточные игры, загадки и другие игры сыграли важную роль в качестве средства коммуникации. С помощью сценариев искусственного моделирования учащиеся могут погрузиться в них и научиться использовать слова или китайские иероглифы, что помогает им углубить свои представления о словарном запасе и новой грамматике.

Стиль и увлечения у всех разные. «Студент-интроверт может преуспевать в своей области знаний. И наоборот, одна и та же игра может подходить не всем. Дизайн игр в обучении должен быть разнообразным. Имея это в виду, преподавателя разрабатывают игровые задания, соответствующие различным стилям обучения и уровням квалификации, чтобы предоставить каждому ученику более индивидуальный опыт» [10].

Поощрение и признание со стороны станут для учащихся эффективной мотивацией к постоянному активному приобретению знаний. Иными словами, в процессе изучения иностранного языка положительные отзывы, полученные студентами, будут играть для них большую мотивирующую роль. Если их самооценка не удовлетворена, они могут легко сдаться. Если учащиеся будут испытывать чувство выполненного долга в процессе обучения и получать признание и похвалу от окружающих, у них появится большой энтузиазм продолжать обучение. В игре вы можете имитировать значки или очки, которые будут играть роль внешнего опознавательного знака. «Сбалансировав оба типа вознаграждений, преподаватели опираются тем самым на различные мотивационные факторы и поддерживают долгосрочное продуктивное взаимодействие» [3]. «Иммерсионный и интерактивный характер игрового изучения языка способствует продолжительному вовлечению студентов и сохранению получаемых ими навыков» [1].

Карты – одна из самых простых игр в обучении иностранному языку. Например, учащихся просят сопоставить карточки с китайскими иероглифами, пиньинь и изображениями с их значениями. Эта игра может очень хорошо тренировать навыки распознавания словарного запаса

учащихся.

Ролевая игра – одна из самых популярных игр среди студентов в гуманитарных вузах. Она увлекает учащихся, моделируя различные жизненные ситуации, и позволяет попрактиковаться в говорении. Например, учащихся имитировали прохождение таможенных процедур в аэропорту Пекина, открытие банковского счета и бронирование номера в отеле на китайском языке. На занятиях по китайскому языку различные деловые мероприятия моделируются с помощью ролевых игр, так что учащиеся могут не только получать от этого удовольствие, но и укреплять дружбу. В то же время студенты обрели уверенность в себе и стали более спокойно справляться с реальной деловой и дипломатической деятельностью в будущем.

Весьма значимая роль в практической плоскости отводится играм со словесными ассоциациями: «“Цепочка слов”, “Категории”» и т. д.; они результативны с позиций расширения словарного запаса, улучшения запоминания. В случае с китайским языком учащиеся могут по очереди произносить слова, относящиеся к конкретной теме либо категории, например цвета, животные, продукты питания. Это сопровождается развитием оперативного мышления, помогает зафиксировать словесные связи и ассоциации» [2].

Интересная интерактивная игра – «Языковое бинго», ученики готовят бумагу и ручки, а преподаватель зачитывает иероглиф, слово или предложение на иностранном языке. Студенты представляли слова или фразы, которые они слышали. Когда студенты слышали слово, они сначала представляли его в уме, а не думали о русском эквиваленте. Этот метод может улучшить скорость реакции учащихся и уровень слушания на иностранных языках.

Интересное направление – «рассказывание идиоматических историй». Это очень интересный интерактивный метод. В древнем Китае произошло много интересных историй. При обучении иностранному языку интересные сюжетные линии могут привлечь внимание учащихся, а процесс рассказывания историй также тренирует навыки устного выражения. Исследования показывают, что яркие сюжетные линии могут помочь учащимся сформировать глубокое впечатление от новых слов в статьях.

Исследования показали, что «рассказывание историй может эффективно способствовать развитию языковых навыков учащихся, особенно навыков аудирования и говорения. Ведущий начинает рассказ и «передаёт» его ученикам, которые добавляют новые элементы либо продолжают сюжет (на китайском языке)» [7]. «Альтернативно, обучающиеся совместно придумывают истории на базе заданных подсказок, изображений. Целесообразно отметить, что рассматриваемые нами механики развивают воображение, лингвистическую компетентность, а также культурную осведомленность» [4].

В настоящее время цифровые технологии и информационные

технологии быстро развиваются. В настоящее время цифровые технологии широко используются в повседневной жизни, поэтому интересным методом обучения иностранному языку является использование цифровых технологий для разработки цифровых игр или игровых приложений. Игровые функции интегрированы с мультимедийными элементами активно используются. «Такие платформы, как “Duolingo”, “HelloChinese”. “ChineseSkill”, предоставляют пользователям структурированные уроки, тесты, задания, упражнения, подходящие для разных уровней квалификации и целей. Ключевые преимущества, в связи с этим, проявляются в немедленной обратной связи, отслеживании прогресса, а также в персонализированном опыте» [6].

Во-первых, в гуманитарных вузах игровые методы обучения часто считаются недостаточно строгими и глубокими и не могут проникнуть в глубокие академические области.

Во-вторых, игровой метод обучения считается ограниченным языковым воздействиями. Игровой метод обучения подходит не во всех ситуациях. Хотя он полезен для расширения словарного запаса, он не подходит для решения реальных задач.

«В процессе обучения иностранному языку с использованием игровых методов обучения сложно и серьезно оценить успеваемость учащихся и уровень владения иностранным языком. Традиционные инструменты оценивания (прежде всего, подразумеваются экзамены, эссе и т. д.) нелегко перенести в игровую среду обучения. Из-за этого преподавателям затруднительно точно «измерить» навыки учащихся и определить, достигают ли они желаемых результатов именно благодаря игровым компонентам» [5].

Кроме того, существуют определенные аспекты китайской культуры, которые не подходят для интеграции в игровую деятельность, такие как сложные грамматические конструкции, собственная лексика и тонкие различия культурных концепций в разных языках. Эти проблемы приводят к тому, что учащиеся не имеют достаточного знакомства с ключевыми языками и культурами.

Таким образом, игровой метод обучения может стимулировать способность учащихся активно исследовать, активно участвовать и сотрудничать вместе. Он помогает учащимся расширить свой словарный запас и помочь деловым людям добиться более высоких результатов в деловой деятельности. Подытожим методы игры следующим образом: карточки, настольные и ролевые игры, варианты со словесными ассоциациями, «языковое бинго», игры-рассказчики, головоломки и загадки, цифровые форматы и приложения. В то же время у него есть определенные ограничения, такие как трудности с адаптацией к более глубоким академическим областям, трудности с объяснением сложных грамматических структур и трудности с оценкой прогресса. Тем не менее, я считаю, что китайские преподаватели гуманитарных вузах должны

адаптироваться к потребностям студентов. Они должны не только привлекать внимание студентов и вызывать у них сильный интерес к изучению китайского языка, но также использовать традиционные модели обучения, чтобы обеспечить им знание китайского языка и повышение квалификации. глубокое понимание родственных культур.

Список использованных источников

1. Абрамова А.М. Применение игровых форм в преподавании иностранного языка в вузе // Заметки ученого. – 2020. – № 8. – С. 100-106.
2. Выбойщик А.В. Сравнительные аспекты преподавания китайского языка студентам и слушателям гуманитарных и технических специальностей в г. Челябинске // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Материалы международной научно-практической конференции. Новосибирск: 2019. – С. 153-155.
3. Котельникова Н.Н. Методика использования аутентичных игровых фильмов при обучении китайскому языку в высшей школе // Международный форум восточных языков и культур. Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI веке. Сборник статей и докладов участников форума. Казань: 2018. – С. 93-103.
4. Кошкин М.А., Григорьева С.Ю. Игровые методы при обучении говорению на китайском языке студентов-лингвистов (профиль «Перевод и переводоведение») // Проблемы высшего образования. – 2019. – № 1. – С. 276-279.
5. Кралина Е.Д. Игровые методы обучения китайскому языку студентов вузов // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 2-1. – С. 137-147.
6. Ловчикова А.А. Игровые приемы обучения китайскому языку студентов 1-4 курсов // Наука ЮУрГУ. Материалы 71-й научной конференции. Челябинск: 2019. – С. 332-335.
7. Лю С. Развитие методики дистанционного обучения китайскому языку как иностранному: аспекты применения игровых технологий // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 11. – С. 180-185.
8. Тавберидзе Д.В. Формирование лингвострановедческой компетенции студентов гуманитарных специальностей // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 180-182.
9. Шамардина Е.А. Использование игровых технологий в процессе дистанционного обучения лексике китайского языка // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания. По материалам международной научно-практической конференции. М.: 2023. – С. 127-132.
10. Щекочихина Е.В. Игровые технологии как средство обучения иностранному языку студентов в неязыковом вузе // Педагогические науки. – 2023. – № 4 (122). – С. 24-26.

УДК 81’25

ВЫЯВЛЕНИЕ МИФОВ И СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ. ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

М. В. Норец,
д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода,
А. В. Рейнова,
специалист, кафедра теории и практики перевода,
ассистент, кафедра основ российской государственности,
Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено раскрытию особенностей выявления мифов и стереотипов о России в англоязычном тексте, а также изучению способов противодействия фальсификации истории в тексте перевода. Основное внимание уделяется применению переводческого комментария как инструмента, способствующего противодействию искажениям исторической правды. Материалом исследования послужили англоязычные тексты песен, фильмов и сериалов, в которых представлен искаженный образ России.

Ключевые слова: переводческий комментарий, фальсификация истории, образ России, историческая правда.

Summary. The article is aimed at revealing the specifics of identifying myths and stereotypes about Russia in the English-language text, and studying ways to counteract the falsification of history in the translation. The main focus is on the use of translation commentary as a tool to counteract distortions of historical truth. The research material is based on the lyrics of songs, films and TV series scripts written in English, which contain a distorted image of Russia.

Key words: translation commentary, falsification of history, image of Russia, historical truth.

Исторические мифы – это некие суждения, опирающиеся не на факты, а на стереотипы и мнения, которые стали активно передаваться в обществе. В результате данного процесса даже историческим фактам дается интерпретация, представляющая суждения, далекие от объективного описания реальных событий. В англоязычных текстах обнаруживается изобилие ложных представлений о России, обусловленных извечным противостоянием Западного мира и нашей страны. Переводчики, как посредники в межкультурном взаимодействии, в своей практике часто сталкиваются с необходимостью интерпретации текстов, несущих заведомо ложное представление о России. Одним из способов адекватного реагирования на случаи грубого искажения образа нашей страны и фальсификации ее истории служит прием переводческого комментария, который позволяет разграничить идеи автора от восприятия текста переводчиком, а также дает возможность донести до сведения русскоязычного реципиента информацию о намеренном искажении фактов в англоязычном тексте.

Как известно, назначение переводческого комментария заключается в «компенсации смысловых потерь при переводе» [2] и более «глубоком понимании текста читателем» [2]. Комментарий позволяет «заполнять лакуны, появляющиеся в результате отсутствия определенных реалий в системе языка перевода, а также более точно передавать суть высказывания при невозможности строгого следования букве оригинала» [1]. Также переводческий комментарий облегчает восприятие первоисточника и перевода для читателей, разъясняет и оправдывает переведенный текст. комментарий призван разъяснить и описать основные моменты. Ведение в текст перевода переводческого комментария предполагает поэтапность: знакомство с текстом оригинала, предпереводческий анализ, непосредственно перевод, и анализ «переведенного текста».

Целью исследования является анализ способов реагирования переводчика на факты грубого искажения образа России в англоязычном тексте. Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

проанализировать тексты популярных англоязычных песен и сценариев к фильмам и сериалам и выявить наиболее распространенные мифы и стереотипы о России;

рассмотреть возможность применения переводческого комментария как способа противодействия искажения исторической правды и фальсификации истории.

Актуальность данной работы обусловлена наличие большого количества мифов и стереотипов о России в западном обществе, которые вплетаются в тексты, нацеленные на массового потребителя, в том числе, и на молодое поколение россиян. Важно, чтобы русскоязычный реципиент мог выявлять эти стереотипы, узнавал их в современных песнях, фильмах и сериалах, четко фиксировали их и в будущем. Важно, чтобы мы на самих себя не смотрели через призму западного общества, чувствовали манипуляции с нашей историей и умели им противостоять.

Обратимся к примеру из текста песни Майкла Джексона «*Stranger in Moscow*». Лирический герой всеми покинут, он, вдруг ставший чужим для всего мира, бредет сквозь холод и дождь, и тень возвышающегося над ним Кремля, олицетворяющего Россию времен холодной войны, производит угнетающее впечатление на него, напоминая о том, что он – нежеланный здесь гость. Звучат слова:

«*Here abandoned in my fame*
Armageddon of the brain
KGB was doggin' me
Take my name and just let me be» [3].

Песня завершается допросом следователя КГБ на русском языке: «*Зачем приехал ты, враг от запада, признайся. Приехал, чтобы украсть от нас великие достижения народа, великие труды рабочих. Зачем, признайся, подкупить народ богатством своим*» [3]. Важно отметить, что речь не идет о настоящем Комитете государственной безопасности, прекратившем свое

существование в 1991 году. Смысл песни также никак не связан с Москвой, несмотря на название и текст: тягуче-медленный, «приземленный и безрадостный» сюжет строится вокруг темы одиночества в толпе.

Фильм «*King's Man: Начало*» (2021 г.) рассказывает о приключениях агентов секретного шпионского агентства, созданного для борьбы со злом во всем мире. События происходят во время Первой мировой войны. По сюжету картины войну развязала группа суперзлодеев со всего света. Среди ее членов также числятся Григорий Распутин и Владимир Ленин. Англию создатели фильма показывают в хорошем освещении, с приятной музыкой, но как только действие переносится в Россию – экран темнеет, а музыка становится тише и зловестнее. Царь Николай II и члены его семьи изображены карикатурно. Он предстают перед зрителями в образе суетливых и недалеких людей. Царевны, на минуту появившись в кадре, зло хихикают над шуткой Николая II про увечье Вильгельма II. В действительности царевны были кроткими и добрыми, не способными насмехаться над физическим изъяном, тем более, если речь идет о монархе. Царевны во время войны ухаживали за раненными, проявляя милосердие, но в фильме об этом не было ни слова. Самый «колоритный» русский, которому выделено больше экранного времени – Григорий Распутин. В фильме он ведет себя неподобающе на светских мероприятиях, танцует лезгинку, держит под контролем всю семью Романовых.

Обратимся к примерам искажения исторической правды в сериале «Великая» (2015-2023 гг.). Данный британо-американский комедийно-драматический псевдоисторический телесериал вольно интерпретирует юные годы жизни императрицы Екатерины Великой. «Эпизодически правдивая история» о юности Екатерины II шокирует зрителя с самого начала. Создатели не скрывали, что снимали фарс.

Фильм достиг определенного успеха на Западе, где был благожелательно встречен зрителями и получил немало хвалебных отзывов критиков. Однако, если воспринимать сериал серьезно, то можно рассмотреть глумление над историей России, порой переходящее за грань приличий.

Почему выбран образ Екатерины Великой? Потому что именно эта правительница впервые вступила в открытую полемику с западными учеными умами, пытаясь отстоять честь своей державы и изменить представление о России как о стране варварской и дикой. По сюжету весьма милая, юная, романтичная и наивная принцесса Екатерина прибывает из цивилизованной Германии в страну варваров. Императрица Елизавета развлекается дрессировкой бабочек, а Российской империей правит Петр, по сюжету он – сын Петра Великого, так что, видимо, Петр II. Перед зрителем постоянно возникают персонажи, чьи имена говорят о знакомстве с русской классической литературой, но не историей: граф Ростов, граф Горький, Вронский, доктор Чехов.

При работе над русскоязычной адаптацией подобных фильмов важно

давать последующие критические комментарии, содержащие ссылки на достоверные источники и факты, опровергающие ложные утверждения. Это может помочь реципиенту увидеть разницу между правдой и историческими манипуляциями.

Таким образом, стереотипам отведена роль упрощения восприятия информации об окружающем мире. К сожалению, это упрощение под воздействием политического противостояния стран становится настолько гипертрофированным, что превращается в мифы, искажающие действительность, несмотря на реальную историческую обоснованность. Переводческий комментарий не только вводит в текст дополнительную информацию, но и выступает важным инструментом для выявления и критического анализа мифов и стереотипов о России в англоязычном тексте. Данный прием может сыграть важную роль в выявлении и маркировании стереотипов и мифов в англоязычном тексте, путем выполнения следующих функций:

- контекстуализация: переводческий комментарий помогает читателю понять культурные и исторические контексты, под влиянием которых были написаны тексты. Это может раскрыть искажения, основанные на передачи неполной или неточной информации;
- критическая оценка источников: комментарии переводчика могут содержать информацию о надежности источников, из которых взята информация;
- параллели с другими культурами: переводческий комментарий может вводить сравнение культурных стереотипов о России с аналогичными стереотипами о других странах, что позволяет выявить общие шаблоны и проиллюстрировать предвзятое восприятие представителями определенной страны другой культуры;
- вопросы и проблемы: комментарии могут поднимать критические вопросы по поводу представленных в тексте стереотипов, побуждая реципиента задуматься о том, почему такие мифы существуют и как они формируются.

Список использованных источников

1. Заплатин В. Е. Переводческий комментарий как один из способов компенсации смысловых потерь при переводе / В. Е. Заплатин, О. Снигирева // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – №4 (52). – https://rulb.org/archive/4-52-2024-april/10.18454/RULB.2024.52.35 (дата обращения: 17.02.2025).
2. Переводческий комментарий [Электронный ресурс] // Толковый переводоведческий словарь – https://gufo.me/dict/translatology/переводческий_комментарий (дата обращения 17.02.2025).
3. Stranger in Moscow – https://genius.com/Michael-jackson-stranger-in-moscow-lyrics (дата обращения: 17.02.2025).

УДК 8126

CULTURAL DIFFERENCES IN LANGUAGE INTERPRETATION

F.A. Ospanova,
Candidate of Philological Sciences, senior teacher of the Foreign languages Department, NJSC "The L.N. Gumilyov Eurasian National University" Astana, Kazakhstan

Аннотация: Статья посвящена исследованию культурных различий в интерпретации языка. Рассматриваются особенности восприятия и перевода языковых выражений в контексте различных культур, что влияет на точность передачи информации. Акцент сделан на влиянии культурных факторов, таких как социальные нормы, традиции и мировоззрение, на понимание и интерпретацию слов и фраз. В статье анализируются примеры трудностей перевода, вызванных различиями в культуре, а также подчеркивается важность учета этих аспектов при профессиональной интерпретации. Работа направлена на повышение осведомленности о значении культурных различий для эффективной коммуникации между носителями разных языков, а также на значимость учета контекста, эмоциональных оттенков, культурных ассоциаций, стереотипов и невербальных сигналов.

Ключевые слова: Культура, язык, интерпретация, общение, контекст, значение, выражение, невербальный, лингвистика, идиомы

Annotation: The article is dedicated to the study of cultural differences in the interpretation of language. It examines the features of perception and translation of linguistic expressions in the context of different cultures, which affect the accuracy of information transmission. The focus is on the influence of cultural factors such as social norms, traditions, and worldview on the understanding and interpretation of words and phrases. The article analyzes examples of translation difficulties caused by cultural differences and emphasizes the importance of considering these aspects in professional interpretation. The work aims to raise awareness about the significance of cultural differences for effective communication between speakers of different languages, as well as the importance of considering context, emotional nuances, cultural associations, stereotypes, and non-verbal signals.

Key words: culture, language, interpretation, communication, context, meaning, expression, non-verbal, linguistics, idioms

In today's interconnected world, the ability to interpret between languages is a vital skill for overcoming communication barriers. However, it's important to recognize that effective interpretation goes beyond merely translating words; it demands a thorough understanding of the cultural contexts that inform those words. Cultural awareness is essential for ensuring accurate and effective interpretation, particularly in multilingual environments. This article delves into the significance of cultural awareness in the interpretation process, emphasizing its influence on accuracy, context, and communication. Every language carries its own cultural expressions, idioms, and non-verbal signals. These aspects may not always have direct counterparts in other languages, which can result in misunderstandings if the interpreter lacks cultural awareness. For instance, specific phrases, metaphors, or idioms may hold historical, social, or emotional significance tied to a particular culture. An interpreter who is unaware of these cultural nuances may struggle to convey the intended message accurately. Therefore, it is crucial for interpreters to possess not only linguistic proficiency but also cultural insight to prevent such misinterpretations. «Every language has

its own unique cultural expressions, idioms, and non-verbal cues. These aspects often lack direct equivalents in other languages, which can lead to misunderstandings if the interpreter isn't culturally aware. For instance, certain phrases, metaphors, or idioms may have historical, social, or emotional significance tied to a specific culture» [1, c. 24]. An interpreter who doesn't recognize these cultural meanings might struggle to convey the intended message accurately. Therefore, it's essential for interpreters to be not only linguistically proficient but also culturally informed to prevent such misinterpretations.

Cultural awareness is crucial for establishing trust between the interpreter and the parties involved. In sensitive situations like legal or medical interpretation, a lack of understanding of cultural contexts can result in feelings of disrespect or alienation. Interpreters who grasp the cultural dynamics can navigate these environments more effectively, ensuring that clients feel understood and valued. For example, in some cultures, direct eye contact may be seen as disrespectful, while in others, it indicates attentiveness. Being aware of these differences allows an interpreter to communicate accurately and in a culturally sensitive manner.

The cultural background of a speaker plays a significant role in shaping the meaning of their message. A simple word or phrase can have various interpretations based on the cultural context. When interpreting, it’s crucial to look beyond the literal meaning of words and understand the intended message [2, c. 39-40]. This requires the interpreter to be aware of the speaker's cultural context and the deeper message being conveyed. For instance, in diplomatic or political discussions, a solid understanding of culture can help avoid misinterpretations of tone or intent. A culturally savvy interpreter can pick up on subtleties such as humor, sarcasm, or formalities that may not be evident in a straightforward translation. Every culture has its own communication norms and etiquette, which can differ significantly. An interpreter must be able to adapt to these norms on the spot. For example, when interpreting during a business meeting with representatives from various countries, the interpreter should recognize the appropriate level of formality, gestures, and even differing perceptions of time [3, c. 18]. While punctuality may be highly valued in one culture, a more flexible approach to timing might be the norm in another. These nuances are essential for accurately conveying both the message and the tone. Cultural awareness ultimately enhances the overall effectiveness of an interpreter. It allows the interpreter to create a smoother, more natural flow of communication between parties who may have different cultural frameworks. By understanding the various cultural dimensions that shape language, interpreters can make informed choices about how to phrase their interpretations, ensuring that they reflect both the linguistic and cultural meanings behind the words.

Language is not just a tool for communication; it reflects the culture, traditions, and worldview of the people who speak it. The way we use language often includes features that are deeply embedded in culture. These include metaphors, idioms, and contextual meanings. In this article, we will explore these cultural language features [4, c. 36-37], using examples in both English and

Russian to highlight their significance. A metaphor is a figure of speech that describes an object or action as something different from what it actually is, based on a similarity. Metaphors help to convey deeper meanings and create vivid images. However, they are often culturally specific, reflecting the experiences and perceptions of the people who use them. For instance, "Time is money." In this metaphor, time is compared to money, implying that time should be valued and used wisely. This idea highlights the importance placed on efficiency and productivity in English-speaking cultures, particularly in business and economics. Similarly, "Время – деньги." This Russian metaphor mirrors the English one, illustrating how shared cultural values about time and money can cross language barriers. It highlights the significance of time management and economic efficiency, reflecting the values of Russian society in areas such as work and business. - "Вешать лапшу на уши." This Russian metaphor translates to "to tell lies" or "to deceive someone." Literally, it means "to hang noodles on someone's ears." The imagery suggests someone being misled into accepting something false, which may resonate with historical experiences of deception in Russian culture. Idioms are expressions whose meanings aren't immediately clear from the words themselves; rather, they derive their significance from cultural context.

These expressions often provide insights into how a culture perceives certain ideas or actions. For instance: "Break the ice." This idiom refers to starting a conversation or easing initial social tension. It originally described ships breaking through ice to create a passage for others, symbolizing the removal of social obstacles. In Russian, "Разговор на вы." Literally meaning "conversation on you," this idiom indicates a formal or distant manner of speaking.

The expression highlights the cultural norm in Russia of upholding formality and respect during conversations, particularly with strangers or individuals of higher status. An example in Russian (cultural-specific idiom) is "Кидать камни в огород." Literally translated, it means "to throw stones into someone's garden." This idiom signifies criticizing or attacking someone in an indirect way, often subtly.

It illustrates the Russian cultural inclination to avoid direct confrontation, opting instead to express dissatisfaction through indirect methods. Words or phrases can have varying meanings based on the context in which they are used, often shaped by cultural norms, historical experiences, and social structures. For instance, in English, the phrase "You're welcome" can convey different sentiments depending on the situation. This simple phrase carries different meanings across various English-speaking cultures. In the U.S., it’s commonly used as a polite reply to “thank you,” indicating acknowledgment and courtesy. In contrast, in the UK, it can be expressed with varying levels of warmth, sometimes even with a hint of formal reserve. For example, in Russian: "Пожалуйста." This word has several meanings based on the context; it can mean "please" when making a request or "you're welcome" in response to "thank you." The tone and usage of this word can shift significantly depending on the social context and the relationship between the speakers. Another example in Russian

(context-specific): "Как рыба в воде." This idiom translates to "like a fish in water," describing someone who feels very comfortable or at ease in a situation.

In Russian culture, it might be used to refer to someone who is well-adjusted or thriving, whether in social or professional settings. Cultural awareness goes beyond just spoken language. Non-verbal communication, including body language, facial expressions, gestures, and tone of voice, can carry different meanings in various cultures [5, с. 58]. For instance, a gesture that indicates approval in one culture might be viewed as offensive in another. While direct eye contact is often seen as a sign of respect and attentiveness in many Western cultures, it can be considered rude or confrontational in some Asian cultures. Interpreters who are aware of these cultural nuances can effectively navigate these non-verbal signals and help preserve the integrity of the interaction.

Cultural awareness also means steering clear of cultural stereotyping. While some interpreters might hold certain preconceived ideas about a culture, it's important to recognize that no culture is uniform. Making generalizations can result in biased interpretations that fail to capture the true diversity within that culture. A culturally aware interpreter aims to avoid these traps by approaching each situation with an open mind, which enables them to deliver more nuanced and accurate interpretations. Cultural sensitivity can enhance the relationship between an interpreter and the individuals they are communicating for. An interpreter who possesses cultural awareness is more likely to earn the trust and respect of both the speaker and the listener. Building this rapport is crucial, particularly in high-stakes scenarios like medical, legal, or diplomatic interpretations. When interpreters skillfully navigate cultural sensitivities with respect, they foster more positive, productive, and collaborative interactions.

In international business, diplomacy, and multicultural settings, cultural awareness is not just a skill; it's essential. It enables interpreters to serve as bridges between different cultures, promoting smoother communication and improved decision-making. Whether translating a legal document, interpreting during diplomatic talks, or facilitating discussions between business partners, a solid understanding of cultural nuances ensures that no important detail is missed. In the field of interpretation, cultural awareness holds equal weight to linguistic skills. The ability to grasp and appreciate the cultural context behind language significantly enhances the accuracy, effectiveness, and overall impact of interpretation.

By nurturing cultural awareness, interpreters help create more meaningful, authentic, and productive exchanges, connecting languages and cultures in ways that transcend mere word-for-word translation. Ultimately, it is this cultural insight that empowers interpreters to convey messages with precision, empathy, and a deep understanding.

References

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ,

2004. – 352 с.

3. Ширяев А.Ф. Перевод как объект комплексного научного изучения // Лингвистические проблемы перевода. – М.: Изд-во МГУ, 1982.

4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.

5. Татаринов В.А. Методология научного перевода: к основаниям теории конвертации. – М.: Московский лицей, 2007. – 386 с.

УДК 81’25

О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА-ПЕРЕВОДЧИКА

О. В. Петрова,

к.филол.н., начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация. Прагматическая адаптация текста требует от переводчика не только знания способов, но и сформированности межкультурной компетенции. Без этого переводчик не может выявить в тексте фрагменты, требующие адаптации. В плане перевода выделяются три группы проблем межкультурной коммуникации: единицы, называющие нечто, отсутствующее в культуре получателей перевода; фрагменты, понимание которых затруднено различиями в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ; различия в национальном мышлении, системах ценностей, национальной психологии. Для выявления этих проблем и успешного осуществления прагматической адаптации у студентов-переводчиков необходимо формировать межкультурную компетенцию, предполагающую не только знание различий между культурами, но и умение переключаться между культурами, оценивая разницу в восприятии одного и того же представителями разных культур.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, распознавание проблем, картина мира, прагматический потенциал текста, межкультурная компетенция,

Summary. Pragmatic text adaptation requires not only knowledge of techniques, but also intercultural competence. Without it, the translator is unable to identify fragments in the text that require adaptation. In terms of translation, there are three groups of problems in intercultural communication: units naming something that does not exist in the culture of the recipients of translation; fragments that are difficult to understand due to differences in the background knowledge of SL and TL speakers; and problems caused by differences in national mentality, value systems and national psychology. In order to identify these problems and successfully implement pragmatic adaptation, it is necessary to form intercultural competence in students, which implies not just knowledge of the differences between cultures, but also the ability to switch between cultures and assess the differences in the perception of the same thing by representatives of different cultures.

Key words: pragmatic adaptation, identification of problems, worldview, text pragmatic potential, intercultural competence.

Непосредственным поводом для написания этой статьи послужили проблемы, возникшие у магистранта второго года обучения, работающего

над диссертацией на тему «Зависимость способов прагматической адаптации текста от цели выполнения перевода». Предполагалось, что в работе будут анализ проблем, возникающих при переводе текстов, нуждающихся в прагматической адаптации, а также оценка влияния разных видов прагматической адаптации на воссоздание прагматического потенциала оригинала и на достижение возможных целей выполнения перевода. Достаточно быстро разобравшись, как он считал, с теоретическими аспектами проблемы и написав, казалось бы, свидетельствующий об этом обзор и анализ существующих подходов к рассмотрению проблемы, студент столкнулся с неожиданными трудностями в подборе материала для выполнения практической части работы. Ему нужны были тексты, на материале которых можно показать, как цель перевода и тип его потенциального получателя влияют (или должны влиять) на выбор способов прагматической адаптации, и сопоставить баланс неизбежных потерь и преимуществ при использовании того или иного способа. Возникшая у него проблема заключалась в том, что, прочитав или просмотрев большое количество публицистических и специальных текстов, он не увидел в них ничего такого, что требовало бы прагматической (и, в частности, национально-культурной) адаптации. Что же касается художественных текстов, он полагал, что для выявления таких мест необходимо прочитать все произведение целиком (очевидно, перепутав способы прагматической адаптации с трансформацией компенсации), а в отдельных фрагментах ничего увидеть нельзя. При этом, как выяснилось, он рассматривал исключительно англоязычные тексты в плане возможного их перевода на русский язык.

Нужно признать, что определенные основания для восприятия публицистических и специальных текстов как не требующих прагматической адаптации дают многочисленные учебники, пособия и статьи, связывающие понятие прагматической адаптации исключительно с передачей реалий, аллюзий и языковой игры, т. е. эксплицитно присутствующих в тексте языковых единиц, которые могут быть незнакомы представителю другой культуры. И таких единиц в специальных и даже публицистических (особенно в информационных и аналитических) текстах действительно бывает не очень много.

Однако даже в случае таких обычно легко опознаваемых единиц, как реалии, с вычленением их в тексте как требующих адаптации нередко возникают проблемы. При восприятии текста на иностранном языке переводчику, которому в большинстве случаев эти единицы понятны, бывает трудно оценить их известность или понятность с точки зрения получателя перевода. Он их часто просто не фиксирует, не замечает того, что они требуют какой-либо адаптации.

Несколько иначе дело обстоит с аллюзиями. Там, где аллюзивная основа переводчику понятна, все может происходить так же, как с реалиями. Там же, где сам переводчик не знает прецедентной основы аллюзии, он эту

аллюзию не распознает и ограничивается переводом содержащихся в оригинале эксплицитно выраженных единиц.

Еще более сложная ситуация возникает, когда необходимость в прагматической адаптации вызывается различиями в менталитете носителей ИЯ и ПЯ, обусловленными различиями в языковых, когнитивных, концептуальных картинах мира, в аксиологических системах. Для того чтобы увидеть и понять эти различия и найти способы их преодоления, переводчик должен не только обладать знаниями об этих картинах и системах, но и уметь переключаться между ними, погружаясь попеременно то в одну, то в другую. Если таких знаний или такого умения нет, необходимость в прагматической адаптации не будет переводчиком воспринята – что, судя по всему, и произошло в описанном случае.

В целом с точки зрения перевода проблемы межкультурной коммуникации можно разделить на три группы:

1. Прежде всего это наличие в тексте единиц, которые называют нечто, отсутствующее в воспринимающей культуре и, следовательно, не имеющее названия в переводящем языке. Это реалии и безэквивалентная лексика, отражающая различия в членении и категоризации мира.

2. Вторая группа проблем связана с единицами и целыми отрезками текста, понимание которых предполагает наличие определенных фоновых знаний, связанных с бытом, историей, культурой и особенностями образного мышления носителей исходного языка. Сами эти факты и явления в тексте могут быть или не быть названы. Но при этом в тексте есть что-то, так или иначе к ним отсылающее (метафоры, сравнения, аллюзии и т. д.). И хотя сами имеющиеся в тексте языковые единицы могут иметь в переводящем языке устойчивые соответствия, использование их в переводе не позволяет получателю, имеющему другие фоновые знания, понять смысл сказанного. Иногда весь текст может представлять собой метафору или аллюзию.

3. Третья группа проблем связана с теми особенностями национального мышления, которые могут вообще не находить отражения в единицах плана выражения, однако при этом оказываются чрезвычайно важными (а иногда и ключевыми) для понимания текста. Это особенности национального мышления, присущая народу система ценностей, нравственных норм и сформировавшиеся под их влиянием особенности национальной психологии. Сюда же относятся и конвенциональные нормы общения.

И восприятие, и решение этих разных групп проблем сопряжено с различными по своей природе трудностями и ставит перед переводчиком совершенно разные задачи.

1. Наиболее простой и решаемой на чисто “техническом” уровне оказывается проблема передачи реалий и безэквивалентной лексики. Пути и способы преодоления этих трудностей более всего изучены и подробно описаны в работах по переводоведению – что, впрочем, не помешало С. Влахову, одному из авторов ставшей классической работы

«Непереводимое в переводе», усомниться в возможности стопроцентного успеха любой прагматической адаптации и задаться вопросом о переводимости переводимого [1].

2. Проблемы второй группы требуют от переводчика не только знания тех фактов исходной культуры, которые косвенно представлены в тексте и известны (и потому понятны) носителям исходного языка, но и умения ввести в текст необходимые дополнительные семантические опоры или же изменения, позволяющие носителям переводящего языка либо понять, к чему и зачем автор отсылает читателя, либо соотнести написанное с аналогичными явлениями в своей культуре. Проблемы, встающие перед переводчиком при передаче прецедентности и интертекстуальности, подробно описаны О. А. Леонтович [3]. И в их числе – условия распознавания интертекстуальности самим переводчиком.

3. Сложнее всего дело обстоит с третьей группой проблем. Прежде всего это вызвано тем, что лежащие в основе этих проблем национально-культурные различия в тексте материально не выражены. Переводчик может просто не заметить того, что события и поступки, вполне естественные или легко объяснимые с точки зрения носителя исходного языка, могут быть восприняты как нелогичные, немотивированные, а потому и непонятные носителями языка переводящего. Если американскому читателю ситуация, в которой герой Стейнбека отказывается в праздничный день выйти в халате к *back door* (задняя дверь), а вместо этого предлагает выйти к *front door*, то при дословном переводе (парадная дверь) без всякой адаптации русскоязычный получатель перевода ни сути самой ситуации, ни логики персонажа понять не сможет. Переводчик же, знающий устройство и расположение домов в Новой Англии, может этого просто не заметить.

Однако даже в том случае, когда переводчик в полной мере осознает наличие таких национально-культурных различий, у него не всегда есть возможность снять противоречие между культурами в рамках текста. Возникает это обычно при переводе между языками народов с максимально различающимися культурами. В. Н. Комиссаров, ссылаясь на Ф. Вейе-Лавале, описывает яркий пример такой ситуации, когда для передачи прагматического потенциала краткой речи с английского языка на язык одного из конголезских племен переводчику потребовалось не только значительно эту речь расширить, но еще и петь и даже исполнять ритуальный танец [2, с. 142]. Иногда культуры так далеко отстоят друг от друга, что можно говорить о подлинной непереводимости и невозможности добиться того, чтобы получатели перевода восприняли и поняли прагматику оригинала. Лучше всего такую ситуацию иллюстрирует рассказанная Лорой Боханнан история о ее попытке пересказать и объяснить содержание «Гамлета» представителям одного из африканских племен [4]. При вполне адекватном восприятии сюжетно-событийной стороны шекспировской пьесы они каждый поступок персонажей воспринимали, толковали и

оценивали совершенно иначе. И это понимание казалось им единственно возможным, так что, по их представлениям, Лора Боханнан поняла пьесу совершенно неправильно.

В обычной переводческой практике такие ситуации встречаются нечасто. Но этот случай иллюстрирует особенность человеческого восприятия: мы все видим через призму собственной концептуальной картины мира, отраженной и закрепленной в нашем языке. И понимание того, что сказанное в тексте может быть воспринято как-то иначе, а поэтому для достижения адекватности перевода нуждается в прагматической адаптации, требует целенаправленного формирования у студентов межкультурной компетенции. А это предполагает не только сообщение им той информации, которая обычно предусмотрена программой курса «Основы теории межкультурной коммуникации», но и целый ряд шагов, которые студенты должны под руководством преподавателя сделать, чтобы пройти от того, что К. Вашик [5] называет состоянием невежества (по отношению к чужой культуре) через релятивизацию собственных культурных моделей интерпретации до интеграции межкультурных конструктов в собственное повседневное мышление. Иначе говоря, от знания через понимание и осмысление до аккомодации схем восприятия.

В своей статье с красноречивым названием «Intercultural competence – a continuous challenge for translators and interpreters» (Межкультурная коммуникация – постоянный вызов для переводчиков (*перевод мой – О. П.*)). К. Вашик и С. М. Кибардина предлагают 8 таких шагов и выделяют 4 области процесса формирования межкультурной компетенции. Реализация всех этих шагов, конечно же, далеко выходит за рамки предусмотренного учебными планами и программами времени и предполагает серьезную работу самого будущего переводчика над формированием у себя межкультурной компетенции. В рамках учебного процесса мы не сможем сделать студента бикультурной личностью. Но, бесспорно, одно: без осознания студентами различий между культурами и без развития у них способности воспринимать не только текст, но и мир за текстом с точки зрения носителей разных культур мы не сможем сформировать межкультурную компетенцию на таком уровне, который необходим для профессионального переводчика.

Список использованных источников

1. Влахов С. Переводимо ли переводимое? // Литература и перевод: проблемы теории. Международная встреча ученых и писателей. Москва. 27 февраля – 1 марта 1991 г. М.: Прогресс; Литера, 1992. С. 323-330.

2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. 424 с.

3. Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.

4. Bohannan, Laura (1966) "Shakespeare in the Bush. An American anthropologist set out to study the Tiv of West Africa and was taught the true meaning of Hamlet" Natural History 75: pp. 28-33

5. Waschik K. W., Kibardina S. M. Intercultural competence – a continuous challenge for translators and interpreters // Olga V. Petrova, Vadim V. Sdobnikov, Klaus W. Waschik (Eds.). Teaching Translation and Interpreting. Approaches and Methods. – Landsspracheninstitut in der Ruhr-Universität Bochum. – BUSKE, 2020. pp. 151–161.

УДК 81.373

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

Е. Ю. Пишкова,
к.филол.н., доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
С. В. Васько,
обучающийся, кафедра прикладной лингвистики,
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматривается использование терминологии для обозначения различных процессов, услуг и понятий в сфере международного туризма. Английский язык как язык международного делового общения значительно влияет на формирование профессиональной лексики в данной сфере, в то время как русский язык сохраняет свои уникальные особенности и традиции, что также отражается на восприятии и использовании терминов в контексте как внутреннего, так и международного туризма. Это подчеркивает необходимость глубокого анализа и сопоставления англоязычных и русскоязычных терминов для выявления их специфики функционирования.

Ключевые слова: терминология, термин, терминосистема, международный туризм.

Summary. The article examines the use of terminology in the field of international tourism, which plays a key role in the designation of various processes, services and concepts. English, as the language of international business communication, significantly influences the formation of professional vocabulary in this field, while Russian retains its unique features and traditions, which also affects the perception and use of terms in the context of both domestic and international tourism. This highlights the need for in-depth analysis and comparison of English and Russian-language terms to identify their specific functioning.

Key words: terminology, term, term system, international tourism.

Изучение любой науки непосредственно связано с овладением ее терминологического аппарата. Термины характеризуют суть научных открытий, отражают содержание развивающихся областей знаний, передают вновь созданные и существующие в науке и технике понятия, служат названием новых предметов, явлений, процессов, приборов, приспособлений и устройств. Без понимания терминов невозможно успешное управление знаниями, и это особенно актуально для множества глобальных сфер. Понимание теоретических предпосылок, лежащих в основе изучения терминологии, позволяет углубленно осмыслить ее роль в коммуникации и научном дискурсе.

Терминология – это раздел языкознания, который изучает систему

специализированных слов и в ыражений, используемых в определенных областях знания. Терминология как самостоятельная наука появилась в первой половине XX века. Её основателем считается выдающийся австрийский ученый А. Вюстер, который в 1931г. защитил докторскую диссертацию под названием «Международное нормирование языка в технике и электронике», заложившей основы науки о терминах [5, с. 1136-1142].

Терминология становится особенно актуальной в условиях глобализации и научного прогресса. В современном мире существует большое количество специализированных областей, каждая из которых требует строгой и точной передачи информации.

Терминология существует в рамках определенного контекста, будь то научный, технический или профессиональный. Контекстуальность терминов предполагает, что значение термина может меняться в зависимости от области применения. Например, термин «модель» в математике и в психологическом исследовании имеет разные значения, что подчеркивает важность изучения специфики терминов в их родной области.

Кроме того, в языке существуют слова, значения которых специфичны для определенной области знаний. Эти слова называются терминами. В отличие от общепринятых слов, термины имеют узкое и четкое значение, что позволяет избежать амфиболий и недоразумений. Другими словами, термин – это слово или словосочетание специального (научного или технического и т.д.) языка, созданное для точного выражения специализированных понятий и обозначения конкретных предметов» [1].

Одним из ключевых свойств термина является его определенность: термины должны иметь однозначное значение, что особенно важно в научных и технических контекстах, где неясность может привести к ошибкам и недопониманию. Стилистическая нейтральность также играет важную роль, так как у терминов должны отсутствовать побочные значения, которые могут отвлекать внимание специалиста [2, с. 234-237].

Для формулирования термина очень важны прагматические требования, которые обычно включают в себя: интернациональность, то есть стремление к единой форме и совпадению значений терминов в разных языках, внедренность в профессиональную коммуникацию, современность, что подразумевает под собой замену устаревших терминов новыми эквивалентами, благозвучность и эзотеричность (намеренная недоступность для неспециалистов) [3, с. 18-21].

Терминосистема представляет собой совокупность терминов, обеспечивающих номинацию основных понятий определенной области знаний и сферы деятельности, связанных между собой логическими, семантическими и иным и отношениями [4, с. 190-195]. В терминосистеме термины взаимосвязаны и подчинены определённым закономерностям, что придаёт структуру и порядок.

Наиболее интересной сферой изучения терминосистемы является

международный туризм как одна из самых динамично развивающихся отраслей экономики любой страны. Терминосистема международного туризма охватывает широкий круг понятий, связанных с различными аспектами путешествий, от организации поездок до культурных практик и услуг. Развитие международного туризма, сотрудничество между отечественными и зарубежными компаниями напрямую требуют перевода терминов и составления отраслевых терминологических словарей.

Терминосистема международного туризма представляет собой совокупность терминов и понятий, связанных с данной сферой, которые необходимы для точной и эффективной коммуникации между специалистами, работающими в области туризма, а также для понимания и использования туристических услуг потребителями. Классификация терминов в этой терминосистеме основывается на различных критериях, что позволяет глубже понять структуру и функции терминов в международном туризме.

Одним из основных критериев классификации является функциональный подход, который делит термины на общие и специализированные. Общие термины являются общеупотребительными и известны широкой аудитории, например, «туризм», «туры», «отпуск», «путешествие» понятны и доступны любому человеку, даже не связанному с индустрией туризма.

Специализированные термины, напротив, относятся к узкому кругу профессионалов и включают в себя понятия, нуждающиеся в специфическом контексте для полного понимания. Их использование часто ограничивается только профессиональным дискурсом, что может затруднить понимание обычного человека.

Одним из общих ключевых терминов в терминосистеме международного туризма является "туризм" как таковой. Он подразумевает перемещение людей из одной локации в другую с целью отдыха, развлечений или деловых поездок. Этот термин представляет собой комплексное явление, включающее множество аспектов: экономические, культурные и социальные. В английском языке используется слово "tourism", которое также охватывает эти же аспекты, однако стоит отметить, что его использование в различных контекстах может варьироваться.

В мировых исследованиях часто упоминаются специализированные термины, такие как "экотуризм" (eco-tourism) или "культурный туризм" (cultural tourism), что демонстрирует гибкость и разнообразие терминов, входящих в эту категорию.

Следует также обратить внимание на формирование нового специализированного термина и концепции. Появление "глэмпинга" (glamping) как комбинированной формы кемпинга и люксового отдыха демонстрирует, как индустрия туристических услуг отвечает на запросы новых поколений. Этот термин активно используется как в русском, так и в английском языках.

Следующим важным термином является "гостиничная индустрия" (hospitality industry), охватывающая все услуги, связанные с размещением и обслуживанием клиентов в сфере туризма. В русском языке эквивалентом может служить термин "гостиничное хозяйство". Этот термин играет существенную роль в формировании национальной экономической политики в области туризма, так как именно гостиницы, рестораны и другие учреждения напрямую влияют на привлекательность региона для иностранных туристов. Напротив, в англоязычном контексте термин "hospitality" также подразумевает более широкий спектр услуг, что может включать в себя не только размещение, но и различные виды досуга и развлечений.

Кроме того, стоит выделить термин "глобализация" (globalization). Глобализация в контексте международного туризма подразумевает не только увеличение потока туристов, но и культурные, экономические и социальные изменения, происходящие в принимающих странах. Глобализация связана с процессами стандартизации услуг, однако она также несет с собой риск потери локальной идентичности и культурного разнообразия. Интересно отметить, что в русском языке термин "глобализация" часто используется в контексте обсуждения негативных последствий, таких как утрата культурного наследия и усиление экономической зависимости, в то время как в английском языке "globalization" может акцентироваться на положительных аспектах, таких как доступ к новым рынкам и культурному обмену. Это различие в употреблении может отражать разные культурные и исторические контексты, в которых используются эти термины, что важно учитывать при анализе международного туризма.

Технологический прогресс также внес свои коррективы. С развитием интернета и мобильных приложений появились новые термины, такие как "digital nomad" или "smart tourism", которые описывают новые формы организации путешествий. Русский язык адаптирует эти концепции, часто сохраняя оригинальные английские термины – это может быть как преимуществом, так и недостатком. С одной стороны, использование английских терминов позволяет сохранить их значение и контекст, с другой – может привести к недопониманию или искажению представлений о термине.

Следует отметить важность понимания контекста, в котором используются термины. Например, слово "гид" может использоваться как общее обозначение для человека, который сопровождает туристов, но в специализированных кругах это понятие может подразумевать наличие определённых квалификаций, лицензий и навыков, что значительно углубляет его значение. Поэтому терминология в туризме требует не только знания самих слов, но и понимания их места и роли в профессиональном контексте.

Процесс адаптации терминов демонстрирует, как культурные различия

формируют их значимость. Например, термин "all-inclusive" в англоязычной практике подразумевает пакетное предложение, которое включает в себя все услуги, связанные с отдыхом. В России этот термин также активно используется, однако его интерпретация может варьироваться, ведь в русской культурной традиции особое значение придается вопросам питания и организации досуга. Таким образом, даже при наличии одинаковых терминов существует вероятность различий в их понимании и восприятии.

Таким образом, функционирование терминов в сфере международного туризма представляет собой сложный и многогранный процесс, который отражает как глобальные, так и локальные особенности данной индустрии. Терминосистема международного туризма включает как общеупотребительные, так и специализированные термины, каждый из которых имеет свое значение и контекст применения. Важно отметить, что терминология туризма не ограничивается лишь лексическими различиями, она также отражает культурные и экономические реалии разных стран. Применение тех или иных терминов может варьироваться в зависимости от культурных традиций, особенностей восприятия и локальных контекстов, что подчеркивает значимость межкультурной компетенции для профессионалов в данной сфере.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1966.

2. Корниевская Т. К. Термин как объект исследования в лингвистике // ИСОМ. 2015. №5–1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike (дата обращения: 22.01.2025).

3. Лату М. Н. Отражение преемственности научного знания при создании единиц специализированной лексики [Текст] / М. Н. Лату // Молодой ученый. – 2011. – №10. Т.2. – С. 18–21.

4. Махницкая Е. Ю. Сущностные характеристики терминосистем социально-экономического блока / Е. Ю. Махницкая // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 63–1. – С. 190–195. – EDN LTHAAR.

5. Хакимова Г. Г. Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополя // Вестник Башкирск. ун-та. 2013. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kak-lingvisticheskaya-edinitsa-termin-v-ramkah-teorii-terminopolya (дата обращения: 22.01.2025).

УДК 130.2

НАЗВАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОСОЗНАНИЯ: КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД ЯВЛЕНИЙ С УРОВНЯ СОБЫТИЯ НА УРОВЕНЬ ОСМЫСЛЕНИЯ

***В. Е. Резеньков*[8],**

аспирант кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Название – важнейший идентификатор любого явления или объекта, содержащий в себе множество различных характеристик и смыслов. Процесс наименования является видом культурным переводом. Цель работы выявить связь процессов познания и формирования имени, названия познаваемого объекта или явления. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что название объекта познания находится в тесной связи с положением субъекта познания, его удаленности от исследуемого явления и природы познаваемого объекта.

Ключевые слова: культурный перевод, глобализация, глобальный мир, глобальная эпоха, название.

Summary. The name is the most important identifier of any phenomenon or object. It contains many different characteristics and meanings. The naming process is a kind of cultural translation. The purpose of the work is to identify the relationship between the processes of cognition and the formation of the name of a recognizable object or phenomenon. Descriptive and comparative methods are used in the work. The author comes to the conclusion that the name of the object of cognition is related to the position of the subject of cognition, his distance from the object and the nature of the object.

Key words: cultural translation, globalization, global world, global era, name.

Познание себя и окружающего мира необходимое и постоянное условие существования человека. Глубина этого процесса отличается от общества к обществу. От индивида к индивиду. Важным этапом познания любого явления и объекта является присвоение ему имени. Наименование не только выделяет предмет познания из ряда других, но и встраивает его в систему понятийных отношений – культурных, символических, смысловых, исторических и др. Назвать – значит выделить из мира и одновременно определить место в нем.

Название, имя – многосоставные семиотические конструкции. Смысловое наполнение этих конструкций динамично и вариативно. Статичность, однозначность трактовки названия говорит нам как о смерти явления для культуры, так и о том, что эпоха активного развития явления завершилась. Вокруг него установился консенсус.

Неопределенность в понимании отражается не только на смысловом наполнении, то есть на содержании понятия, но и на его форме, названии. Частая смена названий близких по смыслу понятий, которые стремятся охватить одну смысловую область, указывает на отсутствие ясного и определённого понимания предмета. Кроме того, неопределённость

[8] Научный руководитель: д.фил.н., профессор О.Р. Демидова

названия может являться следствием неоконченного формирования самого явления, которое требуется понять, назвать.

Процесс наименования и названия следует рассмотреть с точки зрения культурного перевода. Под культурным переводом мы понимаем «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/на языке одно культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [4, с. 108]. В процессе названия явления или объекта перевод осуществляется с одного уровня культуры на другой. С уровня бытования, существования и развития на уровень рефлексии, анализа и понимания. Условия подобного перевода как процесса могу существенно различаться.

Можно выделить два пути культурного перевода существующего явления в понятие, то есть нечто названное. Перевод синхронный и отложенный. Синхронный перевод связан с непосредственным осознанием современниками развивающегося явления. Для такого перевода характерна множественность названий.

Так в самом начале Первой мировой войны в российском обществе существовали и транслировались такие названия конфликта – Вторая Отечественная и германская война. Название Вторая Отечественная связано с Отечественной войной 1812 года. Похожие названия должны были подчеркнуть символическую преемственность двух войн, которые велись в оборонительных целях против агрессивной западной империи. Сопоставление названий позволяет нам понять, каким образом люди объясняли для себя эпоху, в частности начавшийся конфликт. Сто лет назад для жителей России логичней было представить начавшуюся войну в одном ряду с войнами прошедшего века, чем увидеть в ней нечто новое. Второе название войны – германская, подтверждает этот тезис. Были русско-турецкие, были русско-персидские войны, русско-японская, теперь германская. Ещё один конфликт в ряду подобных ему войн.

Отложенный перевод связан с осмыслением события постфактум. Необходимым условием такого перевода является явное и неоспоримое завершение анализируемого события или явления. Признаки подобного завершения – это существенное изменение образа жизни, культуры, политической обстановки. В наше время в российском дискурсе общепризнанным названием начавшегося в 1914 военного конфликта является «Первая мировая война». Это название лучше отражает суть и место события в мировой истории, чем многие из тех названий, которые были даны конфликту современниками. Это следствие ретроспективного анализа, возможность которого отсутствует у современников и непосредственных очевидцев.

Еще один пример отложенного культурного перевода – понятие «Средневековье». Термину «Средневековье» предшествовало понятие «темные века», который ввел Франческо Петрарка, представитель

следующей и во многом отличной эпохи – эпохи Возрождения. По мере развития науки и рационального способа познания мира термин закрепился и обозначает период после падения Западной Римской империи до падения Константинополя и эпохи Великих географических открытий. При этом смысловое наполнение термина так же менялось. Изначально негативная коннотация термина Средневековье как периода упадка после достижений Римской империи сменилась более объективным взглядом на этот большой период европейской истории. При этом сформировавшееся понимание Средневековья и его название имеют мало общего с тем способом мысли и познания мира, который был характерен непосредственно для жителей «темных веков».

Можно сделать вывод, что подлинное осознание и понимание исторического и культурного явления наступает только после его завершения и по прошествии определенного времени. В действительности и современники в состоянии понять собственную эпоху, подметить ее важнейшие черты. Так понятие «Великая Отечественная война» появилось в первые часы начала боевых действий в обращении к населению СССР Ю.Б. Левитана. Масштаб происходящих событий, тектонические изменения общественной жизни даже в самом начале своего действия являют настолько новую картину мира, что факт наступления нового времени и новой реальности становится очевиден. Вслед за этим приходит осознание и понимание правил и особенностей жизни в изменившемся мире. И новым жизненным обстоятельствам, новому порядку возникшей повседневности уже дается название.

Начавшуюся в конце прошлого века эпоху, которая продолжается до сих пор, стремились осмыслить многие исследователи. Фрэнсис Фукуяма говорил о конце истории, Мануэль Кастельс провозглашал наступление эпохи интернета. Замена «реальной» жизни виртуальной реальностью была предсказана в работе Жана Бодрийяра, посвященной симулякрам и симуляции. Для представленных выше работ характерна одна общая мысль – произошло завершение одной эпохи и начало следующей, природу которой требуется осмыслить. Помимо развития технологий важным процессом современности является глобализация.

Под глобализацией мы понимаем «современный этап интернационализации международных отношений, экономических политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью» [3].

Можно утверждать, что вокруг восприятия современной эпохи как эпохи глобальной сложился определенный консенсус. Глобальный характер современности, обеспеченный движениями капитала, информации и людей едва ли возможно отрицать. Дискуссии ведутся вокруг положительных и отрицательных сторон глобализации, механизмах и степени ее влияния. Но сам факт глобализации никем не отрицается. «Международная торговля, телекоммуникации, международные финансы, деятельность

транснациональных корпораций, техническое и научное сотрудничество, культурный обмен новых типов и масштабов, миграция и потоки беженцев, отношения между бедными и богатыми странами мира» [5] – все это носит глобальный характер. «Глобальный мир», «глобальная эпоха» предстают в качестве достаточно емких названий нашего времени. Они охватывают значительную часть его характерных черт. Коль скоро глобализация кардинально изменила жизнь большинства людей, культур и народов, то можно говорить о появлении нового человека – человека глобальной эпохи, непосредственного обитателя глобального мира. Его природа и особенности заслуживают пристального внимания и изучения. Обсуждение и анализ процессов глобализации, активное использование этого термина свидетельствуют о том, что процесс культурного перевода этого явления из мира повседневности в мир идей и осмысленных концепций крайне востребован культурой и обществом и в ближайшее время не завершится.

Список использованных источников

1. Артановский С. Н. Глобализация и де-глобализация // Вестник СПбГИК. 2011. №4. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-de-globalizatsiya (дата обращения: 21.01.2025).

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

3. Глобализация Большая российская энциклопедия – электронная версия. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/sociology/text/2364517 (дата обращения 20.01.2025).

4. Демидова О. Р. Культурный перевод как пространство деконструкции //Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал». –2020. – С. 74 - 80.

5. Дробот Г. А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ponyatie-etapy-protivorechiya-otsenki (дата обращения: 21.01.2025).

6. Кастельс Мануэль. Галактика интернет: Размыщления об Интернете, бизнесе и обществе; [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В Харитонова]. – Екатеринбург: У-фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2004.- 328 с.

7. Лярский В. Б., Фахретдинов Р. И. «В память русской Германской войны»: песенник артиллериста Талашова // Антропологический форум. 2019. №40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/v-pamyat-russkoy-germanskoy-voyny-pesennik-artillerista-talashova (дата обращения: 20.01.2025).

8. Мартыненко С. В. Глобализация и культура // Социально-гуманитарные знания. 2008. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-kultura-1 (дата обращения: 21.01.2025).

9. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек; [пер. с англ. М. Б. Левина]. –М.: АСТ, 2015.– 259 с.

УДК 821.161.1

РЕАЛИИ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И ИХ ПЕРЕВОД НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

И.В. Саркисян,
к.филол.н., доцент кафедры зарубежной литературы,
Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, Ереван

Аннотация. В статье рассматриваются переводы «Капитанской дочки» А.С. Пушкина на армянский язык, сравниваются тексты оригинала и переводов с точки зрения передачи и стилистического соответствия реалий, проанализированы способы перевода реалий на армянский язык.

Ключевые слова: реалии, перевод, национальный колорит, язык, оригинал, транслитерация, калькирование.

Summary. The article examines the translations of "The Captain's Daughter" by A.S. Pushkin into Armenian, compares the texts of the original and translations from the point of view of transmission and stylistic correspondence of realities, analyzes the ways of translating realities into Armenian.

Key words: realities, translation, national color, language, original, transliteration, tracing.

«Капитанская дочка»» изобилует реалиями, которые являются важнейшей составляющей частью языка повести и свидетельствуют о особенности авторской стилистике, которую важно передать при переводе. В произведении встречаются бытовые (наименования еды, одежды, единицы денег и меры, средства передвижения и т.д.), исторические (звания, титулы, обращения, сословия) и географические реалии. Перевод реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия оригинала. Для анализа приемов их передачи на армянский язык были взяты переводы выполненные С. Сукиасян [5] и А. Ованесяном [4].

При передаче реалий на армянский язык переводчик чаще всего использует транслитерацию, калькирование, описательный перевод и приближенный перевод. При переводе общественных и исторических реалий переводчик обращается к транслитерации, что помогает сохранить национальный колорит произведения, хотя иногда усложняет восприятие текста читателем:

Оригинал	Перевод С. Сукиасян	Перевод А.Ованесян
капрал	կապրալ	կապրալ
верста	վերստ	վերստ
поручик	պորուչիկ	պորուչիկ
урядник	ուրյադնիկ	ուրյադնիկ
ротмистр	ռոտմիստեր	ռոտմիստեր

В некоторых случаях, для передачи исторических реалий и создания у читателей правильного представления о данной реалии переводчики находят близкие по значению слова:

Оригинал	Перевод С. Сукиасян	Перевод А.Ованесян
раскольник	հերձվածող	հնաճիսական

капитан	բերդապետ	պարետ
челобитье	խնդրագիր	խնդրագիր
ямщик	կառապան	կառապան

Очевидно, что эти реалии в большинстве своем относятся к историзмам, характерным для определенного периода жизни и даже современному русскоязычному читателю не всегда понятны.

Если общественно-исторические реалии часто приближаются к терминам, то бытовые реалии, будучи принадлежностью обыденной речи языка оригинала, ничем в нем не выделяются, и это качество текста должно быть сохранено и в переводе, иначе он приобретает несвойственную оригиналу экзотичность. Именно поэтому С. Влахов и С. Флорин совершенно справедливо предостерегают: «...переводчик, решая вопрос, как ему быть со встреченной в тексте переводимого произведения реалией, должен хорошенько взвесить, что причиняет меньший вред автору и читателям: введение ли ее в неизменном виде (“инородное тело” в тексте перевода) или подстановка вместо нее слова или слов, лишенных национального, исторического и прочего своеобразия (обеднение, искажение подлинника). Наши наблюдения показали, что транскрипция реалии будет меньшим злом в тех случаях, когда на ней сосредоточено внимание читателя, когда она – не просто незаметная деталь, а в той или иной степени стоит на виду и в самом подлиннике» [2, с. 245]. Переводя бытовые реалии переводчики используют, как транслитерацию, так и калькирование:

Оригинал	Перевод С. Сукиасян	Перевод А.Ованесян
армяк	արմյակ	արմյակ
щи	շչի	շչի
сарафан	սարաֆան	սարաֆան
самовар	ինքնաեռ	ինքնաեռ

Передать полное значение реалии невозможно и в этих случаях переводчик старается компенсировать «потерю», найти близкие по значению и стилю слова. Так, например, «уха» у А.Ованесяна «ձկնապուր» (рыбный суп), «тулуп» оба переводчика удачно переводят как «քուրք» (верхняя одежда, сшитая из овчины), а «огуречный рассол с медом» - «թթվաջուր մեղրով». А.В. Федоров, справедливо отмечал: «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространенным сочетанием слов данного языка» [6, с. 182].

Неправомерно оценивать перевод исключительно с точки зрения «верности» или «неверности» оригиналу, ведь, как правило, только профессионала интересует, насколько перевод точен и верен, а для читателя важно, чтобы он был интересным для прочтения, приемлемым с эстетической точки зрения (сохранял в себе феномен художественности) и знакомил с каким-либо явлением инонациональной культуры. Л. Андрес отмечал: «В искусстве перевода, как и во всяком другом искусстве, не может

быть готовых эталонов, раз и навсегда определенных правил и решений. Не может быть единого решения и в вопросе о том, должен ли переводчик, перевыражая произведение, отделенное от нас известной исторической дистанцией, дать почувствовать современному читателю эту дистанцию и в какой мере он должен это делать» [1, с. 128].

В целом переводчики использует практически весь арсенал переводческих приемов для передачи реалий на армянский язык, что позволяет им сохранить национально-культурные и исторические особенности художественного произведения.

Список использованных источников

1. Андрес А.Л. Дистанция времени и перевод. Мастерство перевода. М.: Советский писатель. –1966 –128 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения. –1970 –349 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Том шестой /Художественная проза/. Л.: Наука. –1978 –577 с.
4. Пушкин А.С. Проза в двух томах. Том второй. Ереван: Айастан. –2003– 231 с. (на арм. яз).
5. Пушкин А.С. Сказки. Поэмы. Проза. Ереван: Луйс. –1986. –456 с. (на арм. яз).
6. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа. – 1968. – 359 с.

УДК 811.11-112

ФАНТАЗИЙНАЯ КАРТИНА МИРА РОМАНА Н. ГЕЙМАНА «THE GRAVEYARD BOOK» И ЕЕ ВОССОЗДАНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

О.Г. Скидан,
к.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология»,
Д.В. Овсянникова,
обучающаяся бакалавриата, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология»,
Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье представлен фрагмент сопоставительного переводческого анализа, направленного на выявление составляющих фантазийной картины мира романа Нила Геймана «The Graveyard Book» и приемов их воссоздания в переводе на русский язык. Неослабевающий интерес исследователей к механизмам художественного мышления, средствам создания художественной картины мира, идейно-художественного замысла текста, а также приемам их воссоздания в переводе обусловливают актуальность данного исследования.

Ключевые слова: фантазийная картина мира, окказионализмы, говорящие имена, аллюзивные элементы, приемы перевода.

Summary. The article presents the fragment of comparative translation analysis aimed at identifying the components of the fantasy picture of the world in the novel «The Graveyard

Book» by Neil Gaiman and techniques of their reconstruction in the Russian translation. The relevance of this research is due to the unabated interest of researchers in the mechanisms of artistic thinking, the means of creating the fiction world picture, its ideological and artistic concept and the techniques of their reconstruction in translation.

Key words: fantasy picture of the world, occasionalisms, speaking names, allusive elements, translation techniques.

В современном англоязычном дискурсе сказочно-фантазийные тексты встречаются не только в художественных произведениях, написанных в жанре фольклорной и литературной сказки, но и в жанре любовного романа, триллера, детектива и в текстах других литературных жанров [3, с. 244]. Роман Н. Геймана «The Graveyard Book» представляет особый интерес с переводческой точки зрения. Он является не только исключительным примером фантастической литературы благодаря наличию в нем художественного мифологизма, культурных и исторических отсылок, авторских окказионализмов (квазиреалий) и аллюзий, актуализация прагматического потенциала которых представляет определенную трудность при переводе, но и относится к жанру young adult, что ставит перед переводчиком задачу учета норм, характерных для определенной возрастной категории в принимающей культуре, а также социальных, психологических, культурных различий между получателями текста оригинала и перевода [1].

Рассуждая о приемах создания фантазийной картины мира в романе, следует отметить, что основным приемом создания интертекстуальности является аллюзия. Она несет в себе особые смысловые идеологии и контекст, которые в процессе перевода обязаны быть сохранены и предоставлены в изображенном автором видении. Для авторской поэтики Нила Геймана характерно большое количество аллюзий на классические и современные произведения литературы, сказки, мифы. Традиционные мотивы фольклорной сказки, элементы классических произведений детской литературы создают увлекательную атмосферу и обогащают текст новыми смыслами.

Отличительной особенностью романа «The Graveyard Book» является его подобие циклу сказок Редьярда Киплинга «The Jungle Book». Данное сходство можно проследить на уровне сюжета и персонажей: человек по имени Джек схож с тигром Шер Ханом, образ змея Слира отсылает читателя к Белой Кобре, а опекун мальчика Сайлес является аналогией образа Багира. Название книги также является аллюзией, однако в переводе «История с кладбищем» прагматический потенциал аллюзии не реализован.

Одним из составляющих фантазийной картины мира романа является аллюзивный антропоним. Например, для номинации древней и могущественной преступной организации используется имя Jack, входящее в состав фразеологизма – *Jacks of All Trades – Джеки-мастера-на-все-руки.* Перевод данного антропонима сопровождается также переводческим комментарием, без которого русскоязычный читатель не смог бы уловить

авторские импликации. Например, имя главного антагониста романа *Джека Фроста* заимствовано у английского фольклорного персонажа, который предстает как злой дух, а *Джек Кеч* – лондонский палач, который использовал затупленный топор для казни, стало именем нарицательным для всех палачей. Восприятие адресатом аллюзивных имен зависит от их степени известности в принимающей культуре, а также от фоновых знаний самого читателя, поэтому для глубинного понимания текста переводчику приходится давать свои комментарии, несмотря на отсутствие среди переводоведов единого мнения о правомерности подобных действий.

Следуя фольклорной традиции, Н. Гейман использует детские песенки, одна из которых становится эпиграфом ко всему произведению: *«Rattle his bones // Over the stones // It's only a pauper // Who nobody owns»* [6, с. 3]. *«Мертвый босяк // В телеге обмяк. // Был он никто, // Вы же за то // Жалкие кости// Здесь и бросьте»* [5, с. 6]. Данный отрывок взят из детского стихотворения Е. Ноэла «The Pauper's Drive», в котором затрагивается тема классового деления общества и подчеркивается, что и богатые и бедные люди – все равны перед лицом смерти. Эпиграф также перекликается с сюжетом романа, например, образ умершего бедняка из стихотворения, которого везут на погост, так как у него не было родственников для оплаты похорон, перекликается с историей персонажа Лизы Хэмпсток. Она была похоронена на неосвященной земле за пределами кладбища. Также в эпиграфе проводится параллель с именем главного героя романа *Никта Оуэнса* (*Nobody Owens*) и обыгрывается словами *nobody owns*. В переводе же данная игра слов не сохраняется: семантика слова *owns* не воспроизведена, что снизило художественную образность текста.

С помощью аллюзий Нил Гейман раскрывает главную идею своего произведения – равенства людей перед смертью. В начале произведения жители кладбища собирают совет и решают, оставить ли мальчика жить на кладбище. Несмотря на социальное положение при жизни, каждый призрак имеет право высказать свое мнение, что еще раз подчеркивает идею равенства. В тексте присутствует аллюзия на известную фразу Мартина Лютера Кинга *«There is an amazing democracy about death»* [4], которую он произнес во время своей поминальной речи, посвященной гибели четырех детей в результате теракта в баптистской церкви: *«A graveyard is not normally a democracy, and yet* ***death is the great democracy****, and each of the dead had a voice, and an opinion as to whether the living child should be allowed to stay, and they were each determined to be heard, that night»* [6, с. 15]. *«Это кладбище нельзя было назвать оплотом демократии,* ***тем не менее, перед смертью все равны****. У каждого из покойников было право голоса и собственное мнение о том, принимать ли в свои руки живого ребенка. И все непременно хотели высказаться»* [5, с. 14].

Учитывая тот факт, что даже максимально близкий к оригиналу перевод не способствовал бы в данном случае сохранению аллюзии, можно считать оправданной компенсацию, к которой прибег переводчик,

воспользовавшись другой известной фразой («Все равны мы перед смертью» [2]), принадлежащей великому грузинскому поэту-гуманисту Ш. Руставели.

Описание «магического», характеристика персонажей и главного места действия осуществляется с помощью «говорящих» имен и окказионализмов или квазиреалий. Передача заложенных автором смыслов осложняется тем, что подобные единицы являются безэквивалентной лексикой, для которой нет готовых и устоявшихся вариантов перевода. Следовательно, при переводе неизбежны потери окказиональности текста.

Явные окказионализмы, например, *the Convocation – собрание, the Order – орден*, не являются сложными для понимания вне контекста. Контекстуальные окказионализмы вне текста ясны не до конца, например, *smoke tendril voice – голос, похожий на завитки дыма, gravestone rubbing – любитель надгробий.* О значении этих слов можно догадаться, но, не зная ситуации, в которой они были употреблены, понять их смысл трудно. Наибольшее количество окказионализмов в тексте романа относится к третьей степени окказиональности (культурно обусловленные), правильная интерпретация которых в большинстве случаев без контекста и фоновых знаний невозможна. К ним, например, относится сверхъестественная способность жителей кладбища *dreamwalking – снохождение.*

В качестве основных приемов, к которым прибегает переводчик для передачи «говорящих» имен и окказионализмов выступают калькирование, описательный перевод, транскрипция, транслитерация и лексико-семантические замены. Окказионализмы, образованные сложением основ двух слов, чаще всего переводятся на русский язык как атрибутивные словосочетания, например: *day-folk – дневной народ; ghoul-song – упырья песня.* Следует отметить, что калькирование позволяет подобрать наиболее краткий и простой эквивалент, максимально соответствующий исходному слову. Прием экспликации используется для перевода некоторых волшебных способностей героев, например, *unfade – перестать блекнуть*. В случае перевода окказионализма *Visitation*, образованного добавлением суффикса *-ation*, который используется для образования существительного от глагола *visit* в значении *посещать,* переводчик объяснил особенность данной способности, воспользовавшись словосочетанием *потусторонний визит.* Описательный перевод часто снижает образность языка, делает текст перевода более громоздким, однако позволяет повысить его адекватность. Например, окказионализмы третьей степени условности тяжело интерпретировать, поэтому перевод топонима *Ghûlheim – Гульгейм, город упырей* дает читателю дополнительную информацию, тем самым облегчая понимание.

Примером удачной дифференциации, которая не нарушает адекватность перевода, служит перевод окказионализма «*burn-buttom-of-the-saucepan»,* которому было подобрано необычное соответствие в русском языке – «чад».

Имя главного героя *Nobody Owens* «говорящее» и подчеркивает одиночество мальчика. В то же время имя является оберегом, благодаря которому убийцы не могут его найти. Также данное имя символизирует свободу героя, его личность, обретенную после многих испытаний. Переводчик использовал калькирование и транскрипцию – *Никто Оуэнс* и таким образом смог воссоздать прагматику оригинала лишь частично.

При переводе имени *Mother Slaughter* (от англ. mother – мать, slaughter – резня) Е. Мартинкевич применила прием дифференциации – *Матушка Хоррор*. Несмотря на свое имя, данный персонаж является безобидным приведением старушки, которая становится частью семьи Никта, защищает и обучает его. Соответствие, которое переводчик подобрал к слову *mother,* подчеркивает, что это персонаж почтенных лет, а также отражает ласковый и добрый характер героя. В конце романа, когда главный герой приходит к могиле Матушки Хоррор, он замечает, что могильный камень так потрескался, что вместо надписи *Slaughter* осталось лишь *Laughter*. Переводчику удалось сохранить игру слов, так как междометие *хо* передает звук смеха.

Nick Farthing (от англ. nick – обмануть, украсть и farthing – грош) в переводе Е. Мартинкевич получает имя *Боб Фартинг.* Этот персонаж отбирает у учеников деньги, грабит магазины. Переводчик изменил имя данного персонажа, возможно, чтобы избежать путаницы с именем главного героя Никта. Имя Боб также может являться отсылкой к английскому выражению из воровского жаргона *bob and a magpie*, которое переводится как *шиллинг и полпенни.*

Художественный мир романа строится на основе дихотомии сакрального и профанного. Действие романа происходит в двух мирах, что можно рассматривать как художественный инструмент для развития главного героя и поиска своего истинного «я», поэтому произведение часто называют романом воспитания. Профанное пространство романа представлено миром живых людей, который полон опасности и несправедливости, но в то же время является источником новых впечатлений и знаний для главного героя. Он противопоставлен миру мертвых, который дает мальчику защиту и поддержку.

«The Graveyard Book» – это необычный пример фантастической литературы, так как автор, смешивая элементы литературы young adult, фэнтези, хоррора, детектива и приключенческой литературы, создал уникальное и многогранное произведение интересное не только с читательской, но и с переводческой точки зрения. Говорящие имена, авторские неологизмы, аллюзии требуют от переводчика глубокого понимания оригинального текста, знаний национальных и культурных особенностей, а также различных переводческих приемов, позволяющих воссоздать исходную прагматику.

Список использованных источников

1. Бармина Е. А., Мороз Ю.А., Скидан О.Г. Адаптация текстов жанра young adult

как средство актуализации их прагматического потенциала при переводе // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5(96). – С. 306-309.

2. Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре [Electronic Resource.] – Mode of access URL: http://www.serann.ru/text/vityaz-v-tigrovoi-shkure-9379 (дата обращения: 24.01.2025)

3. Тананыхина А.О. К вопросу определения понятия «сказочно-фантазийная картина мира в современной англистике» // Вектор науки ТГУ. – 2014. – No 3 (29). – С. 242-245.

4. King M. L. Jr. Eulogy for the Martyred Children [Electronic Resource.] – Mode of access URL:https://www.mesaartscenter.com/download.php/engagement/jazz-a-to-z/resources/archive/2012-2013/mlk-eulogy-for-the-martyred (дата обращения: 24.01.2025)

5. Гейман Н. История с кладбищем. Москва : АСТ, 2009. – 122 с.

6. Gaiman N. The Graveyard Book. Harper Collins e-books, 2008. – 140 p.

УДК 811

ИНТЕГРИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Л.Е. Смирнова,
к.пед.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин и физического воспитания, Медицинский университет Петровского (РНЦХ им. Б.В. Петровского), Москва

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования иноязычных коммуникативных навыков. Формальный характер коммуникативно-ориентированного общения во многом определяется отказом от системной интеграции эмоциональности в учебный процесс, что обусловлено недооценкой роли эмоционального фактора в усвоении иностранных языков. Обучение коммуникативным навыкам предполагает прежде всего коммуникативное значение: жизненность, естественность, эмоциональность моделируемых ситуаций.

Ключевые слова: интегрированное обучение, иностранный язык, коммуникация, эмоции.

Summary. The article is devoted to the problem of formation of foreign language communication skills. The formal nature of communicative-oriented communication is largely determined by the rejection of the systemic integration of emotionality into the educational process, which is due to an underestimation of the role of the emotional factor in learning foreign languages. Teaching communication skills assumes, first of all, a communicative meaning: vitality, naturalness, emotionality of simulated situations.

Keywords: integrated learning, foreign language, communication, emotions.

Глобальные геополитические и экономические события предъявляют новые требования к обучению. Растущая потребность в квалифицированных специалистах по иностранным языкам привела к тому, что преподавание иностранных языков стало ориентировано на формирование коммуникативной компетенции, которая в свою очередь успешно достигается с помощью эмоциональной включенности обучающихся.

Эмоциональный фактор в процессе изучения иностранного языка может быть применен при практической интеграции в преподавание иностранных языков. Роль и положение эмоционального фактора как необходимой части учебного процесса отражены в определении

«целостного обучения», начальном этапе становления гуманистической педагогики, интерпретирует целостность включения когнитивных и эмоциональных сил преподавателя и обучающихся [2].

Эмоциональность организации обучения иностранным языкам легла в основу многих техник (проектная работа, игровые техники). Целостное обучение по своей сути открыто. Отсутствие конкретных пошаговых разработок дает педагогу простор для творчества. Такое сочетание и вариация развивают и стимулируют единое восприятие учебного материала. Учебный материал рассматривается и представляется как целостный, то есть усвоение происходит одновременно на уровне трех областей: эмоциональной, когнитивной и психомоторной. Целостное обучение активирует и вовлекает обучающихся, так что их «когнитивные» навыки реализуются в процессе обучения, это опыт, идеи, интересы. В процесс обучения интегрированы следующие элементы: восприятие с помощью органов чувств (включая слух, зрение, вкус, обоняние, прикосновение), движение (мимика, жесты, двигательные навыки) [1].

Особую роль играет музыка, что объясняется способностью зрительных и слуховых стимулов вызывать определенные эмоциональные состояния. На практике «эмоциональное» влияние музыки используется для мотивации, снятия эмоционального напряжения и скованности, стимулирования когнитивных и ассоциативных процессов и, в конечном итоге, языковой активности учащегося в процессе обучения.

Современная тенденция целостного обучения включает выявление, описание и практическую систематизацию индивидуальных методов и форм работы и основана на сочетании следующих формах интеграции:

1) языка и образов,

2) речевых и музыкальных ритмических элементов;

3) языка и движения;

4) речи, музыки и движений;

5) голоса, музыки и изображений;

6) речи, музыки, положительных эмоций и слуховых, визуальных и кинетических (моторных) представлений в предлагаемых путешествиях (фантазия);

7) языка с элементами ситуаций естественного общения (зрительный контакт, действия, эмоциональное участие, мимика, жесты, интонация и другие языковые особенности) в диалогах, ролевых играх, запросах и обмене информацией, дискуссиях и обсуждениях.

Следует отметить, что интеграция этих методик в учебный процесс вне целостного подхода, без понимания механизмов их функционирования и без учета их эмоциональной направленности, не обеспечивает достижение максимально возможной эффективности образовательного процесса.

Давайте рассмотрим некоторые формы работы на уроках иностранного языка:

- коллаж (сочетание голосов и изображений). Обучающиеся получают

большое количество фотографий знаменитостей страны изучаемого языка. Выбрав фотографии, необходимые с их точки зрения (детство, юность, ранняя карьера), они создает «картинку» и комментарии к каждой фотографии с точки зрения самой «звезды». Такая форма работы вызывает у каждого участника сильную эмоциональную реакцию и желание принимать непосредственное участие.

- песни (сочетание речевых и музыкальных ритмических элементов) – это ритмические мелодии или речитативы, используемые для запоминания словарного запаса и грамматических структур. Обучаемые поют песню, которую они знают, и демонстрируют движения, которые предполагаются в соответствии с содержанием текста.

-воображаемые путешествия (сочетание речи, музыки, положительных эмоций, слуховых, визуальных и кинестетических представлений). Музыка, звучащая после объявления цели поездки, снимает напряженность и формирует ассоциативные связи между предметом и отсутствием напряженности между обучающимися. Преподаватель воспроизводит текст, описывающий слуховые, зрительные, кинестетические, тактильные и вкусовые впечатления. Задействованные анализаторы способствуют активному усвоению вербальной информации.

Таким образом, эмоциональность урока обеспечивается содержанием учебного материала, формами работы над ним, а также ассоциативными состояниями, формируемыми фоновой ситуацией.

В настоящее время при обучении иностранному языку используются такие формы работы как: видеоуроки, уроки путешествий, интегрированный курс, круглый стол, ролевые игры.

1. круглый стол

Учебные материалы могут быть пересмотрены и дополнены преподавателем в зависимости от контингента обучающихся, языковой подготовки и области интересов. Педагогический эффект самого мероприятия минимален, если преподаватель сводит подготовку к круглому столу только к механическому воспроизведению готового текста (чтение с листа, заучивание наизусть), а само обучение проходит по строго спланированному сценарию. Роль преподавателя должна заключаться в создании среды, в которой обучающийся чувствует необходимость проявить свои качества. Обучающиеся разрабатывают программу мероприятия, выбирают других участников и украшают помещения. Эта интересная и увлекательная работа поможет сделать мероприятие вдвойне интересным, поскольку позволит всем сблизиться, проявить изобретательность, предприимчивость и креативность, осознать необходимость взаимных уступок. Выступление во время круглого стола требует, чтобы обучающиеся были очень внимательными, творческими, способными сосредоточить свое внимание, поскольку они должны следить за ходом своей речи, корректировать свои комментарии на основе предыдущих утверждений и принимать свои собственные решения во время

выступления.

2. интернет

Изучение иностранного языка – это в первую очередь обучение общению и восприятию информации. Интернет может вывести изучение иностранных языков на новый уровень в следующих областях:

а) коммуникации;

b) информации;

в) публикации.

Общение – это электронная почта, огромное количество информации размещено во Всемирной паутине, публикация поможет создать свою собственную страницу в интернете. Общение значительно упрощается и ускоряется, информация становится доступной и актуальной. Публикации в интернете имеют гораздо более широкую аудиторию, чем публикации в журнале или газете. С дидактической точки зрения преимущество интернета по сравнению с традиционными инструментами обучения заключается в доступности и актуальности аутентичных материалов, упрощении и ускорении общения. Особый интерес представляют онлайн-проекты. Интернет придает проектам больше динамизма и сдвигает их сроки. В ходе проектной работы обучающиеся применяют и развивают свои языковые навыки, получают полную информацию. Существует два типа проектов: их планирование, выполнение и результаты отличаются друг от друга, но могут соприкасаться и дополнять друг друга:

1) веб-сайт проекты;

2) проекты посредством электронной почты.

1). Обучающимся дается задание, для выполнения которого они должны найти информацию в интернете и предоставить результаты своего поиска. Тема проекта может соответствовать образовательной теме или быть полностью независимой от учебных материалов. Он должен быть интересен обучаемым и включаться в общий контекст изучения иностранного языка. Например, если вы изучаете информацию о городе или регионе, вам будет поручено составить план авиаперелета. Преподаватель должен подготовить проект; сформировать группы, составить расписание программы, продумать, какими материалами, отличными от интернета, могут пользоваться обучающиеся, найти требуемое направление и дать его им, выбрать оптимальную форму представления результатов.

2). Известно, что письменное общение улучшает беглость речи. Существует два типа письменного общения:

1) синхронный (чат);

2) асинхронный (электронная почта).

Общение по электронной почте лучше всего осуществлять в форме почтовых проектов. Проект может быть успешным, если он спланирован, тема интересна и соответствует направленности тренинга. Он проводится с участием двух или более групп обучающихся из разных стран. Преимущество проекта заключается в общении на иностранном языке с

реальными партнерами. Важно, чтобы тексты, созданные с целью передачи интересной информации их сверстникам, обсуждали актуальную проблему и демонстрировали ответственное отношение к предлагаемому тексту. Языковые навыки развиваются, и мотивация продолжать изучать иностранный язык возрастает.

3. Ролевая игра – это образовательный прием, который заставляет обучаемых свободно говорить в сложившихся обстоятельствах и выступать в роли одного из участников общения на иностранном языке. Обязательным элементом игры является разрешение проблемных ситуаций. Она улучшает мотивацию высказываний, делает их более обоснованными и эмоциональными. Ролевые игры основаны на решении задачи, обеспечивают максимальную активность коммуникативной деятельности учащихся.

Правила ролевых игр:

1) предполагается, что участники должны быть в состоянии поставить себя в ситуацию, которая может произойти в реальной жизни;

2) обучающиеся должны адаптироваться к своей роли, интерпретировать себя или играть воображаемую роль в предлагаемой ситуации.;

3) обучающиеся в ролевой игре должны вести себя так, как будто все происходит в реальной жизни, их поведение должно соответствовать их роли;

4) обучающиеся должны сосредоточиться на использовании единиц иностранного языка в коммуникативных целях.

В зависимости от цели обучения и уровня подготовки обучаемых ролевые игры могут быть организованы в парах, в подгруппах или в полной группе. В ролевых играх обучение осуществляется в действии, качество обучения улучшается, фактор мотивации вызывает интерес, особенно в плане непредсказуемости результата, дает подсказки, какие модели могут быть выражены в конкретной ситуации, и повышает эффективность качества обучения.

4. Урок – путешествие. Обучаемым предлагается выбрать свой собственный урок. Они изучают открытки, материалы, обзорные экскурсии, дизайнерские стенды, плакаты, что повышает интерес к теме и тем самым способствует лучшему усвоению материала.

5. Видеоурок имеет высокую мотивацию при изучении иностранного языка. Это эффективный способ улучшить навыки аудирования и речи, поскольку визуальная поддержка, экранный звук набора посторонних звуков, помогает более точно и полно понять их значение. Обучаемые активно совершенствуют свои навыки владения иностранным языком.

Таким образом, эмоциональная сфера, наряду с когнитивной и психомоторной сферами, обеспечивают успех учебного процесса. Совместная вовлеченность преподавателя и обучающихся отражает единство физического, умственного и психического восприятия, тем самым

обеспечивая эффективность обучения, интегрируя все области в учебный процесс.

Список использованных источников

1. Башаева С.Г., Смирнова Л.Е. Дидактические условия развития целостного мышления студентов. Монография. Ульяновск: УлГПУ, 2013. 97 с.

2. Смирнова Л.Е. Развитие познавательной мотивации студентов на основе образно-эмоциональных учебных ситуаций: теоретико-методологический аспект. Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2010.92 с.

УДК 81-112.2

ИЗ ИСТОРИИ ЛАТИНСКИХ, ГРЕЧЕСКИХ, АРАБСКИХ ПЕРЕВОДОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. В. Станевич,

к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации,

И. Г. Назарова,

к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации,

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Аннотация. В статье рассматривается история переводов медицинской античной литературы, выполненных в период Средневековья в Византии и на Ближнем Востоке. Подчёркивается значимость переводов для развития медицинской науки в целом, в то же время выявляется факт того, что в рассматриваемые период и место не были совершенны научные прорывы, сравнимые с периодом Античности в той же области научного знания. Латинский язык в рассматриваемый период остаётся доминирующим средством научной коммуникации, при этом выявляются сложные межъязыковые связи, возникающие вследствие научного и культурного обмена. Особо подчёркивается роль арабских и сирийских переводчиков в деле сохранения и распространения медицинского знания.

Ключевые слова: перевод, медицина, средневековье, латинский язык, греческий язык, арабский язык

Abstract. The article examines the history of translations of ancient medical literature made during the Middle Ages in Byzantium and the Middle East. The importance of translations for the development of medical science in general is emphasized, while at the same time the fact is revealed that scientific breakthroughs comparable to the period of Antiquity in the same field of scientific knowledge were not perfect during the period and place under review. The Latin language remains the dominant means of scientific communication, while complex inter-language connections arise due to the process of scientific and cultural exchange. The role of Arabic and Syrian translators in the preservation and dissemination of medical knowledge is emphasized.

Keywords: Translation, medicine, the Middle Ages, Latin, Greek, Arabic

История переводной медицинской литературы имеет важное значение в развитии научного стиля и является его неотъемлемой частью, так как переводы вполне выполняют те функции научного стиля, что определяются как эпистимическая, когнитивная и коммуникативная [1].

К V веку попытки создать в Западной Европе медицинскую литературу

на латинском языке, сравнимую с той, что была создана во II веке по-гречески, провалились. В V-VI веках те, кто знал греческий, переводили на вульгарную латынь медицинские трактаты, которые становились очень популярны. Но большинство античных источников, от Гиппократа до Галена, не были переведены. Исключение составлял Диоскорид. Широко известны были лишь «Афоризмы» Гиппократа и комментарии Галена к ним, а также комментарии византийцев. Переводы ранних работ Галена и комментарии византийцев к ним содержатся в так называемой Миланской рукописи. Эти комментарии составлены ятрософом Агнеллюсом и переведены Симплициусом в Равенне в VI веке. Это доказывает византийское влияние в северной Италии, частично Франции, того времени [3, с. 251]. Например, византийский врач Антимус (ок. 511–534 гг.) был иммигрантом при дворе обоих Теодорихов. Антимус написал трактат «De observatione ciborum» («О соблюдении диеты») на вульгарной латыни, источниками ему послужили Гален и Диоскорид. На латинский язык переводят сборники, составленные греками Орибазиусом из Пергама (325 – 403 гг.) и Александром Тралесским (482 – 562 гг.), очень популярных в раннем Средневековье. В северной Италии был переведён на вульгарную латынь Павел из Эгины (род. вторая половина VI века - ум. после 648 г.), но его влияние было меньше, чем влияние Орибазиуса и Александра Тралесского. Византийские адаптации Галена, но не сам Гален, переводились на вульгарную латынь, например, «Терапия при глаукоме». Переводились византийские учебники по практике [3, с. 253]. В целом, латинские переводы греческих комментаторов-ятрософов античной литературы были редки [3, с. 252].

Почему латинские переводчики в ранний средневековый период предпочитали переводить не оригинальный текст Галена, но более простые византийские комментарии к нему? Скорее всего, это говорит об упадке науки в Средние века, по сравнению с античностью. Становилось всё труднее встретить древнегреческий язык в Западной Европе. Например, римский общественный деятель времён правления Теодориха Великого и писатель Кассиодорус «знал греческий, но предпочитал читать греческих авторов в латинских переводах» [5, с. 120]. Переводы же с греческого были далёки от адекватности, переводчики нередко занимались перефразированием и имитацией, нежели действительно аккуратным переводом. «Переводы и парафразы были простые, соответствовали тем потребностям, что породили их, не приукрашены, по большей части, не литературны» [5, с. 121]. Такой стиль изложения мог объясняться тем, что латинские и арабские врачи и переводчики были заинтересованы не столько в существе предмета и сохранении слога, сколько в его доступном и практичном изложении для читателей.

С середины VI до середины VIII века изучение древнегреческого в Европе прекратилось или, по крайней мере, сильно замедлилось [5, с. 121]. Однако между Римом и Константинополем сохранялась коммуникация. В

Италию прибывали византийские священники, но в научном отношении Византия мало что могла предложить Западному миру [5, с. 122].

В течение 6-ти веков, и даже дольше, со времени падения Рима, не происходило значительных достижений в деле латинских переводов с древнегреческого языка.

В 1125 году произошёл перелом. Начался период многочисленных переводов, который продолжался до XIV столетия. Все работы Аристотеля по логике были переведены с греческого в 1128 г. Якобусом Клерикусом в Венеции. В Сицилии, начиная с 1160 г., были переведены с греческого два диалога Платона, «Альмагест» Птолемея и др. «Дионисиус Ареопагит» был заново переведён в 1142 и 1170 гг. Греческие манускрипты привозились из Константинополя в больших количествах и активно переводились. В особенности, это относилось к богословской литературе, но переводились также ятрософские и непосредственно медицинские труды [4, с. 123]. Великим переводчиком был итальянец Жерар из Кремоны (1114 – 1187), который во второй половине XII столетия перевел более 70-ти работ с арабского на латинский, включая труды Аристотеля, Гиппократа, Галена и Птолемея. В XII столетии, в медицинских школах Салерно и Монпелье, учились по арабско-латинским версиям Гиппократа, Галена и Авиценны. Ещё одно известное имя – византиец из Антиохии Симеон Сет, врач и переводчик XI века. Его работа по диетологии обобщила сведения из греческих, арабских, персидских источников. В греческих текстах Симеона Сета встречаются описания арабских и индийских лекарств, что говорит о взаимопроникновении различных культур. [8, с. xiii].

Завоевание Константинополя франками в 1204 г. имело большое влияние на развитие знания. Тогда греческие рукописи стали массово завозиться в Европу. Запад и Восток стали обмениваться учёными. Студенты потянулись в Грецию изучать греческий язык. Участились переводы с греческого и арабского. Вильём из Мёрбеке (род.1215?) совершил переводческий подвиг, переведя всего Аристотеля, его комментаторов, Проклуса, Галена, Гиппократа. «В общей средневековой манере Вильём придерживался строгого буквализма, калькировал греческий синтаксис, иногда вводил несуществующий в латинском языке артикль, строил неологизмы» [2].

Переводческая стратегия меняется в этот период. Теперь переводили не приблизительно, переводилось каждое слово, каждая фраза, каждое греческое или арабское слово заменялось соответствующим латинским, некоторые специальные термины оставлялись на греческом или арабском языке, т.е. заимствовались. Средневековые переводы не ставили своей целью литературную красоту, поэтому их слог напоминал профессиональный жаргон [5, с. 125]. Свидетельство не лучшего литературного качества средневековых переводов даёт Темкин, изучавший рукописи переводов Галена в библиотеке Британского музея: «[они]…настолько бесцветны и лишены индивидуальности и…настолько

руководствуются принципом схематических делений и подразделений, что их греческое происхождение кажется мне недоказанным, несмотря на появление имени Хунаина как переводчика» [цит.по 9, с. 103].

В истории медицины невозможно не отметить вклад арабских переводчиков. В отличие от византийцев, арабы не могли опираться на древнюю медицинскую традицию. Но они делали сознательные усилия по включению этой традиции в свой культурный багаж. К X веку почти все сочинения Галена уже имелись на арабском языке [4, с. 234].

В XII-XIII веках древнегреческая наука становится широко известна благодаря переводам на средневековую латынь с арабского языка. За редким исключением, прямое обращение к древнегреческим источникам не происходило до эпохи Возрождения [6, с. 54].

Переводы греческих материалов ***на арабский язык и с арабского*** на латинский имеют огромное значение для распространения и развития знания. Науки были рождены на древнем Ближнем Востоке. Оттуда они были восприняты и развиты дальше древними греками. Науки процветали в греко-римском мире до конца античности, затем пришли в упадок в христианском мире. После арабских завоеваний VII века они были восприняты мусульманами, в частности, благодаря переводам IX и X веков греческих текстов на арабский. В арабскую традицию многое было передано из Александрии, минуя Константинополь [19, с. 106]. Например, сирийские и арабские авторы IX и X веков часто цитировали Павла из Эгины, практиковавшего в Александрии, и не только его. Суждения Стефана из Византии (610–641 гг.?), упоминавшегося также как Александриец, по уроскопии цитировались, в частности, знаменитым врачом IX - X веков Мухаммадом ибн Захария аль-Рази (**865-925 гг.**).

В истории арабских переводов значительна роль *сирийских посредников*. К VI веку сирийские переводчики, часто монахи, которые изучали медицину в Александрии, стали лидерами переводческого движения на Ближнем Востоке. Аль-Яхиз (781-868 гг.) в своей «Книге анналов» хвалит византийцев за достижения в философии и науках, в т.ч. медицине. В другой же книге, «Ответ христианам», он утверждает, что византийцы выдают за свои достижения древних греков [6, с. 39]. С VIII по X век в Багдаде сирийцы перевели на арабский Аристотеля, Платона, Гиппократа, Галена. Многочисленные переводы Галена на сирийский служили учебной литературой. Гарвей изучал сирийские тексты Иоанна Эфесского (507-588 гг.) [8, с. xiii]. Труд по анатомии языка «De motibus liquidis» Немезиуса из Эмезы в Сирии (вторая половина IV века) представляет собой латинский перевод, история которого прослеживается через арабский перевод к сирийскому первоисточнику, который, в свою очередь, опирается на работу Галена [7, с. 4]. Настолько сложны и запутаны были лингвистические и научные связи. Известно имя переводчика Сергия Решайнского (умер в Константинополе, 536 г.). Он переводил с греческого на сирийский медицинскую и философскую литературу. Во многом

благодаря его переводам сирийские и арабские врачи могли узнать учение Галена. Он посетил Александрию в начале VI века [9, с. 101]. Родившись в Антиохии, он изучал медицину в Александрии, затем стал врачом в Решайне, на границе с Сирией [7, с. 13]. В XVI столетии сирийский врач Давуд Аль-Антаки составил свой медицинский компендиум, основываясь как на средневековых арабских авторах, так и на древних греках. Для этого он специально выучил греческий язык [6, с. 57]. В случае необходимости более внимательного прочтения, переведённая работа могла переводиться заново. Так, Диоскорид был заново переведён на арабский, не потому что прежний перевод устарел, а чтобы получить более детальную ботаническую информацию [6, с. 57].

Отдельно стоит остановиться на враче и переводчике Хунайне ибн Исхаке (IX век). Он известен переводами с греческого языка на сирийский и арабский, выделяясь прекрасным слогом на общем фоне туманных переложений [9, с. 102]. В поисках рукописей Галена Хунаин ибн Исхак посещал Месопотамию, Сирию, Палестину, Египет [9, с. 107]. Его собственная работа «Вопросы» является своего рода новаторской, в чём-то отходя от идей Галена [9, с. 104]. Неизвестно, были ли переведены «Вопросы» Хунаина на греческий язык, но существует их латинский парафраз [9, с. 106].

В Исфахане, в XI веке, Авиценна основал свою медицинскую систему и философию на основе учения Аристотеля. После этого эра научного расцвета исламского мира постепенно приходит в упадок. Европа подхватила знание, благодаря переводам и адаптациям с арабского на латинский язык. Мавры привезли в Испанию труды Авиценны и арабские переводы древних греков. К XI веку арабские представления глубоко проникли в византийскую медицину, а в XIV – XV веках византийские мыслители во множестве появились в Западной Европе с древними рукописями, вследствие падения Константинополя в 1453 г. под ударами Оттоманской империи. В этот период произошёл особенно значительный вклад Византии в развитие европейской науки [6, с. 33-34].

Итак, можно заключить, что византийцы, арабы и сирийцы сохранили прочные основы знания, заложенные в древности, что позволило в дальнейшем, в странах Западной Европы, восстановить их и развить. Латинский Запад приобретал медицинское знание «медленным путём переводов» древней литературы [9, с. 111]. Сначала оно концентрировалось в монастырях, затем возникла светская школа в Салерно, затем медицинские факультеты в средневековых университетах, а затем перевод с античных языков заменился переводом на национальные языки. Но роль, которую сыграли переводы медицинской литературы, не может быть переоценена. «Мы не можем не восхищаться живучестью греческой мысли и полезностью латинского языка» [5, с. 129].

Список использованных источников

1. Валеева Н. Г. Введение в переводоведение : курс лекций / Н. Г. Валеева. -

Москва: изд-во РУДН, 2006. - 85 с.
2. Вильем из Мёрбеке. Большая Российская энциклопедия. https://bigenc.ru/c/vil-em-iz-miorbeke-8e9b45
3. Baader G. Early Medieval Latin Adaptations of Byzantine Medicine in Western Europe // Dumbarton Oaks Papers. - 1984. - № 38. - P. 251–259. https://doi.org/10.2307/1291509
4. Lieber E. Asaf's "Book of Medicines": A Hebrew Encyclopedia of Greek and Jewish Medicine, Possibly Compiled in Byzantium on an Indian Model // Dumbarton Oaks Papers. - 1984. - № 38. - P. 233–249. https://doi.org/10.2307/1291508
5. Lockwood D. P. Two Thousand Years of Latin Translation from the Greek // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. - 1918. - № 49. - P. 115–129. https://doi.org/10.2307/282998
6. Mavroudi M. Translations from Greek into Latin and Arabic during the Middle Ages: Searching for the Classical Tradition // Speculum. - 2015. -№ 90(1). - P. 28–59. http://www.jstor.org/stable/43577272
7. Nutton V. From Galen to Alexander, Aspects of Medicine and Medical Practice in Late Antiquity // Dumbarton Oaks Papers. - 1984. - № 38. - P. 1–14. https://doi.org/10.2307/1291489
8. Scarborough J. Symposium on Byzantine Medicine: Introduction // Dumbarton Oaks Papers. - 1984. - № 38. - P. ix–xvi. https://doi.org/10.2307/1291488
9. Temkin O. Byzantine Medicine: Tradition and Empiricism // Dumbarton Oaks Papers. - 1962. - № 16. - P. 95–115. https://doi.org/10.2307/1291159

УДК 821.112.2:81'255.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ В РОМАНАХ XIX В. НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

А.А. Стрельцов,
к.пед.н., доцент кафедры перевода и ИТЛ,
Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования и передачи геральдических терминов в художественной литературе. Материалом послужили отрывки романов XIX в. трёх известных писателей – британского, французского и американского, и их переводы на немецкий язык. Исследуемые фрагменты содержат упоминание тех или иных геральдических терминов, называющих отдельные геральдические элементы и фигуры, или служащих для описания вымышленного герба персонажа(-ей). Выявлено, что терминологические соответствия в немецкоязычных переводах встречаются реже, чем нейтральные. В отдельных случаях имели место опущения, добавления и калькирование.

Ключевые слова: воображаемая геральдика, герб, перевод терминов, художественный перевод, соответствие

Summary. The article deals with the peculiarities of usage and translation of heraldic terms in fiction. We have picked out for analysis extracts from novels of the three famous XIXth century writers: a British, a French, and an American, as well as their translations into German. Each extract has one or more specific terms, used in blazoning. We have shown that translators into German resorted to neutralisation more readily than they used equivalents. Additions, omissions and calques also occurred.

Key words: imaginary heraldry, emblem, translation of terms, literary translation,

equivalent

Ранее мы уже обращались к изучению особенностей функционирования геральдических терминов в художественной литературе, в частности [1] и [2], но рассматривали лишь их перевод с английского языка на русский. Целью настоящего исследования является выявление особенностей перевода геральдических описаний в романах XIX в. на немецкий язык.

Первым по времени написания является роман сэра Вальтера Скотта «Ivanhoe» (1819). В тексте романа есть два фрагментах, в которых представлена геральдическая терминология.

Bois-Guilbert's new shield bore a raven in full flight, holding in its claws a skull, and bearing the motto *Gare le Corbeau*. [4]

Dieser neue Schild zeigte als Sinnbild einen fliegenden Raben, der einen Schädel in den Klauen hielt und die Umschrift trug: Gare le Corbeau [7].

Переводчик на немецкий язык счёл необходимым добавить слово *Sinnbild* – символ(ическое изображение), чтобы подчеркнуть тот факт, что речь идёт о некоей эмблеме, а также передал слово *motto* – девиз – как *Umschrift*, что является ошибкой: такое значение не только отсутствует в словаре, но и едва ли такой вариант перевода можно рассматривать как контекстуальное соответствие. Сам девиз в одном случае сохранён в оригинальной форме – на французском языке.

What device does he bear on his shield? replied Ivanhoe.

Something resembling a bar of iron, and a padlock painted blue on the black shield.

A fetterlock and shakle-bolt azure, said Ivanhoe; … Canst thou not see the motto? [4]

Was für eine Devise hat er auf dem Schilde?

Etwas, das aussieht wie ein eiserner Balken und ein blaues Vorlegeschloß auf blauem Felde, ist auf den schwarzen Schild gemalt.

Ein Fesselschloß und Fesseln in blauem Felde?« sagte Ivanhoe; ... Den Wahlspruch könnt Ihr nicht sehen? [7].

Английский термин «device» в геральдике обозначает «эмблему» и «девиз». В немецком языке у слова Devise есть только значения «девиз» и «лозунг», второе не подходит по контексту, следовательно, имеет место ошибка перевода. Ещё одна ошибка допущена при описании изображения на щите: в оригинальном проведении указано, что в голубой цвет окрашен замок (*англ*. padlock, *нем*. Vorlegeschloß), но переводчик почему-то сочла нужным добавить упоминание того, что не только сам замок был голубого цвета, но и располагался он на голубом поле: голубое на голубом располагаться не может, ниже указано, что цвет щита был чёрный, следовательно, это и был цвет «поля» – фона, на котором изображены гербовые фигуры.

Мы не смогли найти слово *Fesselschloß* в словаре [3], но die Fessel – кандалы, путы, в переносном смысле – оковы является словарным

соответствием. Также правильно передано слово *Wahlspruch* – девиз.

Позднее был опубликован другой роман Вальтера Скотта «The Talisman» (1825) [8], в первой главе которого упоминается изображение на гербе: a couchant leopard – *отдыхающий леопард*, переданного на немецкий язык как *ein ruhender Leopard* [9] и девиз «I sleep; wake me not» – «Ich schlummere – weck mich nicht auf!» – «Я сплю – не буди меня». Несмотря на то, что перевод точен, в данном случае всё равно имеет место ошибка, изначально допущенная в оригинале: позы отдыхающий (couchant) и спящий (dormant) похожи, но отличаются положением головы.

В романе А. Дюма «Le Comte de Monte Cristo» [5] (1844-1846) представлено три описания гербов, одно из них – главного героя – в немецком переводе [6] опущено, указание на факт наличия герба его противника: *über der Tür des Salons ein Wappenschild* и упомянуты *die Amseln in den Wappen – мартлетки в гербе*.

В том же произведении упоминался в оригинале *les armes de la famille Spada,* в переводе на немецкий: *das Wappen der Familie Spada – герб рода Спада*. Далее следует краткое его описание: *c'est-à-dire une épée posée en pal sur un écusson ovale, comme sont les écussons italiens,* в переводе на немецкий: *ein pfahlartig auf ovalem Wappenschild ruhendes Schwert* – отвесно поставленный меч в овальном итальянском щите. Здесь необходим комментарий: *фр.* pal и *нем.* Pfal в геральдике служат обозначением одной фигуры – *столба*, фраза *расположен «в столб»* означает, что некая фигура, в данном случае *меч – фр.* une épée, *нем.* ein Schwert – расположена вертикально в середине геральдического щита – *фр.* un écusson, *нем.* Wappenschild; указана форма последнего – овал: *фр.* ovale, *нем*. oval, и даётся пояснение: *фр.* comme sont les écussons italiens; в немецком переводе данная фраза опущена. В заключении отмечается, что гербовой щит *фр*. surmonté d'un chapeau de cardinal – *нем*. darüber ein Kardinalshut – *увенчан кардинальской шапкой*. В другой главе управляюший графа отмечает деталь в изображении: surmontés d'un tortil de baron, в переводе на немецкий: darüber eine Baronenkrone – *под баронской короной*. Здесь необходимо пояснение: обычно на гербе выше гербового щита располагается шлем, часто с намётом и нашлемником, и металл (золото или серебро) и количество решетин в шлеме указывало на титул обладателя – у императора или короля их было больше, чем у герцога или князя, а у последних – больше, чем у маркиза или графа. У монархов и иных владетельных особ над гербовым щитом были короны, иногда шапки – например, княжеская или курфюрста, или церковные шапки разных цветов: у кардиналов – красная, у (архи)епископов – зелёная, и у монсеньоров – фиолетовая.

В романе Марка Твена «The Adventures of Huckleberry Finn» [10] (1884) приводится описания герба, придуманного для негра Джима Томом Сойером. Для удобства анализа мы разделим его на несколько словосочетаний:

В оригинале первая фраза *on the scutcheon we'll have a bend* передана на

немецкий язык [11] как: im Schild haben wir einen Querbalken – *на щите у нас правая перевязь*;

Во второй фразе содержится смысловая неточность: *in the dexter base, a saltire murrey* – оконечность щита не может быть «правой» или «левой, переводчик исправил её, одновременно допустив другую неточность: unten im rechten Feld ein dunkelrotes Andreaskreuz – *внизу в правом поле тёмно-красный Андреевский крест*; правое или левое поле может быть только в совмещённом гербе;

Следующее словосочетание *in the fess* опущено, дальше идёт описание собаки и цепи – *with a dog, couchant, for common charge, and under his foot a chain embattled* – unter dem ein Hund kauert und zu dessen Füßen eine zersprengte Kette liegt; средняя часть фразы в переводе опущена, поскольку не несёт особого геральдического смысла, а две другие переданы более-менее точно.

Затем в оригинале идёт перегруженная специальными терминами фраза – перечисление геральдических фигур и эмалей: *with a chevron vert in a chief engrailed, and three invected lines on a field azure, with the nombril points rampant on a dancette indented*, которую переводчик сократил: dann noch ein grüner Querbalken und in azurnem Feld eine siebenfach gezackte Krone – *затем ещё зелёная правая перевязь и в лазурном поле корона с семью зубцами*. В оригинале не упоминалась корона, а семь зубчиков указывают на баронское достоинство.

Нашлемником – *crest* должен был стать *a runaway nigger, sable, with his bundle over his shoulder on a bar sinister*: переводчик переосмыслил значение термина, и результатом стал: Gekreuzte Degen im andern Feld – *перекрещивающийся/скрещённый рыцарь/герой/воин* (?!) *в другом поле* (?!), выше него располагался drüber steht ein durchgebrannter Nigger in Zobel – *сбежавший негр в соболях* (слово *sable* в геральдике обозначает не мелкого хищника семейства куньих, славящегося своим мехом, а цвет – чёрную эмаль – *А.С.*), der mühsam sein Bündel auf der Schulter trägt – *который с трудом несёт на плече узел*, при этом полностью опущено упоминание о палке и её расположении. Непонятно, зачем переводчик использовал добавление, и как термин crest можно было отождествить с крестом: только для самоуверенного русскоязычного переводчика, не пользующегося словарями, это слово могло стать «ложным другом».

В описании герба также упоминаются *a couple of gules for supporters* – указан цвет щитодержателей, но не форма, и переводчик домыслил её: Wappenhalter: zwei Säulen – *щитодержатели: два столба*.

Также имеется девиз: *motto, Maggiore fretta, minore atto. – means, the more haste, the less speed,* переведённый почти дословно: Motto: Maggiore fretta, minore atto: Je mehr Hast, desto weniger Schnelligkeit. – *Чем больше спешка, тем меньше скорость*.

Таким образом, перевод проанализированного фрагмента, выполненный Хенни Кох (1854-1925) следует считать скорее вольным, чем

точным.

При передаче геральдических терминов на немецкий язык переводчики часто используют добавления и опущения, если считают геральдические описания в тексте малозначащими (или же испытывают затруднения вследствие недостаточного знания терминологии). Также они заменяют специальную лексику нейтральной, поскольку в немецком языке очень мало особых геральдических наименований: для указания эмалей используются названия цветов, нет отдельного слова для гербового щита – используется сложное слово: Wappenschield, слово «перевязь» является производным от «пояс» – Balken, хотя говорить о полном отсутствии терминов, в частности, для обозначения геральдических фигур, в немецком языке было бы ошибочным. Специфика английского геральдического языка определяется большим количеством заимствований из нормандского диалекта французского языка в период Высокого и Позднего Средневековья.

Список использованных источников

1. Стрельцов А.А. Трудности перевода геральдических терминов в художественном произведении // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы VII международной научно-практической конференции. Симферополь, 2023. – С. 326-331.
2. Стрельцов А.А. Блазон в прозе: особенности перевода геральдического описания в художественном произведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 121-131.
3. Лейн К. и др. Немецко-русский (основной) словарь. 5-е изд, стереот. М.: Русский язык, 1998. 1040 с.
4. Scott W. Ivanhoe [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://en.wikisource.org/wiki/Ivanhoe_(unsourced) (дата обращение 08.07. 2024)
5. Dumas A. Le Comte de Monte Cristo. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.weblitera.com/title/?id=27&l=ru&lng=4 (дата обращения: 08.07.2024).
6. Dumas d. A. Ä. Der Graf von Monte Christo. bearb. von Max Dannwitz. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.projekt-gutenberg.org/dumasalt/montchr3/chap001.html (дата обращения: 08.07.2024).
7. Scott W. Ivanhoe. übersetzt und bearbeitet von Richard Zoozmann. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.projekt-gutenberg.org/scott/ivanhoe/chap07.html (дата обращения: 08.07.2024).
8. Scott W. The Talisman. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://royallib.com/read/Scott_Walter/the_talisman.html?ysclid=ls9dml4w3q409027144#20480 (дата обращения: 08.07.2024).
9. Scott W. Der Talisman. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.projekt-gutenberg.org/scott/talisman/chap001.html (дата обращения: 08.07.2024).
10. Twain M. Adventures of Huckleberry Finn. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL:https://en.wikisource.org/wiki/Adventures_of_Huckleberry_Finn_(1885)/Chapter_38 (дата обращения : 08.07.2024).
11. Twain M. Die Abenteuer des Huckleberry Finn. Ins Deutsche übertragen von Henny Koch. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://www.projekt-gutenberg.org/twain/hucklebe/chap029.html (дата обращения : 08.07.2024).

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И ЛОКАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО КОНТЕНТА ВЕБ-САЙТОВ (НА ПРИМЕРЕ САЙТА КОМПАНИИ RWS)

Е. Е. Сухарева,

к.филол.н., доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж

С. Е. Перепечкина,

к.филол.н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируются композиционные и лингвистические особенности веб-сайтов компаний RWS и AWATERA с целью описания способов перевода текстового контента сайтов ИТ-тематики в языковой паре «английский-русский». Представлены результаты авторского перевода и локализации релевантных с точки зрения наличия переводческих трудностей разделов веб-сайта компании RWS, не имеющей русскоязычной версии. Определены лингвистические особенности сайта (с доминантой терминов ИТ-тематики) и способы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: локализация, веб-сайт компании RWS, перевод, переводческие соответствия.

Summary. The article considers compositional and linguistic features of RWS and AWATERA websites in order to describe the ways of translating the textual content of IT-themed websites within the English-Russian language pair. As the RWS company's website does not have a Russian-language version yet, the authors present their translation of certain sections of the website, relevant from the point of view of translation difficulties. Thus, the major focus of the article is linguistic peculiarities of the RWS website (dominated by IT terms) and ways of their translation into Russian.

Key words: localization, company website of RWS, translation, translation correspondences.

Сегодня одним из ведущих направлений ИТ-перевода является перевод и локализация веб-сайтов компаний, а также различных приложений для мобильных устройств – процесс, обусловленный стремлением их разработчиков или владельцев выйти на международный рынок и расширить пользовательскую аудиторию. Обеспечить компании успех на локальном рынке помогает качественная локализация ее веб-сайта, требующая от переводчика высокой квалификации.

Локализация, согласно определению Международной организации стандартизации в этой области (LIZA), является процессом, в ходе которого производится адаптация продукта к культурным и языковым особенностям принимающей аудитории [4, с. 13]. Веб-сайт характеризуется как «контаминация различных знаковых систем, семиотически неоднородных ресурсов и интерсемиотических средств для достижения определенной цели» [3, с. 30]. Многокомпонентность сайта, выражающаяся в совокупности текстовых, звуковых и графических элементов, усложняет перевод и требует поиска подходящих переводческих стратегий.

Переводчику-локализатору необходимо выполнить ряд задач – перевод интерфейса, маркетинговых материалов, статического и динамического контента, перевод и адаптация медиа-материала и др. Крайне важно при этом сохранить прагматическую функцию текста, так как осуществление коммуникации находится в прямой зависимости от прагматики (см., напр., [1, с. 210]). Основной задачей из вышеперечисленных является перевод интерфейса сайта, который заключается в замене названий элементов меню соответствующими эквивалентами на языке перевода. К числу наиболее распространенных локализационных тактик относят контекстуальный перевод, полную замену эквивалентной лексемы на культурно-адекватный вариант в принимающем языке; вынужденное разделение одного понятия на два; подбор адекватного варианта перевода, исходя из технических условий, и замену локального контента [2, с. 198].

В данной статье приводятся результаты сопоставительного анализа англо- и русскоязычных веб-сайтов ИТ-тематики, проведенного с целью выявить их характерные композиционные и лингвистические особенности. Был осуществлен перевод содержания разделов веб-сайта компании RWS, релевантных с точки зрения наличия трудностей, возникающих в процессе перевода и локализации.

Британская компания RWS является одной из лидирующих международных компаний, предоставляющих – помимо прочих – лингвистические услуги, в частности, она занимается разработкой программ машинного перевода (Trados Studio, Language Weaver, Trados Enterprise и др.). Все продукты RWS направлены на улучшение качества и оптимизацию процесса перевода, которая предполагает уменьшение финансовых и временных затрат для клиента. По состоянию на 25.01.2025 сайт переведен на ряд европейских и азиатских языков (немецкий, французский, испанский, итальянский, корейский, японский и китайский), однако не имеет русскоязычной версии, что позволяет нам предложить свой вариант перевода его текстового контента.

Цель сопоставления англоязычного сайта компании RWS с русскоязычной версией сайта российской лингвистической компании AWATERA заключалась в следующем:

а) определение композиционных особенностей и содержания разделов сайтов исследуемой тематики, созданных на английском и русском языках соответственно;

б) выявление устоявшихся лексем, называющих элементы сайта, созданного на английском и русском языках соответственно;

с) определение лингвистических особенностей текстового контента сайтов ИТ-тематики в аспекте перевода.

Анализ структуры сайтов позволил выявить определенный набор разделов, типичных для многих компаний: они призваны отражать ключевую информацию и основные направления деятельности. Для успешной локализации переводчику требуется иметь представление о том,

как традиционно переводятся подобные разделы (таблица 1).

Таблица 1. **Сопоставление меню навигации в структуре веб-сайтов**

Компания RWS	Компания AWATERA
About	О нас
Our partners	Клиенты
Services	Услуги
Industries	Отрасли
Technology / Products	Технологии
What's going on	Новости
Contact / Get in touch	Контакты
Careers	Вакансии

Поскольку целью коммерческой организации является привлечение клиентов и получение прибыли, категории меню, в которых содержится информация об услугах и продуктах, истории развития, достижениях компании и возможности связаться для дальнейшего сотрудничества, являются обязательным элементом сайта любой компании. Тем не менее можно выделить некоторые характерные особенности подобных разделов.

На сайте компании RWS присутствует отдельная страница «*Technical support»*, откуда можно перейти в другие разделы с частыми вопросами, ознакомиться с документами компании и т.д., однако потенциальный клиент не имеет возможности задать интересующий его вопрос в режиме онлайн, так как отсутствует представитель службы поддержки. На сайте компании AWATERA (и это характерно для русскоязычных сайтов) имеется онлайн-чат для взаимодействия посетителя веб-сайта и оператора службы поддержки.

В разделе *«Get in touch»* (RWS) предоставляется возможность только заполнить форму по одной из интересующих категорий и получить ответ в виде письма на электронную почту. В разделе *«Контакты»* (AWATERA) посетитель может ознакомиться с адресом компании, номером телефона, адресом и часами работы главного офиса, адресом электронной почты, а также заполнить форму для расчёта стоимости заказа. Веб-сайты обеих компаний также содержат ссылки на соцсети.

Таблица 1. Сопоставление заголовков меню веб-сайтов

Компания RWS	Компания AWATERA
Press Releases, Product News	НОВОСТИ
Customer Stories	-
Executive Team	-
Investor Relations	КЛИЕНТЫ

Разделы *«Customer Stories»* и *«Executive Team»* (см. табл. 2) характерны для многих англоязычных сайтов, но не типичны для сайтов на русском языке. На странице *«Customer Stories»*, как правило, демонстрируются конкретные примеры успешного взаимодействия компании с другими фирмами-клиентами. На сайте RWS, к примеру, представлена информация о том, как услуги, оказанные их специалистами, или разработанные компанией продукты положительно повлияли на развитие бизнеса

клиентов. В разделе *«Executive Team»* размещается информация о руководящем составе, который является визитной карточкой компании, а также – в большинстве случаев – о сотрудниках с кратким описанием их деятельности и профессиональных заслуг. Примеры, подтверждающие эффективность компании, а также прозрачность относительно сотрудников и клиентов направлены на создание привлекательного имиджа компании и повышения доверия к ней со стороны целевой аудитории.

Отметим также, что согласно английской традиции в названиях вкладок на сайте RWS именные части речи написаны с заглавной буквы, на сайте AWATERA – в соответствии с нормами русского языка: с заглавной буквы принято начинать только первое слово или писать все слово заглавными буквами.

Рассмотрим далее возможности перевода и адаптации текстового содержания веб-сайта компании RWS.

На главной странице веб-сайта расположены его название, а также главное и выпадающее меню. Так как название компании остается неизменным и не требует перевода, обратимся к элементам *главного меню*:

Localization. В этом разделе содержится информация об услугах RWS в сфере перевода и локализации, а также о разработанных компанией программах Trados Enterprise, Trados Team, Trados Studio, Passolo. В переводе заголовка можно использовать прямой эквивалент – *«Локализация»*, что делает название емким и позволит пользователю сразу узнать об одной из сфер деятельности компании RWS.

Content. Согласно выпадающему меню, в этом разделе описываются различные услуги RWS по созданию онлайн-контента или управлению им (напр., работа с текстовым и аудиовизуальным наполнением сайтов фирм-клиентов, разработка стратегий ведения веб-страниц, внедрение программ искусственного интеллекта в разработку нового контента и некоторые другие). В данном случае не представляется возможным выбрать такие варианты перевода, как *«содержание»* или *«информация»*, поскольку на русскоязычных сайтах в подобных разделах размещена общая информация о компании. Наиболее подходящим способом локализовать слово *«content»* является прием калькирования: в эпоху глобализации и активного использования новейших технологий слово *«контент»* получило широкое распространение и ассоциируется у русскоговорящего пользователя непосредственно с наполнением веб-страниц.

AI. В этой рубрике меню можно ознакомиться с программами нейронного машинного перевода, к примеру, Language Weaver. В основе подобных программ лежит технология искусственного интеллекта, следовательно, перевод названия раздела должен отражать данный аспект, поэтому предлагается использовать прямое соответствие – «*ИИ*», суть которого понятна из выпадающего меню. Можно расшифровать аббревиатуру и обозначить раздел как *«Искусственный интеллект»*, однако в условиях ограниченного пространства на панели меню более

предпочтительным является сокращенный вариант.

IP Services. «IP», или *«Intellectual property»*, в большинстве случаев переводится с помощью прямого соответствия – «*интеллектуальная собственность»*. Переходя в данный пункт меню, потенциальный клиент имеет возможность узнать больше об услугах перевода и получения патентов, а также ознакомиться с другой информацией, относящейся к сфере защиты интеллектуальной собственности. Любой из вариантов объяснительного перевода нарушит исходный формат отображения элементов меню сайта из-за расхождений в количестве символов. Использование сокращения *«ИС»* в совокупности с методом опущения слова *«services»*, позволило бы решить проблему ограниченного пространства и соответствовало бы единой концепции меню. Тем не менее данная аббревиатура не настолько распространена, как *«ИИ»*, следовательно, посетитель русскоязычной версии сайта может быть введен в заблуждение. С нашей точки зрения, в контексте сайта более уместным является использование приема конкретизации и перевода исходной фразы словом *«Патенты»*.

Industries. На веб-страницах данного раздела находятся сведения о сферах деятельности, в которых компания RWS предоставляет переводческие услуги. Слово *«industry»* иногда передается посредством калькирования, т.е. *«индустрия»*, однако такой перевод не адаптирует информацию для целевой русскоязычной аудитории. Более характерный для русскоязычных текстов вариант *«отрасли»* в данном случае является наиболее подходящим. Он подскажет потенциальным клиентам, в какой части сайта содержится информация о сферах деятельности компании.

About. Перевод элемента навигации *«About»* или *«About us»* на русскоязычных сайтах преимущественно представлен в виде фраз *«О компании»* или *«О нас»*. Поскольку в выпадающем меню раздела *«About»* посетитель сайта имеет возможность ознакомиться с общими фактами о компании, новостях, ее истории, работе в RWS и многом другом, устоявшееся соответствие *«О компании»* полностью отражает содержание всего раздела и является привычным для русскоязычной аудитории.

Get in touch. При нажатии этой кнопки на панели меню на экране появляются категории из предыдущих разделов, а затем форма для заполнения заявки. Таким образом, любой желающий может отправить свой запрос или вопрос представителю компании и получить ответ на почту. Следовательно, следует предпочесть типичное для русскоязычных сайтов словосочетание с инфинитивом глагола *«Связаться с нами».*

Рассмотрим более подробно *выпадающее меню*, структура первых четырех разделов которого совпадает и содержит заголовки: *«I'm interested in…», «Services», «Products/Tehnology», «Find out more»*.

Формулировка первого из заголовков передает значение заинтересованности потенциального клиента в какой-то конкретной теме, однако в меню русскоязычных сайтов не используются местоимения 1-го л.

ед.ч.; иногда появляется местоимение 1-го л. мн. ч. вместо названия компании в слогане или кнопке меню *«О нас»*. Так как интерес к какой-либо теме сопровождается желанием узнать больше информации, целесообразно при локализации сайта рассмотреть вариант *«Узнать о…»*. Данный вариант в большинстве случаев используется в интерфейсе сайтов, созданных для русскоязычной аудитории.

Второй и третий заголовки не представляют трудности для переводчика-локализатора, так как переводятся прямыми соответствиями – *«Услуги»*, *«Продукты/Технологии»*. Заголовок *«Find out more»* можно перевести с помощью приема опущения как *«Больше о…»* и таким образом избежать совпадения со значением первого заголовка (*«Узнать о…»*).

Для перевода были отобраны также *наиболее релевантные разделы* веб-сайта RWS, в которых представлен широкий спектр примеров для иллюстрации различных переводческих трудностей. Ввиду ограниченного объема статьи приведем лишь некоторые из них.

Пример 1. Оригинал: «*RWS Translation Services».* Перевод: «*Переводческие услуги RWS*». Словосочетание *«translation services»* возможно перевести прямым соответствием: *«услуги переводчиков RWS»* или *«переводческие услуги RWS»*, однако предпочтение отдано второму варианту, так как компания RWS предоставляет не только своих специалистов в качестве исполнителей перевода, но также предлагает самостоятельно внедрять разработанные RWS программы машинного перевода.

Пример 2. Оригинал: «*Our extensive global network of expert in-house linguists, qualified translators and specialized providers ensures a consistent and streamlined process, delivering industry-leading quality for all your translation needs».* Перевод*: «Наши опытные штатные лингвисты, квалифицированные переводчики и специалисты узкого профиля со всего мира обеспечивают непрерывность и оптимизацию процесса перевода, тем самым делая нас ведущим поставщиком качественных переводческих услуг любого рода*».

Особое внимание здесь стоит уделить переводу словосочетания *«global network»*, которое в своем основном значении относится к сфере информационных технологий и может быть передано на русский как *«глобальная сеть»* или *«всемирная сеть»*. Несмотря на частоту использования представленных соответствий, при их прочтении у носителя языка перевода возникнет ассоциация с *«глобальной сетью Интернет»* или *«Всемирной паутиной»*, хотя данный оттенок значения отсутствует в исходном тексте. Предлагаем обратиться к пояснительному переводу и использовать вариант *«со всего мира»*, чтобы исключить возможность возникновения лишних ассоциаций, но то же время сохранить элемент масштабности и сконцентрировать внимание реципиента на ключевой информации. Слово *«in-house»* традиционно передается на русский с помощью эквивалента *«штатный»*, когда в тексте идет речь о работниках

или специалистах. Словосочетание *«specialized providers»* не может быть пословно переведено как *«специализированные поставщики»*, так как будет затруднительно определить, что именно поставляется. Предлагаем прибегнуть к приему конкретизации и пояснить, что речь идет о *«специалистах узкого профиля»*.

Пример 3. Оригинал: «*Professional reviewers conduct in-depth linguistic checks that comply with leading quality assessment models*». Перевод: «*Эксперты проводят тщательную лингвистическую оценку перевода в соответствии с ведущими моделями оценки качества*».

При переводе эмоционально-окрашенного прилагательного *«in-depth»* использовать слово *«глубинный»* не представляется возможным, так как в нем заложено значение чего-либо скрытого, недоступного, а не многостороннего, подробного или детального. Чтобы избежать возникновения лишних ассоциаций и недопонимания, предпочтительнее использовать варианты *«тщательный»* или *«подробный»*. Особый интерес при локализации представляет и словосочетание *«assessment models»*, так как в русском языке слово *«model»* имеет множество переводных соответствий: *«модель»*, *«эталон»*, *«образец»* и т.д. Наиболее подходящим в данном случае видится вариант *«модель»*, так как он является составной частью словосочетания *«модели оценки качества перевода»*, которое используется в профессиональной переводческой среде.

Пример 4. Оригинал: «*Designed to speed up the translation process, improve consistency and boost productivity, Trados Studio is used by more translation professionals than any other computer-assisted translation (CAT) tool on the market*». Перевод: «*Разработанная для ускорения процесса перевода, обеспечения единообразия и повышения производительности, система Trados Studio является самым популярным на рынке инструментом автоматизированного перевода (CAT), которым пользуются профессионалы в области перевода*».

Затруднения могут возникнуть при переводе нового термина *«computer-assisted translation (CAT) tool»*, первая часть которого означает специализированное программное обеспечение для письменного перевода. *«CAT»* принято переводить на русский язык как *«автоматизированный перевод»*, поэтому переводческим соответствием для *«CAT tools»* является вариант *«CAT-инструменты»*, в котором сохраняется исходная аббревиатура, или его аналог – *«инструменты автоматизированного перевода»*. Наиболее понятным для реципиента мы считаем второй вариант, однако перевод данного понятия может отличаться в зависимости от целевой аудитории.

В качестве *лингвистических особенностей* веб-сайта RWS были выделены термины (словосочетания – 36%, слова – 12%, сокращения – 8%), общеязыковая лексика (24%), и стилистически окрашенная лексика (20%), использование которой обусловлено рекламным характером текста (большое число прилагательных, в т.ч. в превосходной степени, идиом и др.

элементов повышения экспрессивности). Основываясь на полученных данных, можно отметить, что на термины приходится большая часть рассмотренных нами примеров. Они представляют потенциальную трудность для перевода и локализации, так как отсутствует унифицированная база, в которой для каждого слова или фразы существует строго закрепленный эквивалент.

С целью определения адекватного способа перевода терминов необходимо проанализировать контекст и обратиться к параллельным текстам на языке перевода и словарям. В нашем случае использовались генерализация, конкретизация, калькирование, пояснительный перевод, опущение и прием лексических добавлений.

Определенную сложность может представлять и работа с общеязыковой лексикой, которая меняет свое значение в зависимости от контекста или является стилистически-окрашенной. В локализованной версии сайта необходимо сохранить уровень экспрессивности текста, для чего специалист может воспользоваться любыми переводческими трансформациями и преобразованиями. Решающим фактором в данном случае будет считаться выбор эквивалента, наиболее полно передающего образность и соответствующего общему стилю текста.

Выводы. Несмотря на совпадение разделов меню у сайтов, которые имеют одинаковую направленность, а также наличие в языках устойчивых соответствий, переводчику каждый раз необходимо проводить анализ всех разделов и размещенной в них информации. Более того, требуется быть осведомленным не только об особенностях культуры целевой аудитории, но и о традициях оформления сайтов на переводящем языке.

Необходимо также обладать информацией об особенностях, присущих определенному типу и стилю текста в целевой культуре, обеспечить понятность терминов, образов и культурных аспектов. Основной задачей является корректное функционирование сайта в среде представителей культуры переводящего языка, а также единообразие элементов меню и удобство пользования итоговым продуктом.

Проведенное практическое исследование показало, что большинство потенциальных трудностей перевода и локализации носили лингвистический характер. Ряд экстралингвистических трудностей, как правило, связан с отсутствием контекста и глоссариев, необходимостью сохранения длины текста, особенностями обозначения валюты, дат, времени и т.д. Успешность конечного продукта, то есть иноязычной версии веб-сайта напрямую зависит от качества решения перечисленных проблем.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. Тимко Н. В. Переводческие стратегии в рамках локализации пользовательского интерфейса программного обеспечения / Н. В. Тимко // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. – 2022. – С. 197–203.

3. Чистова Е. В. Локализация веб-сайтов в перспективе экокогнитивной транслатологии (на материале сайтов российских компаний) / Е. В. Чистова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 29–38.
4. Localisation Industry Primer, 2nd Edition // Geneva: The Localisation Industry Standards Association (LISA). – 2003. – 52 p.
6. Официальный веб-сайт AWATERA. – URL: https://awatera.com/ (дата обращения: 25.01.2025).
7. Официальный веб-сайт RWS. – URL: https://www.rws.com/ (дата обращения: 25.01.2025).

УДК 821.161.1/821.19

«ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ» ЛЕРМОНТОВА В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Р.В. Татевосян,
д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, Ереван

Аннотация. Вторую вариацию Лермонтова на тему «Солнца бессонных...» Байрона («Я видал иногда...») мы рассматриваем в двух переводах – В. Давтяна и Ф. Киракосяна. Перевод В. Давтяна отличает поэтическая точность, ему удалось передать своеобразный музыкальный рисунок стихотворения, его приглушенные краски, внутренние созвучья. В переводе Ф.Киракосяна рифмы неточные. Стремлением к лексической точности (нередко кажущейся) не могут быть оправданы утерянные музыкальность и ритм, искажение стилистики произведения.

Ключевые слова: лексическая точность, перевод, вариация, ночной пейзаж, рифмы, музыкальный рисунок.

Summary. We consider two translations of Lermontov's second variation on Byron's «The Sun of the Sleepless...» («I saw sometimes...») by V. Davtyan and F. Kirakosyan. V. Davtyan's translation is distinguished by poetic accuracy, he managed to convey the original musical pattern of the poem, its muted colors, internal consonances. In F. Kirakosyan's translation, the rhymes are inaccurate. The desire for lexical accuracy (often apparent) cannot justify the lost musicality and rhythm, the distortion of the style of the original.

Key words: lexical accuracy, translation, variation, night landscape, rhymes, musical pattern.

Вторая вариация на тему «Солнца бессонных...» Байрона, озаглавленная «Еврейская мелодия» («Я видал иногда...», 1830), отличается своеобразным музыкальным рисунком. «Впервые в русском стихосложении он (Лермонтов – Р. Т.) использовал удивительное по напевности сочетание четырехстопного анапеста (1-ая и 3-я строки каждого четверостишия) с амфибрахием (2-е строки) и трехстопным анапестом (заключительные 4-е строки)» [6, с. 157]. Напевность усилена также внутренними рифмами.

Мы сравниваем два перевода – В. Давтяна и Ф. Киракосяна. Перевод В. Давтяна можно отнести к числу наиболее удавшихся переводов лирики Лермонтова. Он был включен в трехтомное собрание сочинений [3, с. 41] и в сборник произведений, изданный в 1982 году, составитель которого,

В. Геворкян, многое переводил заново, но это стихотворение представлено в переводе В. Давтяна [1, с. 113].

Уже в нашем веке был издан перевод Ф. Киракосяна [5, с. 5].

В ночном пейзаже краски приглушены. Видно лишь то, что выхвачено из темной рамы ночи и освещено звездным лучом: блеск водной глади, его переливы, рассыпающаяся серебряная пыль:

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит. [4, с. 100]

В обоих переводах чередуются двенадцати- и девятисложные строки. В переводе В. Давтяна воссоздан мелодический рисунок оригинала, музыка стиха:

Ես հաճախ եմ տեսել, թե աստղիկը լուսե
Ջրերի մեջ ինչպես է շողում,
Նա դողում է թեթև, և փոշին արծաթե
Ծաղ տալիս ու հեռու է լողում: [1, с. 113]

Переданы внутренние рифмы в первой и третьей строках (տեսել – լուսե, թեթև – արծաթե). Последние слова этих строк, в отличие от оригинала, также созвучны (լուսե – արծաթե; звезда – прах).

Сравним с переводом Ф. Киракосяна :

Ես տեսել եմ ինչպես գիշերաստղը մեկ-մեկ
Ցոլում է լճակի հատակում,
Թրթռում շիթերում, և փոշին արծաթե
Փախչում է նրանից ու ցրվում: [5, с. 5]

Ф. Киракосян был знаком, конечно, с переводом В. Давтяна и постарался внести отдельные лексические уточнения. «Иногда» переведено В. Давтяном как «часто» (հաճախ), у Ф. Киракосяна точнее (մեկ-մեկ). По-разному, и вполне допустимо, переводится слово «залив». У В. Давтяна – в водах (ջրերի մեջ), у Киракосяна – в озере (լճակ). Вместо «блестит» В. Давтян пишет «плывет», что вполне созвучно движению отблеска звезды на водной глади. В переводе Ф. Киракосяна блеск звезды виден «на дне озера». Есть в его переводе и «струи» (շիթեր), в которых трепещет звезда, и слова «рассыпаясь» (ցրվում), «бежит» (փախչում). У В. Давтяна серебряная пыль отблескивает и уплывает. Подобный пословный анализ, выявляя в отдельных случаях бо́льшую лексическую точность перевода Ф. Киракосяна, не может стать основанием для общей оценки.

Рифмы в переводе Ф. Киракосяна неточные, не переданы и внутренние созвучия. Несомненна поэтическая точность интерпретации В. Давтяна.

Переводя вторую строфу:

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней,
Отойди ж — и заблещет она, [4, с. 100]

В. Давтян мастерски передает внутренние рифмы в первой и третьей строках (չփորձես – չուզես, կընկնի – կմթնի):

Բայց բռնել չփորձես և որսալ դու չուզես,
Խաբուսիկ են և՛ շող, և ալի՛ք:
Քո ստվերը կընկնի, աստղն իսկույն կմթնի,
Հեռացիր – կշողա նա լռիկ: [1, с. 113]

В третьей строке изменена структура предложения (Твоя тень упадет, звезда сразу потемнеет), но воспроизведена внутренняя рифма.

Ф. Киракосян повторяет вторую строку перевода В. Давтяна, точно воспроизводит синтаксическое строение третьей строки, но не ее мелодичность.

Բայց որսալ մի հուսա ու բռնել մի փորձիր,
Խաբուսիկ են և շող, և ալիք,
Քո ստվերը մթին լոկ ծածկում է նրան,
Հեռացիր և նորից կփայլի: [5, с. 5]

В заключительной строфе стихотворения переливчатая игра света и тени пейзажной зарисовки, представляющей обманчивость луча и волны, переносится на душевные переживания. И в первой строке словом «так» выделяется переход в область медитативных размышлений о недостижимости «светлой радости», о ее призрачности:

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить – он шутя убежит от тебя!
Ты обманут – он вновь пред тобой. [4, с. 100]

В. Давтян не переводит слова «так», а Ф. Киракосян выносит его в начало строки. У В. Давтяна в третьей строке, в отличие от оригинала, есть внутренняя рифма (ուզում -փախչում). Сравним два перевода:

Լուսավոր խնդության մի աննինջ ուրվական
Մեզ կանչում է ցրտին մշուշից,
Դու բռնել ես ուզում, նա հեռու է փախչում,
Դու խաբված, նա քո դեմն է նորից: [1, с. 113]

(перевод В. Давтяна)

Այդպես լույս բերկարնքի ուրվականն անհանգիստ
Դյութում է մեզ քաղցր խավարից,
Բռնիր՝ ու քրքիջով քեզանից կփախչի,
Խաբվեցիր՝ քո դեմն է նա նորից: [5, с. 5]

(перевод Ф. Киракосяна)

Интересен перевод эпитета “беспокойный”. Ф. Киракосян выбирает первое значение, семантически верное (անհանգիստ). Но насколько поэтически точнее решение В. Давтяна. Призрак у него «недремлющий». В таком выборе можно разглядеть и кивок в мир стихотворения Байрона, ставшего импульсом для лермонтовской вариации. Байрон начинает с метафоры «Sun of sleepless! Melancholy star!» (Солнце бессонных! Меланхолическая звезда). Во многочисленных русских переводах она воспроизводилась по-разному: «бессонное солнце» (И. Козлов), «солнце глаз бессонных» (А. Фет), «бессонных солнце» (С. Маршак), «бессонницы солнце» (Я. Рулевая) и др. Выбор В. Давтяна, вызывающий множество ассоциаций, был поэтическим решением.

«Хладная мгла» переведена В. Давтяном как «ցրտին մշուշից» (холодный туман). У Ф. Киракосяна на мглу непонятным образом падает блеск «светлой радости»: мрак у него становится сладким (քաղցր խավարից).

«Он шутя убежит от тебя», – пишет Лермонтов об исчезновении призрака радости. В переводе В. Давтяна нет словесного выражения шутливости исчезновения. Он переводит – «далеко убегает» (հեռու է փախչում). Ф. Киракосян, стремясь к словесной достоверности, вносит слово «хохот» (քրքիջով քեզանից կփախչի), которое не приближает к оригиналу, а значительно отдаляет от него. «Хохот» взрывает атмосферу стиха звуком, к тому же резким.

Ночной пейзаж в стихотворении, появление и исчезновение призрака радости не озвучены. Нет звуков в этой мелодичной картине, в которой все движется, блестит, трепещет, скользит, ложится, убегает. И «шутливость» призрака видна в его ускользании, грациозном исчезновении, в особых бесшумных движениях.

У Лермонтова ночной пейзаж не всегда лишен звуков, безмолвен. Так, в «Мцыри» ночной «мир темен был и молчалив». Но в нем отсвечивала серебром «бахрома гор», а в молчании был слышен шум («плескал поток»). Однако в рассматриваемом стихотворении молчание не прерывается, ночной пейзаж выписывается в тишине. Не вслушиваясь в звуки ночи и не называя их, Лермонтов передает мелодию ночной тишины, манящую лучом мечты и шутливым ускользанием.

Вторгшийся в перевод Ф. Киракосяна «хохот» разрубает тишину стихотворения, разрушает его стилистику, атмосферу зыбкости, неуловимости.

Стремлением к лексической точности (нередко кажущейся) не могут быть оправданы утерянные музыкальность и ритм, искажение стилистики произведения.

Список использованной литературы

1. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения. Ереван.“Советакан грох”, 1982 (на армянском языке). 576 с.
2. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, т.1. Ереван. Айпетрат, 1941 (на армянском языке). 260 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в трех томах, т. 1. Ереван. “Айастан”, 1965 (на армянском языке). 450 с.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения в шести томах, т. 1. М.-Л.: Издательство АН ССР. 1954. 452 с.
5. Лермонтов М. Ю. Одинокий парус. Ереван. “Иравунк”, 2007 (на армянском языке). 62с.
6. “Лермонтовская энциклопедия”. М.: “Советская энциклопедия”, 1981. 784 с.

УДК 82-312.6

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПОВЕСТИ «НИГИЛИСТКА» С. В. КОВАЛЕВСКОЙ НА ШВЕДСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА

В. С. Трофимова,
к.филол.н., независимый исследователь, Санкт-Петербург
Т. Н. Трофимова,
соискатель, Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), Москва

Аннотация. В статье рассматриваются ранние публикации повести «Нигилистка» математика С. В. Ковалевской на шведском и английском языках. Относительно шведского издания 1891 г. фрагмента повести можно предположить, что шведский язык был для него языком оригинала. Английский перевод, выполненный известным революционером и писателем С. М. Степняком-Кравчинским, был сделан с русского издания 1892 г., составленного из двух разных вариантов «Нигилистки». Если шведский фрагмент – вторая глава «Нигилистки» – длиннее русского варианта, то английский перевод вышел с сокращениями, изменениями и в некоторых случаях пояснениями, которые мы рассматриваем в нашей статье. Шведский и английский варианты «Нигилистки» показывают разницу в восприятии этой повести в Швеции и Англии.

Ключевые слова: С. В. Ковалевская, С. М. Степняк-Кравчинский, переводчик, перевод, цензура, Англия, Швеция.

Summary. The article examines early publications of the novel “Nihilist girl” by mathematician Sophia Kovalevskaya in Swedish and English. Regarding the Swedish edition of 1891 of the fragment of the story, it can be assumed that Swedish was the original language for it. The English translation, made by the famous revolutionary and writer S. M. Stepniak, was made from the Russian edition of 1892, compiled from two different versions of “The Nihilist girl.” If the Swedish fragment – the second chapter of the novel – is longer than the Russian version, then the English translation came out with abbreviations, changes and, in some cases, explanations, which we examine in our article. The Swedish and English versions of “The Nihilist girl” show the difference in the perception of this story in Sweden and England.

Key words: Sophia Kovalevskaya, S. Stepniak, translator, translation, censorship, England, Sweden.

В 2025 г. исполнилось 175 лет со дня рождения знаменитого русского математика, профессора Стокгольмского университета, члена-корреспондента Императорской академии наук Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891). Помимо выдающихся способностей к математике, она обладала и недюжинным литературным талантом. Ее художественные произведения можно отнести как к русской, так и к шведской литературе. В Швеции существовала отдельная традиция печатания автобиографических сочинений С. В. Ковалевской под псевдонимом «Таня Раевская». Таня Раевская как alter ego Ковалевской, фиктивный автор и повествователь, получила в Швеции большую популярность среди читателей. Автор-персонаж «Таня Раевская» родился благодаря шведским друзьям С. В. Ковалевской, которые, слушая ее «Воспоминания детства», предложили «заменить местоимение я словом Таня» [2, с. 451]. Сами «Воспоминания детства» С. В. Ковалевской изначально были полностью написаны на русском языке.

В романном жанре центральным художественным произведением С. В. Ковалевской стала повесть «Нигилистка» (1892), которая, вместе с тем, представляет значительную сложность в определении языка оригинала. Сама С. В. Ковалевская в письме подруге М. В. Мендельсон от 7 октября 1890 г. утверждала, что написала эту повесть «сначала по-шведски», но затем и «на русском языке и изменила по многим причинам» [2, с. 311]. К осени 1890 г. «Нигилистка» была переведена и на французский язык [2, с. 311]. Знаменитый русский анархист и ученый П. А. Кропоткин 19 февраля 1891 г. опубликовал некролог «Профессор Софья Ковалевская» в журнале «Природа» (Nature) под псевдонимом P. K. (псевдоним "P. K." был раскрыт Е. В. Старостиным в «Библиографическом указателе печатных трудов» П. А. Кропоткина) [4, с. 177]. Он утверждал, что повесть была написана по-русски, но не могла быть опубликована на родине С. В. Ковалевской, и «в своем последнем письме к автору этих строк в декабре прошлого года она говорила о выпуске английской версии этого романа» [6, p. 376]. Друг С. В. Ковалевской и П. А. Кропоткина профессор М. М. Ковалевский в предисловии к первому русскому изданию «Нигилистки» 1892 г. пишет: «В бумагах Софьи Васильевны Ковалевской нашлось две разновременных редакции печатаемого романа. Ни та, ни другая не отличаются полнотой и законченностью. Некоторые главы написаны по-шведски. Они прочитаны были автором в литературном обществе в Стокгольме. Имея в виду цензурные стеснения, Софья Васильевна <…> вступила <…> в переговоры с французскими и английскими издателями <…> друзьям покойной удалось установить один общий текст из двух оставленных редакций» [1, с. III]. Сведения, приведенные М. М. Ковалевским, обобщают информацию, данную и самой С. В. Ковалевской, и П. А. Кропоткиным. Однако, по всей видимости, у М. М. Ковалевского не было полного варианта «Нигилистки».

Между тем, первой публикацией отрывка из «Нигилистки», а именно второй главы повести, был фрагмент под названием «Семья Воронцовых», опубликованный на шведском языке в первом номере Скандинавского журнала о науке, искусстве и промышленности (Nordisk Tidskrift) за 1891 г. под именем Тани Раевской [8]. Эта публикация была известна и П. А. Кропоткину [6, p. 376]. Весьма вероятно, что эта глава изначально была написана как раз на шведском языке. Текст в целом соответствует второй главе «Нигилистки» 1892 г. издания, за исключением двухстраничного отрывка с бытовой зарисовкой жизни семьи Воронцовых и разлада в отношениях графа и графини. Этот отрывок, в котором вскользь говорилось о связи отца главной героини с некоей молодой вдовой Окуневой и о ревности его супруги, не обнаруживается ни в русских изданиях, ни даже в шведском издании «Нигилистки», которое вышло в свет под названием «Вера Воронцова» в 1892 и 1893 гг. [8, s. 19–21]. В России, однако, журнальная публикация этого фрагмента была известна, а подруга С. В. Ковалевской Ю. В. Лермонтова и вовсе имела ее на руках, о чем свидетельствует письмо к ней М. М. Ковалевского по поводу будущего

сборника литературных трудов покойной, ошибочно отнесенное к 1891 г. (скорее всего, оно относится к 1892 г., так как в нем говорится об экземпляре «Нигилистки», к тому времени уже напечатанной, а это случилось в 1892 г.): «Сборник выйдет, слышу, к генварю. В него войдут: «Воспоминания» <…> присланный вами отрывок «Семья Воронцовых» с пропусками…» [2, с. 359]. Однако в сборник этот фрагмент не вошел, и, более того, даже упоминание о его успехе за границей и невозможности напечатать его в России цензурный комитет посчитал неприемлемым и предложил его из предисловия к «Литературным сочинениям» С. В. Ковалевской исключить [2, с. 536].

В рукописи «Нигилистки» присутствует автор-персонаж Таня Раевская. Текст написан от третьего лица, а в самом начале рукописи имеется описание внешности героини: «Татьяна Ивановна Раевская сидела однажды в своем кабинете. Это была молодая женщина лет двадцати двух, небольшого роста, с выразительным смуглым лицом. Стриженые волосы, короткими локонами падающие вокруг ее румяного лица, и худенькая подвижная фигурка придавали ей вид девочки, и вид этот в особенности странно контрастировал с ее званием доктора философии» [3, с. 519]. Как и «Воспоминания детства», «Нигилистка» носила автобиографический характер. В ней немало деталей, связанных с жизнью С. В. Ковалевской в Санкт-Петербурге в 1870-е гг. Более того, главная героиня романа – Вера Баранцова (в русском варианте и английском переводе) или Воронцова (в шведском варианте) имела в качестве прототипа знакомую С. В. Ковалевской Веру Сергеевну Гончарову, племянницу Н. Н. Гончаровой – супруги А. С. Пушкина. Говоря о выборе фамилии для главной героини, П. Я. Кочина ссылается на мнение, что фамилии крупнейших русских аристократов-князей не должны были присваиваться бунтовщикам-нигилистам [3, с. 549, прим. 4]. Однако говорить о цензурных ограничениях для издания «Нигилистки» в Женеве не приходится – такое издание автоматически становилось запрещенным в России. Возможно, редакторы не хотели связываться с влиятельной как в России, так и в некоторых европейских странах, например, в Англии, семьей Воронцовых. Прототипом студента-медика Павленкова был студент Медико-хирургической академии пропагандист И. Я. Павловский. Устроить свидание В. С. Гончаровой и И. Я. Павловского помогла сама С. В. Ковалевская. И. Я. Павловского выслали в Архангельскую губернию, откуда вскоре он сбежал за границу. В Париже они поженились с В. С. Гончаровой, которая получила медицинское образование и сдала экзамен на доктора медицины. Их семейная жизнь, однако, не сложилась, о чем с сожалением узнала С. В. Ковалевская [2, с. 484].

Английский перевод «Нигилистки» был опубликован под названием «Вера Баранцова» в 1895 г., а переводчиком выступил друг П. А. Кропоткина Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851–1895), который также написал и предисловие к этой книге; перевод основывался

на русском издании 1892 г. [7].

С. М. Кравчинский родился в Херсонской губернии в семье военного врача, в 1870 г. окончил Михайловское артиллерийское училище в чине подпоручика, а в 1871 г. вышел в отставку. Он владел тремя иностранными языками – английским, немецким и французским. Весной 1872 г. он был принят в члены революционного кружка «чайковцев», близких по духу Н. Г. Чернышевскому. В середине 1870-х гг. он публикует четыре брошюры, посвященные критике капитализма и проблемам будущего социалистического общества. В начале 1877 г., оказавшись в Италии, С. М. Кравчинский принял участие в вооруженном крестьянском восстании в провинции Беневенто. При подавлении восстания он был арестован и просидел в тюрьме больше девяти месяцев. В тюрьме он начал изучать итальянский язык. Вернувшись в Россию, С. М. Кравчинский вступил в подпольное общество «Земля и воля». 4 августа 1878 г. он убил шефа жандармов генерала Мезенцова ударом кинжала в грудь; поймать его не смогли, и в ноябре того же года его переправили за границу, сначала в Женеву, а затем в Италию. Именно на итальянском языке он написал свое первое большое произведение – «Подпольная Россия» – под псевдонимом «Степняк» (1882). Под этим псевдонимом он стал публиковать все свои последующие произведения. «Подпольная Россия» привлекла внимание С. В. Ковалевской, и она порекомендовала эту книгу знаменитому датскому литературному критику Георгу Брандесу, который признавался, что таким образом открыл Степняка как писателя [5, с. 344]. В июле 1884 г. Степняк-Кравчинский переехал в Лондон. Он опубликовал брошюры на английском языке «Россия под властью царей», «Русская грозовая туча» и «Русское крестьянство». В «Русской грозовой туче» он, с одной стороны, объясняет, кто такие нигилисты, а с другой стороны, говорит о негативном влиянии «Манифеста» об освобождении крестьян: «Реформа разорила и крестьян, и помещиков» [5, с. 44]. В 1889 г. Степняк-Кравчинский публикует на английском языке в Лондоне роман «Карьера нигилиста» (русское название «Андрей Кожухов») о деятельности русских революционеров конца 1870-х – начала 1880-х гг. Благодаря активной деятельности Степняка-Кравчинского в конце 1889 – начале 1890 гг. в Лондоне было создано Общество друзей русской свободы, которое летом 1890 г. начало издавать журнал Free Russia (Свободная Россия), редактором которого он был. Помимо П. А. Кропоткина и Г. Брандеса, Степняк-Кравчинский был знаком и с другими видными писателями и общественными деятелями своего времени – Бернардом Шоу, Марком Твеном, Уильямом Моррисом, Фридрихом Энгельсом и Этель Лилиан Войнич. Он трагически погиб накануне Рождества 1895 г., попав под поезд.

В русскоязычных работах, посвященных Степняку-Кравчинскому, о его переводе «Нигилистки» С. В. Ковалевской ничего не сказано. Не упоминается этот перевод и в трудах, посвященных самой С. В. Ковалевской. Над переводом Степняк-Кравчинский работал вместе с

английским писателем и журналистом Уильямом Уэстолом. С ним, в частности, он перевел повесть В. Г. Короленко «Слепой музыкант».

В предисловии к «Вере Баранцовой» Степняк-Кравчинский говорит о «крепких либеральных или, скорее, радикальных взглядах» С. В. Ковалевской [7, p. X]. Он подробно рассматривает сильные и слабые стороны «Нигилистки». К сильным сторонам он относит красоту описаний, драматическую силу второй части повести, а также любовную историю Веры и Васильцева, которую называет «одной из самых оригинальных и волнующих» в современной ему русской литературе [7, p. XVIII–XX]. Отметим, что в английском переводе эта любовная история переведена с большой тщательностью близко к оригиналу. Среди слабых сторон повести Степняк-Кравчинский выделяет, прежде всего, необработанность этого произведения и недостатки композиции [7, p. XVII–XVIII].

Если в шведской журнальной публикации начала 1891 г. вторая глава «Нигилистки» была даже длиннее, чем в русском варианте, и в ней был эпизод, отсутствующий в русском печатном тексте, то в английском переводе повесть подверглась сокращениям. В особенности это касается второй главы, в которой были убраны повторы, описания интерьеров и поэтические цитаты (так, был исключен парафраз на стихотворение Н. А. Некрасова). Кроме того, были исключены места, которые английскому читателю могли показаться неприличными для женщины-автора, например, абзац следующего содержания в начале главы: «Стоит только самому барину или молодым господам погостить у себя в усадьбе, непременно потом в той или другой крестьянской избе – и притом все в таких, где бабы молодые и пригожие, – родится на свет ребенок, ну вылитый маленький Баранцов…» [1, с. 7]. В конце главы исчез комментарий старой подвыпившей ключницы: «Это теперь наш барин присмирел, а как холостым был, и он-таки порядком над нами, девками, надругался» [1, с. 22]. Были и сокращения, наводящие на мысль о политической подоплеке. Так, в английском тексте было исключено восклицание на французском языке о том, как мог государь, который кажется таким добрым, причинить столько горя [1, с. 15]. Были сделаны и некоторые добавления, прежде всего, объясняющие суть «Манифеста» об освобождении крестьян и важность дня его провозглашения для всей российской истории [7, p. 27]. Кроме того, было упомянуто «любовное, хотя и непостоянное» внимание матушки-императрицы к Ивашке Баранцову – в русском тексте это лишь подразумевалось [7, p. 12]. В отдельных случаях были сделаны попытки приблизить русские реалии к английским, как в случае замены «водки» на «виски» в эпизоде праздника в людской, которая выглядит довольно нелепо [1, с. 21; 7, p. 42]. Тетушка, раскладывающая в русском тексте «гран-пасьянс», в английском переводе занималась вышиванием [1, с. 20; 7, p. 37]. Встречались и другие, менее значительные сокращения и изменения.

Если относительно рассмотренных выше изменений текста «Нигилистки» при переводе на английский язык мы не можем утверждать,

были ли они внесены Степняком-Кравчинским, его помощником У. Уэстолом или вовсе сделаны по настоянию издательства, то одно добавление выдает именно переводчика-революционера. В эпизоде вынесения приговора нигилистам в конце девятой главы английский переводчик заявляет после слов о семидесяти пяти молодых существах, что «их единственной виной была преданность своей стране и человечеству» [1, с. 94; 7, p. 226]. Этот эпизод оказывается созвучен и личному опыту Степняка-революционера, и опыту его близких друзей, в частности, П. А. Кропоткина.

Шведский фрагмент на языке оригинала и английский перевод с русского издания «Нигилистки» свидетельствуют о различии в читательских ожиданиях и восприятии этой повести в Швеции и Англии. В Швеции длинные описания, повторы и даже неоконченные эпизоды были вполне допустимыми в художественном тексте конца XIX в. В Англии, напротив, такие вещи были нежелательными, и в переводе на английский от них избавлялись, как и от сомнительных в нравственном отношении фрагментов.

Список использованных источников

1. Ковалевская С. Нигилистка. Женева: Вольная русская типография. – 1892. – 112 с.
2. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М.: Изд-во АН СССР. – 1961. – 579 с.
3. Ковалевская С. В. Воспоминания и повести. М.: Издательство «Наука». – 1974. – 560 с.
4. П. А. Кропоткин (1842–1921). Библиографический указатель печатных трудов. Сост. Е. В. Старостин. М.: Институт истории СССР АН СССР. – 1980. – 150 с.
5. Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. М.: Наука. – 1968. – 448 с.
6. K. P. Professor Sophie Kovalevsky // Nature. 1891. 19 February. Vol. 43. – P. 375–376.
7. Kovalevsky S. Vera Barantzova. London: Ward and Downey, 1895. – 281 p.
8. Rajevski T. Familjen Vorontsof: Fragment // Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industry. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1891. – P. 14–30.

УДК 82-313

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЦИКЛЕ РОМАНОВ ДЖ.К.РОУЛИНГ

Э.Р. Тулуп,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей передачи имён собственных на русский язык, использованных в цикле романов жанра фэнтези современного английского автора Дж.К. Роулинг. Установлено, что имена собственные в произведении используются в номинативной функции, и рассматриваются автором как один из главных стилистических приемов. Выявлены главные факторы, влияющие на

окончательный выбор переводчика: тип текста, целевая аудитория перевода, роль и место персонажа в романе, функции имени собственного в оригинале.

Ключевые слова: перевод, имя собственное, калька, транскрипция, транслитерация, роман.

Summary. The article highlights peculiarities of rendering proper names used in the cycle of fantasy novels by the modern English author J.K. Rowling into Russian. It is established that proper names in the work are used in a nominative function, they are considered by the author as one of the main stylistic techniques. The main factors influencing the final choice of the translator such as: the text type, the target audience of the translation, the role and place of the character in the novel, the function of the proper name in the original have been revealed.

Key words: translation, proper name, tracing paper, transcription, transliteration, novel.

Перевод художественного произведения предполагает, что переводчик учитывает все соответствующие процессу функции, а вместе с тем становится соавтором. Специалист должен обладать определенными знаниями и умениями. Важной особенностью является способность переводчика к творческому поиску и сохранению индивидуальности переводимого художественного текста [1].

Авторский стиль, который иногда называют индивидуальным, следует рассматривать в качестве одного из важнейших компонентов творчества писателя. Стиль тесно связан с мировоззрением последнего, со всеми аспектами индивидуальности. Обычно авторский стиль рассматривается не только как речевые особенности произведения, но и как особый подход к представлению темы, проблематики – всего, что характерно для конкретного произведения.

Исключительной считается работа Дж. К. Роулинг над серией романов, посвященных приключениям Гарри Поттера. Они интересны своей индивидуальностью и особенностью жанра в целом. В указанной серии можно найти множество примеров уникального сочетания действительности и вымысла. Исключительность заключается и в том, что автор выбрал интересный жанровый подход: Дж. К. Роулинг успешно сочетает сказку с мифом, детективом и даже фольклором.

Все персонажи романов можно разделить на 3 группы: главные персонажи, второстепенные и эпизодические. Имена собственные многочисленны и играют большую роль в понимании, осмыслении и восприятии романов о Гарри Поттере. Следует привести следующую классификацию имен собственных:

- Реально существующие имена собственные;
- Имена вымышленных образов, созданных по моделям реально существующих имен собственных (полуреальные имена);
- Вымышленные имена художественного образа.

Имена собственные играют важную роль в языковой картине мира каждого человека. Они являются своеобразными указателями на объекты экстралингвистической реальности, а также на людей.

По Д.И. Ермоловичу, **оним** – это языковая единица, которая служит для «особого, индивидуального обозначения предмета безотносительно к

описываемой ситуации и без обязательных уточняющих определений» [4, с. 9]. Основная функция имени собственного – это идентификация определённого объекта и эта функция не должна быть утрачена в тексте перевода, несмотря на то, что иноязычный реципиент может быть незнаком с реалиями, которые данный оним отражает.

Одним из самых загадочных персонажей романов о Гарри Поттере является профессор Хогвартса, директор Школы чародейства и волшебства Северус Снейп (*Severus Snape*). Имя «Северус» происходит от англ. *severe* (либо непосредственно от латинского «severus»), что переводится как «строгий, суровый, жестокий». Второе значение слова «*severus*» – «истина». Исходная фамилия «Снейп» имеет неявные ассоциации (в частности, со словами «snake» – «змея» и «snap» – щелчок, отрывистая речь, внезапный мороз, ложь, обман, хитрость), и разные варианты перевода продиктованы стремлением сохранить эти ассоциации – либо с исходными английскими словами, либо с какими-то из их русских аналогов. Сама Дж. Роулинг утверждает, что назвала персонажа в честь деревни Snape в Англии.

Согласно словарю английских фамилий, фамилия «Снейп» – одна из древнейших. Ранее правильным написанием её было «Snaep». Также неоднократно подчёркивается сходство Снейпа в длинной чёрной мантии с огромной летучей мышью. Таким образом, данный персонаж для русскоязычного читателя выступает как суровый, строгий, жестокий, бесчувственный человек.

В группу главных отнесём 13 персонажей. Персонажи данной группы имеют наибольшее количество вариантов имён. Одной из основных характеристик является использование формальных способов передачи (транскрипция, транслитерация) имен и фамилий главных героев. Также следует отметить способ калькирования для передачи фамилий на русский язык [2].

Рассмотрим фамилию ближайших родственников Гарри Поттера. В английском тексте – это *Dursley*, в русском – Дурсль. У русскоязычного читателя фамилия Дурсль ассоциируется со словом «дурной». При транслитерации переводчики использовали корень слова «дур».

У англоязычного читателя фамилия Dursley не вызывает никаких негативных ассоциаций, и свидетельствует лишь о том, что семья по фамилии *Dursley* родом из Великобритании.

Джоан Роулинг в статье на *Pottermore* (ныне Wizarding World) признавалась в следующем:

*The surname '**Dursley**' was taken from the eponymous town in Gloucestershire, which is not very far from where I was born. I have never visited Dursley, and I expect that it is full of charming people. It was the sound of the word that appealed, rather than any association with the place* [5].

Перевод:

Фамилию Dursley я позаимствовала у одноимённого городка в графстве Глостеншир, который находится недалеко от места, где я

родилась. Я никогда не была в Dursley, и думаю, что там живут совершенно очаровательные люди. Меня привлекло само звучание слова, а не какие-либо ассоциации с этим местом.

Таким образом, для англоязычного читателя фамилия *Dursley* содержит следующую информация: семья родом из Великобритании, семья обычная. Для русскоязычного читателя фамилия Дурсль предполагает то, что семья родом из Великобритании, семья отрицательных персонажей романов.

В группу второстепенных включим примерно 140 персонажей цикла романов о Гарри Поттере. Персонажи данной группы имеют от 1 до 15 вариантов имён. С точки зрения передачи имён, можно назвать основную – использование формальных способов передачи нехарактеристических имен и фамилий персонажей. В русском переводе калькирование используется для передачи прозвищ и фамилий [3].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Онимы являются уникальными единицами языка, которые помимо дифференциации конкретных объектов экстралингвистической реальности, вызывают определённые ассоциации у носителей языка. Данное обстоятельство необходимо учитывать при их переводе.

Трудности перевода англоязычных онимов связаны с типом переводимого имени собственного, социокультурным контекстом функционирования обозначаемой им реалии, а также спецификой функционирования в языке. Художественные онимы, обозначающие литературных персонажей, допускают вариативность перевода; их перевод основывается на переводческой интуиции, эрудиции и творческом подходе. Этот вид имен собственных чаще переводится с помощью калькирования, благодаря чему удаётся сохранить метафорический образ, легший в основу номинации.

Список использованных источников

1. Баймухаметова К. И. Художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста / К. И. Баймухаметова. – Текст: электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. – URL:https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-perevod-kak-adekvatnaya-interpretatsiya-literaturnogo-teksta/viewer (дата обращения: 23.01.2025).

2. Бережная М.В. Особенности перевода имен собственных в художественном произведении / М.В. Бережная // IX Международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения». Санкт-Петербург, 18-20 октября 2007 г.: Тезисы докладов. – СПб. – 2007. – С. 249-255.

3. Бережная М.В. Особенности передачи имен главных персонажей в фэнтезийном тексте / М.В. Бережная // Университетское переводоведение. Вып. 9. Материалы IX Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – 2008. – С. 57-67.

4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович // М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

5. Harry Potter [Electronic Resource] // Mode of access: https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/Harry_Potter_(%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82). (дата обращения: 25.01.2025).

УДК 821.111

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Т.С. ЭЛИОТА

Э. Р. Тулуп,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
Э. С. Аликаева,
обучающийся бакалавриата, кафедра английской и русской филологии,
ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. В данной статье приводится раскрытие содержания текстов на примере поэзии Т.С. Элиота. В сообщении значительное внимание уделяется поиску смыслов при переводе, выраженных в совокупности языковых знаков, а также извлеченных из названий произведений и их ключевых образов. Большое значение имеют особенности отражения художественных принципов в творчестве поэта. Интерпретация перевода строится на экстралингвистическом контексте художественного произведения. В исследовании дана характеристика лексическим стилистическим приемам. Рассмотрен ряд примеров из различных произведений Т. С. Элиота. Представлен анализ перевода стилистических приемов в художественном тексте.

Ключевые слова: лексические стилистические приемы, художественный текст, символизм, элемент неожиданности, поэтическая образность, персонифицированный образ, вымирание городской цивилизации, мотив прижизненной смерти.

Summary. This article describes the content of the texts using the poetry of T.S. Eliot as an example. The message pays considerable attention to the search for meanings in translation, expressed in a set of linguistic signs, as well as extracted from the names of works and their key images. The peculiarities of reflecting artistic principles in the poet's work are important. The interpretation of the translation is based on the extralinguistic context of the work of art. The study provides a description of lexical stylistic techniques. A number of examples from various works by T.S. Eliot are considered. An analysis of the translation of stylistic techniques in a literary text is presented.

Key words: lexical stylistic techniques, literary text, symbolism, element of surprise, poetic imagery, personified image, death of urban civilization, motive of lifetime death.

Lexical stylistic techniques play an important role in a literary text. In the work, such techniques create an allegorical imagery when an image arises from the convergence of one object or phenomenon with another. It implies a change in the basic meaning of a word, the transfer of a name from one object or phenomenon to another. By stylistic device, I. R. Galperin means the intentional and conscious reinforcement of any structural or semantic feature of a linguistic unit. The main feature is the purposefulness of the use of an element, contrasted with its existence in the language system [1].

Lexical stylistic techniques have the following functions in literary texts:

- creation of artistic expression;
- creating pathos;
- creating a comic effect;
- creating an exaggeration;
- creation of a descriptive characteristic.

The ways of conveying stylistic techniques in the translation of a literary text

were considered using the example of such works by Thomas Stearns Eliot as «The Waste Land», «Hollow Men», «The Love Song of J. Alfred Prufrock», «Preludes», «Four Quartets».

The purpose of the work is to analyze the ways of transferring lexical stylistic techniques in translation from English into Russian using the example of a work of art. Let's look at some of them.

The key images in T.S. Eliot's poetry are the so-called «The Waste Land», and hence «The Hollow Men» appeared. It can be noted that in his poetry there is a deep pessimism of the whole world of things. And it gradually begins to intertwine with subtle irony. When Eliot became disillusioned with the cultural death of Europe, he tried to find a way out of it, or rather tried to find support in faith, religion, which would make up for this spiritual emptiness.

In «The Hollow Men» there is a motive of the most terrible death – a lifetime death. There are familiar images of a barren land: a skull, bones, rats, dry grass, glass fragments, broken stone, desert valleys, etc.

An unusual mixture of styles appears: in «The Waste Land» jazz rhythms were interwined with opera parts and choirs. The absence of strophic variations, a lot of repetitions, parallelisms, contrasts give a monotony not peculiar to «The Waste Land». This monotony emphasizes the existence of «The Hollow Men». Deprived of human properties and qualities, *«stuffed men»* [7, p. 1393] meet not only their end, but also the end of the world not with a scream, a cry of horror, but with a helpless *«whimper»* [7, p. 1396].

The main role in the organization of the poem is played by poetic imagery. Especially noteworthy and interesting is the female image – the image of the lady of Prufrock. Although it is given in fragments, in minor episodes, but it is presented with details that are quite realistic, very expressive, even sharp, sometimes unexpected. We can observe that it is all expressed in her eyes, piercing through the soul of the main character – Prufrock, like pins (as Eliot describes), smoothly moving hands, fascinating and exciting him, and this intoxicating smell of perfume.

One of the characteristic elements in the poem is the element of surprise, and it determines the whole character of the imagery and symbolism of Eliot's poetry. Even the yellow fog is endowed with human properties and personal qualities, that is, it becomes a personified image [6, p. 58].

«The yellow fog that rubs its back upon the window-panes,
The yellow smoke that rubs its muzzle on the window-panes,
Licked its tongue into the corners of the evening…» [7, p. 1374].

These images created the impression and representation of the cessation of the development, or the death of urban civilization.

Eliot takes the everyday life of a big city as the basis for many images [6, p. 58]:

«The muttering retreats
Of restless nights in one-night cheap hotels
And sawdust restaurants with oyster-shells»;

«The smoke that rises from the pipes of lonely men in shirt-sleeves» [7, p. 1373, 1375].

Also, inanimate images play a special role, which seem, are not alive, but in Thomas' poetry they change their meaning. For example, the key in «Preludes» is the image of thickening smoke. It is entailed by association images of smoky factories, smoking hearths, burnt food, tobacco pipes.

Symbols are always ambiguous in Eliot's poetry: for example, in the image of thickening smoke there is a hint of the illusory nature of being and the futility or the fruitlessness of actions in life. It embodies that faceless, but terrible and powerful force that paralyzes people and eventually overcomes them.

There is an example of a multi-volume cycle of poems called «The Four Quartets». In the second part of the final «Quartet», the images that convey signs of a formidable, dangerous time – the realities of World War II: smoking ruins, the announcement of lights out, dead foliage and an extremely expressive image of an enemy bomber:

«... After the dark dove with the flickering tongue
Had passed below the horizon of his homing...» [7, p. 1398].

It is necessary to note that the author used here the symbol of a dove. As we know, a pigeon characterizes a bird of the world, while T.S. Eliot transforms a familiar concept. He is so immersed in the topic of pessimism that he even calls the pigeon black, not white, as usual. And this makes the reality of what is happening seem even more eerie. The poet introduces these images with only one purpose: to point out what the consequences may be for people who do not know the truth and do not seek to know it. The former key images — desert, dust, water – appeared in the «Four Quartets» already symbolizing purification.

Список использованных источников

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – Изд. 2-е, испр. – М.: Либроком. – 2012. – 376 с.
2. Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П. Модернизм в зарубежной литературе. Учебное пособие. – М.: Издательство «Флинта», «Наука». – 1998. – 236 с.
3. Ионкис Г. Э. Английская поэзия XX века: Учебное пособие. – М.: Высш. школа. – 1980. – 200 с.
4. Сафиуллина В. П., Шакирова З. И. Стилистика: учеб. пособие. – Альметьевск: ИИЦ АГИМС. – 2010. – 146 с.
5. Толмачёв В. М., Седельников В. Д., Иванов Д. А. и др. Зарубежная литература XX века. Учебное пособие. / Под ред. В.М. Толмачёва. – М.: Издательский центр «Академия». – 2003. – 430 с.
6. The American tradition in literature/edit. by G. Perkins, B. Perkins. – Boston, Burr Ridge: McGraw-Hill College. – 1999. – Vol. 1. – № 9. – 2109 p.
7. The American tradition in literature/edit. by G. Perkins, B. Perkins. Boston, Burr Ridge: McGraw-Hill College. – 2005. – Vol. 2. – № 11. – 2414 p.

УДК 81’27

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА РЕКЛАМЫ

Э.Р. Тулуп,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
Э.Н. Велулаева,
обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии,
ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается процесс влияния языка англоязычной рекламы на поведение потребителей и отражения культурных ценностей. Основное внимание уделяется ключевым приемам убеждения: эмоциональное обращение, повторение, императив и юмор, и показано, как рекламодатели используют стратегии для установления контакта с различными демографическими группами. Исследуется роль разговорного языка, региональных диалектов и сленга поколений, а также влияние цифровых тенденций.

Ключевые слова: реклама, социолингвистика, поведение потребителей, эмоциональная привлекательность, повторы, императивы, юмор, цифровые медиа.

Summary. The article examines the process the language of English-language advertising influences consumer behaviour and reflects cultural values. It focuses on the key techniques of persuasion: emotional appeal, repetition, imperative and humor, and shows how advertisers use strategies to reach different demographic groups. The role of colloquial language, regional dialects and generational slang have been explored, as well as the impact of digital trends.

Key words: advertising, sociolinguistics, consumer behaviour, emotional appeal, repetition, imperatives, humor, digital media.

Реклама – это компонент современного общества, формирующий поведение потребителей и отражающий культурные ценности. Язык играет ключевую роль в рекламе, служит носителем информации и инструментом убеждения и формирования идентичности. Социолингвистика, изучающая отношения между языком и обществом, дает ценные сведения о том, как языковые вариации передают социальные смыслы в рекламных текстах [2, с. 17].

Рекламные тексты в значительной степени опираются на язык убеждения, чтобы повлиять на решения потребителей. Приемы основаны на риторических стратегиях, призванных апеллировать к логике, эмоциям и достоверности [4, с. 18].

Эмоциональная привлекательность предполагает обращение к чувствам аудитории для создания связи с товаром или услугой. Рекламодатели вызывают такие эмоции, как счастье, ностальгия, страх или желание, чтобы повлиять на отношение потребителей. Пример: «Because you're worth it» (L'Oréal). – «Вы этого достойны». Слоган расширяет возможности потребителей, апеллируя к их самооценке и желанию побаловать себя, внушая им, что они заслуживают высококачественных продуктов. Обращаясь к эмоциям, рекламодатели обходят стороной рациональный анализ, делая потребителей более восприимчивыми к

убеждению. Такие призывы особенно эффективны, так как создают запоминающиеся ассоциации между продуктом и положительными чувствами.

Повторения усиливают ключевые сообщения, делая их запоминающимися и повышая запоминаемость бренда. Пример: «Every kiss begins with Kay» (Kay Jewelers). – «Каждый поцелуй начинается с Kay». Игра слов с использованием слов «Kay» и «K» связывает бренд с актом дарения и получения поцелуя, ассоциируя украшения с романтическими жестами. Повторение звуков и фраз способствует запоминанию, гарантируя, что слоган останется в памяти потребителя [1, с. 168].

Императивы «приказывают» действовать, побуждая аудиторию к немедленной реакции. В слогане «Just do it.» (Nike). – «Просто сделай это». императив «do» стимулирует потребителей к действию, воплощая ассоциацию бренда с атлетизмом и целеустремленностью. Данное повелительное наклонение создают ощущение срочности и прямоты, заставляя потребителей реагировать на призыв.

Юмор вовлекает аудиторию и делает рекламу более запоминающейся. Пример: «Time flies when you're having rum» (Бренд рома). – «Время летит, когда вы пьете ром». Каламбур на тему «time flies when you're having fun» – «время летит, когда ты веселишься» создает игривую ассоциацию с продуктом. Юмор повышает привлекательность и популярность, особенно в цифровых медиа.

Применение *региональных диалектов* делает рекламу доступной для местной аудитории. Во фразе «Y'all are gonna love our Southern fried chicken». – «Вам всем понравится наша южная жареная курица» использование «y'all», распространенного в южноамериканском английском, нацелено на потребителей в этом регионе, способствуя установлению связи с местной аудиторией.

Также к социолингвистическим особенностям относятся языковые единицы, ориентированные на молодежь. «Snap up the latest trends – don't get FOMO!». – «Ловите последние тенденции – не поддавайтесь FOMO!» [3, с. 136].

«FOMO» (Fear Of Missing Out) – термин, популярный среди молодого поколения, создающий актуальность и социальную значимость. Использование такого сленга повышает вовлеченность, но может и оттолкнуть более старшую аудиторию.

Пример «Experience comfort and elegance with our classic collection». – «Ощутите комфорт и элегантность с нашей классической коллекцией» принадлежит языку пожилой аудитории. Слова «comfort», «elegance» и «classic» привлекают зрелых потребителей, ценящих качество и неподвластность времени. Язык соответствует предпочтениям и ценностям старшей демографической группы.

Развитие цифровых медиа привело к появлению новых языковых особенностей в рекламе.

Использование *хэштегов* и *интернет-сленга* связывает рекламу с онлайн-культурой. Пример: «Join the conversation with #ShareYourStory». – «Присоединяйтесь к разговору с #ShareYourStory». Применение хэштега стимулирует вовлеченность социальных сетей, расширяя охват рекламы. Кроме того, это позволяет задействовать все возможности цифрового пространства [5, с. 90].

Англоязычные рекламные тексты демонстрируют уникальные социолингвистические особенности, направленные на убеждение и установление контакта с потребителями. Рекламисты используют приемы убеждения, разговорный язык, демографический таргетинг, а также адаптируются к глобализации и технологическим тенденциям, чтобы создавать сообщения, которые вызывают эмоциональный и социальный резонанс.

Стратегическое манипулирование языком в рекламе отражает общественные ценности и тенденции и влияет на них. Поскольку потребители становятся все более разнообразными в языковом и культурном отношении, рекламодатели постоянно адаптируют свои языковые стратегии, чтобы сохранить актуальность и эффективность.

Список использованных источников

1. Головушкина М. В. Социолингвистический анализ английских рекламных слоганов // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7, № 2 (26). – С. 165-172.

2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие. – М.: Флинта, Наука. – 2008. – С. 17-18.

3. Мощева С. В. Социолингвистический аспект текстов массмедиа (на материале русско-и англоязычных рекламных текстов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2013. – Т. 12. – № 10. – С.135-140.

4. Савина Н. А. Социолингвистические особенности языка рекламы // Russian Linguistic Bulletin. – 2017. – №1 (9). – С. 18-20.

5. Терпелец Ж.А., Китова Я.В., Шарикова Ф.Н. Лингвостилистические особенности рекламного дискурса в современном английском языке // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2018. – Т. 3. – С. 88-92.

УДК 81’25

СТИЛЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ Р. БАХА И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫРАЖЕННОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИЕМАХ

Э.Р. Тулуп,
к.филол.н., доцент кафедры английской филологии,
Н.А. Штифюк,
обучающийся магистратуры, теория перевода и межкультурная коммуникация, кафедра английской филологии,
ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается переводческий дискурс как многогранное явление, пересекающее различные дисциплины, включая лингвистику, литературоведение и философию. Особое внимание уделяется произведению Р. Баха «Иллюзии», служащему примером междисциплинарного подхода к текстовому анализу. Исследуется, как стильные доминанты и художественная выразительность Р. Баха формируют глубокие философские идеи о человеческом существовании, свободе и поиске смысла жизни. Уникальная поэтическая проза Р. Баха позволяет рассматривать его работы как литературные произведения и философские трактаты, подчеркивая важность осознания иллюзий и стремления к истине в его творчестве.

Ключевые слова: переводческий дискурс, междисциплинарный подход, Ричард Бах, стильные доминанты, художественная выразительность, иллюзия, символизм, философия, литература, саморазмышление.

Summary. This article examines translation discourse as a multifaceted phenomenon that crosses various disciplines, including linguistics, literary studies and philosophy. Special attention is paid to R. Bach's work «Illusions», which serves as an example of an interdisciplinary approach to text analysis. The article explores how Bach's stylistic dominants and artistic expressiveness form deep philosophical ideas about human existence, freedom and the search for meaning in life. R. Bach’ unique poetic prose allows us to consider his works both as literary works and as philosophical treatises, emphasizing the importance of being aware of illusions and pursuing truth in his work.

Key words: translational discourse, interdisciplinary approach, Richard Bach, stylistic dominants, artistic expressiveness, illusion, symbolism, philosophy, literature, self-reflection.

Переводческий дискурс представляет собой сложное и многогранное явление, в котором переплетаются различные дисциплины: лингвистика, литературоведение, культурология и философия. В данной статье мы рассмотрим притчу об иллюзии как пример междисциплинарного подхода к анализу текстов, опираясь на стильные доминанты Р. Баха и их художественную выразительность в литературных приемах.

Ричард Бах является автором-символистом, чьи произведения побуждают читателей задуматься о различных аспектах человеческого существования: свобода, поиск смысла жизни и внутренние трансформации. Его стиль можно охарактеризовать как уникальное сочетание поэтической прозы и глубокой символики.

Одним из наиболее уникальных произведений Ричарда Баха является книга «Иллюзии», которая была опубликована в журнале «Наука и религия» в 1989 году. Это произведение выделяется своей глубиной и философским содержанием, что делает его важным для изучения и анализа.

Однако вызывает вопросы тот факт, что с 1989 по 2002 год произведения Баха не получили широкого распространения среди читателей. Это обстоятельство требует дальнейшего исследования, для более глубокого понимания этого периода в карьере Р. Баха, необходимо провести тщательное исследование, учитывающее как культурные, так и личные аспекты.

«Притча – это не просто рассказ, это зеркало, в котором каждый может увидеть себя и задуматься о своих поступках» [4, с.63].

Д.С. Лихачев подчеркивает, что притче не присущи четкие пространственно-временные рамки событий, и она не связана с конкретными историческими персонажами или событиями. Напротив, притча, рассказывая о частных случаях, обобщает их до уровня вечных и неизменных истин [3, с. 45].

Притча об иллюзии – это история, которая затрагивает глубокие философские и психологические аспекты человеческого существования. В ней рассказывается о том, как люди могут заблуждаться в восприятии реальности, создавая иллюзии, которые мешают им видеть истинное положение вещей. Притча интерпретирована через призму различных дисциплин, что позволяет глубже понять её смысл и значение.

Повесть «Иллюзии: Приключения мессии, который мессией быть не хотел» Р. Бах активно применяет метафоры, которые служат не только для иллюстрации мыслей, но и для создания многослойного смысла. Образ биплана, на котором герой совершает свои полеты, символизирует стремление к свободе и поиску истины:

«Still, every summer or so I took my antique biplane out into the green-meadow seas of midwest America» [5, с. 2][9].

Полеты над «изумрудными морями лугов» становятся метафорой внутреннего путешествия, которое каждый человек проходит в поисках своего места в мире, яркий образ, где луга представляются как большие, волнистые просторы, подобные морю, только вместо воды – зелень трав и растений. Это сравнение передает красоту и обширность природы Среднего Запада, а также усиливает ощущение свободы и легкости, которые испытывает герой во время полета на своем биплане.

«…the shock of that sharp cold change, the pain of it for a second, and then accepting is a swim in reality. But after so many times, even the shock wears off» [5, с. 71].[10]

Данная метафора подразумевает, что смерть или близость к ней позволяет человеку увидеть свою истинную сущность и погрузиться в более глубокое понимание жизни. Образ *«купаться в настоящей реальности»* говорит о чувстве освобождения и очищения. Метафоричность помогает

[9] «…почти каждое лето я отправлялся на своем почтенном биплане в плаванье над изумрудными морями лугов на Среднем Западе Америки…» [1, с.8].

[10] «Ты принимаешь свой истинный вид и купаешься в настоящей реальности…» [1, с.81].

передать философский подход героя к жизни и смерти, а также его восприятие боли и страдания как части существования.

«Тип образа мира» позволяет анализировать жанровую природу текста через призму уникального мировидения, что открывает путь к герменевтическому изучению произведений конкретного автора [2, с. 55].

В повести используются символы, которые углубляют смысловые слои текста. Иллюзия, символизирует не только заблуждение, но и защитный механизм психики, который позволяет человеку избегать неприятных истин. Рассмотрим отрывок, где символ «иллюзии» имеет несколько значений:

«I didn't see how that applied to me, and reminded myself never to let a book replace my own thinking. I rustled down under the blanket, and men I was out like a bulb turned off, warm and dreamless under the sky and under several thousand stars that were illusions, maybe, but pretty ones, for sure» [5, с. 33].[11]

Иллюзия как средство восприятия реальности, упоминание о звездах как «иллюзиях» указывает на то, что восприятие мира часто искажено и окрашено личными ожиданиями и мечтами. Звезды, хотя и являются реальными объектами, символизируя недостижимые идеалы и мечты, которые, несмотря на свою иллюзорность, придают жизни красоту и смысл.

Фраза о том, что герой не хочет, чтобы «*какая бы то ни была книжка заменила*» его собственные мысли, подчеркивает важность индивидуальности и самовыражения. Герой стремится сохранить свою уникальность и не поддаваться влиянию внешних источников, даже если они могут быть привлекательными и кажутся правдой.

Сон, описанный в контексте «*как гаснет выключенная лампа*», служит символом ухода от реальности и иллюстрирует необходимость восстановления и отдыха от повседневных забот. В данном случае, сон представляет собой механизм временного освобождения от давления реальности, что также связано с формированием иллюзий, которые индивид создает для себя. Процесс сна, стоит рассмотреть, как важный аспект психического функционирования, позволяющий человеку временно дистанцироваться от стрессоров и напряжений, присущих реальной жизни.

Символ «иллюзии» подчеркивает сложные отношения между восприятием реальности, индивидуальностью, красотой мечты и необходимостью иногда уходить от реальности для сохранения внутреннего мира.

Страсть Р. Баха к авиации проявляется через его опыт полетов на различных моделях самолетов, которые стали значимой частью его биографии и творчества. Самолеты, являются центральным элементом

[11] «Я не знал, каким образом все это касалось меня, и приказал себе никогда не допускать, чтобы, какая бы то ни было книжка заменила мне мои собственные мысли. Я поворочался под одеялом, а затем уснул сразу, как гаснет выключенная лампа, сладко и без снов, под небом, расцвеченным тысячами звезд, которые были иллюзиями – что ж, возможно, но иллюзиями прекрасными – это уж точно» [1, с. 33].

произведений, служат не только как средства передвижения, но и как символы свободы, мечты и стремления к высшим идеалам. Сверхлегкий самолет нового поколения «Птеродактиль» (Pterodactyl), стал одним из первых серийных аппаратов данного класса не только в США, но и в мировом масштабе. Полеты на «Птеродактиле» детально описаны Ричардом Бахом в его произведении «Мост через вечность», что свидетельствует о его увлечении и новаторском подходе к авиации. Легендарный самолет «Флит», на котором писатель совершал путешествия по Среднему Западу, катая пассажиров и проводя авиационные шоу, упоминается во многих его произведениях. В частности, в книге «Иллюзии» где описывается, как именно на этом самолете он встретил своего наставника, Дона Шимоду. Данная модель стала символом его стремления к свободе и приключениям.

«It was three o'clock in the morning when I woke from the dream, remembering it all and for some reason happy for it. I opened my eyes to see in the moonlight that big Travel Air parked alongside the Fleet. Shimoda sat on his bedroll as he had when first I met him, leaning back against the left wheel of his airplane. It wasn't that I saw him dearly, I just knew he was there» [5, с. 18].[12]

Самолет – символ свободы и стремления к высоте. Самолет «Трэвэл Эйр» – путешествия и исследования. Авиация в произведении олицетворяет стремление к высшим целям и идеалам, возможность преодоления ограничений. «Флит» – самолет Р. Баха, который олицетворяет его личный путь и индивидуальность, символ стремлений и желаний, который отражает его связь с авиацией и мечтами о свободе.

В произведениях Р. Баха авиация становится мостом между земным и небесным, между реальностью и мечтой, открывая перед нами безграничные горизонты возможностей и вдохновения. Авиация для него является метафорой не только физического, но и духовного восхождения, позволяя читателю ощутить мощь мечты и стремления к высшим идеалам.

Ричард Бах мастерски сплетает воедино элементы магического реализма и философии, создавая многослойный текст, который не только вдохновляет, но и побуждает к глубоким размышлениям. Его произведения пронизаны тонким противопоставлением реальности и иллюзии, что формирует своеобразное напряжение, заставляющее читателя внимательно вглядываться в окружающий мир и осознавать важность истинного положения дел. Это искусное сочетание создает пространство для саморефлексии, позволяя каждому читателю задуматься о своих собственных иллюзиях и заблуждениях, о том, как часто мы живем в плену собственных представлений, не замечая подлинной сути жизни.

Будучи автором и рассказчиком в повести «Иллюзии», Р. Бах

[12] «Когда я пробудился от этого сна, было уже три часа. Я помнил его во всех деталях и почему-то от этого был счастлив. Я открыл глаза и увидел стоявший рядом с моим «Флитом» большой биплан «Трэвэл Эйр», омытый лунным светом. Шимода сидел на спальном мешке, привалившись спиной к левому колесу своего самолета в той же позе, что и во время нашей первой встречи» [1, с. 17].

использует свой опыт и знания, чтобы делиться с читателями мудростью о свободе выбора, внутренней силе и возможности создавать свою реальность. Его путешествие становится не только физическим, но и метафорическим, отражая внутреннюю трансформацию и осознание того, что каждый из нас способен изменить свою жизнь, если осознает свои истинные желания и потенциал.

«Well, Richard, we're magnets, aren't we? Not magnets. We're iron, wrapped in copper wire, and whenever we want to magnetize ourselves we can. Pour our inner voltage through the wire, we can attract whatever we want to attract. A magnet is not anxious about how it works. It is itself, and by its nature it draws some things and leaves others untouched» [5, с. 56].[13]

Сравнение человека с магнитом и железом создает мощный образ, который позволяет лучше понять внутренние силы и потенциал каждого из нас. Сравнение подчеркивает идею о том, что каждый обладает способностью притягивать в свою жизнь то, что нам действительно нужно, и что эта способность зависит от нашего внутреннего состояния.

«*Wrapped in copper wire»* (медная проволока) символизирует наше внутреннее напряжение и энергию, которые мы можем использовать для достижения своих целей. Она служит напоминанием о том, что для активации нашего потенциала необходимо осознанное усилие – «*пропустить»* свои мысли и эмоции через этот провод, чтобы активировать притяжение.

Между магнитом и человеком углубляется понимание природы человеческих отношений и взаимодействий. Р. Бах подчеркивает, что, как магнит, человек по своей сути уже имеет предрасположенность к определенным вещам, однако важно осознавать, что мы можем изменять свою «намагниченность» и, следовательно, свои жизненные обстоятельства.

Риторические приемы, такие как: «мы – магниты», «он такой, какой есть», усиливают эмоциональную нагрузку текста и помогают акцентировать внимание на важности принятия своей природы и осознания своих возможностей.

Р. Бах не просто рассказывает историю, но и открывает перед нами возможность для личного роста и осознания, приглашая нас в путешествие, где границы между реальным и воображаемым становятся прозрачными.

Притча об иллюзии служит ярким примером того, как междисциплинарный подход может обогатить наше понимание литературных текстов. Р. Бах, используя разнообразные литературные приемы – от метафорического языка до символизма и философских аллюзий – создает уникальный художественный мир, который требует

---

[13] «Понимаешь, Ричард, мы – магниты. Нет, не так. Мы – железо, а вокруг нас обмотка из медной проволоки, и мы можем намагнититься, когда захотим. Пропуская наше внутреннее напряжение через провод, мы можем притянуть все, что захотим. Магниту все равно, как он работает. Он такой, какой есть, и по своей природе, он одни вещи притягивает, а другие нет» [1, с. 60]

внимательного и многогранного перевода. Стилевые доминанты, такие как стремление к саморазмышлению, поиск смысла и взаимодействие с идеями свободы и выбора, не только определяют индивидуальный стиль автора, но и создают сложные культурные и смысловые слои, которые необходимо учитывать при переводе его произведений.

Список использованных источников

1. Бах Р. Иллюзии или Приключения одного мессии, который мессией быть не хотел. – Москва: София Медиа. – 2021. – 157 с.
2. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разработки. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 904 с.
3. Лихачев Д.С. Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы: VI съезд славистов. – М.: Наука. – 1968. – С. 5-48.
4. Стишенок И. В. Сказкотерапия для решения личных проблем/ И. В. Стишенок. – Санкт-Петербург; Москва: Речь. – 2023. – 140 с.
5. Bach R. llusions: the adventures of a reluctant Messiah Topics Messiah Publisher: British Library Printed and bound in Great Britain by Cox & Wyman Ltd, Reading, Berkshire. – 1988. –72 p.

УДК 811.58

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КИТАЙСКИХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ФЕНИКСЕ)

В. С. Тюков,
аспирант кафедры иностранный языков,
Ю. П. Иванашко,
к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков,
Амурский государственный университет, Благовещенск

Аннотация. В статье исследованы особенности перевода фразеологизмов на примере китайских народных сказок о фениксе. Изучены основные типы идиоматических значений, а также рассмотрены возможности их сохранения в процессе перевода с китайского языка на русский.

Ключевые слова: фразеологизм, референциальное значение, прагматическое значение, внутрилингвистическое значение.

Summary. The paper examines the features of phraseological units translation on the base of Chinese folk tales about the phoenix. It explores the main types of idiomatic meanings and suggests the possibilities of preserving them in the process of translation from Chinese into Russian.

Key words: idiom, referential meaning, pragmatic meaning, intralinguistic meaning.

Фразеологизмы играют важную роль в китайском языке. Они делают высказывания более выразительными, образными и эмоциональными. Кроме этого, по мнению некоторых исследователей, например, Г. В. Редько, данные языковые универсалии способны не только выступать в качестве украшения речи, но и содержат определённую информацию об истории народа и его национального характера [4, с. 102–103]. С подобной точкой зрения согласен также Э. Э. Бакиев. Исследователь отмечает, что

фразеологизмы – отражение народной мудрости и культурного опыта. По мнению автора, фразеологические единицы впервые были обнаружены в народной речи. Содержание данного языкового средства демонстрирует нам, какие чувства испытывали люди, показывает отношения и различные эмоции [1, с. 511].

Разделяет данное утверждение и Д. В. Кузнецова. Она считает, что для получения не только точного, но и адекватного перевода необходимо учитывать, что источниками происхождения фразеологизмов являются повседневная жизнь и традиции народа, говорящего на том или ином языке [3, с. 64].

Кроме этого, не менее значимым аспектом при переводе является то, что фразеологизм, как и любая другая языковая единица, содержит в себе комбинацию трёх типов значений: референциальное, прагматическое и внутрилингвистическое.

Предметы, качества и явления реальной действительности, которые обозначаются знаками, называются референтами знаков, а отношение между знаком и его референтом – референциальным значением (отношение между знаком и предметом). Необходимо отметить, что референтом знака принято считать не отдельный предмет или процесс, а целый класс подобных предметов или процессов. Так, например, референтом слова «телефон» является не один какой-то конкретный и уникальный телефон, а большое количество предметов, которые обладают похожими признаками. Безусловно существуют знаки, которые обладают референтами какие-то отдельные предметы (напр. «Владивосток»). Однако количество подобных знаков крайне немногочисленно, и они не играют важную роль в знаковых системах.

Другой тип отношения (отношение между знаком и человеком) называется прагматическим. Люди, которые используют знак, вкладывают в него своё собственное отношение к объекту или явлению, которые этим знаком обозначаются. Знак закрепляет за собой субъективное отношение групп людей к единицам языка, а также через них к предметам и явлениям. Стоит отметить, что речь идёт не об отношениях между знаком и одним отдельно взятым человеком, а об отношениях между знаками и группой людей, которые используют эти знаки. Несмотря на это, внутри одного и того же языкового коллектива могут быть индивидуальные или групповые отклонения. Они связаны с разной реакцией говорящих на те или иные знаки.

Третий тип отношения – внутрилингвистическое (между знаком и другими знаками того же самого языка). Под этим понимается, то, что любой знак в языковой системе находится не в изоляции, а считается её определённой составной частью. Тем самым, знак находится в многообразных отношениях с другими знаками этой же системы [2, с. 132].

Чтобы определить, возможно ли сохранить данные типы значений при передаче фразеологизмов одного языка средствами другого, нами был

осуществлён перевод на русский язык китайских народных сказок о фениксе, которые изобилуют рассматриваемым видом лексических единиц.

Фразеологизмы, выявленные в процессе работы с китайскими сказками о фениксе и варианты их перевода на русский язык представлены в таблице 1.

Для их передачи с китайского на русский язык мы использовали следующие методы: лексическая замена, калькирование и описательный перевод.

Таблица 1. Примеры фразеологизмов в китайских народных сказках о фениксе

Оригинал фразеологизма	Буквальный перевод	Словарный перевод [5]	Контекстуальный перевод
碧草如茵	Зелёная трава как подушка	Зелёный луг, на котором так приятно спать	Травянистые склоны гор
老骨头	Старые кости	Слишком старый (шутливое обращение к пожилому человеку)	Падаю от усталости
垂涎欲滴	Точить зубы	Чего-то сильно желать	Очаровать
鲜艳夺目	Свежей прелестью привлекать взоры	Ослепительно яркий, красивый	Ослепительно яркими
心急如焚	Сердце будто огнём объято	Гореть от нетерпения	Сердце дрогнуло от волнения
心如刀割	Сердце будто пронзили ножом	Быть поражённым скорбью	Сильно переживал
不离左右	Не отходить ни право, ни влево	Никогда не расставаться	Не отходя ни на шаг
修成正果	Достичь состояния Будды	Достичь состояния Будды через усилия	Обрести великую мудрость
可遇而不可求	Большая случайная редкость	Редкий, ценный	Бесценно
狂风大作	Сильный ураган	Неистовый	Сильный ураган
风和日丽	Мягкий ветерок и яркое солнце	Ясный день	Солнце засияло и подул лёгкий ветерок
不离不弃	Не отходить и не оставлять	Не бросать	Всегда оказывалась рядом
窗明几净	Окна светлы, столы чисты	Опрятный, чистый	Окна сияли от чистоты
比翼双飞	Лететь крыло к крылу	Быть неразлучным	Останься с ней навсегда
头也不回	Голова не повернулась	Без оглядки	Не оборачиваясь
无功而返	Не достигнуть успехов и вернуться	Не достичь успеха	Возвращался ни с чем
食不甘味	Не хотеть есть	Потерять аппетит	Еда потеряла для

			него вкус
一脸愁容	У лица скорбящее выражение	Выглядеть печальным	Опечален
色彩斑斓	Буйство красок	Яркий, красочный	Переливающийся всеми возможными цветами
绝无仅有	Только один	Единственный в своём роде	Во всем мире не было ему равных в красоте
心事重重	Обеспокоенный	Волноваться	Погрузившись в свои переживания
心如刀绞	Сердце пронзили ножом	Быть поражённым скорбью	Сердце сжалось от боли
生生世世	Из поколения в поколение	Жизни многих поколений	Навсегда

Во время выполнения перевода фразеологических единиц с китайского на русский язык самым эффективным оказался метод лексической замены. Подобная тенденция связана с трудностью подбора эквивалента в русском языке, который будет обладать той же образностью, что и в китайском.

Проанализировав данные фразеологические единицы, мы можем сделать вывод, что в основном при переводе удалось сохранить референциальное значение и передать читателю смысл выражения. Примером, подтверждающий данное утверждение, может послужить выражение «绝无仅有», которое в Большом китайско-русском словаре обладает соответствием: «единственный в своём роде» [5]. Однако в тексте мы использовали перевод «во всем мире не было ему равных в красоте», чтобы ещё больше подчеркнуть, насколько был прекрасен наряд, который сшила Бай Няо для охотника Чжана. В этом случае мы использовали метод лексической замены.

Образность была потеряна в половине случаев. Это связано с несколькими причинами: культурные различия, отсутствие прямого аналога в русском языке, неоднозначность в контексте. В качестве примера может выступить выражение «修成正果», обладающее соответствием «достичь состояния Будды через усилия» [5]. Безусловно, такой перевод будет не совсем понятен российскому читателю, в связи с тем, что учение Будды не слишком известно и распространено на территории Российской Федерации. Читатель, возможно, не поймёт данного выражения. Поэтому с помощью метода описательного перевода мы использовали выражение «обрести великую мудрость» с целью объяснить читателю, что феникс получит, если отправиться к бессмертным.

Однако некоторые выражения, например, «垂涎欲滴» частично сохраняли референциальное значение и полностью теряли образность. В приведённом примере, фразеологическая единица обладает значением «чего-то сильно желать» [5], но в контексте сказки подразумевается, что аромат вина был настолько приятным, что мог привлечь любого человека.

Потеря образности – «точить зубы», связана с тем, что в русском языке данное выражение обозначает «испытывать чувство неприязни в отношении кого-либо», а в тексте сказки предполагается, что вино невероятно вкусное и способно понравится абсолютно любому. Поэтому было принято решение оставить перевод «очаровать». В данном случае использовался метод лексической замены.

Внутрилингвистическое значение было утрачено во всех фразеологических единицах. Объясняется подобное тем, что каждый язык является уникальной знаковой системой, которая обладает собственными грамматическими структурами. Тем самым, чтобы адаптировать текст и сделать его более понятными для читателя необходимо изменить структуру предложения. Безусловно, это приводит к потере некоторых оттенков значения языковой единицы.

Список использованных источников

1. Бакаев Э. Э. Роль фразеологизмов в современном английском языке / Э. Э. Бакаев, Л. Р. Велилаева // E-SCIO. 2020. №10. С. 509–516.
2. Иванашко Ю. П. Достижение эквивалентности при передаче прагматических значений: методический аспект / Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: сб. науч. тр. / Амурский гос. ун-т, – Благовещенск, 2022. – 348 с.
3. Кузнецова Д. В. Трудности перевода фразеологизмов с английского языка на русский / Д. В. Кузнецова, К. М. Лопата // Язык. Образование. Культура. 2022. №2. – С. 62–65.
4. Редько Г. В. Фразеологизмы как языковая универсалия, отражающая национальную культуру народа / Г. В. Редько, А. А. Еремеева // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. №1. С. 100–105.
5. Большой китайско-русский словарь: сайт. URL: https://bkrs.info/ (дата обращения: 10.01.2025).

УДК 81’347.78.034 и 808.5

НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

И.Н. Филиппова,

д.филол.н., профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения, Москва

Аннотация. Представлен анализ коммуникативных потерь в интерсемиотическом переводе художественной литературы, обусловливающих меньшую эксплицитность авторского идиостиля. Выдвинуты тезисы об асимметрии естественного языка и киноязыка, а также о необходимости обновления терминосистемы переводоведения и признании экранизации отдельной коммуникативной деятельностью, не подчиняющейся требованиям межъязыкового перевода.

Ключевые слова: адекватность, асимметрия, киноязык, интерсемиотический перевод, перевод, экранизация

Summary. We present an analysis of communicative losses in intersemiotic translation of fiction, which determine the lower explicitness of the author's idiostyle. We put forward the following theses: natural language and film language are asymmetrical, it is necessary to update

the terminology of translation studies and recognize film adaptation as a separate communicative activity that is not subject to the requirements of translation.
Key words: translation, intersemiotic translation, film adaptation, film language, adequacy, asymmetry

Колоссальный масштаб интерсемиотического перевода в наше время побуждает лингвистов исследовать трансформации, сопровождающие перенос литературы на экран. Нам любопытны потери литературного оригинала, которые носят характер неизбежности и не зависимы от стратегии экранизаторов и лимита экранного времени, а определены исключительно переходом в иную семиотическую среду. Новый формат коммуникации, заменяющий вербальные средства естественного языка ресурсами иных систем (изображения и звука), в значительной степени вытесняет авторскую речь, составляющую основу идиостиля писателя.

Цель статьи – выявить невосполнимые неизбежные потери экранизации и описать их с точки зрения теории межъязыкового перевода. Материалом служат разноязычные произведения художественной литературы в жанре ироничного детектива. Количество примеров невелико, но они достаточно репрезентативны, чтобы отразить выдвигаемые тезисы. Оценить количественно все коммуникативные потери от утраты фактов иронии при переносе через семиотическую границу не беремся – это невыполнимая в рамках статьи работа, достойная стать предметом полномасштабного диссертационного исследования. Для изложения наблюдений и интерпретации данных обратимся к британско-, польско- и русскоязычным оригиналам и их внутри- и межкультурным соответствиям в форме кино.

В современной британской литературе произведения о преступлениях в мире искусства Йена Пирса – пожалуй, лучший пример ироничного детектива. В интерсемиотическом переводе невербальными средствами полно сохранить языковую игру в описании действий не представляется возможным. В романе «The Raphael Affair» («Загадка Рафаэля»), первого из серии о приключениях искусствоведа Джонатана Аргайла, представлена следующая минисцена: «*He opened a vast black umbrella, the sort used by professional walkers in the rain, and stuck his elbow out*» [10, с. 53]. – «*Молодой человек раскрыл огромный черный зонт, каким пользуются профессиональные пешеходы, и предложил спутнице руку*» [4, с. 27]. В межъязыковой передаче коммуникативное воздействие на читателей перевода равноценно воздействию на читателей оригинала, т.е. задача перевода выполнена. В экранном тексте замещение этого фрагмента визуальными средствами не дает возможности достичь эффекта, производимого фильмом на зрителя, равноценного тому, какое оказывает вербальный код на читателя. Визуальные эффекты фокусировки камеры на зонте, создающие зрительный акцент на этом объекте не могут передать прагмасемантику выделенного словосочетания. Сопровождение визуально реализуемого действия (раскрытия зонта) музыкальным эффектом

(аккордом, хлопком и т.п.) также не решает задачи сохранения иронии.

Подобные эпизоды обнаруживаются и в этом и в прочих романах Йена Пирса во множестве, обеспечивая неизменный успех у читательской аудитории, которая благодаря переводчикам не ограничивается носителями английского языка. Весьма примечательна сцена погони в романе «The last Judgement» («Последний суд»): «*… she disappeared into a milling throng of tourists. Not Germans, she thought <…>* ***Too many to be Dutch, this would be about the entire country****. Czechs, maybe. Whoever they were, they were very good at obscuring the couple's tracks for them. <…> Then he made his mistake. 'Police,' he screamed. 'Stop them.' One of the most endearing things about the French is that they, especially adolescent Parisians, are so very public-spirited****. The Revolutionary tradition of fraternity lives on in them****.* ***Policemen*** *– even pretend ones –* ***inspire particular feelings of dislike****; no sooner had the man opened his mouth than the entire street was on the alert … <…>* ***With that sense of brotherly concern which they seem to imbibe with their mother's milk, everybody in close proximity moved to assist***» [9, с. 151]. – «*… она вклинилась в толпу туристов. Точно не немцы. Для датчан их слишком много — тут практически все население Дании. Возможно, чехи. Но независимо от национальности туристы оказались очень милыми людьми и ничуть не обиделись на неожиданное вторжение в свои ряды. <…> … француз совершил роковую ошибку. «Полиция!» — закричал он. — «Держите их!» Французы, особенно молодые парижане, принимают горячее участие в общественной жизни — сказывается революционное прошлое их отцов. И полицейские — даже те, кто выдает себя за них, — вызывают у них активное неприятие; не успел француз выкрикнуть слово «полиция», как вся улица пришла в готовность оказать ей сопротивление. <…> С чувством братской солидарности, которую парижане всасывают с молоком матери, народ сплотил свои ряды, прикрывая беглецов*» [5, с. 85]. Строгий переводоведческий анализ обнаружит некоторые отступления от эквивалентности в русскоязычной передаче оригинала, однако нельзя не признать, что он оказывает равноценное регулятивное воздействие на читателей перевода, т.е. адекватен первоисточнику. И в то же время трудно вообразить себе сохранение иронии в реализации этой сцены средствами киноязыка. Возможность передачи захватывающей погони представлена прекрасно в экранизации романа Дэна Брауна «The Da Vinci Code» («Код да Винчи») [12]. Но насыщение описания колкими и меткими тропами не представляется возможным в условиях киносемиотики. Так утратится содержание и прагматический эффект от выделенных фрагментов.

В своих детективах, ставших любимыми во многих странах мира, Иоанна Хмелевская демонстрирует не меньшую любовь к иронии. Однако просмотр сериалов по ее романам «Все красное» и «Что сказал покойник» свидетельствует о потере многих эффектных пассажей. Конечно, в целом они отражают стилистику автора, но во многом уступают оригиналу, т.к. авторская (не персонажная) речь устраняется и замещается

изобразительными и слуховыми средствами кино. Не удивительно поэтому, что бóльшая часть творчества Иоанны Хмелевской осталась неэкранизованной. Нет равноценных средств для передачи, например, таких сцен из романа «Лесь»: «*После работы обмозгованный уже до последней черточки убийственный план толкнул Леся в Центральный универмаг и поставил в очередь за мороженым «Калипсо». По удивительному стечению обстоятельств мороженое «Калипсо» оказалось в продаже*» [6, с. 16]. «*Пот ручьями стекал со лба, руки дрожали, а в сердце расцветало горячее сочувствие ко всем убийцам вообще. Ему и на ум не вспадало, что преступление настолько тягомотное дело*» [6, с. 20].

Подтверждением центрального тезиса о неизбежности потерь служат тексты, воплощенные в формате кино. Детективы Агаты Кристи, ставшие мировой классикой жанра, нашли свое выражение в сериалах и отдельных фильмах, демонстрируя продуктивность интерсемиотического перевода. Однако, в этих кинотекстах отсутствуют многие замечательные сентенции «королевы детектива», наполненные иронией. Начало истории «The Capture of Cerberus» («Укрощение Цербера») изложено так, что не может оставить читателя равнодушным: «*Hercule Poirot, swaying to and fro in the tube train, thrown now against one body, now against another, thought to himself* ***that there were too many people in the world****! Certainly there were too many people in the Underground world of London at this particular moment (6:30 p.m.) of the evening. <…>Hemmed in and pressed around by strangers—and on the whole (he thought distastefully) a plain and uninteresting lot of strangers! Humanity seen thus en masse was not attractive. <…> What was this passion that attacked women for knitting under the most unpropitious conditions? <…>* ***One needed the agility of a wild cat, and the willpower of a Napoleon to manage to knit in a crowded tube****, but women managed it! If they succeeded in obtaining a seat, out came* ***a miserable little strip of shrimp pink*** *and click, click went the pins!*» [8, с. 232] В экранной версии этого сюжета – в 4 серии «Подвиги Геракла» 13 сезона сериала «Poirot» («Пуаро Агаты Кристи») эта сцена отсутствует [3], что неудивительно, принимая во внимание невозможность визуальной передачи выделенных фрагментов. Вместе с тем, дискоммуникация раскрывается в своей полноте.

Аналогично и комментарий, сопровождающий сдержанную реакцию мисс Марпл на сообщение ее подруги об убийстве, не визуализирован в киноформате – в 9 фильме «4.50 from Paddington» («Точно по расписанию») сериала «Miss Marple» («Мисс Марпл»): «*“Oh, Jane!” she wailed. “I’ve just seen a murder!”* ***True to the precepts handed down to her by her mother and grandmother – to wit: that a true lady can neither be shocked nor surprised*** *– Miss Marple merely raised her eyebrows and shook her head*» [7, с. 9–10]. Изобразительные средства отсутствуют (актриса в роли мисс Марпл показана в кадре со спины, что не дает возможности видеть ее мимику, и остается статичной), аудиальные средства недостаточно эффективны (они лишь подчеркивают смятение невольной свидетельницы убийства, но не

отражают выдержки главной героини в нестандартной ситуации). В результате ирония никак не воплощена на экране. Такие примеры изобильны и легко выявляются в сопоставительном анализе литературных оригиналов с экранными реализациями в разных лингвокультурах и в межкультурном масштабе.

Отметим одну немаловажную для настоящего анализа деталь. Ярким примером компенсации выявленных потерь интерсемиотического перевода служит экранизация «12 стульев» Ильфа и Петрова Марком Захаровым. Осознавая невозможность семиотических аудиовизуальных средств отразить языковую игру авторов, создающих мощный сатирический эффект за счет иронии, режиссер-постановщик принял, на наш взгляд, удачное решение сохранить оригинальный текст как закадровое озвучание, мастерски выполненное З. Гердтом: «*По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет. Бриллиантовый дым держался под потолком. Жемчужные бусы катились по столу и прыгали по полу. Драгоценный мираж потрясал комнату»* [2]. Такие фрагменты дают поддержку визуальному ряду и звуковым эффектам экранного текста. Это единственная возможность донести до зрителей идиостиль художественного произведения. Только так можно избежать значительных потерь в новых коммуникативных условиях: не в вербальном, а в полимодальном тексте. Впрочем, не будем умалчивать, что такой подход к решению коммуникативной задачи получил негативную оценку, например, от критика А. Федорова, который на сайте Кино-Театр.ру отмечает: «*Жаль только, что Марк Захаров излишне увлекся закадровым текстом, пусть даже и в превосходном исполнении Зиновия Гердта...*» [1].

Это, конечно, несколько поверхностный обзор, принимающий во внимание лишь малую часть иронических произведений, значительно утративших свое обаяние в ходе экранизации. Но дополнить представленную информацию для заинтересованных в этой теме любителей литературы не составит труда.

В заключение подведем итоги анализа:

В межъязыковом переводе в отношении иронии выработаны приемы передачи авторской стилистики, позволяющие достигнуть адекватности (даже если полная эквивалентность невозможна из-за языковой асимметрии). В интерсемиотическом переводе таких средств пока не найдено и (есть все основания полагать) не будет найдено, т.к. семиотические средства киноязыка и естественного языка не тождественны и не равноценны.

Можно выдвинуть тезис о семиотической асимметрии естественного языка и аудиовизуальных средств кино, которая служит причиной неполной адекватности в интерсемиотическом переводе художественной литературы. Множественность фактов отклонения от адекватности представляется закономерной. Она диктует новый подход к самому понятию адекватности и/или новое понимание экранной реализации литературы не как перевода (в

его интерсемиотической ипостаси), а как отдельного вида коммуникативной деятельности.

Зрителям остается лишь сожалеть о невозможности киноформата вместить максимум авторской манеры, одну из главных черт которой составляет превосходное чувство юмора, воплощенное мягкой или острой иронией. Но это печальное обстоятельство лишь подчеркивает самоценность отдельных видов искусства и призывает нас наслаждаться каждым из них по-своему.

Теоретикам же предстоит принять во внимание необходимость обновления терминологического и методологического аппарата переводоведения. Анализ кинореализаций художественной литературы в координатах межъязыкового перевода – по крайней мере, в отношении текстов с ярко выраженной иронией – не может быть достаточно объективным или – точнее – достаточно корректным. В таком ключе кинотексты обречены на масштабные потери прагмасемантики и дискоммуникацию, что представляется неубедительным тезисом на фоне их популярности.

Список использованных источников

1. 12 стульев (1976). URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/10/annot/
2. Двенадцать стульев (Ильф и Петров). URL: https://онлайн-читать.рф/ильф-и-петров-12-стульев/
3. Мисс Марпл. Агата Кристи. URL: https://ok.ru/video/935284902490
4. Пирс Й. Загадка Рафаэля. М.: АСТ, 2005. 93 с.
5. Пирс Й. Последний суд. М.: АСТ, 2005. 132 с.
6. Хмелевская И. Лесь // Тайна. Лесь. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. С. 5-290
7. Christie A. 4:50 from Paddington. New York, London, Toronto, Sydney: Harper, 2011. 200 p.
8. Christie A. The Labors of Hercules. New York, London, Toronto, Sydney: Harper, 2011. 264 p.
9. Pears I. The Last Judgement. London: HarperCollins Publishers, 2013. 233 p.
10. Pears I. The Raphael Affair. London: HarperCollins Publishers, 1990. 183 p.
11. Poirot. URL: https://ororo.tv/ru/shows/poirot#13
12. The Da Vinci Code. URL: https://filmatika.ru/english_movies/kod-da-vinchi/

УДК 811.512.111

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ БИБЛИОНИМОВ

Э. В. Фомин,
к.филол.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. Работа посвящена изучению переводов на русский язык названий книг чувашских писателей. Автором анализируется список из 400 библионимов, которые согласно семантическому тождеству разделяются на три слоя: полные и частичные соответствия, а также полностью неидентичные. Ожидаемо доминируют пары

библионимов с полной семантической соотнесенностью с долей в 78 процентов, на долю иных названий приходится 22 процента.

Ключевые слова: чувашско-русские языковые контакты, перевод, художественная литература.

Summary. The work is devoted to the study of translations into Russian of book titles by Chuvash writers. The author analyzes a list of 400 biblionyms, which, according to semantic identity, are divided into three layers: full and partial matches, as well as completely non-identical ones. As expected, pairs of biblionyms with full semantic correlation dominate with a share of 78 percent, while other names account for 22 percent.

Keywords: Chuvash-Russian language contacts, translation, fiction.

В основу настоящего исследования положен двуязычный список названий книг чувашских писателей, составленный на базе сведений биобиблиографического указателя «Писатели Чувашии» [Афанасьев, 2006] и включающий 400 единиц. Автором изучается материал, охватывающий период с 1950 гг. по настоящее время. В список включены названия книг признанных в Чувашии писателей.

Каждая единица представляет собой чувашско-русскую, т. е. оригинально-переводную пару.

Необходимость русских переводов названий книг, изданных в России не на русском языке, предусмотрена издательскими стандартами. Русские названия иноязычных книг приводятся в выходных сведениях, как правило, находящихся на последних страницах.

Выводы работы основаны на количественно-качественном анализе материала. Автором семантическое тождество библионимов оценивается в трех категориях: полные и частичные соответствия, а также абсолютное несоответствие. В целях количественного измерения семантического расстояния названий книг каждой паре присуждаются баллы: идентичные названия оцениваются в один балл, частичные соответствия – в 0,5, различающиеся – в ноль баллов. Данные цифровые выражения суммируются, и полученная сумма делится на количество единиц. Таким образом выводится среднее семантическое тождество оригинальных библионимов и их переводных соответствий.

Гипотетически оригинальные и переводные пары библионимов должны быть семантически идентичными. Но, как показывают наблюдения, оригинальные и переводные названия не всегда соответствуют друг другу (см. табл. 1).

Таблица 1 – Соотношение оригинальных чувашских и переводных русских библионимов по уровню семантической идентичности

Виды библионимов	Количество библионимов	
	Σ	доля, в %
идентичные	312	78
частично идентичные	37	9,25
разные	51	12,75
Σ	400	100

Семантически идентичные пары библионимов представляют собой доминирующий пласт с долей в 78 процентов, см., например: «Чи хакли» (Л.

Агаков) = «Самое дорогое»; «Çич çунатлă курак» (Д. Гордеев) = «Семикрылый грач»; «Хамăр ялсем» (А. Алга) = «Односельчане»; «Хура çăкăр» (Н. Ильбек) = «Черный хлеб»; «Элкей таврашĕ» (П. Осипов) = «Эльгеевы»; «Таната» (Ф. Уяр) = «Тенета»; «Савни юррисем» (П. Эйзин) = «Песни любимой».

Идентичные пары библионимов позволяют безошибочно идентифицировать оригинальную и переводную книги. Прямые переводы служат прежде всего техническим целям и лишь во вторую очередь обладают свойствами художественного словописания. Впрочем, последнее требование в области вербального искусства никто не отменял, и даже технические названия должны отвечать высокому слогу.

Частично идентичные библионимы следует квалифицировать в качестве фактов, в которых реализовался допустимый, но не абсолютно тождественный перевод: «Юр хĕвет» (Ю. Айдаш), букв. снегом заносит – «Метет метелица»; «Пĕтĕм пурнăçшăн çĕкленнĕ музыка» (Г. Айги), букв. музыка, поднявшаяся ради всей жизни – «Музыка на всю жизнь»; «Пăр айĕн те шыв юхать» (Н. Максимов), букв. и подо льдом течет вода – «Подледное течение»; «Пин-пин чĕре» (П. Хузангай), букв. тысячи сердец – «Мильон сердец»; «Кун-çул сунталĕ умĕнче» (С. Шавлы), букв. перед наковальней жизни – «На наковальне жизни».

Подход к образному переводу названия книги является продолжением творческого процесса автора. Писатель не просто механически переводит библионим, он переосмысливает идею книги, ее квинтэссенцию на новой языковой основе. Во многом именно благодаря этому появляются семантически несовпадающие библионимичные пары.

Несоответствие оригинального и переводного библионимов обусловлено прежде всего разнохарактерностью языков и их культурных традиций: «Сенкерленчĕ шуçăм» (Ю. Вирьял), букв. занялась заря голубым цветом – «Зацветает зорька»; «Сăввăмçăм-сăввăм» (Я. Ухсай) с пафосным удвоенным посессивом при первом использовании слова *сăвă* ‘стихотворение’ и простым повторением посессивного аффикса при его втором упоминании – «Стихи мои, стихи»; «Ту урлă çул» (Я. Ухсай), букв. дорога через гору – «Перевал»; «Кăмака юсаттарни» (Ф. Уяр), букв. починка печи, [совершенная посторонними людьми по нашей просьбе] – «Как мы печку чинили».

Не удается сохранить семантическое тождество при переводе оригинальных названий с заложенной в них звукописью: «Хуп хушшинчи çылăх» (Д. Гордеев), букв. грех, [совершенный] между лубом – «Тайный грех»; «Тайлăк çын тĕлĕкĕ» (Н. Максимов), букв. сон сошедшего с ума – «Сон шизофреника»; «Тăм тивнĕ чун» (Н. Петровскя), букв. душа, тронутая заморозками – «Израненная душа»; «Çулăм витĕр çул выртать» (А. Алга) – «Дорога в пламени». В последнем случае теряется афористичность чувашского библионима, ср. с поговоркой *Çăлтăр витĕр çул выртать* ‘Дорога лежит через звезды’.

В переводном названии библионима невозможно повторить внутрикультурные интертекстуальные связи: «Ушкăн-ушкăн пĕлĕт иртет» (В. Алендей) – «Плывут облака», см. начало стихотворения «Пурнăçпа вилĕм» («Жизнь и смерть») М. Сеспеля: *Ушкăн-ушкăн шур пĕлĕт иртет… / Тăлăх хирте каç пулса килет.* ‘Проплывают белые облака… / В сиротливом поле наступает вечер’; «Вĕлле хурчĕ – ылтăн хурт» (В. Алендей), букв. улейное насекомое [пчела] – золотое насекомое – «Пчелка золотая», народная песня, известная в обработке Ф. Павлова.

Библионимы с разным значением. В данном случае о переводе можно говорить лишь условно, ср.: «Улма йывăç аваннать» (А. Артемьев), букв. яблони гнутся → «Яблони в цвету»; «Ирхи кӳлĕм» (Ю. Айдаш), букв. утром → «Утренний рейс»; «Сарамат пĕкки» (Г. Краснов), диал., букв. радуга → «Радуга на рассвете»; «Чĕре çуннăран» (Н. Терентьев), букв. потому, что сердце горит → «Колокола души»; «Аслати кĕрлесен» (С. Шавлы), букв. после того, как прогремит гром → «После грозы».

В такого рода названиях обычно сохраняются ключевые слова, но подаются они в другом смысловом оформлении.

Разноязычные элементы биноминальных библионимов чаще всего находятся в ассоциативно-синонимических отношениях: «Ăру» (В. Давыдов-Анатри), букв. поколение → «Молодое племя»; «Ырă ĕмĕт» (А. Лазарева), букв. добрая мечта → «Осуществленная мечта»; «Çĕрле лартнă улмуççи), букв. яблоня, посаженная ночью → «Яблоня двух сердец»; «Ӳссен эсĕ кам пулан?» (В. Петров), букв. кем ты станешь, когда вырастишь? → «Делать жизнь с кого?».

Кроме всего прочего, они могут составить антонимичные пары: «Тупă сасси илтĕнместчĕ» (И. Лисаев), букв. орудия не были слышны → «Где-то далеко канонада…».

Допускаются ситуации, предполагающие диалог между оригинальными и переводными названиями: «Çунатсăр-и эпир?» (А. Лукин), букв. мы без крыльев? → «Есть у нас крылья».

В ряде случаев сложнообусловленные библионимы переводятся на русский язык в упрощенном виде с отсылкой к сути явлений, о которых идет речь в тексте: «Çурта кунĕ» (Д. Гордеев), букв. день свечи → «День поминовения»; «Кĕвĕçекене кĕве çиет» (Г. Краснов), фразеологизм, букв. ревнивого поедает моль → «Все от любви».

Также можно выделить библионимичные пары с дезориентирующими элементами: «Тĕнче ытамĕнче» (Н. Исмуков), букв. в объятиях мира → «В мире подлунном»; «Ас тивсе илмелĕх» (Н. Исмуков), букв. для того, чтобы попробовать → «Трагическое чувство»; «Ăçта эс, ылтăн кайăк?», букв. где ты, золотая птица? → «Лесная легенда».

Представляется, что при рассмотрении несовпадающих библионимов необходимо говорить о втором названии, условно воспринимаемом в качестве переводного. Аналогичное явление существует в национальной театральной сфере, когда спектакль может иметь разные названия: «при

таком [смысловом] переводе формируется второе самостоятельное имя, состоящее с оригинальным чувашским онимом не столько в условных связях, сколько развивающее и уточняющее его» [Фомин, 2023, с. 385].

Семантическое расстояние между оригинальными и переводными названиями в рассмотренной выборке составляет 0,82 единицы, для ср.: аналогичный показатель был получен в результате изучения семантической соотнесенности двуязычных чувашских библионимов рубежа XIX–XX вв. [Фомин, 2024, с. 401]. Но при всем этом повторяющийся показатель – скорее случайность.

Примененный в данной работе метод может быть использован для количественного измерения семантического расстояния оригинальных и переводных текстов большего объема.

Список использованных источников

1. Афанасьев П. Писатели Чувашии : биобиблиогр. указ. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2006. – 558 с.
2. Фомин Э. В. Оригинальные и переводные названия спектаклей чувашского театра // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – Симферополь : Ариал, 2023. – С. 383–387.
3. Фомин Э. В. Чувашские библионимы конца XIX в. в аспекте переводоведения // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – Симферополь, 2024. – С. 399–402.

УДК 811.112.2

РИХАРД ВИЛЬГЕЛЬМ – «ПОСРЕДНИК ДВУХ МИРОВ»

Е.М. Шастина,
д.филол.н., профессор кафедры немецкой филологии, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга

Аннотация. Освещается деятельность выдающегося немецкого синолога, педагога и переводчика Рихарда Вильгельма ((Richard Wilhelm, 1873-1930), познакомившего Европу в начале XX века с культурой и философской мыслью Китая, способствующего созданию положительного образа Китая в сознании европейцев. Представлен обзор наиболее значимых переводов Вильгельма на немецкий язык. В ходе проведенного анализа рецепции переводов Вильгельма в разные периоды немецкой истории – от Веймарской Республики до наших дней – подтверждена мысль о вкладе Вильгельма, «посредника двух миров», в развитие межкультурной коммуникации между Западом и Востоком.

Ключевые слова: Рихард Вильгельм, Китай, межкультурная коммуникация, перевод.

Abstract. The article covers the activities of the outstanding German sinologist, teacher and translator Richard Wilhelm ((Richard Wilhelm, 1873-1930), who introduced Europe to the culture and philosophical thought of China at the beginning of the twentieth century, contributing to the creation of a positive image of China in the minds of Europeans. An overview of Wilhelm’s most significant translations into German is presented. The analysis of the reception of Wilhelm’s translations in different periods of German history – from the Weimar Republic to the present day – confirms the idea of Wilhelm’s contribution, “mediator

of two worlds", to the development of intercultural communication between the West and the East.

Key words: Richard Wilhelm, China, intercultural communication, translation.

Имя Рихарда Вильгельма (Richard Wilhelm, 1873-1930) – синолога, миссионера, педагога и переводчика – в последние десятилетия все чаще встречается в научных работах, в первую очередь, немецкоязычных авторов, исследующих культурный диалог Запада и Востока [2; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 11; 14 и др.]. Обращение в этой связи к жизненному пути и наследию Вильгельма представляется важным, поскольку позволяет проследить эволюцию культурного диалога между Западом и Востоком – от идеализации образа Китая до полного его неприятия. Представления о Китае в большей степени зависели от стереотипов, сложившихся на Западе на протяжении веков, чем от объективных условий. Априори, что восприятие Востока и Запада в рамках дихотомического сопоставления как противоположные типы культуры с явным преимуществом Запада также представляется своеобразным клише, именно об этом идет речь в известной книге Эдварда В. Саида «Ориентализм» (1978) [1]. Ориентализм стал своеобразным «артефактом Запада», стилем мышления, основанном на онтологическом и эпистемологическом различении Востока и Запада, основой для постколониальных исследований, подчеркивающих неотъемлемое доминирование Запада.

«Антиориенталистские» взгляды Вильгельма сформировались не умозрительно, напротив, прожив четверть века в Китае, он пришел к пониманию Другого через погружение в культуру страны, традиции и обычаи народа, это подтверждает достаточно объемный пассаж их книги «Душа Китая» („Die Seele Chinas", 1925): *«Мне повезло двадцать пять лет моей жизни провести в Китае. Я научился любить страну и ее людей, как каждый, кто оставался здесь на долгое время. Но именно эти двадцать пять лет были особенно важны, потому что это были годы, когда встретились старое и новое. Мне довелось еще застать Древний Китай, который, казалось, существовал тысячелетиями. Я был свидетелем его краха и видел, как из-под обломков расцвела новая жизнь. И в старом, и в новом есть нечто родственное, что их объединяет и, надеюсь, не будет утрачено – это душа Китая, которая развивается, но не теряет присущего ей величия и спокойствия» [12] (перевод Е. Шастиной).*

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью осмысления истоков культурного диалога между Западом и Востоком, в целом, Германией и Китаем, в частности. Это необходимо, поскольку китайский аспект присутствует в творчестве многих выдающихся немецкоязычных писателей XX века (Ф. Кафка, Э. Канетти, Г. Гессе и др.), чье знакомство с Китаем в большей степени стало возможным благодаря переводам Вильгельма. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы ввести в российский научный оборот имя выдающегося синолога и переводчика Рихарда Вильгельма.

Рихард Вильгельм родился в Штутгарте 10 мая 1873 года. В 1895 году после окончания богословского университета в г. Тюбинген поступил в духовную семинарию, где встретил своего наставника – выдающегося богослова Кристофа Блюмгардта (Christoph Friedrich Blumhardt, 1842—1919), оказавшего большое влияние на мировоззрение будущего миссионера. В 1900 году Вильгельм, обручившись с дочерью своего учителя, в составе миссии отправился в Циндао (провинция Шаньдун, которая в то время являлась колонией Германии). В задачи молодого миссионера – учителя и священника – входило обращение местного населения в христианство, а также просветительская работа. Позднее Вильгельм признается, что не обратил ни одного китайца в христианство, напротив, сам стал приверженцем конфуцианства [12].

Исследователь А. Ся (A. Hsia) в послесловии к книге «Немецкие мыслители о Китае» („Deutsche Denker über China“) [7, S.369-370] указывает на то, что деятельность миссионеров способствовала созданию положительного образа Востока, основанного на толерантном отношении к представителям другой культуры, в первую очередь, Китая, что подчеркивает значимую роль Китая в развитии европейской философской мысли. Вильгельм **был не только миссионером, но и успешным педагогом, всемирно признанным синологом, в глазах китайцев – героем культурного трансфера между Востоком и Западом – «немецким китайцем» - Вэй Лисянь (Wei Lixian) [2, S.137].** Вильгельм настолько хорошо овладел китайским языком, что стал переводить на немецкий язык труды великих философов – Лао-цзы, Конфуция, **Чжуан-цзы и др. Вклад Вильгельма в становление китайско-германских отношений без преувеличения велик, будучи основателем первой немецко-китайской школы в Циндао, он занимался также дипломатической работой, за что был отмечен наградой императора. По возвращении в Германию Вильгельм в качестве приглашенного профессора Пекинского университета продолжил начатую работу по укреплению отношений между Китаем и Германией, подтверждением этому являются долголетние контакты с китайскими интеллектуалами – философами и литераторами, а также переводческая работа. По его инициативе в университете города Франкфурта-на-Майне в течение ряда лет издавался «Китайско-немецкий альманах» („Chinesisch-deutscher Almanach“, 1927-1935). Своеобразным признанием переводческой деятельности Вильгельма стала учрежденная в Германии премия для переводчиков, которая носит имя ученого (Richard-Wilhelm-Preis für Literaturübersetzungen), позднее был создан переводческий центр в Рурском университете в Бохуме (Richard Wilhelm** Übersetzungszentrum in Bochum: Zentrum für die Übersetzung chinesischer und taiwanesischer Literatur).

Рихард Вильгельм умер 2 марта 1930 года, успев завершить свой magnum opus – перевел восьмитомную работу «Религия и философия

Китая» („Religion und Philosophie Chinas“, 1927), которая стала бестселлером**, способствовала созданию в Веймарской республике идеализированного образа Китая [2]. Помимо этого, в разные годы были опубликованы другие его книги о Китае и переводы философских трактатов великих китайских мыслителей – Конфуция, Лао-цзы, Фу Си и др. („Kung Futse. Gespräche“, 1909; „Laotse. Tao Te King. Das Leben des Alten vom Sinn und Leben“, 1910; „Liä Dsi. Das wahre Buch vom quellenden Urgrund“, 1911; „Dschuang Dsi. Das wahre Buch vom südlichen Blütenland“, 1912; „I Ging. Das Buch der Wandlungen,1924), а также «Китайская мудрость жизни» („Chinesische Lebensweisheit“, 1922) «Душа Китая» („Die Seele Chinas“, 1925), «Экономическая философия Китая» („Chinesische Wirtschaftspsychologie“, 1933), «Лао-цзы и даосизм» („Lao Tse und Taoismus“, 1925), «Конфуций: жизнь и творчество» (Kung-Tse: Leben und Werk) и др.**

Априори переводы трудов китайских философов – дело не простое, обратимся лишь к одному примеру поиска эквивалента для понятия «дао», в одном из писем издателю Вильгельм объясняет свое переводческое решение в пользу немецкого слова «Sinn» как результат поиска «эквивалента в немецкой концептуальной сфере», которое было принято после прочтения отрывка из «Фауста» Гете, когда Фауст возвращается с пасхальной прогулки, приступает к переводу Нового Завета и пытается перевести вступительные слова Евангелия от Иоанна. Китайское слово начинается со значения «путь», далее значение расширяется до «направления», «состояния», затем «разума», «истины». Немецкое слово «Sinn» также имеет первоначальное значение «путь», «направление» [2]. «Влияние» Гете ощущается в адаптированном переводе классических китайских поэм, в отличие от своих предшественников, Вильгельм переводил поэзию периода Тан (VI–IX вв.) в некой вневременной манере, сохраняя при этом тонкий юмор оригинала. В то же время, в настоящий момент ряд религиозных трактатов, переведенных Вильгельмом на немецкий язык, нуждаются в пересмотре, поскольку автор прибегал к христианскому истолкованию отдельных понятий, например, в учении о Дао.

Переводы с китайского принесли Вильгельму заслуженную славу великого немецкого синолога, который открыл европейцам китайскую философию. Вильгельм был больше, чем переводчик, он стремился разрушить бытующие в Европе XIX века клише и стереотипы о Китае, став «послом двух миров» (Botschafter zweier Welten), «одним из важнейших посредников между Востоком и Западом» (**als einer der wichtigsten Kulturvermittler zwischen Ost und West) [**3, S. 136**],** он обрел большое количество сторонников. Герман Гессе, который был лично знаком с Вильгельмом, высоко оценил его деятельность, в одном из писем от 4 июня 1926 года, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе напишет: «Я благодарен Вам за все, что связано для меня с Китаем, это особенно

важно для меня после моей многолетней обращенности к Индии» [5, S. 149-150], в некрологе на смерть Вильгельма Гессе отметит важность наследия Вильгельма для европейской мысли [3, S.146]. Опубликованная в 1956 году женой – Саломе Вильгельм первая биография Рихарда Вильгельма [13], «духовного посредника между Китаем и Европой», также не осталась незамеченной Гессе.

В годы Веймарской республики деятельность Вильгельма подвергалась критике, отмечалась его «ненаучность», ему ставилось в вину некритическое отношение к Китаю, субъективизм в оценке в целом китайской культуры и т.д. Сегодня наследие Вильгельма считается основой восточной философии и образования в немецкоязычном мире [4, S.188]. По мнению, Д. Випперман – автора опубликованной в 2020 году биографии Вильгельма [14], необходимо, с одной стороны, демифологизировать личность великого синолога, с другой стороны, отдать должное его просветительской деятельности, заложившей основу западноевропейского китаеведения. Исследователи переводов Вильгельма, работающие с его архивом в Мюнхене, отмечают высочайший уровень его переводов, обращая внимание на творческий процесс перевода [2].

Список использованных источников

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид / пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Русский Міръ, 2006. – 639 с.
2. Betz K. Die rückständigen Europäer – Mit Richard Wilhelms Nachlass auf Gedankenreise in die Kolonialgeschichte [Electronic Resource] / K. Betz. – URL: https://babelwerk.de/nachgelassenes/die-rueckstaendigen-europaeer/ (дата обращения 29.01.2025).
3. Chen Zhuangying. Richard Wilhelm als Kulturvermittler und sein Einfluss auf Hermann Hesse / Zhuangying Chen // Aurnhammer, Achim (Hrsg.): Deutsch-chinesische Helden und Anti-Helden : Strategien der Heroisierung und Deheroisierung in interkultureller Perspektive. – Baden-Baden: Ergon, 2020. – S. 133–148.
4. Gründer H. Rudolf Wilhelm - Deutscher liberaler Imperialist und Freund Chinas / H. Gründer // Jahrbuch für europäische Überseegeschichte. – Vol. 9. -2009. - S. 183-199.
5. Hesse H. Die Briefe / H. Hesse. – Bd. 4: „Ich bin ein Mensch des Werdens und der Wandlungen“, 1924–1932 / Hrsg. von Volker Michels. – Berlin, 2016. – S. 149–150.
6. Hirsch K. Richard Wilhelm – Botschafter zweier Welten: Sinologe und Missionar zwischen Europa und China. Biographie / K. Hirsch (Hg.). - Frankfurt am Main: IKO - Verlag, 2003. – 208 S.
7. Hsia A. Nachwort // Deutsche Denker über China / Hrsg. A. Hsia. –Frankfurt am Main: Insel Taschenbuchverlag, 1985. – S.369-389.
8. Hsia A. Chinabilder in der europäischen Literatur / A. Hsia. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 2010. – 180 S.
9. Klöter H. Zwischen China, Sinologie und deutschem Lesepublikum. Vergleichende Notizen zu Richard Wilhelm und Franz Kuhn / H. Klöter // Andreas F. Kelletat, Aleksey Tashinskiy (Hg.): Übersetzer als Entdecker: Ihr Leben und Werk als Gegenstand translationswissenschaftlicher und literaturgeschichtlicher Forschung. – Berlin, 2014. - 376 S.
10. Lange Th. China als Metapher. Versuch über das Chinabild des deutschen Romans im 20. Jahrhundert / Th. Lange // Zeitschrift für Kulturaustausch. - Heft 3. – 1986. – S.341–349.
11. Walravens H. Richard Wilhelm (1873–1930): Missionar in China und Vermittler chinesischen Geistesguts / H. Walravens (Hg.). - Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica,

2008. – 316 S.

12. Wilhelm R. Die Seele Chinas [Electronic Resource] / R. Wilhelm. – Verlag Projekt Gutenberg –De. – (14 Jan. 2016). – 310 S.

13. – URL: https://www.projektgutenberg.org/wilhelm/seelchin/chap002.html (дата обращения 29.01.2025)

14. Wilhelm S. **Richard Wilhelm, der geistige Mittler zwischen China und Europa. Mit einer Einleitung von Walter F. Otto /S. Wilhelm. -** Düsseldorf; Köln: Verlag Diederichs. 1956. – 392 S.

15. Wippermann D. Richard Wilhelm. Der Sinologe und seine Kulturmission in China und Frankfurt / D. Wippermann. – Frankfurt am Main: Societäts-Verlag, 2020. - 283 S.

УДК 81’347.78.034

МНОГООБРАЗИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАЦИЙ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОВТОРНЫХ ПЕРЕВОДОВ

Е. С. Шерстнёва,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», Магадан

И. В. Герасименко,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», Санкт-Петербург

Аннотация: В данной статье рассматривается сложный феномен повторных переводов. Факторы, влияющие на этот процесс, подразделяются на две группы: связанные с характеристиками исходного текста и связанные с уникальными особенностями его представления на иностранном языке. Теоретическая возможность достижения оптимального перевода служит ключевым фактором возникновения множественных переводов и способствует конструктивной конкуренции между переводчиками.

Ключевые слова: повторный перевод, неполнота оригинала, временная и языковая оптимизация перевода, повторы и плагиат, оптимальный перевод.

Abstract. This article examines the challenging phenomenon of retranslations. The factors influencing this process are categorized into two groups: those related to the characteristics of the source text and those associated with the unique features of its representation in a foreign language. The theoretical feasibility of achieving an optimal translation serves as a key driver for the emergence of multiple translations and fosters constructive competition among translators.

Key words: retranslation, unexhaustiveness of the original, temporal and linguistic optimization of the translation, repetitions and plagiarism, optimal translation.

There is no translation at all in which
the words of one language could or should cover
the words of another language
Martin Heidegger, 1984

The phenomenon of retranslations or multiple translations of seminal literary works into one or more foreign languages has become a common occurrence in today's multicultural and interconnected society. When a literary work interacts with a different cultural context, it inevitably creates a dynamic interplay or “force

field" that often leads to its expression in the form of translation.

Translation theorists have identified a variety of factors that contribute to the development of this phenomenon. These factors include the cultural, historical, and linguistic characteristics of the source text; the preferences and expectations of the target audience; and the evolving norms and practices of the translation process itself. Additionally, the translators' individual interpretations and the sociopolitical or ideological climate of the target culture also play significant roles in shaping multiple translations.

A comprehensive and multidimensional analysis of these factors, alongside a detailed examination of the outcomes of retranslations, is essential to understanding their broader impact. Such studies can reveal how multiple translations influence the perception, interpretation, and reception of the original work, shedding light on the ways in which it is reshaped and recontextualized within new cultural frameworks. This, in turn, underscores the dynamic relationship between the source text and its translated versions, highlighting the interplay between fidelity to the original and creative adaptation in translation practices.

Before we speak about conditions, which mediate the generation of retranslations it would be reasonable to provide the definition of this phenomenon suggested by P. Toper who characterizes it as a natural attribute of literary translation. However, the researcher is sure that this phenomenon does not necessarily lead to optimization of existing translations but only reflects new regularities and readers' expectations. P. Toper states that it is only another stage that covers the meaning of the original [4, p. 227–229].

The first and foremost reason that causes the named above phenomenon is the source-text itself. R. Bart puts it the following way: "Plurality is essential for the text" [1, p. 417]. This plurality is inevitable and does not succumb to "pluralistic interpretation". Thus, we can conclude that there is objective incapability of the translator to overcome "diatopical multi-linearity" at the textual content-level. According to R. R. Tchaikovsky only maximum number of translations into maximum number of languages may represent a generalized foreign invariant of the original, ultimately exhausting it [6, p. 152]. Henceforth, potential plurality of translations connected with variability of possible translator's versions of the one and only original increases many times over because of inherent plurality of implications of the source-text.

Another problem that has direct connection to the analyzed-above phenomenon is that the original as well as any other object regarded from philosophical and physical point of view and interacting with the environment is an open-loop system. The meaning of the original cannot be isolated from external interferences. The most active of these interferences are temporal and lingual-cultural ones. Influencing the image of the original all these factors necessitate modifications or variations of its translations. V. Radchuk and U. Levin say that in the course of time the language of the translation becomes outdated. This is the case, for example, with R. M. Rilke's novel "The Notebooks of Malte Laurids

Brigge". One of its English versions was performed by St. Mitchel and in critical works it was characterized as "a powerfully *fluent contemporary version* of this great book which will make it available to a *whole new generation* of readers" (italics by E. Sherstneva) [8]. We made some parts of the text italicized to emphasize the idea that though there have passed only fifty-five years since the first translation of the novel was published, readers of the following generation by that time needed a modern version of translation which could satisfy their requirements.

Let us present V. Radchuk's opinion that each work of literature appeals to its people, its epoch in quite a unique way: "Each epoch finds and translates that what the previous one had not found" [3, p. 227–228]. So esthetic factor associated with semantic aspect is one more reason that actuates multiple translations. In the course of its existence any translation models cultural assets of the epoch in which it is represented and mediates integration of foreign culture into a receiving one providing intercultural dialogue.

It is undeniable that translators serve as representatives of their respective eras, reflecting the linguistic norms, cultural values, and social traditions of their time. Their approach to translation is shaped by their principles of language use, personal cultural and social experiences, and unique life backgrounds. These factors collectively influence how translators perceive the author's vision and how they choose to convey its nuances in the target language.

In their work, translators integrate their individual interpretations of the author's ideas and stylistic features, effectively imbuing the translation with their own perspective on the source material. This process involves a synthesis of their understanding of the text's original meaning and their vision of how it should be communicated to a new audience.

An examination of critical analyses of English translations of Rainer Maria Rilke's novel demonstrates this principle clearly. Each translator approached the text with their unique translational concept, shaped by their personal experiences, linguistic preferences, and cultural context. These differences manifest in the varying styles, emphases, and interpretations found across the translations, reflecting not only the individuality of each translator but also the diversity of the cultural and historical frameworks in which they operated. This highlights the inherently subjective nature of translation as both an art and a craft, where the translator's role extends beyond mere linguistic conversion to include a reimagining of the text within the parameters of their own understanding and creative vision.[14]

---

[14] Е. С. Шерстнева История переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на английский язык // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз. Сев.-Вост. гос. ун-та (г. Магадан). Вып. 6: Художественный перевод. – Магадан: Кордис, 2009. – С. 46–53.
Е. С. Шерстнева Б. Пайк о своей работе над переводом романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» // Идеи, гипотезы, поиск…: сб. эссе к XVII регион. науч. конф. аспирантов и молодых исследователей СВГУ. – Магадан: Кордис, 2010. – Вып. XVII. – С. 80–83.

It is axiomatic that proper positioning of foci in the text by the author is essential for the reader. In its turn, accurate reproduction of these signals by the translator provide correct interpretation of the author's concept by foreign readers. Thus, author's talent and translator's professionalism are key factors that guarantee the objectiveness of the source-text translation. Talented translation successfully represents the original in the target-culture. This, in its turn, facilitates the establishment of the writer in target culture, growth of his popularity, demand for his works. The more popular the author becomes the more translations of the his works appear the more active is the impact of multiple translations.

Need for optimization is one of prime movers triggering retranslations. In R. Keller's opinion: «Es dürfte für einen hinreichend komplexen Ausgagstext keine Übersetzung geben, für die eine Optimierung ausgeschlossen wäre» [7, p.13]. This hypothesis is supported by A. T. Khrolenko's assertion that not a translation can absolutely reconstruct all the parameters of the original, that leads to multiple translations [5, p. 104]. Therefore, co-existence of several translations relevant to the original to variable degrees may be explained by impossibility of making an absolutely adequate literary translation of the original. But there even may be regression in newer translations as many experts of translation say, there are no active or stable laws of progression in literary translation [2, p. 10].

It should be mentioned that repetitions and replications are unavoidable in multiple translations as there is a co-called limit for all types of lexical equivalents which may adequately reconstruct the language of the original in the language of translation. There often arises such situation when a translator is working on his translation and sees that his predecessor found a perfect equivalent, gave the optimal solution so his follower by all means tries to avoid borrowing, avoid plagiarism and offers his variant even realizing that it is worse, poorer and less professional. In this case there must be legalized a rule or a directive of the so-called "optimal translation". This type of translation has been described within the context of characterizing multiple translation phenomenon by R. R. Tchaikovsky. Optimal translation is the best variant of all possible translations, it is semantically, structurally and stylistically equivalent textual fragment in its reference to the original [6, p. 155–156]. So, even though the translator's predecessor has already found and used the optimal variant of translation of some fragment of this or that literary work his follower with all his confidence may duplicate it in pursuing his attempt of creation an optimal translation of the whole original. In the meantime, nobody sets aside translators' competitiveness, which may have two forms: progressive and regressive. The latter implies morbid and destructive thirst for originality, showing of one's own writing, not interpreting, talent. Such practice implemented by the unconventional translator is by no means regressive and leads only to degradation in translation.

When discussing the relationship between the author and the translator, it is essential not to overlook the role of the translation's ultimate recipient: the reader. The reader serves as the final interpreter and evaluator of the message originally

crafted by the author and subsequently adapted by the translator for a broader audience. This individual occupies a crucial position in the communicative chain, acting as the "control receiver" who interacts with the conveyed meaning, interpreting it through their unique perspective and context.

A thoughtful and discerning reader has the ability to critically assess the array of translations available to them, selecting the version that resonates most with their preferences, cultural background, and interpretive inclinations. The diversity of translations, each offering a distinct rendering of the original work, provides readers with the opportunity to engage with the text in a manner that feels personally authentic.

This freedom of choice not only enriches the reader's experience but also empowers them to become active participants in the literary dialogue. Through their selection, readers validate and shape the translation process, contributing to the ongoing interplay between the original work, its translations, and its reception across cultures. This dynamic underscores the importance of the reader's agency, as it is their engagement with the text that ultimately completes the creative and communicative cycle initiated by the author and mediated by the translator.

While the reader plays a pivotal role as the ultimate evaluator of the translator's work, their experience is deeply shaped by the intercultural dynamics at play in the translation process. These dynamics, rooted in the interaction between the source and target cultures, influence not only how the original text is adapted but also how it is received and understood by diverse audiences across cultural boundaries. An additional and significant factor influencing the phenomenon of multiple translations is the role of intercultural communication. When a literary work crosses linguistic and cultural boundaries, the translator must navigate the intricate dynamics between the source and target cultures. This process involves more than linguistic proficiency – it requires cultural sensitivity, as translators often act as mediators between differing worldviews, values, and traditions.

1. The Translator as a Cultural Bridge

The translator's ability to interpret and adapt cultural elements embedded in the original text is critical. Cultural nuances, such as idiomatic expressions, symbolism, references to historical events, or culturally specific practices, may not have direct equivalents in the target culture. Translators must decide whether to preserve these elements in their original form, explain them through footnotes or adaptations, or substitute them with more relatable concepts. Each decision can lead to distinct versions of the same work, contributing to the multiplicity of translations.

2. Evolving Cultural Perceptions Over Time

Intercultural communication also evolves as societies change. Translations that were produced in a specific historical or social context may no longer resonate with contemporary audiences. New translations often emerge to address shifts in cultural perspectives, values, and linguistic norms. This temporal evolution enriches the diversity of translations and provides insight into the ways different

cultures engage with and reinterpret the same text.

3. Audience Expectations and Reception

The expectations of the target audience, shaped by their cultural background, also play a pivotal role in the translation process. Translators must consider how readers in the target culture will perceive the work and adapt their approach to ensure the text's relevance and accessibility. This audience-centered approach often results in translations that vary significantly based on the cultural assumptions and preferences of the intended readership.

4. Intercultural Dialogue Through Translation

Finally, multiple translations create opportunities for intercultural dialogue. By presenting the same work through different interpretive lenses, translations can highlight the ways in which diverse cultures understand and value universal themes. This dialogue fosters mutual understanding and enriches the global literary landscape, allowing readers from various cultural backgrounds to appreciate the original work in ways that align with their unique perspectives.

Integrating the concept of intercultural communication into the study of multiple translations emphasizes the dynamic interplay between language, culture, and interpretation. It underscores how translations serve as more than mere linguistic conversions – they are cultural artifacts that bridge the gap between civilizations, fostering understanding while celebrating diversity.

In conclusion, we would like to mention the fact that one of the requirements to be observed by the Nobel laureate in literature is existence of several translations of his poems into the English language performed by professional translations. It is apparent from the foregoing that the notion of multiple translations is an essential category in the theory of literary translation, which cannot be ignored in the analysis of any work of literature. Such features of the source text as diatopical multi-linearity, unexhaustiveness, inherent plurality of implications and openness as a system and common for translation concepts of temporal and epochal actualization as well as translator’s concept and his attitude to borrowing optimal variants of translation mediate potency and maintenance of multiple translation phenomenon.

Список использованных источников (References)

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 413–423.

2. Витковский Е. Русское зазеркалье // Строфы века -2: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. – М.: Полифакт. Итоги века, 1998. – С. 8–22.

3. Из дискуссии: Вернер Коллер, Александр Швейцер, Виталий Радчук, Вячеслав Шаповалов, Юрий Левин, Сергей Ганиев, Павел Топер / Сост. П. М. Топер, В. Х. Ганиев // Литература и перевод: Проблемы теории. Международная встреча ученых и писателей. Москва. 27 февраля – 1 марта 1991 г. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Литера», 1992. – С. 226–232.

4. Топер П. М. Требовательность и широта взгляда // Художественный перевод: Вопросы теории и практики; сост.: С. С. Попкова, А. А. Оввян; редкол.: М. П. Бажан и др. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та., 1982. – С. 251–257.

5. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.

6. Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода: вводная часть. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2008. – 182 с.

7. Keller R. Einleitung // Linguistik und Literaturubersetzen; Rudi Keller (Hrsg.). – Tübingen: Narr, 1997. – S. 7–16.

8. Mitchell S. Ahead of All Parting [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stephenmitchellbooks.com/translations-adaptations/thenotebooks -of-malte-laurids-brigge/ (дата обращения 20.11.2024).

УДК 378.4

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПОСРЕДСТВОМ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Л. В. Ягенич,

к.пед.н., заведующий кафедрой иностранных языков №4,

Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена формированию у обучающихся медицинских специальностей в высшей школе лексических навыков и развитию коммуникативных умений. В связи с развитием новых технологий и канонов организации образовательного процесса связанных с персонализацией, цифровизацией и глобализацией полагаем, что разработке методики формирования профессиональной компетенции через изучение иностранного языка является своевременной и необходимой в процессе организации медицинского образования. В статье рассматриваются понятия: «медицинский английский» и «e-learning», работа с современными платформами и ресурсами в сети Интернет. Успешное освоение студентами медицинской лексики подтверждается результатами предложенного тестирования и проведённым анкетированием обучающихся в части понимания и знания правил использования цифровых платформ.

Ключевые слова: медицинский английский, профессиональная лексика, «e-learning», образовательная платформа, образовательный процесс, цифровизация.

Summary. The article is devoted to the lexical skills formation and communication skills development in students of university medical specialties. In connection with the development of new technologies and canons of the organization of the educational process associated with personalization, digitalization and globalization, it is believed that the development of a methodology for the professional competence formation through the study of a foreign language is necessary in the process of organizing medical education. The article presents the ability of use "e-learning", working with modern platforms and Internet resources. Successful practice of medical vocabulary usage in communication is confirmed by the results of the proposed students' testing and the survey of terms understanding by students and their knowledge about possibility and necessity to work with digital platforms.

Key words: medical English, professional vocabulary, e-learning, educational platform, educational process, digitalization.

Формирование цифровой грамотности сегодня является одним из приоритетных направлений нашей страны, быстро и качественного работать в современном социуме без использования ресурсов сети Интернет не представляется возможным, поскольку глобализация диктует свои условия быстрого взаимодействия. Система образования полностью поменялась, учитывая возможности цифровизации, а именно использования цифровых

платформ, приложений в образовательной среде высшей школы. В медицинских университетах наблюдается тенденция к реализации виртуального обучения, контроля и взаимодействия на платформах. MOODLE сегодня является ресурсов привычным и доказавшим свою эффективность. При таких условиях существует полное взаимодействие, непрерывная коммуникация с результатами обратной связи и поддержки для осуществления образовательного процесса [1; 2; 7].

Формирование иноязычной коммуникативной профессионально-ориентированной компетенции на примере медицинского английского языка становится более интегрированным и многофункциональным. Благодаря различным способам и методам обучения появляется необходимость в новых ресурсах и источниках информации, которые будут наглядными, информативными для студентов медицинского университета. Знание и владение медицинской англоязычной лексикой специалистам позволяют быть конкурентоспособными и осведомленным о результатах проведения последних научных исследований. Такое положение дел позволяет врачам оказывать правильную и своевременную помощь пациентам. В изучении медицинского английского профессиональная лексика играет первостепенную роль [3; 4]. В связи с этим обучающимся необходимо практиковаться в условиях близких к реальным коммуникативным ситуациям. Цифровые ресурсы: Twee – Tweak your lessons with the power of AI (https://twee.com/); Trends (https://trends.rbc.ru/trends/industry/668bba599a79472bf71c43cd) ; the Lancet (https://www.thelancet.com/multimedia) – позволяют преподавателю эффективно работать в рамках предложенных государственных образовательных программ.

Целью данной статьи является определить целесообразность использования цифровых платформ в процессе изучения английского языка в медицинском ВУЗе.

При этом, многие исследования раскрывают особенности работы с медицинской терминологией и особенностями формирования языковых навыков, например: Л. А. Гизятовой и Н.Ф. Плотниковой подчёркивают, что в профессиональной лексике превалирует значительное количество аббревиатур и сокращений, что усложняет восприятие и понимание терминов и базовых слов, встречающихся в медицине [1, с. 70]. А. Я. Рамазанова поясняет, что лексические единицы имеют свой определенный статус и значение медицинская лексика в английском языке, отличаются своим контекстуальным содержанием и имеет свои особенности употребления [3, с. 112]. Следовательно, медицинский английский подразумевает сложную схему, состоящую из различных взаимосвязанных элементов. Обучающиеся зачастую используют ключевые лексические единицы с целью понимания содержания представленного англоязычного контента. Наличие заимствований из латинского и греческого языков способствует быстрому восприятию информации, а

знания англоязычной терминологии помогают правильно интерпретировать и воспринимать через уже известные термины медицинскую информацию.

Для успешного овладения и закрепления профессиональной лексики необходимо использовать различные приемы и способы введения нового материала через цифровые технологии в процессе овладения иностранным языком. Интерактивная цифровая среда и актуальное для цифрового поколения содержание в привычном для обучающихся формате позволяют оптимизировать процесс изучения иностранного языка.

Понятие «e-learning» меняет привычную систему образовании. Благодаря внедрению цифровых образовательных платформ и использованию интернет ресурсов обучающиеся становятся более мотивированными [5], а результаты контроля показывают выше результаты освоения иностранного языка в медицинском ВУЗе. Доступность и динамичность изучение английского в профильных способствует экономии человеческого потенциала и временного ресурса.

Современные технологии являются способом формирования инновационного образовательного пространства в условиях виртуальной среды сети Интернет, состоящее из множества функций, которые определяют интересы, деятельность будущих врачей, ориентированных на помощь людям и сохранение активности и сознательности в жизни пациента. Мы полагаем, что создание такой образовательной среды обеспечивает исследовательский коммуникативных характер деятельности обучающихся, где средством поставленных профессиональных целей является использование иностранного языка в мире виртуально медицины [2, с. 36; 7, с.31].

Важно отметить значимость и практичность онлайн-технологий в современном мире, которые позволят отработать языковые навыки для осуществления эффективного и корректного общения. Модернизация процесса преподавания иностранного языка в университете ориентирована на обучающегося и эффективность использования его временного ресурса с максимальными результатами, полученными в результате образовательной деятельности.

Необходимо определить характеристик образовательных цифровых ресурсов: высокая скорость и доступность получения учебной информации в полном объеме [6, с. 459]; возможность интегрированных форм работы; интерактивность содержания, динамичность, яркость; персонализация.

Все упомянутые выше характеристики позволяют обучающимся непрерывно повышать уровень знаний и умений, при этом уровень мотивации вырастает в связи с актуальными средствами и формами работы на занятиях и в домашних условиях. Следовательно, в получение медицинского образования становиться в приоритете в жизни цифрового поколения, практико-ориентированные задания, реализующиеся через цифровые платформы вызывают интерес и определяют необходимость в формировании коммуникативных умений, позволяющие дальнейшее

профессиональное продвижение и успешное выполнения профессиональных задач [4, с. 48].

В связи с недостаточным содержанием научной исследовательской базы, связанной с изучением и анализом тенденций: цифровизация образовательного процесса медицинских университетов определяется нами как наиболее актуальная и требующая исследования. Было проведено анкетирование среди обучающихся Крымского федерального университета Ордена красного трудового знамени Медицинского института имени С.И. Георгиевского. В данном опросе приняли участие 82 человека – обучающихся первого курса. Основная цель анкетирования определить понимание необходимости изучения медицинской англоязычной лексики при помощи платформ и анализ работы онлайн-технологии, ее эффективность в обучении. Полученные данные показали роль цифровизации в изучении иностранного языка, 88 % респондентов определи эффективность использования современных цифровых ресурсов. Однако 12 % опрошенных осваивают учебную программу с помощью книг, распечатанных материалов и предпочитают работать с бумажными вариантами обучающих материалов, что подтверждает релевантность использования цифровых платформ. Такой результат объясняется тем, что применение современных информационных методов в образовательном процессе широко распространился и соответсует запросу современного медицинского общества, повышая уровень и качество подготовки обучающихся [4, с. 48].

Таким образом, выделив характеристики, описав актуальность использования цифровых технологий на примере ресурсов: Twee – Tweak your lessons with the power of AI (https://twee.com/); Trends (https://trends.rbc.ru/trends/industry/668bba599a79472bf71c43cd); the Lancet (https://www.thelancet.com/multimedia) можем сделать выводы: развитие устной и письменной коммуникативной профессиональной компетенции обеспечивается формированием лексических англоязычных навыков посредством изучения медицинской терминологии на английском языке. Цифровизация способствует развитию научного потенциала и профессионально роста будущих врачей. Представленные цифровые ресурсы могут использоваться одновременно в рамках традиционной организации образовательной среди. Результаты анкетирования подтвердили актуальность и своевременность использование цифровых платформ в процессе изучения английского языка в медицинском ВУЗе.

Список использованных источников

1. Антонова Н. А. Дидактический потенциал модульной программы обучения студентов медицинского вуза иностранному языку / Н. А. Антонова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 2 (55). С 82–85.
2. Гизятова Л. А., Плотникова Н. Ф. Профессиональное ориентированное обучение английскому языку студентов медиков // Казанский лингвистический журнал. – 2019. – №4. – С. 67-72.
3. Галимзянова И. И. Специфика формирования иноязычной коммуникативной

компетентности будущих врачей // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №68-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-formirovaniya-inoyazychnoy-kommunikativnoy-kompetentnosti-buduschih-vrachey (дата обращения: 23.01.2025).

4. Дроздова И. А., Дайнеко И. А. Развитие и формирование коммуникативной компетентности врача как показатель качества современного медицинского образования // The Newman in Foreign policy. – 2016. – №34 (78). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-i-formirovanie-kommunikativnoy-kompetentnosti-vracha-kak-pokazatel-kachestva-sovremennogo-meditsinskogo-obrazovaniya (дата обращения: 23.01.2025).

5. Коннова З. И., Семенова Г.В. Обучение иностранному языку студентов-медиков в рамках технологии виртуальной реальности // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2020. –№2 . – С 18-22.

6. Рамазанова А. Я. Специфика терминологической подготовки иностранных студентов медицинского вуза // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2016. – №1. – С. 112-113.

7. Fan L., Zhu D. Application of Network teaching platform in Medical English teaching // Francis Academic Press. – 2019. – Page: 378-382.

УДК : 811.161 +81 42

ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЦЕДЕНТНЫМ ФЕНОМЕНАМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Т.А. Ященко,

д.филол.н., профессор, Симферополь

Аннотация. В статье представлена методика работы с прецедентными феноменами в практике преподавания русского языка как иностранного. С опорой на понятия прецедентного имени, прецедентной ситуации и прецедентного высказывания раскрываются принципы межкультурной коммуникации при работе с различными дискурсами. Представлены также приемы использования мультимедийного сопровождения.

Ключевые слова: прецедентный феномен, русский язык как иностранный, когнитивная метафора, мультимедийное сопровождение.

Summary. The article presents a methodology for working with precedent phenomena in the practice of teaching Russian as a foreign language. Based on the concepts of a precedent name, precedent situation and precedent statement, the principles of intercultural communication are revealed when working with various discourses. Techniques for using multimedia support are also presented.

Key words: precedent phenomenon, Russian as a foreign language, cognitive metaphor, multimedia support.

В современной методике преподавания иностранных языков актуализируется понятие прецедентных феноменов (ПФ), базирующееся на теории прецедентности, разработанной Ю. Н. Карауловым [2] и получившей развитие в трудах Д. В. Багаевой, Д. Б. Гудкова, В. З. Демьянкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и др. Прецедентные феномены (ПФ) являются ядерными элементами когнитивной базы, то есть совокупности «знаний и представлений», необходимо обязательных для всех членов того или иного лингвокультурного сообщества (В. В. Красных).

В сфере прецедентных феноменов выделяются прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена. Обращение к прецедентным феноменам характерно также для современныз лингвокультурологических исследований [4;6].

Наше исследование строится на основе опыта преподавания курса «История русской цивилизации и культуры», включенного в общую программу изучения русского языка бакалаврами Вилламетского университете (США, штат Орегон, г. Сейлем). Новизна исследования заключается в практической реализации на занятиях по русскому языку лингвокогнитивного анализа в процессе изучения историко-культурологических и художественных текстов, а также «текстов в широком понимании» (по Ю. Н. Караулову), включая такие феномены культуры, как фильм, театральная постановка, литературно-музыкальное произведение.

Данный курс традиционно основывается на базовом учебнике А. Васиса и др., написанном на русском языке с поурочными русско-английскими Словниками [8]. В качестве дополнительного пособия предлагается сборник текстов по русской литературе в переводе на английский язык [5]. Преподаватель может по своему усмотрению расширять рамки изучаемого текстового материала, чем мы активно воспользовались.

В статье представлена методика работы с такими прецедентными феноменами, как прецедентное имя «шапка Мономаха», прецедентная ситуация «венчание на царство» и прецедентное высказывание «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха». Выбор материала обусловлен не только наличием в учебных пособиях соответствующего материала, но и тем фактом, что выражение «шапка Мономаха» глубоко укоренилось в русском языковом сознании.

Последовательность работы с материалом определяется, с одной стороны, логикой изучаемого курса, а с другой стороны, – механизмом формирования когнитивной модели и когнитивной метафоры.

В целом, о шапке Мономаха говорится: 1) как об определённом артефакте; 2) как о символе царской власти в России от правления Ивана III до эпохи Петра Великого, когда на смену шапке Мономаха пришла императорская корона; 3) как об основе метафорического прецедентного высказывания *Ох, тяжела ты, шапка Мономаха*; 4) как о языковой единице, используемой в современном публицистическом дискурсе.

Студенты впервые встречают выражение «шапка Мономаха» при изучении правления Ивана III, который после женитьбы на племяннице византийского императора Софии Палеолог стал считать себя преемником греческих императоров и в торжественных случаях сидел на троне в короне, в так называемой «шапке Мономаха», которую он, по преданию, получил от византийского императора, Константина Мономаха [5]. Однако сама номинация *Мономах* уже известна студентам по ранее пройденному

материалу о государстве Киевская Русь, где в разделе о правлении князя Владимира Мономаха приводится отрывок из его «Поучения», с полным текстом которого в переводе на английский язык студенты могут познакомиться в специальном сборнике [5].

Считаем полезным обратиться также к толкованию имени *мономах* в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «мономах, прозванье, приданное великому князю Владимиру; в народном языке изредка и поныне: государь, царь вообще» [1, с. 957].

В качестве дополнительного чтения рекомендуется найти информацию о самом артефакте Шапка Мономаха, который хранится в Оружейной палате Кремля.

Далее, при изучении периода правления Ивана IV (Ивана Грозного), студентам предлагается просмотр фильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» с субтитрами на английском языке, где очень выразительно представлен обряд венчания Ивана IV на царство.

Важно иметь в виду, что сам обряд коронации, как и представление о сакральности царской власти, являются чужими и чуждыми понятиями для американской культуры, и поэтому полезно показать важность их места в дореволюционной русской культуре.

Замечу также, что обращение к фильму С. Эйзенштейна особенно актуально и потому, что это один из немногих русских режиссёров, работы которого известны американскому студенчеству. Особое внимание при просмотре фильма акцентируется на кадрах, вначале демонстрирующих крупным планом роскошь и достоинство самой «шапки Мономаха», а затем представляющих торжественное «увенчивание» архиепископом Новгородским Пименом молодого царя этой шапкой – короной «царя всея Руси». При этом важно обратить внимание на мгновенные перемены в выражении лица и в речи молодого Ивана (в исполнении Николая Черкасова) после завершения обряда венчания на царство.

Можно обратиться и к особенностям музыкального сопровождения этих кадров (музыка к фильму написана С. Прокофьевым). Итак, посредством восприятия разного типа текстов, студенты усваивают символическое значение «шапки Мономаха» как артефакта.

При изучении периода «Смутного времени» (1584-1613 гг.) демонстрируются фрагменты фильма-оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в постановках Большого театра, а также фрагменты постановки Андрона. Кончаловского в Турине (2010 г.) Внимание студентов снова акцентируется на символике шапки Мономаха как царского венца при появлении Бориса Годунова на площади в Кремле после венчания на царство в Успенском соборе (действие I, сцена 1).

При изучении этого же периода целесообразно обратиться к прецедентному высказыванию «тяжела ты, шапка Мономаха», тем более, что в качестве дополнительного материала им предлагается чтение фрагментов драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (при недостаточном

уровне владения русским языком возможно обращение к переводу на английский язык) [7].

Источником прецедентного высказывания о «тяжести» шапки Мономаха является монолог царя из сцены «Царские палаты» драмы Пушкина «Борис Годунов». После сообщения Шуйского о том, что «в Кракове явился самозванец», называющий себя царевичем Дмитрием, Годунов, оставшись один, произносит монолог: *«ух, тяжело!... дай дух переведу...»*, который и заканчивается фразой: *«так решено: не окажу я страха, – но презирать не должно ничего...* ***ох, тяжела ты, шапка Мономаха»*** [3, с. 268]. Кроме того, на отдельном листке черновой рукописи Пушкина сохранился монолог Самозванца, который предполагалось включить после сцены у монастырской ограды (сцена отсутствует в опубликованном тексте): (...) *Беда тебе, Борис лукавый! Царевич тению кровавой войдёт со мной в твой светлый дом. беда тебе! Главы преступной ты не спасёшь ни покаяньем, ни* ***мономаховым венцом*** [3, с.568].

Именно на материале этого фрагмента прослеживается процесс метафоризации выражения *шапка Мономаха*, когда основная семантика ‘символ царской власти’ осложняется дополнительной семой ‘бремя власти’. Приведенный монолог Самозванца дополняет семантическое содержание выражения *мономахов венец* семой ‘высшая власть как средство самозащиты’.

Обращение к переводу пушкинского текста на английский язык позволяет увидеть, что прецедентное имя *шапка Мономаха* как метафора, отмеченная, безусловно, национальным своеобразием и заключающая богатое лингвокультурологическое содержание, переводится как *crown of monomach* (корона Мономаха):

So i am fast resolved; i’ll show no sign of fear, but let no trifle be ignored. Ah, heavy art thou, crown of monomach! [8, p. 370] перевод на английский язык – Альфред Хейз (Alfred Hayes).

Естественно, что *корона* как метафорический образ монархической власти обладает большей универсальностью. Показательно, что при обсуждении на форуме интернета семантики выражения *шапка Мономаха* (‘власть, груз ответственности политического деятеля’) и возможности его перевода на английский язык один из участников приводит по семантической аналогии цитату из драмы В. Шекспира «Король Генрих 4» (акт 3, сцена 1): *uneasy lies the head that wears a crown* и перевод Бориса Пастернака: *но нет покоя голове в венце* (http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx).

Таким образом, обращение иностранных студентов к классическим дискурсам русской культуры позволяет расширить их лингвокультурологическую компетенцию.

Список использованных источников

1. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: 4 т. Т.IV - М.: Русский язык, 1980. – 1088с.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
3. Пушкин А.С. Борис Годунов // ПСС, т.5 -м.: АН СССР, 1957. – С. 217–328.
4. Шаклеин В. М. Историческая лингвокультурология текста: монография. – М.: РУДН, 2012. – 632 с.
5. Medieval Russia's Epics, Chronicles, And Tales. Edited, Translated, and with Introduction By Serge A. Zenkovsky. Vanderbilt University. - E.P. Dutton, New York, 1974. – 526 p.
6. Shaklein V.M. Cultural Linguistics: Past. Present. Future: monograph, B&M Publishing, San Francisco, California. 198 pp. // Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Монография. – Сан-Франциско (Калифорния): B&M Publishing, 2013. 198 с.
7. The Poems, Prose, And Plays Of Alexander Pushkin. -Selected and Edited, with an Introduction By Avrahm Yarmolinsky. – The Modern Library, New York. 333-411 p.
8. Vasys A., Crypton C., Jaswolsky H., Jaskin G. Russian Area Reader. – National Textbook Company, a Division of NTC Publishing Group. – Lincolnwood, Illinois, USA, 1996. – 484 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аликаева Э. С., *обучающийся бакалавриата, кафедра английской и русской филологии, ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Аносова Н. Э., *к.пед.н., доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург*

Баканова М. В.*, к.пед.н., доцент кафедры «Перевод и переводоведение», ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза*

Бармина Е. А., *к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Берджанян К.Г. *к.филол.н., заведующая отделом иностранной литературы, литературных связей и теории литературы института литературы имени М. Абегяна НАН РА, доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, Ереван, Республика Армения*

Болдова Т. А., *д.пед.н., профессор кафедры Л5, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры русский язык как иностранный в профессиональном обучении, Московский педагогический государственный университет, Москва*

Васько С. В., *обучающийся, кафедра прикладной лингвистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Вдовиченко Е. А., *к.филол.н., доцент кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово*

Велилаева Л. Р., *к.филол.н., доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь*

Велулаева Э.Н., *обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь*

Вихриева И. В., *к.филол.н., ст. преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Воротникова А. Э., *д.филол.н., профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж*

Герасименко И. В., *к.филол.н., доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», Санкт-Петербург*

Глухенькая Л. Н., *к.филол.н., ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Гончарова В. В., *к.пед.н., доцент, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург*

Гриняк О. А., *к. филол. наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Демидова О. Р., *д.фил.н., профессор, профессор кафедры философии, ЛГУ имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Джапарова Э. К., *к.филол.н., доцент кафедры английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Дунаева С. Л., *ассистент кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Зайналова М. И., *обучающаяся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Зебек З. А., *обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Зейтуллаев Э. С., *обучающийся бакалавриата, кафедра английской филологии, ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Зеленцова М.Г.*, к.филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Иванашко Ю. П., *к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, Благовещенск*

Искендарова Е. Х.*, учитель английского языка, центр иностранных языков, Азербайджанский государственный университет, Баку, Азербайджан*

Каменева В. А., *д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин, Институт образования, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово*

Карбань Н. А., *обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Катышева В. А., *аспирант, кафедра перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск*

Кирпикова В. В., *ассистент кафедры иностранных языков, Филологический факультет, Амурский государственный университет,*

Благовещенск

Коган Ю. Н., *к. пед. н., доцент, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт филологии, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Козлова А.Т.*, к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Козлова С. А.*, аспирант, кафедра философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Коханова А. В., *к. фил. н., доцент, доцент кафедры международных коммуникаций СПбГУПТД, г.Санкт-Петербург*

Кузьменко С. А., *к. филол. н., доцент департамента лингвистики факультета международных отношений, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь*

Лапин Д. В., *обучающийся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Липатова В. И.*, обучающийся бакалариата, кафедра «Перевод и переводоведение», ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза*

Лиховидова И.В., *магистрант, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Лукинова М. Ю., *к. филол.н., доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Лучникова А. В., *ст. преподаватель кафедры Английского языка профессиональной коммуникации фСИЯЛ ПГНИУ, Пермь*

Лушникова Г. И., *д.филол.н., профессор кафедры филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта*

Мамбетова А. С., *обучающаяся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Мамедлаева А. Ф., *обучающаяся магистратуры, кафедра теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Мартынюк Е. Б., *ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Матвеев М. О., *к.филол.н., старший преподаватель Департамента иностранных языков, Московский физико-технический институт, Москва*

Медведева М. С., *к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков,*

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Мезенцева Г. И., *к.филол.н., доцент департамента лингвистики факультета международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*

Му Цзянмин, *аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва*

Назарова И. Г., *к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

Нгуен Лан Ань, *аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва*

Новикова М.А., *д.филол.н., профессор, Институт филологии Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Норец М. В., *д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Овсянникова Д.В., *обучающаяся бакалавриата, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь*

Осадчая Т. Ю., *к.пед.н., доцент кафедры теории и практики перевода и зарубежной филологии, Севастопольский государственный университет, Севастополь*

Оспанова Ф.А., *к.филол.н., ст. преподаватель, Евразийский национальный университет, Астана, Казахстан*

Пашкова М. Н., *к.пед.н., ст. преподаватель кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Перепечкина С. Е., *к.филол.н., доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Петрова О. В., *к.филол.н., начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Пишкова Е. Ю., *к.филол.н., доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Потапова М. А., *обучающаяся магистратуры, кафедра теории и*

практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Резеньков В. Е., *аспирант кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Рейнова А. В., *специалист, кафедра теории и практики перевода, ассистент, кафедра основ российской государственности, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Рубцова А. В., *д.педа.н., профессор, директор Высшей школы лингвистики и педагогики, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург*

Саркисян И.В., *к.филол.н., доцент кафедры зарубежной литературы, Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, Ереван*

Сеитмамбетова С. Р., *обучающийся магистратуры, ГБОУВО РК «Крымский инженерно–педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Скидан О.Г., *к.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь*

Смирнова Л.Е., *к.пед.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин и физического воспитания, Медицинский университет Петровского (РНЦХ им. Б.В. Петровского), Москва*

Соловьева М. С., *обучающийся магистратуры, департамент лингвистики факультета международных отношений, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь*

Станевич С. В., *к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

Стрельцов А.А., *к.пед.н., доцент кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Сухарева Е. Е., *к.филол.н., доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, факультет романо-германской филологии, Воронежский государственный университет, Воронеж*

Татевосян Р.В., *д.филол.н., профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета имени Хачатура Абовяна, Ереван*

Толекова Н. М., *обучающаяся магистратуры, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*

Трофимова В. С., *к.филол.н., независимый исследователь, Санкт-Петербург*

Трофимова Т. Н., *соискатель, Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), Москва*

Тулуп Э.Р., *к.филол.н., доцент кафедры английской филологии, ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Тюков В. С., *аспирант кафедры иностранный языков, Амурский государственный университет, Благовещенск*

Филиппова И.Н., *д.филол.н., профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Государственный университет просвещения, Москва*

Фомин Э. В., *к.филол.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары*

Чачи Н. М., *обучающийся магистратуры, кафедра английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь*

Шастина Е.М., *д.филол.н., профессор кафедры немецкой филологии, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга*

Шерстнёва Е. С., *к.филол.н., доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет», Магадан*

Шипова Е. А., *аспирант, преподаватель кафедры английского языка как второго, Московский государственный лингвистический университет, Москва*

Штифюк Н.А., *обучающийся магистратуры, теория перевода и межкультурная коммуникация, кафедра английской филологии, ГБОУ РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь*

Ягенич Л. В., *к.пед.н., заведующий кафедрой иностранных языков №4, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Ященко Т.А., *д.филол.н., профессор, Симферополь*

СОДЕРЖАНИЕ

Аносова Н. Э., Рубцова А. В.
Использование цифровых технологий в образовательном пространстве вузов……3
Баканова М. В., Липатова В. И.
Морская лексика и особенности ее передачи на русский язык (на материале серии фильмов «Пираты Карибского моря»)……7
Бармина Е.А., Зебек З. А.
Особенности и виды аудиовизуального перевода……11
Bejanyan K.
One poem translated into russian by Brusov……..15
Болдова Т. А., Нгуен Лан Ань
Интеграция цифровых инструментов в процесс обучения иностранным языкам в динамике новых технологий……19
Вдовиченко Е. А., Каменева В. А.
Функции франкоязычного политического медиатекста, ориентированного на детей……..23
Велилаева Л. Р., Новикова М.А., Чачи Н. М.
Современный детективный роман в англоязычной литературе……..26
Вихриева И. В., Пашкова М. Н.
Об онлайн-курсе «РКИ для профессиональных целей: сельское хозяйство»……..29
Воротникова А. Э.
Проблемы передачи национально-культурной специфики в переводе романа Г. Грасса «Жестяной барабан»……35
Глухенькая Л. Н.
Образ фауста в поэзии К.Э. Даффи: интерпретация и перевод…….40
Глухенькая Л. Н., Карбань Н. А.
Сравнительный анализ вариантов перевода научной фантастики: нейросеть против человека……49
Гончарова В. В.
Виртуальная выполненная справка лексикографической направленности библиотек Франции……..55
Демидова О. Р.
Перевод и комментарий: о точках соприкосновения…….59
Джапарова Э. К., Зейтуллаев Э. С.
Лексические и стилистические особенности перевода романа «Дневник памяти» Николаса Спаркса на русский язык: анализ переводческих решений и их влияние на восприятие текста……..64
Джапарова Э. К., Сеитмамбетова С. Р.
Дистопия как вызов для переводчика: лексические и стилистические особенности мира «Голодных игр» С. Коллинз…….67

Дунаева С. Л.
Концепция свободы воли А. Бергсона как вариант переосмысления концепции воли к жизни А. Шопенгауэра……..72
Зеленцова М.Г., Козлова А.Т.
Обратимость термина как критерий надежности понимания текста……77
Зеленцова М. Г., Лапин Д. В.
Сопоставительный анализ переводов рок-музыкальных терминов и профессионализмов электрогитаристов (на материале англо-, немецко- и русскоязычных интернет-форумов)…….82
Искендарова Е. Х.
Speech structure of a lıterary text…….87
Катышева В. А.
Метафорическая модель «technical concept – clothes»: переводческий и когнитивный аспекты……90
Кирпикова В. В.
Особенности передачи имен собственных при переводе художественной литературы с китайского языка на русский…….95
Коган Ю. Н., Гриняк О. А.
Статус переводческих аспектов в обучении английскому языку……100
Козлова С. А.
Воплощение концептов женственности и мужественности в фильме «Гусарская баллада» как пример многоуровневого культурного перевода……103
Коханова А. В.
Отражение масштабности миграции в британской прессе…….107
Кузьменко С. А., Соловьева М. С.
Международный контракт как разновидность примарно–когнитивного текста: переводческая рефлексия……...112
Лиховидова И.В.
Фразеологизмы в политическом дискурсе…….117
Лукинова М. Ю., Зайналова М. И.
Точность и креативность в переводе мультфильмов (на примере мультфильма «Душа»)……121
Лукинова М. Ю., Мамбетова А. С.
Перевод и локализация визуальных новелл (на материале серии игр «Ace attorney» на английском, русском и японском языках)…….125
Лукинова М. Ю., Мамедлаева А. Ф.
Анализ перевода комического с английского на русский (на материале отрывков выступлений стендап-комиков)…….129
Лукинова М. Ю., Потапова М. А.
Особенности перевода молодежного сленга (на материале сериала «Девушка-гик»)……134

Лучникова А. В.
Психологические барьеры при изучении иностранного языка и способы их преодоления на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе……..138
Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.
Культурно маркированная лексика в художественном тексте: перевод с английского на русский язык……..144
Мартынюк Е. Б., Лукинова М. Ю.
Стратегия перевода реалий и иноязычных вкраплений в травелоге (на материале романа П. Мейла «Год в провансе»)……149
Матвеев М. О., Шипова Е. А.
Нейропедагогические подходы к обучению переводу: теория и практика……156
Медведева М. С.
Особенности функционирования англицизмов в текстах рекламы на различных носителях и примеры использования иноязычных вкраплений……...158
Мезенцева Г. И., Толекова Н. М.
Специфика перевода образных средств в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»……163
Му Цзянмин
Особенности игровых методов обучения иностранному языку российских студентов……..168
Норец М. В. , Рейнова А. В.
Выявление мифов и стереотипов о России в англоязычном тексте. Переводческий комментарий как инструмент противодействия фальсификации исторической правды……..173
Ospanova F.A.
Cultural differences in language interpretation……..177
Петрова О. В.
О прагматической адаптации при переводе и межкультурной компетенции студента-переводчика……181
Пишкова Е. Ю., Васько С. В.
Специфика функционирования терминов в сфере международного туризма……186
Резеньков В. Е.
Название как результат осознания: культурный перевод явлений с уровня события на уровень осмысления……191
Саркисян И.В.
Реалии в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и их перевод на армянский язык……195
Скидан О.Г., Овсянникова Д.В.
Фантазийная картина мира романа Н. Геймана «The graveyard book» и ее воссоздание в русскоязычном переводе……197

Смирнова Л.Е.
Интегрированное обучение иностранным языкам……202
Станевич С. В., Назарова И. Г.
Из истории латинских, греческих, арабских переводов средневековой медицинской литературы……207
Стрельцов А.А.
Особенности перевода геральдических описаний в романах XIX в. на немецкий язык……212
Сухарева Е. Е., Перепечкина С. Е.
Особенности перевода и локализации текстового контента веб-сайтов (на примере сайта компании rws)……217
Татевосян Р.В.
«Еврейская мелодия» Лермонтова в армянских переводах……225
Трофимова В. С., Трофимова Т. Н.
Первые публикации повести «Нигилистка» С. В. Ковалевской на шведском и английском языках: проблема оригинала и перевода……229
Тулуп Э.Р.
Особенности передачи имен собственных в цикле романов Дж.К. Роулинг……..234
Тулуп Э. Р., Аликаева Э. С.
Интерпретация перевода художественного текста по произведениям Т. С. Элиота…….……238
Тулуп Э.Р., Велулаева Э.Н.
Социолингвистические особенности англоязычного текста рекламы…...241
Тулуп Э.Р., Штифюк Н.А.
Стилевые доминанты Р. Баха и их художественная выраженность в литературных приемах……..….244
Тюков В. С., Иванашко Ю. П.
Способы передачи фразеологических единиц при переводе китайских сказок на русский язык (на примере китайских народных сказок о фениксе)……...249
Филиппова И.Н.
Невосполнимые потери интерсемиотического перевода…….253
Фомин Э. В.
О семантической идентичности переводных библионимов……...258
Шастина Е.М.
Рихард вильгельм – «посредник двух миров»……..……262
Шерстнёва Е. С., Герасименко И. В.
Многообразие семантических вариаций как основа для повторных переводов…….……267
Ягенич Л. В.
Развитие коммуникативных умений у обучающихся медицинского университета посредством онлайн-технологий……...273

Ященко Т.А.
Обращение к прецедентным феноменам при изучении текстов на иностранном языке……..277

Сведения об авторах……..…282

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы IX международной научно-практической конференции

Симферополь
24 – 25 апреля 2025 года

Верстка Н. К. Норец

в авторской редакции

Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 20.23 Тираж 100 экз. Заказ №

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2.
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru